Научное Студенческое Общество
Юридического факультета МГУ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
МГУ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

ПАЧОЛИ КОНСАЛТИНГ

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВА-2023

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

6–7 ОКТЯБРЯ 2023 г.
МОСКВА, МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

Научное Студенческое Общество
Юридического факультета МГУ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПАЧОЛИ КОНСАЛТИНГ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВА – 2023

Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова

6–7 октября 2023 г.

Сборник тезисов

МАКС ПРЕСС

МОСКВА – 2025

УДК 340
ББК 67.0
Э15

https://elibrary.ru/vbfnsa

Оргкомитет:
А.С. Мартынов, А.Г. Мартиросян, А.Д. Настеко, А.К. Назарова

Ответственный редактор: *А.С. Мартынов*

Э15 **Эволюция права – 2023** : Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых ; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 6–7 октября 2023 г. : Сборник тезисов / Отв. ред. – А.С. Мартынов. – Москва : МАКС Пресс, 2025. – 352 с.
ISBN 978-5-317-07372-5
https://doi.org/10.29003/m4371.978-5-317-07372-5

Публикуются тезисы участников конференции «Эволюция права – 2023», проходившей на юридическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в 2023 году и посвященной изучению актуальных вопросов развития и трансформации правовой системы.

Данный сборник тезисов содержит в себе доклады участников конференции, преимущественно студентов, по различным отраслям права.

Сборник тезисов конференции «Эволюция права – 2023» представляет собой ценный исследовательский материал для студентов юридических вузов, профессиональных юристов, исследователей и всех лиц, интересующихся современными тенденциями и вызовами в развитии правовой системы.

УДК 340
ББК 67.0

Evolution of law – 2023 : **C**onference “Evolution of Law – 2023”; Moscow, Lomonosov Moscow State University, 6–7, October, 2023 : Collection of abstracts. – Moscow : MAKS Press, 2025. – 352 p.
ISBN 978-5-317-07372-5
https://doi.org/10.29003/m4371.978-5-317-07372-5

Abstracts of the participants of the conference “Evolution of Law – 2023”, held at the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University are published. Lomonosov in 2023 and dedicated to the study of current issues of development and transformation of the legal system.

This collection of abstracts contains reports from conference participants, mainly students, on various areas of law.

The collection of abstracts from the conference “Evolution of Law – 2023” represents valuable research material for law students, professional lawyers, researchers and all persons interested in modern trends and challenges in the development of the legal system.

ISBN 978-5-317-07372-5

© Авторы, 2025
© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2025

Содержание

Круглый стол по теме «Безопасность детей в сети Интернет»

Дибиров О.К. Защита сознания и психического здоровья детей в интернет просторах от негативного воздействия 9
Кузнецов Г.Д., Пряхина Д.Е. Ограничение информационных прав детей как средство их защиты в цифровой среде 12
Муталимова А.Р. 15
Садыкова К.В. Безопасность несовершеннолетних в сети Интернет 18
Харченко Е.В. Сексуализированная эксплуатация детей посредством демонстрации и взаимодействия в социальных сетях: постановка проблемы 20

Круглый стол по теме «Вызовы теории и истории права в условиях структурных изменений общества»

Белоусова М.А. Теория и практика наложения телесных наказаний церковным судом в России XVIII в. 25
Волкова В.Р. Феномен правовых последствий 28
Герасимова В.С. Нюрнбергский процесс: главный суд XX века 30
Герк Д.И. Один из возможных взглядов на онтологию права 32
Гуликов К.К. Правосознание молодежи как фактор укрепления российской государственности 35
Денисов С.Ю. Теоретико-правовые проблемы выделения новых отраслей российского права .. 37
Дунаева А.Д. Соотношение понятий права и идеологии в современных реалиях 40
Игнатенкова А.Ю. Политические и правовые традиции народовластия в истории российской государственности 42
Исычко Д.В. Право, как инструмент социального регулирования 45
Малыхина В.В. Правосубъектность искусственного интеллекта: вызовы современности 47
Меликовский А.А. Р. Паунд о проблеме юридического мышления в контексте разрыва «права в книгах» и «права в действии» 51
Морозов А.Р. Роль эмпирического подхода к исследованию права в государственно-правовой теории Д. Блэка 53
Османов А.Ш. Культурный релятивизм и этноцентризм как важный фактор развития общества и государства 56
Пьячева П.Ю. Структурные изменения в современном российском обществе: основные факторы и черты 59
Рагуев А.А. Вопросы формирования политического правосознания у молодого поколения в Республике Беларусь 61
Нормативное обеспечение экспертизы проектов нормативных правовых актов: теория, практика, проблемы 64
Тазаян Р.Л. Государственное строительство в эпоху глобальных политико-правовых трансформаций 67
Чистякова С.Е. Правовое значение и сущность Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года 71
Шакиров А.М. Особенности развития концепции поколений прав человека в условиях цифровизации 74
Шахбанова Г.Н. Государственность как фундамент многонациональной России 76

Круглый стол по теме «Гражданское право в социальном государстве»

Бердников П.К. Механизмы защиты права «семейного поручителя» в сравнительно-правовой перспективе 81
Деркач И.Г. Конституционная модальность института публичного договора через призму «социализации» частного права 83
Корчагина К.С. Ограничение свободы договора в целях защиты слабой стороны 87
Матаева О.С. Допустимая степень влияния государства и императивных норм на гражданско-правовые отношения 90

Мосъкина Ю.М. Институт несостоятельности (банкротства) организации: правовое положение работников и защита их прав как приоритет в социальном государстве. 92
Муравьев С.А. Противоправность — основание вменения в деликтном и договорном праве? . . 95
Портной Д.А. Возражение о неисполнении (exceptio non adimpleti contractus) в российском праве 98
Федорова В.В. Возможности правовой охраны «исполнения» артиста, участвующего в съемках с использованием технологии «motion capture», с точки зрения гражданского законодательства 100
Эпов И.С. К вопросу о процессуальной защите арендатора от действий недобросовестного арендодателя при заключении договора аренды недвижимого имущества 103
Юраш А.Ю. Слабая сторона договора как проявление социального государства 108

Круглый стол по теме
«Командировки дистанционного работника — произвол работодателя или неизбежная необходимость?»

Воробьева Р.А. Командировки дистанционного работника — произвол работодателя или необходимость? 113
Зуева Е.С. К вопросу о правовом регулировании командировки дистанционного работника . . . 116
Мушков А.А. Командировки дистанционного работника — произвол работодателя или необходимость? 118

Круглый стол по теме
«Криминалистика глазами молодых ученых?»

Ветрова А.Д. Актуальные направления использования искусственного интеллекта в криминалистической экспертизе 123
Волкова С.С. Типология личности преступников в сфере компьютерной информации 126
Полежаева К.О. Комплексная судебная экспертиза предметов религиозного назначения по делам о хищениях: постановка проблемы 129
Рожнова Е.О. Особенности идентификации человека с применением систем распознавания лиц, разработанных на основе искусственного интеллекта 132
Хлебникова А.В. Некоторые особенности расследования преступлений в сфере компьютерной информации 134
Цветкова А.Д. Компьютерный почерк как новый вид цифровых следов в криминалистике . . 137

Круглый стол по теме
«Медиация и med-arb в системе альтернативных способов разрешения споров»

Алексеева К.Ю. Институт обязательной медиации как альтернативный способ разрешения семейных споров 143
Иванов Е.М. К вопросу об эффективности Med-Arb как альтернативного способа разрешения споров 147
Князева А.С. Мед-арб по спорам в сфере искусства: новеллы и перспективы 151
Котенева В.А. Сущность медиации как способа урегулирования споров: российский и зарубежный опыт 154
Лопатин Е.И. О перспективах рецепции института посредника по защите прав «потребителей нотариальных услуг» в России 157
Мартынов А.С. Преждевременный правовой футуризм или опасения по поводу широкого внедрения искусственного интеллекта в АРС 159
Сайгидомаров М.Ш. Участие адвоката в альтернативных способах разрешения споров о разделе имущества супругов 162

Круглый стол по теме
«Международное право и глобальные вызовы»

Афанасьев А.О. Евразийское трудовое право: вызовы и перспективы в эпоху глобализации . . . 167
Дощатов А.А. Перспективы реализации Повестки в области устойчивого развития в Евразийском экономическом союзе 170
Израловский Н.Р. Международные нормы о достойной заработной плате 173

Ковтунов Д.И. Аспекты реформирования международного права как глобальный вызов сообществу ... 176
Петрова А.С. Перспективы обращения в китайские арбитражные центры в санкционных условиях ... 178
Шмакова А.Д. Определение агрессии в киберпространстве ... 181

Круглый стол по теме
«Обеспечение безопасности граждан и организаций в условиях кибератак»

Абдулмуталибова У.М. Основные угрозы безопасности киберпространства в условиях цифровизации общества и виртуализации реальности ... 187
Магомедова М.А. Киберпреступления в банковской сфере ... 190
Олифиренко А.А. Развитие результативной кибербезопасности и парадигма цифровой устойчивости ... 193
Станиславов П.Д. Защита информации в корпоративных сетях ... 197

Круглый стол по теме
«Обеспечение права потребителей на информацию о товаре»

Быданцев Г.А. Обеспечение права потребителей на информацию о товаре: соотношение коммерческой информации и информации, доступной для потребителя ... 203
Высоцкий П.П. Обеспечение права потребителей на информацию о товаре: теоретические и законодательные основы ... 205
Пешкова А.Е., Колесников В.В. Обеспечение права потребителей на информацию о товаре 208
Стаханова Л.С., Чобанян А.К. Проблема заключения притворных сделок на онлайн пространствах ... 211

Круглый стол по теме
«Проблемы законодательства в сфере медицины»

Белов Д.К. К вопросу о правовом режиме органов и тканей человека и правовой составляющей их трансплантации ... 217
Гаджимурадова Г.Х. Особенности возникновения уголовно-правовых рисков при оказании медицинской помощи ... 219
Дементеева Е.С. Современные проблемы правового регулирования защиты конфиденциальности геномной информации на отечественном и международном уровне: анализ и решение ... 221
Исаева М.М. Этические проблемы трансплантации органов и тканей: отечественный и зарубежный опыт ... 224
Коган Н.Е. Правовые проблемы проведения геномных и генетических исследований ... 227
Мустафазаде Р.Ш. Нужен ли России закон о противодействии нарушению санитарно-эпидемиологических правил? ... 231
Наумов А.А. Правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий ... 233
... 235
Яхъяева П.М. Проблемы медицинского права в эстетической косметологии ... 238

Круглый стол по теме
«Проблемы защиты персональных данных»

Гончаров А.Е. Административно-правовое регулирование защиты персональных данных в цифровой среде ... 243
Фроловская Ю.И., Ермакова А.А. Телеграм–бот — сервис личных данных ... 245
Жидкова М.П. Правовые аспекты защиты персональных данных в эпоху цифровой экономики 248
Волокитина Л.С., Завязкина А.Р. О некоторых проблемах защиты персональных данных в контексте статьи 137 УК РФ ... 250
Минаева В.В. Проблемы обработки персональных данных при использовании нейросетей на примере ChatGPT ... 252
Овчаренко В.Д. Проблемы трансграничной передачи персональных данных в свете последних изменений законодательства ... 256
Старикова А.Д. Защита персональных данных школьника ... 258

Степанова В.С. Возможность отнесения персональных данных к объектам гражданских прав в целях их защиты ... 261
Фроловская В.Д. Правовое определение персональных данных в международном контексте: анализ подходов Японии и России ... 264
Целищев А.А. О юридическом обосновании деятельности негосударственной организации как оператора государственной единой биометрической системы ... 267

Круглый стол по теме
«Проблемы реализации конституционных прав и свобод в сети Интернет»

Атажанов Ф.С. Право на доступ к информации о деятельности судов в контексте электронного правосудия ... 273
Ковалева Н.С. Онлайн-акции как форма реализации права на проведение публичных мероприятий в сети Интернет ... 276
Котельников Д.А. Частноправовые ограничения свободы слова в социальных сетях ... 278
Лещинский М.И. Неограниченное перенаправление электронных сообщений как угроза реализации конституционного права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в сети «Интернет» ... 281
Макарычева К.С. Реализация культурных прав человека и гражданина в сети Интернет ... 284
Тутынин И.Д. Горизонтальный эффект конституционных прав: деалгоритмизация политических сообщений ... 286
Увайсов К.М. Антитеррористический пакет Яровой. Последствия его реализации ... 289
Чечулин Р.С. Геолокация пользователей и неприкосновенность частной жизни: все тайное становится явным? ... 291

Круглый стол по теме
«Финансовое право в цифровой среде»

Денисов И.М. Цифровизация специальных налоговых режимов ... 297
Китайский Д.В. Приостановление международного обмена финансовой информацией: последствия и перспективы ... 299
Костюшко А.Е. Коллизия регулирования криптобирж и банков? ... 302
Магомалиев Д.М. Криптовалюта как предмет преступлений против собственности ... 304
Полевая Д.А. Финансово-правовое регулирование цифрового рубля в России ... 307

Уголовно-правовое направление

Аликберов К.Д. Особенности уголовно-правовой охраны культурного наследия на международном уровне ... 311
Атаев У.А. К вопросам о некоторых проблемах в правовой регламентации задержания ... 319
Заманов И.Х. Применение электронных средств слежения за поведением лиц, отбывающих наказание в виде ограничения свободы, а также на подозреваемых и обвиняемых, находящихся под домашним арестом ... 321
Заозёрова В.С. особенности наркопреступности несовершеннолетних в Алтайском крае и ее предупреждение ... 325
Коротченко А.В. Сталкинг — невидимое уголовное преступление ... 329
Маадзиев Р.М. Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ и уголовно-правовые средства борьбы с ними ... 333
Пирметова А.А. Хищения на железнодорожном транспорте: современное состояние преступности и тенденции ее развития в России ... 336
Рябцева А.К. Преступления в сфере компьютерной информации: особенности доказательств ... 340
Сеперов К.С. Незаконное проникновение в помещение, либо иное хранилище как квалифицирующий признак хищений, совершаемых на железнодорожном транспорте ... 343
Унгунова О.О. Взаимная вина в уголовном праве РФ ... 347
Шамсудинова П.М. Социальное неблагополучие и насилие в семье и их влияние на поеступность (криминологическое исследование) ... 350

Круглый стол по теме «Безопасность детей в сети Интернет»

Безопасность детей в сети Интернет

Защита сознания и психического здоровья детей в интернет просторах от негативного воздействия

Дибиров Омар Кайтмазович

Студент (бакалавр)

Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста РФ)

E-mail: ataullinaaa@gmail.com

При непрерывном совершенствовании информационных и коммуникационных технологий, а также при развитии информационного общества человечество, однако, сталкивается с девиантными проявлениями в цифровой среде, которые зачастую носят деструктивный характер. Особенно данному влиянию, в силу несформировавшейся психики и недостатка жизненного опыта, подвержены несовершеннолетние граждане.

Потребность в информации — одна из естественных потребностей человека. Она формируется с рождения ребенка и до самой старости. И все же, необходимо признать, что любая информация оказывает на человека различное воздействие, которое может быть не только полезным, но и губительным [1, с. 2]. Таким образом, в современном мире остро стоит проблема того, как защитить детей и подростков от угроз, исходящих, в том числе, из Интернета.

Выделим главные Интернет-угрозы, с которыми может столкнуться ребенок в Интернет-пространстве: заражение ПК вредоносными программами при скачивании файлов или просмотре страниц в интернете, что влечет за собой не только сбой работы техники, но и возможное хищение денежных средств и информации; нарушение нормального развития и нравственных ценностей детей и подростков вследствие деструктивного влияния, киберзависимость [2, с. 165].

Также в России, как и по всему миру, широко распространяется такое явление, как кибербуллинг, в связи с чем необходимо ограничивать доступа информации в сети Интернет для детей и подростков [3, с. 78].

С этой целью действует Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ. Он регулирует отношения, связанные с защитой детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, в том числе от такой информации, содержащейся в информационной продукции [4]. Также достаточно серьезную проблему представляет тот факт, что, играя в онлайн-игры, неокрепшая детская психика может перенести жестокость, убийство и другие антисоциальные поступки в реальную жизнь. Одна из довольно распространенных за последние десятилетия смертельная игра «Синий кит». Целесообразным видится включить в Доктрину информационной безопасности Российской Федерации положения об основах правового обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних. С 1 февраля 2021 года вступили в силу изменения в законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5], которыми вводятся новые обязанности для социальных сетей в отношении контроля за опасным контентом [6, с. 24],

На основе этого, изучив нормативную правовую базу в сфере обеспечения безопасности детей в сети «Интернет», можно отметить следующие проблемы:

1. Незаконное распространение порнографических материалов в сети интернет оказывает травмирующее воздействие на психику детей и подростков.

2. Отсутствует правовое регулирование использования смартфонов школьниками. Закона, запрещающего ученикам всех школ Российской Федерации пользоваться телефонами в границах учебного заведения, нет.

3. Фильтрация, являющаяся основным механизмом защиты детей от вредоносного контента в Российской Федерации, не до конца выполняет свои задачи. Такие поисковые системы как Google и Яндекс недостаточно фильтруют запрещенный контент в поисковой выдаче.

4. Законодательно не урегулированы вопросы, связанные с музыкальным творчеством. В федеральном законе «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» содержится запрет на распространение информации, побуждающей «детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству, либо жизни и (или) здоровью иных лиц. . . ». Однако музыкальные композиции и соответствующие им видеоклипы в достаточной степени не соблюдают нормы закона в этой сфере.

5. Отсутствует обязательная возрастная идентификация пользователей в социальных сетях, что приводит к получению деструктивной, причиняющей вред здоровью и развитию ребенка, информации.

Таким образом, информационная безопасность детей и подростков — это элемент защищенности подрастающего поколения, при котором риск, связанный с причинением информацией, в том числе распространенной в сети Интернет, вреда для здоровья и развития отсутствует. В целях защиты сознания и психического здоровья детей в информационной среде необходимо:

- создать безопасную среду для работы в интернете, для обеспечения, сохранения и укрепления социального, психологического, духовного, нравственного и физического здоровья детей и подростков;
- создать организационно-правовые механизмы защиты от распространения вредоносной информации в сети Интернет;
- применять программные и аппаратные системы фильтрации информации;
- проводить профилактику интернет-зависимости и игромании среди детей и подростков;
- необходимо разработать для работников образовательной сферы и родителей специальные курсы по проблемам информационной безопасности и защите от вредоносной информации ребенка;
- родителям и работникам образовательных организаций необходимо обеспечивать ПК, к которым имеют доступ дети и подростки, программным продуктом, обеспечивающим фильтрацию сайтов;
- необходимо также заключение договора между образовательным учреждением и провайдером об обеспечении контент-фильтрации;

- стоит регулярно проводить мониторинг социальных сетей в интернете по выявлению распространения материалов булинга, экстремизма, порнографии, наркотических средств и психотропных веществ и пр.

Несмотря на то, что большинство родителей не осознают влияния информации из сети Интернет, которым подвергаются дети и подростки, без привлечения педагогов достигнуть положительных результатов будет невозможно.

Источники и литература

[1] Баранова Е.К. Информационная безопасность и защита информации: учебное пособие / Е.К. Баранова, А.В. Бабаш. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: РИОР: ИНФРА-М, 2022. — 336 с.

[2] Контылева Е.А. Информационная безопасность детей и подростков в сети интернет // Энергетические установки и технологии. — 2023. — Т. 9, № 1. — С. 165–172.

[3] Галоян Е.О. Информационно-психологическая безопасность детей при работе в интернете // Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию. — 2022. — № 1. — С. 78–82.

[4] О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 28.04.2023) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133757/ (Дата обращения: 23.05.2023).

[5] Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (последняя редакция) // СПС. КонсультантПлюс.

[6] Рыжов В.Б. Правовое регулирование и государственное администрирование поведения несовершеннолетних пользователей в Интернете: зарубежный опыт // NB: Административное право и практика администрирования. — 2020. — №1. — С.24–30.

Безопасность детей в сети Интернет

Ограничение информационных прав детей как средство их защиты в цифровой среде

Кузнецов Г.Д.[1], Пряхина Д.Е.[2]

Санкт-Петербургский государственный университет, Юридический факультет, Санкт-Петербург, Россия,

1 — E-mail: st078679@student.spbu.ru; 2 — E-mail: st075956@student.spbu.ru

Сегодня дети вовлечены в цифровое пространство с ранних лет. Вместе с безграничными возможностями, которые предоставляет сеть «Интернет», возникают новые вызовы и ограничения, особенно в отношении информационных прав детей. использование цифровой среды детьми сопровождается определенными рисками и ограничениями.

Существует большое количество определения термина «цифровые права». Как точно отметил В.Д. Зорькин, цифровые права человека — это конкретизация универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации [1]. В настоящее время право на доступ в сеть «Интернет» не нашло отражения в Конституции РФ [2, с. 868], но ООН признала доступ в сеть «Интернет» неотъемлемым правом человека [3].

Малолетние являются субъектами информационных правоотношений, и в различных НПА закреплены их права в информационной среде. К таким правам в том числе можно отнести: право на доступ к информации (ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ), право на свободу слова и выражения мнения (ст. 29 Конституции РФ), право на защиту персональных данных и конфиденциальность (ФЗ «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.), право на участие в культурной жизни (ст. 44 Конституции РФ).

Изучив права малолетних необходимо также и обозначить ограничения, цель которых заключается в защите детей. В статье 12 Конвенции ООН указано, что дети должны свободно выражать свои взгляды во всех затрагивающих их вопросах, и этим взглядам должно уделяться должное внимание. Однако, в то же время, статья 17 говорит о том, что государства-участники должны обеспечивать защиту детей от информации, которая может нанести вред их здоровью и развитию. Необходимо отметить, что ограничения, равно как и права не систематизированы, поэтому ниже будут перечислены предполагаемые ограничения. Так, малолетние сталкиваются со следующими ограничениями.

Вредоносный контент и угроза безопасности. К такому контенту следует отнести материалы, содержащие насилие, порнографию, наркотики, экстремизм. В Российской Федерации это регулируется установлением возрастного ограничения. В статье 5 Закона о защите детей Федерального закона указано, какая информация запрещена для распространения среди детей, а какая разрешена исключительно по достижению определенного возраста. Существует множество методов, обеспечивающих

безопасность детей в сети «Интернет». Один из них — ограничение доступа к определенным сайтам и контенту. Для этого можно использовать специальные программы, которые блокируют доступ к определенным сайтам или категориям сайтов. Также возможно использовать фильтры контента, которые позволяют блокировать определенные типы контента. Однако необходимо понимать, что такие методы не являются абсолютно надежными. Дети могут обходить блокировки, используя прокси-серверы или другие методы. Поэтому, на мой взгляд, помимо ограничения доступа к определенному контенту, необходимо также обучать детей правильному поведению в сети «Интернет».

Реклама. Дети в силу своего возраста крайне подвержены влиянию со стороны не только друзей, но и даже незнакомых людей, в особенности информации, полученной из телевизора или иного источника распространения вещания. Злоупотребление рекламой перед несовершеннолетними заключается в неправомерных и недобросовестных действиях рекламодателей, направленных на манипуляцию детскими предпочтениями, формирование негативных установок или создание завышенных ожиданий. Согласно ст. 6 ФЗ «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ не допускается реклама, злоупотребляющая доверием малолетнего, вызывающего чрезмерное желание приобрести товар или вызывающего комплекс неполноценности. Дети, не обладая достаточным опытом и критическим мышлением, могут быть особенно уязвимыми перед такими манипуляциями, которые могут влиять на их поведение, и именно поэтому необходимо ограничивать просмотр определенной рекламы малолетним.

Компьютерная аддикция. В силу своего возраста ребенок лишен возможности критически оценить полученную информацию, поэтому требуется ограничить информацию, вовлекающую ребенка в игровые сервисы, пропагандирующую постоянное использование гаджетов [4, с. 362]. Однако необходимо учитывать, что регулирование компьютерной аддикции должно быть пропорциональным и сбалансированным, чтобы не ограничить полноценное использование информационных технологий и не подавить творческий и образовательный потенциал, который они могут предложить. В борьбе с компьютерной аддикцией преуспел Китай, ограничив возможность использования сети «Интернет» несовершеннолетними [5, с. 14].

Подводя итог, необходимо указать, что ограничения и возможности информационных прав детей в цифровой среде представляют собой сложную проблему, требующую внимания и решения со стороны общества и государства. Государство должно разрабатывать эффективные механизмы правового регулирования, которые обеспечат защиту детей от вредоносного контента и угроз, а также будут содействовать развитию их информационных возможностей. Однако при применении ограничений необходимо соблюдать баланс между защитой детей и их правом на свободу информации и развитие. Применение соответствующих ограничений должно осуществляться в рамках сбалансированного подхода, который учитывает интересы и потребности детей, а также обеспечивает их свободу и защиту от вредных воздействий и неподходящего контента в информационной среде.

Источники и литература

[1] Зорькин: Задача государства — признавать и защищать цифровые права граждан // Российская газета [Электронный ресурс] // URL: https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html?ysclid=ljmf1utqge414065472

[2] Информационное право : учебник для вузов / М.А. Федотов [и др.]; под ред. М.А. Федотова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2023. — 868 с. [Электронный ресурс] // URL: https://urait.ru/bcode/530260

[3] Исследование World Wide Web Foundation: Рейтинг развития Интернета в странах мира в 2014 году // Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс] // URL: http://gtmarket.ru/news/2015/02/05/7084.

[4] Филиппов, В.М. Права и интересы детей в информационной сфере: реформирование законодательства / В.М. Филиппов, В.В. Насонкин, Ч. Папачараламбоус // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Право. — 2019. — Т. 10, № 2. — С. 362–372.

[5] Уведомление Государственного управления печати и публикаций Китая о дальнейшем ужесточении контроля с целью эффективного предотвращения пристрастия несовершеннолетних к онлайн-играм [Электронный ресурс] // URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2021-09/01/content_5634661.htm

Студент (специалист)

Безопасность детей в сети Интернет

Влияние СМИ, телевидения и сети «Интернет» на преступность среди несовершеннолетних

Муталимова Айшат Рубеновна

Российская правовая академия МЮ РФ, Северо-Кавказский филиал, Юридический факультет, Кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Махачкала, Россия

E-mail: kalimathalitovna@gmail.com

Практически каждый человек в настоящее время ежедневно пользуется различными средствами массовой информации, такими как телевидение или Интернет. Интернет является особенно популярным источником информации, на который люди полагаются. В связи с этим, информация, которую мы потребляем, оказывает на нас влияние. СМИ выполняют важную функцию в предоставлении людям новостей и событий, происходящих в мире, будь то новости или дискуссии на определенные темы [6, с. 124].

Прямая связь между количеством времени, проводимым подростками перед телевизором, и их склонностью к агрессии в последующие годы была подтверждена научными исследованиями, проведенными как зарубежными, так и отечественными учеными. Группа исследователей из Колумбийского университета и Нью-Йоркского института психиатрии провела масштабное и длительное исследование, продолжавшееся 17 лет, и в результате представила убедительные данные. Они проанализировали жизненные пути 700 подростков и выявили, что подростки, которые проводят более трех часов в день перед телевизором, совершают насильственные преступления в пять раз чаще, чем их сверстники, не проводящие так много времени перед экраном [2].

Используя конкретный случай, произошедший 7 февраля 2012 года, можно наблюдать, как фильмы могут оказывать сильное влияние на определенную часть населения и приводить к повторению действий главных героев в реальной жизни. В данном случае, под впечатлением от фильма «Ограбление по-итальянски», 14-летний подросток из Тулы решил воплотить подобную сцену в реальности. Он надел черную маску-шапку с прорезями для глаз и направился в магазин «Эконом», где угрожающе показал продавцу нож и потребовал деньги. В результате своего преступления, подросток смог похитить сумму в размере 1000 рублей, которую затем потратил в кафе. Однако, спустя некоторое время, он осознал всю серьезность своих поступков и решил сдаться в полицию. Прибыв в ближайшее полицейское управление, он признался в содеянном и вернул похищенные деньги. В итоге, суд назначил подростку наказание в виде годичного лишения свободы [9].

Ученые из разных стран провели исследования, которые подтвердили непосредственную связь между количеством времени, которое подростки проводят перед телевизором, и их склонностью к агрессии во взрослом возрасте. Одна группа американских исследователей взяла на себя задачу тщательно изучить жизненный путь 700 подростков, и их наблюдения позволили убедительно доказать, что подростки, которые проводят более трех часов в день за просмотром телепрограмм, совершают насильственные преступления — включая убийства, драки и ограбления — в пять раз чаще, чем их сверстники [1, с. 91].

Как сообщает известный американский журнал, детективы и боевики часто становятся источником вдохновения для совершения преступлений. В ходе опроса, проведенного среди 208 заключенных, 9 из 10 признались, что изучили новые криминальные методы, наблюдая за преступлениями, которые показываются по телевидению. Из них 4 из 10 даже попытались повторить преступления, увиденные на экране [7].

Наличие научно-просветительских веб-ресурсов и образовательных интернет-сайтов имеет неоспоримое положительное воздействие на успеваемость школьников и студентов, способствуя расширению их кругозора, повышению уровня поучения знаний и развитию навыков [8].

Тем не менее, следует учесть, что отсутствие надлежащего контроля над поведением подростков в онлайн пространстве может привести к серьезным проблемам, связанным с их психическим здоровьем и нарушениями личности, а также отрицательным влиянием на их взаимоотношения с родителями и обществом. Это может привести к неуравновешенному состоянию подростков, проявлению у них агрессивности и склонности к совершению правонарушений [9].

Проблема обеспечения безопасности информации, которая может нанести вред несовершеннолетним, вызывает серьезные опасения. В современном мире, где высокие технологии играют огромную роль, вопрос информационной безопасности подростков требует немедленного решения [4].

Опыт, полученный в зарубежных странах, говорит о том, что Китайская Народная Республика разработала наиболее эффективную систему регулирования информационного пространства в Интернете. Проект, известный как «Золотой щит», представляет собой всестороннюю и масштабную систему цензуры, применяемую национальными властями. Она ограничивает доступ к информации, как входящей в Китай, так и выходящей за его пределы, а также контролирует передвижение информации внутри страны.

В соответствии с китайским законодательством, все веб-сайты, размещенные на серверах внутри страны, должны иметь специальное разрешение для публикации новостей, полученных из источников за рубежом. Существует определенный список новостных порталов, которым разрешено распространять новости через Интернет. Остальные веб-ресурсы могут предоставлять только информацию, уже опубликованную официальными СМИ. Поставщики интернет-услуг также обязаны контролировать информацию, которую они публикуют. Несоблюдение любого из этих требований может привести к блокировке доступа к веб-сайту [5].

Тем не менее, Китай не сумел полностью ограничить доступ к внешнему интернету, а скорее создал условия, делающие его использование крайне неудобным. Самоцензура населения стала наиболее эффективным способом соблюдения этих ограничений [3].

Таким образом, можно заключить, что идеального способа защиты от опасностей интернета не существует. Для максимальной безопасности ребенка в онлайн-пространстве необходимо проводить комплексную работу, включающую в себя активное участие и правильное использование технических средств со стороны родителей.

Для обеспечения защиты детей в интернете родители могут принять следующие меры. В первую очередь, они должны поддерживать постоянный диалог с ребенком, интересоваться, какие сайты он посещает, с кем он общается и что он предпочитает смотреть в онлайн-пространстве. Такой подход поможет родителям быть в курсе событий и быстро заметить потенциально опасные ситуации.

Очень важно установить правила пользования интернетом для всех электронных устройств в семье. Это поможет детям осознать свои границы и ограничения при использовании сети. Родители также должны рассказывать детям о возможных опасностях в интернете и последствиях, которые они могут повлечь за собой.

Чтобы обезопасить детей в сети, родители должны установить на их мобильные устройства и компьютеры антивирусные программы, а также использовать средства фильтрации контента и нежелательных сообщений. Это поможет предотвратить неприятные ситуации и защитить детей от нежелательного воздействия.

Кроме того, родители должны объяснить детям необходимость защиты своей персональной информации. Они должны понимать, что любая личная информация, которую они выкладывают в интернет, может быть использована другими людьми против них.

Источники и литература

[1] Брайант, Дж. Основы воздействия СМИ / Дж. Брайант, С. Томпсон — М.: Вильямс, 2004. 419 с.
[2] Виноградова, С.М. Психологические последствия демонстрации сцен насилия на телевидении / С.М. Виноградова, Г.С. Мельник // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Социология. — 2009. — № 4. — С. 194–204.
[3] Изоляция рунета: почему Россия не сможет повторить путь Китая [Электронный ресурс] URL: https://www.securitylab.ru/blog/personal/homoadminus/349561.php
[4] Макашева, М.Н. Криминогенное влияние сети Интернет на преступное поведение несовершеннолетних // StudNet. — 2020. — № 3. — С. 404–406.
[5] Маркин, Н.М. Проблемы ограничения распространения информации в сети Интернет // Правовая информатика. — 2013. — № 3. — С. 58–62.
[6] Мушреф, В.С. Влияние СМИ и Интернета на психику современного человека / В.С. Мушреф, А.Э. Григорян // Влияние новейших технологий, СМИ и Интернета на образование, язык и культуру: сб. науч. ст. ученых РЭУ им. Плеханова. — М., 2022.
[7] Психологическое воздейсвие сцен насилия и жестокости на телевизионную аудиторию: [Электронный ресурс] URL: https://studme.org/47171/psihologiya/psihologicheskoe_vozdeystvie_stsen_nasiliya_zhestokosti_televizionnuyu_auditoriyu#annot_32
[8] Сейедтахер, Г.А. Влияние Интернета на морально-духовные и социальные ценности студенческой молодежи : автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Душанбе. 2013. — 24 с.
[9] Смирнова, Ю.А. Влияние средств массовой информации на подростковую преступность / Ю.А. Смирнова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 8 (47). — С. 233–236.

Безопасность детей в сети Интернет

Безопасность несовершеннолетних в сети Интернет

Садыкова Карина Владимировна

E-mail: kalimathalitovna@gmail.com

В настоящее время любой пользователь сети Интернет имеет неограниченный доступ к большому объёму информации. С одной стороны, открывается безграничный доступ к информации, что, безусловно, упрощает возможность получения новых знаний, коммуникацию и связь между пользователями, а с другой, — возникает вопрос о безопасности бескрайней информации для несовершеннолетних.

При неограниченном использовании сети Интернет, несовершеннолетние лица могут столкнуться со следующими угрозами:

- небезопасные Интернет-контакты;
- материалы деструктивного характера (например, сцены насилия, причинения вреда живым существам);
- агрессивное поведение, преследование в сети Интернет и др.

При этом, каждый пятый российский школьник (23% респондентов) становится жертвой Интернет-агрессии (далее также кибербуллинг). По результатам опроса, доля тех, кого обижают в сообщениях или комментариях в сети Интернет, с возрастом только увеличивается: 19% в начальной школе и 35% — в средней [1].

В российской правовой доктрине безопасность несовершеннолетних лиц в сети Интернет начали целенаправленно изучать относительно недавно несмотря на то, что данная проблема является крайне актуальной и острой. Среди отечественных исследователей, изучали данную проблему С.И. Анохин, А.Г. Богомолова, М.С. Власенко, Е.А. Кот, С.Е. Ковалева, Л.А. Найденова, И.С. Осипов, У.У. Парфентьев, Д.Е. Щипанова и др.

Полагаем, что правоохранительным органам необходимо осуществлять в школах, техникумах, колледжах и других коллективах, объединяющих несовершеннолетних и их законных представителей, профилактические мероприятия, направленные на освещение существующих способов защиты несовершеннолетних от нежелательного Интернет-контента.

Полагаем, что к мерам профилактического характера могут быть отнесены:

- разъяснительные беседы о существующих информационных угрозах в сети Интернет;
- рекомендации родителям по установлению ограничений по времени активности в сети Интернет и возможности блокировки потенциально угрожающих Интернересурсов, аккаунтов пользователей;
- контролировать общение в сети Интернет и пресекать общение с незнакомыми лицами, в том числе не допускать их перехода в реальные встречи;

- рекомендации о недопустимости передачи несовершеннолетними данных о себе, своей семье, в том числе персональной информации;
- рекомендации об этике поведения в сети Интернет (не провоцировать конфликтных ситуации, не выражать в агрессию в сети Интернет);
- рекомендации по мерам недопущения и предотвращения агрессии в отношении себя в сети Интернет.

Отметим, что на сегодняшний день существуют программные обеспечения, организующие родительский контроль в сфере Интернет-пользования (например, «Ютуб Детям», «Где мои дети», статистика используемых приложений, посещаемых ресурсов и др.). Информационная безопасность несовершеннолетних — это состояние уверенности в защищённости детей, при отсутствии риска причинения какоголибо вреда их здоровью, психике, духовному и нравственному развитию. Для этого в Российской Федерации действует закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [2], который запрещает распространять ненадлежащую информацию среди детей, в соответствии с их возрастом.

Таким образом, обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних — это совместная деятельность самих несовершеннолетних, их родителей (законных представителей), а также органов правоохранительной деятельности и государства в целом.

Источники и литература

[1] Безопасность детей в Интернете [Электронный ресурс]. URL: https://externat.foxford.ru/polezno-znat/bezopasnost-detej-v-internete (дата обращения 20.09.2023).

[2] Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Российская газета, 31.12.2010, № 297.

Безопасность детей в сети Интернет

Сексуализированная эксплуатация детей посредством демонстрации и взаимодействия в социальных сетях: постановка проблемы

Харченко Екатерина Викторовна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра уголовного права и криминологии, Москва, Россия

E-mail: kharch.khater@gmail.com

На протяжении многих лет одним из наиболее беспокоящих общественность вопросов была защита детей от сексуального насилия, совершаемого посредством сети Интернет, что весьма естественно, поскольку столь широкое социальное взаимодействие неизбежно может приобретать сексуальный характер, и ограждать детей от него во всех формах является необходимым условием их благополучия. В 2023 году проблема сексуального насилия над детьми в онлайн пространствах стала носить еще более угрожающий характер — так, в связи с изоляцией во время пандемии COVID-19 все больше сексуальных посягательств перешло в сеть Интернет, и число малолетних жертв резко возросло [2, с. 2]. Ученые указывают на двойственную роль виртуального пространства в преступлениях, связанных с половой неприкосновенностью несовершеннолетних: с одной стороны, имеются преимущества, связанные с сохранностью криминальных следов и возможностями для эффективной следственной работы, с другой — колоссально широкий доступ к жертвам будущих преступлений, анонимность виновных, сложности в идентификации непристойного и причиняющего вред поведения [3, с. 19].

Безусловно логичным и адекватным ответом со стороны организаций, за счет функционирования которых существует современное онлайн пространство, стала политика нулевой толерантности по отношению к контенту, который прямо или косвенно поощряет насилие над детьми, запрещая просмотр, поиск и создание соответствующих материалов. Так, например, социальная сеть TikTok (Тикток) автоматически блокирует (удаляет) видео, которые напрямую упоминают сексуальное насилие над детьми, а также предусматривает возможность для пользователей уведомлять о тех видео, которые кажутся им подозрительными с точки зрения безопасности несовершеннолетних [4]; соответствующие правила установлены и на других онлайн платформах. Это означает, что на данный момент найти в открытом доступе материалы, открыто изображающие или поддерживающие посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних, если не невозможно, то по крайней мере довольно затруднительно. В свою очередь, это подталкивает лиц, заинтересованных в подобном контенте, к разработке более изощренных способов для его продвижения и (или) сокрытия от блокировки, а в отдельных случаях — к поиску иных возможностей для получения сексуального удовлетворения через фото-, видеоизображения или онлайн взаимодействие с детьми, которое не вызовет подозрений у других пользователей и разработчиков.

В связи с этим все большее число людей учитывают то, какое впечатление может производить в целом присутствие детей в онлайн пространстве на людей, которые ищут

с ними опасного контакта. Постепенно уходят в прошлое те времена, где публикация фото или видео ребенка приравнивалась к появлению его в обществе в реальном мире — долгосрочный характер материалов, возможность их сохранения, копирования, изменения затрагивают особые интересы несовершеннолетних, связанных с соблюдением права на личность. Защита чести и достоинства ребенка, которые могут быть существенно нарушены колоссальным цифровым следом, оставленным родителями в сети Интернет, привели к концептуализации такого явления как sharenting (англ. *share* — *делиться*, *parenting* — воспитание) — практики публикации родителями конфиденциального контента о своих детях в социальных сетях [1, с. 3]. Можно утверждать, что отсутствие согласия ребенка на публикацию его изображений или иных личных данных никогда не делало sharenting этичным, но именно развитие сети Интернет позволило по-настоящему осознать все его риски. Параллельно с этим, контент с детьми, создаваемый родителями, переживает настоящий расцвет — его популярность поддерживается, на первый взгляд, весьма обоснованным предположением о том, что онлайн безопасность ребенка преимущественно заключается в благоразумном поведении его родителей.

Представляется, что описанные негативные стороны виртуального пространства становятся особенно тревожащими при совокупности названных факторов: стремлении заинтересованных лиц в поиске нестандартного взаимодействия с несовершеннолетними в целях сексуального удовлетворения и неограниченных возможностей родителей создавать фото, видео и иные материалы, сосредоточенные вокруг детей, которые зачастую запечатлеваются в самом уязвимом для себя положении.

Пока подавляющее число советов по Интернет-безопасности несовершеннолетних сосредотачиваются вокруг ответственного контроля за использованием социальных сетей уязвимыми группами, возникает особая проблема в нередких случаях, когда сами родители становятся причиной преднамеренного поставления в опасность ребенка. Такие ситуации можно именовать сексуализированной эксплуатацией несовершеннолетних в социальных сетях, которая протекает посредством демонстрации малолетних или подростков через фотографии или видео, иной контент, создаваемый родителями, а также организуемого родителями общения с подписчиками *специально* для целей удовлетворения нездорового сексуального интереса широкой аудитории. Называть подобные действия эксплуатацией разумно постольку, поскольку зачастую они мотивированы денежными и иными материальными преимуществами, которые извлекают родители, создавая Интернет-популярность для своих детей [5]. Ее сексуализированный характер продиктован тем, что хотя публикуемый контент не является порнографическим или даже эротическим, а совершаемые с ребенком действия и (или) взаимодействие с подписчиками не направлены на прямое удовлетворение сексуальных потребностей, они очевидно служат данной цели. Такую активность в социальных сетях правильно было бы назвать *имеющий сексуальный подтекст* (англ. *sexually suggestive*), и она может выражаться в следующем поведении:

- публикация фото- и (или) видеоизображений, запечатлевающих ребенка в социально приемлемом, но уязвимом виде: с малым количеством одежды, принимающим ванну, поедающим определенные виды продуктов в определенной манере, которая могла бы быть расценена как сексуально объективизирующая, будь она выполнена половозрелым человеком;
- продажа по высокой стоимости буклетов фото- и (или) видеоизображений, запечатлевающих непосредственно ребенка, несмотря на предполагаемое отсутствие

у широкой аудитории интереса к покупке таких материалов (например, данный несовершеннолетний не является знаменитостью);

- создание онлайн корзин (например, от сервиса Amazon) специально для подписчиков в социальных сетях, для приобретения последними товаров несовершеннолетнему, в большинстве из которых ребенок не заинтересован, не может нуждаться или которые не являются подходящими для детского возраста (как-то: косметика, украшения, обувь на высоком каблуке, нижнее белье и т.д.);
- положительная реакция («лайки», одобрительные комментарии) в ответ на сообщения, комментарии других пользователей, имеющие открыто сексуальный или романтический характер, а также непредпринятие мер по удалению таких сообщений, комментариев;
- организация трансляций или видеозвонков с подписчиками, избранными «покровителями» по высокой цене, которые также, в принципе, не должны пользоваться спросом у широкой аудитории в силу того, что предлагается купить время общения с обычным ребенком.

Это лишь некоторые из действий, способные поставить ребенка в положение эксплуатируемого лица, не только напрямую подвергая риску проституирования, но и травмируя масштабом психического насилия. Здесь важно отметить, что рассматриваемое посягательство не должно ставиться в один ряд с «составами опасности» в уголовно-правовом смысле: вред ребенку уже безусловно должен считаться причиненным от самого факта осознанного вовлечения родителями во взаимодействие с множеством лиц, заинтересованных в сексуальном контакте с несовершеннолетними, и получения экономических преимуществ от этого.

Исследуемое поведение представляет собой уникальный вызов для уголовного судопроизводства. Несмотря на хорошо известное размытое понимание «развратных действий» для целей ст. 135 УК РФ в российском уголовном праве, общественная опасность рассматриваемого деяния проистекает в первую очередь из общественных стандартов по поводу того, что считается приемлемым в социальных сетях, а что нет. Отсутствие существенной разницы между объективной стороной сексуализированной эксплуатации и типичным примером sharing контента кардинально усложняет стандарты доказывания, поскольку создает необходимость буквально «залезать в голову» родителям, выясняя их интеллектуальное и волевое отношение к тем социальным связям, которые сформировали юные блогеры с их подачи. Однако высокая общественная опасность и серьезные и длительные последствия, на наш взгляд, должны стать сигналом для начала эмпирического изучения распространенности таких посягательств и совершенствования судебно-следственной практики.

Источники и литература

[1] Brosch A. When the child is born into the Internet: Sharenting as a growing trend among parents on Facebook. 2016.
[2] Europol. Exploiting isolation: Offenders and victims of online child sexual abuse during the COVID-19 pandemic // European Union Agency for Law Enforcement Cooperation. 2020.
[3] Mitchell K.J., Boyd D. Understanding the role of technology in the commercial sexual exploitation of children: the perspective of law enforcement. 2014.
[4] Preventing child sexual abuse on TikTok // URL: https://www.tiktok.com/safety/en/prevent-csam/
[5] Модельный закон «О противодействии торговле людьми» (принят на тридцатом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ Постановлением от 3 апреля 2008 г. № 30-11). URL: https://base.spinform.ru

Круглый стол по теме «Вызовы теории и истории права в условиях структурных изменений общества»

Вызовы теории и истории права
в условиях структурных изменений общества

Теория и практика наложения телесных наказаний церковным судом в России XVIII в.

Белоусова Марина Андреевна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра истории государства и права, Москва, Россия

E-mail: generalvpered@icloud.com

В рамках традиции изучения истории церковного правосудия в Российской империи вопрос телесных наказаний как церковноправовой санкции оказался достаточно острым. Он заключался не в том, применялись ли Церковью телесные наказания: на государственническом этапе развития Церкви, в том числе и в России, они, без сомнения, назначались (в виде «побоев», по терминологии Н. Евреинова [1, с. 33]). В первой половине XVIII века наблюдались многочисленные свидетельства назначения Синодом «жестокого плетьми наказания» за, например, суеверия и ложные видения.

По мнению профессора Н.С. Суворова, телесные наказания проникли в русский церковный суд в XVII веке после принятия Соборного Уложения и были тесно связаны с процессом огосударствления Церкви [2, с. 145]. Канонисты долгое время пытались определить, имела ли она право их применять, и, соответственно, можно ли относить телесные наказания, назначавшиеся повелениями духовной власти, к церковным наказаниям (прещениям). В. Кипарисов в своей работе «О церковной дисциплине» подробно разбирает эту проблему [3, с. 234–237]. 27 апостольским правилом было установлено, что бьющий «верных согрешающих или неверных обидевших» священнослужитель извергается из священного чина. Однако толкование этого правила было неоднозначным: касался запрет только тех, кто бьёт в качестве личной мести или клирикам запрещено даже применять телесные наказания в виде мер поддержания церковной дисциплины? Аристин и Зонара воспринимали запрет ограничительно, не замечая в формулировке апостольского правила прямого запрета на телесные наказания. Из содержания правил VII Вселенского и Двукратного соборов вытекает противоположное — священникам и епископам бить провинившихся строго запрещено, даже в качестве дисциплинарной меры и даже не собственноручно.

В самом деле такое мнение соответствует образу и назначению Церкви — ещё Иоанн Златоуст отмечал, что «христианам преимущественно пред всеми запрещается впадающих в грех исправлять насилием» [4, с. 408].

Таким образом, телесные наказания нельзя отнести к собственно церковным. Несмотря на то, что они назначались церковной властью (Святейшим Синодом или духовными консисториями), правильнее считать их светскими по своему содержанию.

Н.С. Суворов, совершенно точно отмечая, что телесные наказания не имеют никакого отношения к церковным канонам [2, с. 148], приводит, думается, не слишком подходящий пример понимания русским имперским правительством неправильности употребления духовенством телесных наказаний.

Он пишет о сенатском указе 1761 года, изданном в связи со ставшими известными бесчинствами священника Нагибина в частности и Тобольской Духовной Консистории вообще, как о предписании Церкви воздерживаться от телесных наказаний, пользуясь «мечом духовным». На самом деле в этом указе речь идёт о банальном нарушении полномочий, выразившемся в задержании и содержании в железах крестьян, заподозренных в расколе. Дело дошло до высокой инстанции из-за того, что разнузданные действия духовных властей привели к самосожжению раскольников и народным волнениям. На самом деле, действия Тобольской Консистории были бюрократическим злоупотреблением, а не церковным наказанием.

Однако в духовном правительстве действительно считалось неприемлемым применение телесных наказаний по приговору духовного суда. 17 октября 1744 года Святейшим Синодом был издан приказ по доношению митрополита Ростовского Арсения, который принял решение о публичном наказании кнутом прихожан своей епархии, дерзнувших вступить в брак, состоя в родстве. Синод отметил, что «духовным персонам определять кровавое наказание чинить весьма неприлично». В случае, если преосвященный находит, что, согласно императорским указам, преступник подлежит телесному наказанию, то последний должен быть отправлен в соответствующую канцелярию, где наказание будет определено и исполнено.

Такое «миролюбивое» мнение не мешало самому Синоду назначать телесные наказания для тех, кто подлежал им в соответствии с законодательством. Так, например, в 1748 году по решению Синода был наказан плетьми нещадно и отправлен в тягчайшие монастырские труды крестьянин Захаров, обличённый в чтении тетради под названием «Сон Пресвятой Богородицы» (в суеверии).

Необходимо также отметить, что практически всегда отправка в монастырскую ссылку в XVIII веке предварялась телесным наказанием по мере тяжести проступка или пола и возраста преступника (розги, батоги, плети и кнут).

Рекомендация не назначать телесные наказания духовным судом не была воспринята и нижестоящими инстанциями. Телесные наказания продолжали назначаться церковными властями, исполняясь при духовных консисториях [5, с. 229]. В большинстве случаев они применялись в отношении духовенства: духовное начальство не стеснялось христианскими способами поддержания дисциплины среди подчинённых, подвергая их наказаниям от заковывания «в чепи» до публичного битья плетьми. Это продолжалось официально до запрета телесных наказаний по отношению к духовным лицам в 1767 году, и неофициально — много дольше [6, с. 327].

Но духовная власть могла применять телесные наказания по отношению к мирянам, подлежащим церковному суду, как минимум к простолюдинам [6, с. 328]. Данные меры налагались за так называемые плотские преступления — блуд и прелюбодеяние, второбрачие и незаконное брачное сожительство — в качестве замены длительных (7 и более лет) епитимий [5, с. 230].

По словам Н.С. Суворова, такая замена производилась для устрашения и позора. Думается, дело было не всегда так — часто епитимья подразумевала отсылку в монастырь на ощутимый срок, и хозяйство вследствие этого могло разориться без кормильца. Замена епитимьи штрафом также часто была непосильной для семьи, и представитель податного сословия был вынужден расплачиваться за нарушение церковной дисциплины тем, что имел, то есть подлежал наказанию на теле. Профессор А. Лебедев отмечает, что в Белгородской епархии длительные прелюбодейные епитимьи было принято заменять для простолюдинов более короткой физической расправой — «для их же удобства» [6, с. 329].

Синод пытался бороться и с этим явлением, напоминая ещё в 1734 году, например, Санкт-Петербургскому Духовному правлению, что по церковным канонам телесные наказания прелюбодеев относятся к ведомству светского суда, а духовный должен заботиться только о брачном разводе. Однако, как было указано выше, данные увещевания не имели результата.

С переходом к началу XIX века фактически всех духовных преступлений, за которые могло быть назначено телесное наказание, в ведомство светского суда, эти наказания в качестве санкции, налагаемой Церковью, исчезают окончательно.

Таким образом, в XVIII веке в Российской империи телесные наказания налагались во всех инстанциях духовного суда, хотя и не принадлежали к числу церковных прещений. Однако с течением времени Святейший Синод пришёл к осознанию недопустимости назначения и исполнения подобных санкций в духовном ведомстве, что выразилось в постепенном изживании этого вида наказаний из церковной практики.

Источники и литература

[1] Евреинов Н. История телесных наказаний в России. 1917.
[2] Суворов Н.С. О церковных наказаниях. СПб., 1876.
[3] Кипарисов В. О церковной дисциплине. Сергиев Посад, 1897.
[4] Полное собрание творений святого Иоанна Златоуста в двенадцати томах. Т. 1. СПб., 1898.
[5] Попов А.В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904.
[6] Лебедев А. Применение наказаний в среде духовенства Белогородской епархии XVIII века // Русская старина. 1892. Т. 73. С. 313–338.

Вызовы теории и истории права
в условиях структурных изменений общества

Феномен правовых последствий

Волкова Валерия Руслановна

Аспирант

Академия управления МВД России, Москва, Россия

E-mail: volkova-valeru@bk.ru

Практически каждый из нас ежедневно совершает множество юридически значимых действий, порой даже не задумываясь об этом. Действуя в рамках правового поля, наши деяния (действия или бездействия) являются юридическими фактами, т.е. такими фактами, с которыми норма права связывает наступление указанных в ней юридических последствий [1, с. 243]. В определенных ситуациях наступление правовых последствий влекут не единоличные юридические факты, а их сочетание, которое в теории права именуется юридическим составом [2, с. 62].

Стоит отметить, что несмотря на частое употребление термина «правовые последствия», законодательного или доктринального его определения не выработано до настоящего времени. С философских позиций, а также основываясь на семантическом анализе данного понятия, под последствиями целесообразно понимать следствие (результат) чего-либо, а прилагательное «правовые» подчеркивает, что они основаны на существующих правовых нормах.

До сих пор в теории права не создано единой цельной концепции правовых последствий, не определено их место в правовой системе. Изучая сущность данного правового феномена и его соотношение со смежными понятиями и категориями, мы выразили солидарность с позицией Н.А. Трусова о возможности рассматривать правовые последствия как правовую категорию [4, с. 422].

Такое видение правовых последствий разумно, на наш взгляд, в рамках широко подхода к пониманию их сущности. В рамках узкого подхода считаем возможным трактовать правовые последствия как основанный на правовых нормах и обусловленный совершением юридического факта (юридического состава) результат преобразования содержания правового статуса адресатов правовых предписаний.

Зачастую правовые последствия в обыденном правопонимании рассматриваются как что-то негативное, неблагоприятное, связанное с совершением правонарушения [3]. Однако такое видение существенно сужает содержание сущности данной правовой категории, а ведь правовые последствия зачастую носят позитивный характер, т.е. влекут возникновение субъективных прав или освобождение от юридических обязанностей.

Правовые последствия являются многоаспектной правовой категорией, их многополярность четко прослеживается при детальном анализе различных форм правореализации. Не существует исчерпывающего перечня позитивных и негативных правовых последствий, законодательство меняется, а вместе с ним меняются различные права и обязанности, которые могут возникнуть, преобразоваться или прекратиться для субъектов конкретных правоотношений в связи с совершением ими юридически значимых

действий. Таким образом, тема правовых последствий является важной и интересной для теории права, в связи с чем требует детального изучения для дальнейшего создания правовой концепции.

Источники и литература

[1] Иоффе О.С., Шаргородский, М.Д. Вопросы теории права // Юридическая литература. М., 1961.
[2] Тебряев А.А. Юридический состав — основание правопреемства // Terra Linguistica. 2010.
[3] Толстик В.А. Пределы пересмотра правовых последствий // Правовые последствия: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 26–27 мая 2022 года) / под общ. ред. В.А. Толстика. — Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2022. — С. 81–91.
[4] Трусов Н.А. Об актуальности исследования феномена правовых последствий // Правовые последствия: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 26–27 мая 2022 года) / под общ. ред. В.А. Толстика. — Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2022. — С. 420–426.

Вызовы теории и истории права
в условиях структурных изменений общества

Нюрнбергский процесс: главный суд XX века

Герасимова Виктория Сергеевна

Студент (специалист)

Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Международно-правовой факультет, Москва, Россия

E-mail: vg045593@gmail.com

Идея наказания над виновными в развязывании войны и совершившими военные преступления воплотилась уже не в первый раз. Похожий процесс, ставший «предвестником» Нюрнберга («Лейпцигский трибунал»), совершался уже после завершения Первой мировой войны, но тогда среди обвиняемых были только исполнители, когда на Нюрнбергском процессе обвинялись уже по-настоящему виновные в содеянном.

Уже в первые годы войны ни одна из стран Антигитлеровской коалиции не сомневалась, что лидеры Германии понесут наказание за все злодеяния, которые совершили, после чего начал рождаться Нюрнбергский процесс. По решению Лондонской конференции были выдвинуты 24 обвиняемых по совершению следующих преступлений: преступления против мира (развязывание войны), военные преступления (убийство населения, разграбление культурных ценностей), преступления против человечности (уничтожение народов, создание «лагерей смерти») [1, с. 316].

Сегодня процесс вызывает множество вопросов. Одни из главных: кого надо было судить за жестокость и развязывание войны? Всех ли осудили? Перед ответом на поставленные выше вопросы, стоит вспомнить слова начальника Верховного главнокомандования вермахта В. Кейтеля «Для меня невозможно одно: возлагать вину на солдата, чтобы тем самым снять ответственность с тех, кто занимал самые высшие посты. Это не только не соответствовало бы истине, но было бы и недостойно. . . » [2], на которые обвинитель ответил ему, что независимо от того, кто отдавал приказ и кто его выполнял, за такие жестокие действия преступником является каждый. Значит это должны были быть генералы и офицеры всех чинов, солдаты, медицинские работники, принимавшие участие в экспериментах, проводимых в концлагерях, при чем, стоит заметить, что это должны были быть представители всех стран, участвующих в страшной войне на стороне фашистской Германии. Ведь, если обвинители считали, что любой человек, исполнявший преступные приказы, должен был предстать перед судом, почему тогда под суд не попали союзники Германии — Италия и Япония? Почему представители Болгарии, Румынии, Венгрии, Австрии и Дании не были осуждены?

Конечно, никто, будучи на то время союзниками немецкого государства, не был виноват в приходе к власти фашистов и нацистов, но всё же факт того, что они лично совершали преступления против человечества, не отрицается. Бесспорно, данный вопрос можно считать упущенным в ходе проведения процесса, так как изначально, в ситуации, по которой выдвигалось главное обвинение в адрес немецкой армии, принимали непосредственное участие и армии ряда уже перечисленных стран.

Следующее, на что стоит обратить внимание — для чего проводился процесс? Для торжества справедливости, считают историки, чтобы каждый, из-за кого проливалась

кровь мирных граждан понёс заслуженное наказание. Но опровергнуть это можно очень легко. Если бы страны-союзники боролись за справедливость, то, опять же, в Нюрнберге судили бы не только верхушку Германии, но и Италии, Японии, генералов Румынии, Австрии, Венгрии, Бельгии, Болгарии, Чехии, Словакии, Дании и других стран, активно участвующих в войне на стороне немцев. Так, например, можно вспомнить о зверском отношении румынской армии к жителям Молдавии. Когда страну начали атаковать немцы, шедшие за ними румыны далеко не меньше проявляли свою жестокость и бесчеловечность. Тогда почему та же Румыния не ответила за содеянное? Да, возможно, для удобства процесса нужен был один виновный, на которого были бы повешены все «грехи» прошедшей войны. Безусловно, это удобно для организаторов, учитывая только факт того, сколько доказательств было собрано против одной Германии, вся вина удобно ложилась на неё и все ее руководство, а, присуждая вину другим странам, процесс мог бы затянуться на очень большой срок, что явно было никому не выгодно. Подумать бы только, в гибели 27 миллионов человек виноваты 10–15 представителей вермахта, звучит парадоксально.

Также, животрепещущим вопросом стал следующий: Можно ли назвать Францию страной-победительницей? Известно, что в Нюрнберге было зафиксировано 4 страны, одержавшие победу во Второй мировой войне: СССР, Англия, США и Франция [3], но ни по какой стране нет сомнений во вкладе в победу над фашизмом, кроме Франции. Ведь Советский Союз прошёл огромный путь от Москвы до Берлина, понёс огромнейшие потери, да в целом, сыграл главенствующую роль в ходе войны. Англия так же внесла не малый вклад, оказывая помощь нашему государству, ведя бои на море, а США известен нам как минимум по высадке в Нормандии. А вот во Франции в 1940 году Гитлер довольно легко разбил армию страны, после чего устроил известную пляску около Эйфелевой башни, и французы стали работать на вермахт. Но существует интересный и довольно показательный факт, на который стоит обратить внимание, свидетельствующий, что на послевоенных конференциях присутствовали только 3 страны: СССР, США и Англия [4, с. 256].

Таким образом, можно подвести итог, что Нюрнбергский процесс имеет важное историческое значение, он фактически поставил точку в истории Второй мировой войны, а главные виновники её развязывания были наказаны за свои деяния. Перед всем миром стали разоблачены жесточайшие преступления немецкого фашизма и милитаризма, а агрессию признали тягчайшим международным преступлением, поэтому трибунал был назван «главным судом XX века». Очень важно, что судебный процесс в Нюрнберге должен играть ключевую роль и в наши дни. Именно он может стоять на пути предотвращения возрождения нацизма и фашизма, выступая историческим уроком. Безусловно, произошедшее не подлежит забвению и переоценке, и должно предостерегать нынешнее возрождение прошлого, а тем более людей, считающих, что они способны вершить чужие судьбы путем военных конфликтов.

Источники и литература

[1] История второй мировой войны / пер. с нем. Н.А. Захарченко, Л.К. Комоловой ; под ред. ген.-лейт. В.Ф. Воробьева. — М. : Изд-во иностр. лит., 1956. — 607 с.

[2] Протокол допроса генерал-фельдмаршала Кейтеля Вильгельма // Военно-исторический журнал. — 1961. — № 9. — С. 79–87.

[3] Пасечник, Ю.Р. Нюрнбергский процесс. Главный суд XX века / Ю.Р. Пасечник // Аллея науки. — 2020. — Т. 2, № 12(51). — С. 23–25.

[4] Нюрнбергский процесс: сборник материалов в 8 т. — М.: Юрид. лит-ра, 1985–1989.

E-mail: gerkdaniil2001@mail.ru

Вызовы теории и истории права
в условиях структурных изменений общества

Один из возможных взглядов на онтологию права

Герк Даниил Иванович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: vg045593@gmail.com

Введение. Математизация естественных наук, появление и развитие философии логического анализа, создает для дисциплин, не являющихся математическими или естественнонаучными, возможность апробации математических (логических) методов, связанных с (i) фиксацией синтаксиса (языка), (ii) фиксацией определений в таком синтаксисе, (iii) фиксацией правил вывода утверждений из таких определений, а также (iv) использованием математических приближений (теорий) (далее — *Логический Метод*). Применение Логического Метода можно наблюдать в экономике, социологии и т.д., при этом применение Логического Метода возможно и в юриспруденции, но с рядом оговорок, которые мы не производим для экономики и социологии. Такие оговорки связаны с вопросами онтологии права и будут описаны далее.

Определения семантики правовых утверждений и семантики юриспруденции. Насколько автору это может быть понятно, утверждения в физике (и в других естественных науках) имеют своим значением положения дел, имеющие место между объектами материального мира. Физика (и другие естественные науки) не имеет своим предметом утверждения, слова или другие элементы синтаксиса. То есть физика как теория, то есть набор утверждений, не имеет своим предметом другие утверждения.

Юриспруденция же имеет в качестве своего предмета норму. Какой бы онтологический статус не предписывали норме, практически относительно любой концепции будет непротиворечиво рассматривать ее природу как синтаксическую; что бы ни говорили представители естественно-правовой школы или школы позитивизма (к примеру) относительно того, в каком отношении норма находится к действительности, она во всяком случае рассматривается ими как нечто артикулируемое.

В зависимости от того, насколько радикально мы относимся к возможности сообщить синтаксису «вещный» онтологический статус, варируется наш ответ на вопрос о том, а что за такой артикуляцией стоит в качестве значения (и есть ли вообще у нее значение). Для дальнейшего рассуждения сделаем одно допущение, предположим без доказательств, что такие артикуляции имеют значения (смысл), как утверждения. Тогда предметом юриспруденции как теории, то есть множества утверждений, является другое множество утверждений и в этом можно усмотреть разницу между юриспруденцией и другими дисциплинами (естественного и «неестественного» характера).

Определение (C): будем именовать ζ (дзету) семантикой ровно в тех случаях, когда ζ (дзета) тождественна некоторой паре $(\mathrm{Fm};\phi)$, в которой Fm является множеством утверждений (произвольных), ϕ (оценка) — отношение, которое принимает на вход утверждение из Fm и ставит ему в соответствие истину (1) или ложь (0).

Definition (C):
ϕ: Fm $\to$ {0,1}
ζ – семантика $\Leftrightarrow$ ζ = (Fm;ϕ)

Определение (СПУ-/Mayer): будем именовать ζ (дзету) семантикой правовых утверждений (далее — СПУ) ровно в тех случаях, когда ζ (дзета) тождественна паре (Fm(ζ);ϕ) и при этом:

(i) Fm(ζ) состоит из утверждение, в каждом из которых есть «должен(о)» (далее — Д), или «управомочен(о)» (далее — У) или «запрещен(о)» (далее — З), которые располагаются с некоторым утверждением «X»;

(ii) ϕ, принимая «З(X)» на вход, истинно ровно в тех случаях, когда во всех возможных мирах, в которых есть X, имеет место какая-то фиксированная санкция «s»;

(iii) ϕ, принимая «Д(X)» на вход, истинно ровно в тех случаях, когда истинно З(не X);

(iv) ϕ, принимая «У(X)» на вход, истинно ровно в тех случаях, когда ложно Д(X).

Definition (СПУ-Mayer): P $\in$ Fm(ζ) $\Leftrightarrow$ (P = Д(X) $\vee$ P= У(X) $\vee$ P = З(X))
ϕ_n [З(X)] = 1 $\Leftrightarrow$ для любого h (nRh $\Rightarrow$ (M,h $\to$ X $\Rightarrow$ M,h $\to$ s))
ϕ_n [Д(X)] = 1 $\Leftrightarrow$ ϕ_n [З(не X)] = 1
ϕ_n [У(X)] = 1 $\Leftrightarrow$ ϕ_n [Д(X)] = 0
ζ – СПУ $\Leftrightarrow$ ζ = (Fm(ζ);ϕ)

Определение (СЮ): будем именовать Σ (сигму) семантикой юриспруденции (далее — СЮ) ровно в тех случаях, когда Σ (сигма) тождественна паре (Fm(Σ);ϕ) и при этом все утверждения P из Fm(Σ) являются утверждениями об утверждениях P* из Fm(ζ), то есть об утверждениях, в которых используются «З», «У», «Д» в смысле Определения (СПУ-Mayer).

Definition (СЮ):
Σ – СЮ $\Leftrightarrow$ ((Σ = (Fm(Σ);ϕ)) $\wedge$ (P$\in$ Fm(Σ) $\Leftrightarrow$ (P = N(P*) $\wedge$ P*$\in$ Fm(ζ))))

Различие между СПУ и СЮ с точки зрения верификации. На наш взгляд, СЮ с семантиками естественных наук роднит то, что для СЮ (при определенной интерпретации) свойственна верификация естественных наук. В СЮ, как можно предположить из Определения (СЮ), живут утверждения по типу «норма Y действует», «норма Y содержится в законе Z», «суд применил норму Y к отношениям V». Такие утверждения можно верифицировать (оценить на предмет истинности) с использованием сенсорной системы человека (в первую очередь, органов зрения) (далее — Стандартная Верификация).

Для Стандартной Верификации потребуется снабдить предикаты из СЮ («действует», «содержится в законе», «суд применил норму») определениями в «вещном» языке (языковом каркасе), то есть такими определениями, проверка которых на выполнение может быть осуществлена с использованием сенсорной системы человека.

Заметим, что для уже приведенных в пример предикатов такие определения легко задать (несмотря на то, что в конечном виде они будут очень объемными). Например, для предиката «действует» можно использовать такое определение:

Норма Y действует ровно в тех случаях, когда

(i) найдется лицо, именуемое судом [другое «сертификатное» определение такого лица с отсылкой на то, что его назначили в качестве судьи и т.д.], такое что

(ii) оно получает доказательства по делу и

(iii) из таких доказательств выводит [вывод для суда надо определить формально, суд их выводит ровно в тех случаях, когда отражает свои выводы с верифицируемой

форме], что имеет место гипотеза нормы Y [Определение (СПУ-Mayer) не структурирует норму, не выделяет гипотезу, но задать структуру нормы на базе Определения (СПУ-Mayer) не проблематично] и

(iv) суд применяет санкцию s (или не применяет санкцию s) нормы Y, если гипотеза нормы Y для применения санкции s им считается выполненной (если гипотеза нормы Y для применения санкции s им считается не выполненной) [применение нормы также следует определить верифицируемо и формально, например, путем отсылки к тому, что суд должен внести решение о санкции s в какой-то акт и определить такой акт].

Итак, утверждения СЮ могут быть Стандартно Верифицированы или могут быть сведены к Стандартно Верифицируемым утверждениям.

Утверждения СПУ в смысле Определения (СПУ-Mayer) не могут быть Стандартно Верифицированы, в связи с тем, что в них используются алетические модальности («необходимо», «возможно», «во всех мирах», «в некоторых мирах»), которые не верифицировать с использованием сенсорной системы человека в связи с тем, что сенсорная система человек получает на вход «импульсы» только одного актуального возможного мира, а не нескольких возможных миров, о которых утверждается в алетических модальностях.

При этом, если определять СПУ не в смысле Определения (СПУ-Mayer) (то есть без использования алетических модальностей), то можно добиться того, чтобы СПУ было тоже Стандартно Верифицируемо.

Понятно, что, если СПУ использует экономические предикаты (предикаты экономической теории), то СПУ Стандартно Верифицируемо.

Предположение: если СПУ Стандартно Верифицируемо и СПУ соответствует наиболее общеупотребимому взгляду на право, то СПУ использует экономические предикаты (предикаты экономической теории).

Вызовы теории и истории права
в условиях структурных изменений общества

Правосознание молодежи как фактор укрепления российской государственности

Гуликов Калсын Камалдинович

Студент (специалист)

Российская правовая академия МЮ РФ, Северо-Кавказский филиал, Юридический факультет, Махачкала, Россия

E-mail: materiqu12@gmail.com

Говоря о том, какое влияние оказывает правосознание молодежи на российскую государственность, необходимо раскрыть само понятие правосознания, и то, как оно формируется.

На самом деле, понятие правового сознания имеет неоднозначную трактовку, потому что может рассматриваться как в узком, так и в широком смысла, однако, согласно положениям общей теории права, правосознание воспринимается в качестве формы общественного сознания, аккумулирующую нетривиальное понимания самобытности, приоритета общественных интересов над частными, возрождения идеи патриотизма, самоопределения и т.п, а по мнению ученых-правоведов Н.И. Матузова и А.В. Малько [1] правосознание — совокупность взглядов, идей, представлений, а также, чувств, эмоций, переживаний, выражающих отношение индивида к действующим или желаемому (допустимому) праву и другим правовым явления. Данное определение чрезвычайно кратко, емко и четко выражает понимание и восприятие индивидом права и воплощает идеальную конструкцию последнего во взаимосвязи со степенью развитости системы ценностей соответствующего индивида.

Право представляет собой фундаментальную основу, некий источник формирования правосознания, в то время как само правосознание является вектором эффективного развития права.

Правосознание представляет собой многоаспектное явление, состоявшее из нескольких взаимосвязанных элементов: правовой психологии и правовой идеологии, поскольку правосознание стоит воспринимать как симбиоз сфер эмоционального и рационального.

Формирование правосознания людей без соответствующего правового воспитания крайне затруднительно. По мнению В.Г. Семенова существует два основных принципа формирования правового воспитания, это принципы научности и принцип объективности.

Если рассматривать отдельно молодежь, то говоря о молодежи, как об отдельной категории людей, даже само понятие «молодежь» является неоднозначным с точки зрения права и социологии, поскольку его так же принято понимать в разных значениях в разных науках [2].

Согласно определению И.С. Кона, молодежь — социальная группа, выделяемая на основе возрастных характеристик и особенностей социального положения. С точки зрения юриспруденции, одной из важнейших возрастных границ является достижением

человек возраста 18 лет, с которого они получают полную гражданскую дееспособность, соответственно могут вступать в любые правоотношения, приобретать права и другое, однако вместе с этим возникает закономерный вопрос, все ли люди, достигшие возраста совершеннолетия готовы к этому?

Согласно проведенному опросу среди молодежи около 80% молодежи либо абсолютно безразлична к политике, либо не имеют определенного субъективного мнения на этот счет. Важную роль в формировании правового сознания молодежи играют такие социальные институты как семья, школы, важную роль в формировании правосознания так же имеют психологический фактор, социально-политические факторы, такие как обычаи, традиции и так далее. Однако это относится не ко всей молодежи, ведь, как мы знаем на практике уже сейчас формируются школьные партии, в которых школьники выдвигают и уже активно отстаивают свои позиции.

Исходя из научного исследования, мы можем сделать определенные выводы, а именно: определенная часть молодежи уже вносит свои изменения в сферу государственности, к примеру, создавая школьные партии в разных отраслях жизнедеятельности они уже выдвигают свои позиции и целенаправленно отстаивают их.

Новое поколение внесет наиважнейший вклад не только в государственный строй, но и во все отрасли страны, начиная с науки и заканчивая социальной сферой.

Источники и литература

[1] Малько А.В. Теория государства и права : учебник / 3-е изд. — Москва, 2009. — 110 с.
[2] Матузов Н.И. Теория государства и права : учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. — 5-е изд. — Москва : Дело, 2020. — 240 с.

Вызовы теории и истории права
в условиях структурных изменений общества

Теоретико-правовые проблемы выделения новых отраслей российского права

Денисов Сергей Юрьевич

Студент (специалист)

Уральский государственный юридический университет, Кафедра конституционного права, Екатеринбург, Россия

E-mail: serezha_ denisov1990@mail.ru

В данной работе будет использоваться определение отрасли права, данное В.Д. Переваловым, как обособленной совокупности юридических норм, институтов, регулирующих однородные общественные отношения [3:144].

Исходя из общей теории права, можно вспомнить о том, что выделение отдельной отрасли права возможно лишь при наличии у нее собственного предмета и метода правового регулирования, что непосредственно отличает ее от других отраслей. Анализируя поставленный вопрос, важно отметить концепцию «трехзвенности» системы права, разработанную С.С. Алексеевым, в которую входят фундаментальные отрасли (гражданское право, уголовное право, конституционное право), специальные отрасли (трудовое право, семейное право, земельное право), а также комплексные отрасли права (информационное право, банковское право, страховое право) [1, с. 244]. Можно заметить, что фундаментальные и специальные отрасли, как правило, обладают одним немаловажным факультативным признаком — наличием единого кодифицированного акта, который представляется в качестве основополагающего нормативно-правового акта определенной отрасли права. Как верно отмечает С.С. Алексеев: «При помощи кодификации правовой материал системно организуется: в системном виде формулируются нормативные предписания и путем объединения нормативных положений, введения общих норм, норм-принципов и т.п. создаются структурные подразделения нормативной системы». Также важно сказать, что ученые выделяют и другие факультативные признаки, характеризующие определенную совокупность правовых норм и институтов в качестве отрасли права. Например, Е.П. Уфимцева утверждает, что специальная юридическая терминология может быть расценена как показатель качественного своеобразия самостоятельной отрасли в системе права, так как юридические понятия являются одной из форм отражения явлений и объектов действительности «ткани» права [4, с. 13]. Таким образом, мы можем заключить о том, что помимо наличия собственного предмета и метода правового регулирования существуют и факультативные признаки, позволяющие определить совокупность правовых норм в качестве новой отрасли права. К таким можно отнести наличие единого кодифицированного акта, который представляет собой ядро этой отрасли, содержит в себе основополагающие принципы регулирования однородных общественных отношений, а также понятийный аппарат, присущий той или иной отрасли права.

В настоящее время ведутся активные дискуссии насчет выделения «комплексных» отраслей права, которые представляют собой совокупность юридических норм, содержащихся в разных отраслях права, регулирующих однородные общественные отношения. Таковой, например, является отрасль информационного права, которая, по мнению П.У. Кузнецова., полностью согласуется с положениями концепции комплексных отраслей [2, с. 34]. С.С. Алексеев указывает, что отличительные особенности комплексной отрасли выражены в особых принципах, особых положениях, свидетельствующих о существовании специального, хотя и не видового, юридического режима. И хотя нормы комплексной отрасли или института нужно «распределять» по основным отраслям, «замкнуть» их в рамках только одной отрасли нельзя. Рассуждая на тему особой юридической природы комплексных отраслей права, важно сказать, что в данном случае в силу своих особенностей наличие единого кодифицированного акта не будет являться признаком, отличающим комплексную отрасль права от иных, однако наличие собственного понятийного аппарата в данном случае выступает одним из основных критериев выделения новой отрасли права. Таким образом, можно сказать, что для характеристики отрасли права в качестве комплексной, необходимыми выступают факультативные признаки, а именно понятийный аппарат данной отрасли и наличие особого юридического режима, объединяющего нормы из различных отраслей права в единую комплексную отрасль, имеющую единую направленность в правовом регулировании однородных общественных отношений.

На основании проанализированных доктринальных положений можно задаться вполне логичным вопросом: «Чем обусловлено выделение комплексных правовых отраслей и какую практическую значимость они имеют?». Сразу отметим, что всякая отрасль права в своей сущности представляет наиболее крупное звено структуры права, охватывающее основные сферы общественных отношений, которые требуют обособленного, юридически своеобразного регулирования. П.У. Кузнецов отмечает, что формирование комплексных отраслей права вызвано объективными предпосылками, а именно социально-политическими условиями и экономическими факторами развития общества. Таким образом, основанием выделения любой отрасли права представляется реальная необходимость системного правового регулирования определенного круга общественных отношений методами, которые могут всеохватывающе упорядочить эти общественные отношения.

Однако в таком случае мы можем прийти к выводам о спорном выделении некоторых «отраслей» права в современной юридической науке. Например, в научной литературе вызывают активную дискуссию тенденции выделения цифрового, спортивного и энергетического права в качестве новых отраслей права. Так, авторы учебного пособия по дисциплине «Цифровое право» отмечают, что вопрос классической юриспруденции — куда отнести цифровое право и есть ли такое вообще — объективным ходом развития естественных и технических наук лишается смысла [5, с. 19]. Можем полагать, что цифровое право не может определяться как отрасль в классическом ее понимании, поскольку оно не обладает основными и факультативными признаками таковой. Несомненно, нормы в данных сферах правового регулирования выполняют свои регулятивные и охранительные функции, однако насколько целесообразно и необходимо формировать из них обособленные комплексные отрасли? Вопрос остается открытым и по сей день.

На наш взгляд, представляется необходимым вспомнить концепцию О.А. Красавчикова о функциональных нормативных массивах [6, с. 71], которая, на наш взгляд,

полностью характеризует выделяемые в настоящее время «отрасли» права. В своих исследованиях выдающийся цивилист полностью отрицает возможность существования комплексных отраслей права как правовых явлений. Взамен комплексных отраслей права Октябрь Алексеевич вводит в научный оборот понятие «функциональный нормативный массив». Однако, на наш взгляд, функциональные нормативные массивы могут быть рассмотрены в ином смысле.

Функциональные нормативные массивы в контексте настоящего исследования рассматриваются как механизм регулирования определенного рода общественных отношений, отдельным частям которого присущи различные методы правовой регламентации. Различие между отраслью права (в том числе комплексной) и функциональным нормативном массивом, на наш взгляд, заключается именно в предметном единстве, поскольку последнее таковым не обладает, ибо в своей сущности оно представляет иное, функциональное единство, то есть форму единства правовых норм, которая определяется наличием двух или более разнородных самостоятельных предметов регулирования, находящихся в состоянии взаимодействия. Следует различать данные категории также и по «масштабности» регулирования, ибо отрасль права охватывает собой более широкий круг общественных отношений, в то время как значение функционального нормативного массива представлено в регулировании узконаправленной, определенной сферы общественных отношений. Ярким примером в данном случае может послужить «энергетическое право», которое включает в себя нормы Гражданского Кодекса РФ и отдельных Федеральных Законов в данной сфере, регулирующих соответствующие общественные отношения. Несомненно, между нормами этих отдельных законов есть взаимосвязь, выраженная в единой направленности регулирования, однако можем ли мы говорить в данном случае о предметном единстве правового регулирования данной сферы общественных отношений? Можем ли мы полагать, что взаимосвязь данных правовых норм образует специальный юридический режим, характерный для комплексной отрасли права? Полагаем, что нет. Таким образом, выделяемые в настоящее время «отрасли» права представляют собой ничто иное, как функциональные нормативные массивы, суть которых заключается в регулировании узконаправленной, определенной сферы общественных отношений.

Завершая, важно сказать, что проблема выделения новых отраслей права остается актуальной и в настоящее время, поскольку характеристика совокупности правовых норм в качестве отдельной отрасли права должна быть обоснована как с теоретической, так и с практической точки зрения, так как неопределенность в вопросе определения отраслевой принадлежности той или иной нормы может привести к спорной правоприменительной практике и ее разрозненному теоретическому объяснению.

Источники и литература

[1] Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. Т. I. — М. : Юрид. лит., 1981. — 360 с.
[2] Кузнецов П.У. Информационное право : учебник / П.У. Кузнецов. — М. : ЮСТИЦИЯ, 2022. — 336 с.
[3] Перевалов В.Д. Теория государства и права : учебник и практикум для вузов / В.Д. Перевалов. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2022. — 341 с.
[4] Уфимцева Е.В. Отраслеобразование в современном российском праве: доктринальные основы и критерии. Екатеринбург, 2017.
[5] Цифровое право : учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. — М. : Проспект, 2020. — 640 с.
[6] Красавчиков О.А. Система права и система законодательства (гражданско-правовой аспект) / О.А. Красавчиков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1975. — № 2. — С. 62-71.

Вызовы теории и истории права
в условиях структурных изменений общества

Соотношение понятий права и идеологии в современных реалиях

Дунаева Ангелина Дмитриевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра теории государства и права и политологии, Москва, Россия

E-mail: anlidad@mail.ru

Право соотносится с идеологией в разнообразных взаимодействиях, которые, с одной стороны, разнообразны, с другой - очень конкретны.

Таким образом, право является совокупностью юридических норм, выработанных государством в целях реализации своих интересов и регулирования поведения людей в обществе. Правовые нормы формируются в Основном законе или Конституции государства, в законах и подзаконных актах, локальных актах (если их исполнение гарантируется государством), определяют основные нормы поведения как для общества в целом, так и для лиц, непосредственно находящихся у власти.

Конкретные правовые нормы исследуются отраслевой юридической наукой, а совокупность общих закономерностей исследуется наукой теории государства и права. Теория права и государства — это система знаний о развитии, функционировании, сущности, и возникновении государственно-правовых явлений, о наиболее общих закономерностях права и государства [2, с. 17]. В разные времена данную науку называли по-разному (например, философия права или энциклопедия права) [3, с. 60]. Сторонники естественного права не связывают ее с государством и изучают общие закономерности как обусловленные естественным порядком явления в рамках философии права.

Рассмотрим взаимосвязь идеологии и науки теории государства и права:

- идеология содержит в себе систему правовых взглядов, через призму которых можно наблюдать отношения людей к законам, принятым государством;
- теория государства и права вырабатывает рекомендации, формирующие определенную правовую и политическую культуру. Это сделано для того, чтобы общество, лишенное идеологических установок, не пришло к кризису;
- теория государства и права также предотвращает с помощью своих научных исследований идеологизацию государства, которая может привести к установлению в нем тоталитаризма [2, с. 30].

С другой стороны, как было сказано в прошлой главе, широкое понятие идеологии может быть автономно от правовых процессов. Рассмотрим основные характеристики идеологии, независимые от права:

- идеология базируется именно на состоянии сознания людей и на социальном восприятии людьми политических и экономических процессов;
- идеология партийная и, в отличие от права, выражает интересы конкретного класса;
- идеология стремится к достижению конкретных целей и удовлетворению интересов, из-за чего она является ложной или относительной истиной;
- идеология формируется внутри национальной духовной культуры, а потому соответствует специфике своего времени [1, с. 492].

С одной стороны, право и идеология связаны, а с другой — автономны. Таким образом, стоит рассмотреть влияние права на идеологию. Социальные процессы, происходящие в обществе, находятся во взаимодействии друг с другом, вырабатывая общие стандарты для действий. Право появляется, когда общество устанавливает определенный стандарт поведения в социальной сфере, который становится всеобщим. Норма права представляет собой самый высший пласт социальной нормы. Так как юридическая норма также является частью социальной нормы, она является элементом фактических общественных отношений, а также имеет черты социального закона.

Получается, что право является общей мерой взаимодействия на все социальные явления. Право регулирует общественные отношения на всех уровнях: межгосударственном, внутригосударственном, муниципальном, локальном; а меры правового регулирования распространяются на разные сферы общественной жизни: семейно-бытовую, политическую, экономическую и духовную. Таким образом, идеология, как продукт духовной жизни, также испытывает на себе влияние права.

Таким образом, право и идеология могут как взаимодополнять друг друга, так и существовать автономно. В первом случае можно привести пример правовой политики СССР, где любой закон опирался на марксистско-ленинскую доктрину. Во втором случае существование правовой политики США, отдельной от идеологии либерализма, негласно существующей в стране, показывает автономию идеологии и права.

Источники и литература

[1] Жуков В.Н. Философия права. М. : Мир философии, 2019. 558 с.
[2] Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для вузов. М. : Юрайт, 2022. 521 с.
[3] Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: учебник. Спб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2017. 468 с.

Вызовы теории и истории права
в условиях структурных изменений общества

Политические и правовые традиции народовластия в истории российской государственности

Игнатенкова Анна Юрьевна

Студент (специалист)

Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Международно-правовой факультет, Москва, Россия

E-mail: any2004@bk.ru

Народовластием принято называть принцип управления государством, основанный на признании народа и его воли как высшей власти. В рамках народовластия народ выступает в качестве источника и носителя власти, а правительство является его исполнительным органом.

Понятие народовластия активно развивалось в России в XIX–XX веках, особенно в периоды революционных потрясений. На практике народовластие может реализовываться различными способами, включая выборы, референдумы, общественные консультации и т.д.

В современной России народовластие также является одним из основных принципов государственного устройства. Конституция Российской Федерации признает народ суверенной властью и определяет механизмы ее реализации. Вместе с тем, некоторые критики политической системы России указывают на отсутствие истинной народовластной демократии, которая бы обеспечивала широкую участие населения в принятии решений, и отмечают проблемы в реализации этого принципа на практике.

Изучение народовластия в истории России позволяет лучше понять механизмы власти и процессы принятия решений в разные эпохи. Кроме того, данная тема помогает выявить особенности политической культуры России, ее отношения к государству и к реализации демократических принципов.

Особый интерес для исследования представляют периоды революционных потрясений и изменения государственной формы правления. В эти моменты народовластие играло ключевую роль в формировании новой политической системы и определении будущего пути развития страны [1, с. 24-30].

Идеи народовластия в России сформировались в конце XIX века и были связаны с развитием массового общественного сознания и стремлением к демократизации государственной власти. В течение всего XIX века происходило постепенное возрастание интереса к подобным идеям, которые нашли свое отражение в работах таких мыслителей, как А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, М.А. Бакунин. Дальнейшее развитие народовластия в России можно разделить на несколько этапов.

Первый этап связан с деятельностью революционных организаций, таких как «Народная воля» и «Союз борьбы за освобождение народов», которые боролись за свержение царского режима и установление демократических принципов в государстве. Этот период продолжался с 1860-х годов до начала XX века.

Второй этап развития народовластия связан с периодом 1905–1917 годов, когда в России произошла революция, которая привела к установлению демократической республики. Продолжалось активное расширение прав и свобод граждан.

Третий этап относится к периоду после Октябрьской революции 1917 года, когда в России была установлена коммунистическая власть. В этот период была создана Советская Россия, где власть принадлежала народу, выраженному через советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Однако в это время была установлена однопартийная система и сильная централизация власти, что ограничивало демократические свободы граждан.

В целом, история народовластия в России является сложным и многогранным процессом, связанным с борьбой за демократические принципы и свободы в государстве. Она отражает изменения в политической, экономической и социальной сферах жизни страны, и является значимой для изучения истории государственности России [2, с. 61–73].

После революции 1917 года в России была установлена Советская власть, которая основывалась на принципах социализма. Основной принцип народовластия в Советской России заключался в том, что власть принадлежит народу, выраженному через советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В рамках этой системы была создана Советская демократия, которая отличалась от предыдущих форм народовластия в России тем, что она была более широкой и универсальной. Одним из важнейших элементов Советской демократии были советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, которые были созданы в каждом городе и на каждом предприятии. Эти советы избирали своих представителей в высшие органы власти, такие как Верховный Совет СССР.

В рамках Советской демократии были приняты ряд законов и реформ, которые расширяли права и свободы граждан. Была введена свобода слова, печати и собраний, были установлены равные права для женщин и мужчин, были приняты законы, которые гарантировали права на образование, здравоохранение и социальную защиту [3, с. 44–49].

Таким образом, развитие народовластия в России после революции 1917 года привело к созданию новой системы управления, которая существенно отличалась от предыдущих форм народовластия. В целом, Советская демократия была одной из самых демократичных форм правления в мире, но одновременно была негативно оценена западными государствами и некоторыми отечественными политическими силами, она стала основой государственности в СССР и продолжала развиваться в течение всего существования Советского государства. В период после распада Советского Союза были предприняты попытки восстановления демократических институтов и процедур, которые были утрачены в период существования СССР.

В современной России народовластие остается одним из центральных принципов государственности и политической системы. Однако, его понимание и применение изменились по сравнению с предшествующими историческими эпохами. Новейшие представления о народовластии в России включают в себя такие принципы, как конституционная демократия, защита прав человека и гражданина, свобода слова и мнений, справедливость и равенство перед законом. Однако, практическое осуществление этих принципов может различаться в зависимости от конкретных политических и социальных условий.

Исторические традиции народовластия оказывают значительное влияние на современную политическую систему России. Например, принципы народовластия воплощены в Конституции Российской Федерации, где утверждается, что власть в России принадлежит народу, а основой государственного устройства является федерализм и соблюдение принципа разделения властей [4, с. 88–96].

В настоящий момент политические и правовые механизмы реализации народовластия в России включают в себя множество институтов и процедур, направленных на защиту прав и свобод граждан, контроль власти, обеспечение прозрачности и открытости государственных органов и учреждений. Некоторые из них включают в себя выборы, референдумы, общественные слушания, гражданский контроль, независимую судебную власть и др.

Несмотря на наличие таких механизмов, современные представления о народовластии в России вызывают некоторые споры и дискуссии. Критики обвиняют власть в ограничении свободы слова и собраний, а также в отсутствии реальной конкуренции на выборах. В то же время, приверженцы власти считают, что главное — это гарантировать стабильность и безопасность страны, и что демократия должна быть адаптирована к реалиям России, ане копировать западные модели.

Таким образом, тема народовластия в России является важной и многогранной, связанной с историческими традициями и современными вызовами. Понимание ее смысла и значимости позволяет лучше понимать современную политическую систему и механизмы ее функционирования.

В заключение можно отметить, что народовластие играло и продолжает играть важную роль в истории государственности России. Исторические традиции народовластия привели к созданию различных форм правления, от древнерусского вече до советской демократии. В современной России народовластие реализуется через систему выборов, референдумов, общественных обсуждений и других механизмов, которые призваны обеспечить участие граждан в принятии важных решений.

Знание исторических традиций народовластия и современных механизмов их реализации может помочь гражданам осознанно участвовать в жизни общества и принимать важные решения на основе своих собственных интересов и потребностей.

Источники и литература

[1] Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1957. Т. 2.
[2] Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998.
[3] Алешкова Н.П. Конституционно-правовые основы муниципального правотворчества в Российской Федерации: монография. Екатеринбург, 2012.
[4] Исаев М.А. История Российского государства и права: учебник. М., 2012.

Вызовы теории и истории права
в условиях структурных изменений общества

Право, как инструмент социального регулирования

Исычко Даниил Витальевич

Студент (специалист)

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Институт прокуратуры, Москва, Россия

E-mail: danya.isychko@yandex.ru

Общество, как человеческая общность, является довольно противоречивым объектом. Несмотря на свою устойчивость, оно реагирует на все возможные внутренние и внешние факторы, оставляя на себе их след, видоизменяясь и преобразовываясь.

Уместным будет сравнить социум с кораблем, фигурирующим в фабуле парадокса Тесея. Сам парадокс звучит так: «*Если все составные части исходного объекта были заменены, остаётся ли объект тем же объектом*?». В мифе обозначенный корабль ремонтировался перед каждым своим плаваньем, в результате чего часть досок, составлявших изначальное судно заменялась новыми, таким образом и появляется вопрос: после того, как все части судна были заменены — этот корабль является «тем же» или же нет? По аналогии, такой же вопрос задается и относительно общества — с течением времени, реагируя на все раздражители, остаётся ли социум тем, каким он был некоторое время назад?

Срок здесь, по моему мнению, не имеет фундаментального значения, ведь однозначного ответа на поставленный нет. Что же не поддаётся сомнению, так это необходимость сохранения и передачи следующим поколениям тех институтов, знаний и опыта, которые, в своё время были получены текущим поколением уже от их предков.

Что корабль, чья мачта повреждена сильным ветром, что общество, ощущающее давление преступности, нуждаются в своевременном решении проблем, порождающих негативные последствия. Они могут быть как предупредительными, то есть направленными на недопущении проявления пагубного влияния, так и *Postfactum*, направленные на борьбу с источником проблемы и его последствиями. Инструментом, выполняющим сразу обе функции, в независимости от того, какой элемент общества нуждается в решении возникающих или возникших задач, является право [2, с. 275].

В современном меняющимся мире, полном новых вызовов и трудностей, именно право является краеугольным камнем, от которого зависит устойчивость всей общественной системы [3, с. 5]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что право также нуждается в постоянном развитии и модернизации, целью которых является оптимизация, повышение эффективности, устранение коллизий и пробелов и так далее. Не стоит однако забывать, что право несколько необычный объект в силу своей природы. Оно является продуктом человеческого сознания, а как следствие для его изменения требуется прямое волевое действие, даже несмотря на то, что произрастает право из общественных отношений.

Иными словами, право замкнуто на себе, а понимание этого несколько упрощает выполнение поставленных задач. Но появляется другой вопрос: а кто является субъектом данных функций? Вполне закономерным и верным ответом будет законодательный орган. Действительно, именно там идеи и мысли получают материально-правовое выражение в виде норм, статей и законов, однако, вместе с тем нельзя забывать, что прежде чем дойти до последней ступени, эти идеи и мысли возникают в работах теоретиков, развиваются под давлением критики и предложений, чтобы в конечном итоге стать общепризнанными и обоснованными.

Следовательно, теория права, как и научное сообщество, является необходимым и незаменимым элементом процесса правотворчества. Помимо прочего, она способствует развитию правовой культуры, анализу и оценке правовых норм, а также выявлению и устранению противоречий и пробелов в правовой системе. Без теории права невозможно понять сущность и функции права, а также его роль в поддержании функционирования общества [1, с. 25].

Вместе с тем, считаю необходимым упомянуть и о использовании исторического опыта. Зачастую испытания, с которыми мы имеем дело сегодня, уже возникали в прошлом и были успешно преодолены. Глобальные эпидемии, экономические кризисы, демографические проблемы — со всем этим наше государство уже сталкивалось, причем не единожды, преодолевая с разной успешностью.

Безусловно, не всегда методы, которые использовались век назад, будут настолько же эффективны в день сегодняшний, однако ретроспективный взгляд на события прошлого, с учетом переменных настоящего не только не будет вреден, но и будет способен привнести свой, совершенно новый вариант для разрешения существующих проблем.

В заключении можно сказать, что теория и история права сталкиваются с рядом серьезных вызовов в современном мире, который характеризуется быстрыми и глобальными изменениями в экономической, социальной, политической и культурной сферах. Эти вызовы требуют от юристов не только знания исторических и теоретических основ правовой системы, но и способности адаптироваться к новым реалиям, анализировать сложные и многогранные проблемы, применять креативные и инновационные подходы к правовому регулированию. Только так можно обеспечить эффективность и легитимность права как основы справедливого и демократического общества.

Источники и литература

[1] Пермяков Ю.Е. Российская теория права: вызовы времени и ответы истории // Lex Russica. 2015. № 10. С. 14–31.

[2] Степанов О.А. Право как инструмент обеспечения безопасности в условиях модернизации общества // Россия: тенденции и перспективы развития. 2011. № 6. С. 274–276.

[3] Шафиков Ю.С. Происхождение и развитие права // Новый университет. Серия «Экономика и право». 2015. № 10. С. 1–6.

Вызовы теории и истории права
в условиях структурных изменений общества

Правосубъектность искусственного интеллекта: вызовы современности

Малыхина Валерия Викторовна

Студент (бакалавр)

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

E-mail: lera.malyhina@mail.ru

Трансформация правовых институтов, свойственная современному этапу развития общества, неизбежно влечет возникновение ранее неизвестных категорий и постановку новых вопросов, связанных с опережающим законодательство развитием общественных отношений. Цифровизация общественных отношений предопределила возникновение беспилотных летательных аппаратов, самоуправляемых транспортных средств и компьютеров с системой искусственного интеллекта (далее — ИИ), способных генерировать определенные решения за человека.

Область применения технологий ИИ расширяется с каждым годом, включая в себя как традиционные сферы использования — произведение расчетов, анализ данных, так и иные — тесно связанные с жизнедеятельностью человека. Это порождает множество вопросов о последствиях таких решений [1], также — о распределении бремени ответственности за них, и, как следствие, заставляет пересматривать традиционные правовые представления о правосубъектности в контексте использования искусственного интеллекта.

В 2017 году Европейский парламент озвучил инициативу разработки правовых норм, определяющих процесс создания и использования ИИ, что нашло отражение в Резолюции от 16.02.2017 г., в которой выделено две модели ответственности за вред, причиненный робототехникой: ответственность независимо от вины и иная модель ответственности, согласно которой ответственным признается лицо, способное минимизировать риски. В Резолюции подчеркивается, что необходимо учитывать уровень самостоятельности робота, отличать навыки, которыми его обучили в рамках тренировок, от навыков, которые робот приобрел в процессе самостоятельного обучения.

Резолюция от 16.02.2017 г. в долгосрочной перспективе предусматривает разработку специального правового статуса «электронных лиц» (electronic persons), которые могут иметь права и обязанности в случае вступления в равноправные отношения с третьими лицами, а также способных нести самостоятельную ответственность за любой причиненный вред.

Важно отметить, что в Резолюции указана перспектива наделения статусом «электронных лиц» «продвинутых» автономных роботов — сильного искусственного интеллекта. Современные технологии моделируют образ «слабого» искусственного интеллекта, основанного на математических вычислениях и не способного к многоаспектному анализу ситуации, более того, соотнесению действий с морально-этическими постулатами.

Активное развитие технологического процесса обуславливает вопрос: сможет ли искусственный интеллект стать самостоятельной личностью, способной к усвоению чувственного опыта, самоопределению наравне с человеком?

Как отмечают исследователи, определение личности подвергалось изменениям с течением времени. Многие современные дискуссии о личности базируются на определениях, выдвинутых мыслителями эпохи Просвещения. Так, Джон Локк в «Эссе о человеческом понимании» описывает «личность» как «судебно-медицинский термин», который «принадлежит только разумным агентам, способным соблюдать закон, а также счастье и несчастье» [2, с. 234]. Позднее Д.К. Грей проводит различие между общим и техническим юридическими значениями понятия «личность», отмечая, что последнее относится к «субъекту юридических прав и обязанностей» [3, с. 27].

Исследователи все чаще обращают внимание на применение юридической индивидуальности к технологическим объектам, таким как искусственный интеллект. Основные аргументы сосредоточены вокруг степени, в которой формы технологии демонстрируют способности, подобные человеческим. В своих трудах Л. Б. Солум выдвигает три возражения против предоставления ИИ статуса юридического лица: 1) личность должна предоставляться только физическим лицам; 2) ИИ не обладает некоторыми свойствами, необходимыми для получения статуса юридического лица (в частности, сознанием, душой); и 3) человеческие артефакты никогда не могут быть чем-то большим, чем человеческая собственность [4]. Можно проследить три эволюционные стадии правовой адаптации — «краткосрочная: толкование и расширение существующего законодательства», «среднесрочная: ограниченная индивидуальность со строгой ответственностью» и «долгосрочная: полная индивидуальность с «постчеловеческими» правами».

В рамках исследований выдвигаются идеи о создании поведенческих тестов, с помощью которых сущность может претендовать на статус личности. Так, Ф.П. Хаббард предлагает следующие критерии: 1) способность взаимодействовать со своим окружением и участвовать в сложном мышлении и общении, 2) ощущение себя самим собой с заботой о достижение своего плана или цели в жизни и 3) способность жить в сообществе, основанном на взаимных личных интересах с другими людьми [5]. Указанные способности зависят от обладания такими свойствами, как рациональность, интеллект, самосознание.

Технологический прогресс открыл новые возможности, которые позволили ИИ создавать произведения, ранее создаваемые только человеком — музыкальные, художественные. Гражданский Кодекс РФ предопределяет концепцию создания результатов интеллектуальной деятельности исключительно человеком. В частности, п. 1 ст. 1228 ГК РФ указывает, что автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. Однако существует иной подход, согласно которому ИИ рассматривается как программа для ЭВМ.

Наиболее распространенной позицией является рассмотрение ИИ как объекта права — средства, с помощью которого человек реализует определенные действия. В рамках такого подхода вопрос о праве на результат, создаваемый ИИ, трансформируется в вопрос о том, участвовал ли в создании данного объекта человек, который внес творческое начало в его создание. Данная позиция не однозначна, так как, с одной стороны, это позволяет применять традиционные подходы к регулированию прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданных ИИ, что способствует решению возникающих вопросов в текущий момент, однако с другой — ослабляет охрану тех объектов, в создании которых человек не проявил ярко выраженной творческой активности.

Международный опыт регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности, созданных с использованием ИИ разнообразен. Общей закономерностью законодательства об авторском праве является рассмотрение в качестве правообразующего критерия наличия определенной степени творчества. Однако в Великобритании существует специальный режим для произведений, созданных компьютером. Так, согласно п. 1 ст. 9 CDPA автор — это лицо, которое создало произведение [6]. Данный подход может применяться по аналогии к произведениям, созданным с помощью ИИ.

Таким образом, результаты, созданные ИИ, на сегодняшнем этапе не признаны в континентальной системе права в качестве объектов исключительных прав, а практика правовых систем иных государств неоднозначна. Однако на данные результаты могут быть установлены субъективные права как на обладающие ценностью и участвующие в обороте.

Следует отметить тенденцию изменения традиционных подходов даже в рамках устоявшейся практики. Так, в феврале 2023 года Бюро по авторским правам США (USCO) обозначило новый вектор развития права интеллектуальной собственности, признав изображение, созданное с помощью нейросети Midjourney результатом не человеческого авторства и указав, что авторские права на произведение писательницы Крис Каштановой распространяются только на ту её часть, которую она написала и оформила самостоятельно [7].

В этой связи прослеживаются тенденции расширения понятия правосубъектности в аспекте наделения сильного ИИ правами и обязанностями. Однако признание робота в качестве субъекта права, в большей степени, связано с необходимостью более эффективного распределения ответственности. В качестве решения данного вопроса зачастую предлагается не признать ИИ в качестве субъекта права, а наделить его статусом юридического лица.

Однако действительно ли данный подход безупречен? Безусловно, сильный ИИ невозможно отождествлять со статусом физического лица в силу его технической природы. Концепция юридического лица при первом рассмотрении представляется более приемлемой. Юридическое лицо (persona) представляет собой маску, заменяющую человека в юридическом мире, сконструированном из элементов, являющихся продуктами сознания, не обладающими реально значимым содержанием, являясь фикциями. Представляется, что предложенная разработка специального правового статуса «электронных лиц» как иной категории в большей степени отвечает сущности ИИ и она не может быть сводима к признакам категории физического или юридического лица.

В рамках процесса цифровизации права возникают новые вызовы, одним из которых является вопрос об ИИ как самостоятельном субъекте права и возможности привлечения его к ответственности. Юридическое сообщество еще не готово к расширению понятия правосубъектности в сторону сильного ИИ, поскольку автономность принятия решений последним является не очевидной. Тем не менее в долгосрочной перспективе, с учетом темпов развития робототехники, вопрос о расширении правосубъектности может быть поставлен.

Источники и литература

[1] Архипов, В.В. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике / В.В. Архипов, В.Б. Наумов // Тр. СПИИ-РАН. — 2017. — № 6(55). — С. 46–62.

[2] Locke J. An Essay Concerning Human Understanding (27th ed.). — T. Tegg and Son, 1836.

[3] Gray J.C. The Nature and Sources of the Law. Columbia University Press. — 1909.
[4] Solum L.B. Legal Personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review. — 1992. — 70(4). — P. 1231–1288.
[5] Hubbard F.P. "Do Androids Dream?": Personhood and Intelligent Artifacts // Temple Law Review. — 2011. — 83. — P. 405–474.
[6] Copyright, Designs and Patents Act 1988. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents (дата обращения: 22 февраля 2023 г.).
[7] The US Copyright Office says you can't copyright Midjourney AI-generated images. URL: https://www.theverge.com/2023/2/22/23611278/midjourney-ai-copyright-office-kristina-kashtanova (дата обращения: 26 февраля 2023 г.).

Вызовы теории и истории права
в условиях структурных изменений общества

Р. Паунд о проблеме юридического мышления в контексте разрыва «права в книгах» и «права в действии»

Меликовский Александр Ариевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра теории государства и права и политологии, Москва, Россия

E-mail: melikovskiy@yandex.ru

В знаменитой статье «Право в книгах и право в действии»(*Law in Books and Law in Action*) [1] Роско Паунд ставит проблему расхождения права в действии (то есть права в его фактическом воплощении) и права в книгах [2; 3]. По Паунду, к разрыву между данными феноменами привело множество обстоятельств. Среди них отдельное значение имеет проблема юридического мышления.

Юридическое мышление, по Паунду, оторвано от иных форм мышления. В первую очередь, это проявляется на уровне расхождения устоявшегося американского юридического мышления с социальным мышлением, экономическим мышлением и, конечно, философским мышлением. Иные проблемы (например, проблемы правотворческой юридической техники, порожденные этим проблемы правоприменения и так далее), по существу, вырастают из проблем юридического мышления.

Стереотипность юридического мышления, во многом обусловленная традициями прецедентного права, одинаково плохо проявляется как в праве в книгах, так и в праве в действии. По мнению Паунда, юридическое мышление — продукт методологии правовой науки. Несмотря на господство естественно-правового подхода в сознании американских юристов, юридическое мышление системы *common law*, с точки зрения мыслителя, носит исторический и аналитический характер. Это обусловлено его позицией в отношении методологии исторической школы права, которая, по его мысли, была заимствована у школы естественного права.

Между тем фундаментальные понятия и концепции прецедентного права, принимаемые юристами в качестве универсальных категорий правовой науки, не соответствуют современным мыслителю представлениям населения. Эта проблема универсальна для многих правопорядков. По сути, она порождается тем, что своевременно не осуществляются реформы, необходимые для предотвращения или уже преодоления разрыва между правом в книгах и правом в действии. Особенно это проявляется в периоды стабильности правовой системы. Тогда, по Паунду, юристами овладевает стремление к формальному совершенству. Мышление юристов деформируется, настоящая цель права и правосудия отходит на второй план, уступая место логическим операциям.

Исходя из этого, юридическое мышление, скорее, является жертвой разрыва права в книгах и права в действии. Однако при всей взаимообусловленности данных явлений, проблема юридического мышления в то же время является и определяющим фактором такого разрыва. Речь идет, в первую очередь, о безответственном отношении юристов к

своей профессиональной деятельности. Это проявляется в том, что юристы нередко перекладывают ответственность с себя на правотворца: «Юрист, — утверждает Паунд, — обычно льстит себе мыслью, что причуды правотворца ответственны за большую часть расхождений между правом в книгах и правом действии» [1, с. 20]. Ведь правотворец может принять новые правила «на скорую руку», «без знания ситуации, с которой предстоит иметь дело» [1, с. 21]. Безусловно, в этом вина, главным образом, именно правотворца, поскольку именно он не в силах произвести на правоприменителей (в самом широком смысле) соответствующее впечатление, чтобы «с чувством долга соблюдать писанное право» [Ibidem]. Но это, по мысли Паунда, не умаляет ответственности юристов за такое поведение правотворца (будь то речь идет о законотворчестве или судебном правотворчестве).

С другой стороны, деформация юридического мышления преследует и непрофессионалов. Если те или иные правила укоренились в общественном сознании, проведение реформ, противоречащих привычкам, ставшим традициями, ни к чему не приведет. «Люди будут делать то, к чему они склонны, невзирая на право и традиции, говорящие об обратном» [Ibidem]. Стоит пояснить, что Паунд имеет в виду новые правила, претендующие на то, чтобы стать традициями. Но и «консервация» общественной жизни в праве в книгах не может привести ни к чему хорошему. Право всего лишь будет терять свой авторитет, если не сможет эффективно осуществлять свою главную миссию. Однако и внедрение новых, оторванных от реальности юридических конструкций, не приживется. Право и в таком случае останется мертвым набором правил. По сути, в этих сюжетах Паунд вскользь, возможно, сам того не осознавая, затрагивает проблему, которая станет известна в лучшем случае с появлением теории Г. Харта, а на самом деле она получает некоторые очертания только в современной политико-правовой мысли. Речь идет о проблеме легитимности права. По Паунду, каким бы не было право в книгах, человек, его мышление и чувства изменчивы. И право в действии изменяется вместе с ними. Право в книгах должно соответствовать праву в действии, иначе оно обречено на «смерть». Право в действии не будет ждать «подачек» от права в книгах. Жизнь, в этом смысле, саморегулируема.

Таким образом, юридическое мышление является не только жертвой разрыва права в книгах от права в действии и юридической теории от практики, но и фундаментальной причиной расхождения данных феноменов. Такая двойственная природа свидетельствует о своего рода «замкнутом круге», что усугубляет выход из кризиса и преодоление разрыва.

Источники и литература

[1] Pound R. Law in Books and Law in Action // The American Law Review. Vol. XLIV. 1910. P. 12—36.
[2] Философия права. Словарь / Общ. ред. и составитель В.Н. Жуков. — М. : Мир философии, 2020.
[3] Фролова Е.А. История политических и правовых учений: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2023.

Вызовы теории и истории права
в условиях структурных изменений общества

Роль эмпирического подхода к исследованию права в государственно-правовой теории Д. Блэка

Морозов Антон Романович

Аспирант

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

E-mail: vratarakinfeev95@mail.ru

Согласно статье 1 Конституции РФ [1], Россия является демократическим правовым государством (или, скорее, стремится к такому состоянию). Однако, для полноценного формирования данного типа государственности необходимо не только законодательное закрепление, но и практическая реализация основных его принципов.

Следовательно, актуальным вопросом является научное изучение не только основных теоретических положений демократического правового государства, но также и эмпирического опыта их претворения в жизнь. Именно это обуславливает актуальность изучения прежде всего эмпирического подхода к познанию права в классических типах правопонимания.

Основные положения юс-натурализма обусловили определенную роль эмпирического уровня познания права в данной концепции его понимания. В силу того, что правом, согласно ей, признавалась система надправовых принципов, которые имели больше ценностное, чем практико-ориентированное значение. Закон мог соответствовать праву (быть правовым), но само право было практически недостижимым идеалом. В таких условиях роль эмпирического подхода к исследованию права была крайне низкой, т.к. не способствовала определению данного явления (хотя, в настоящее время есть незначительное количество исследований, приводящих результаты социальных опросов населения по поводу естественного права) [6; 4; 5]. Наиболее полно это иллюстрирует развитие естественно-правового типа правопонимания в либертарно юридический подход к праву, согласно которому правовые законы должны соответствовать системе трех универсальных принципов: равенству, свободе и справедливости. Данные принципы были определены автором концепции В.С. Нерсесянцем практически без обращения к какому-либо эмпирическому материалу исключительно при помощи теоретического анализа.

Говоря о роли эмпирического подхода к праву в рамках позитивистского правопонимания стоит отметить ее дифференциацию в зависимости от взглядов конкретного приверженца данной теории. Наибольшая степень влияния эмпирического подхода к праву наблюдается в позитивистском учении Р. Иеринга. Он полагал, что содержание права не только может, но и должно быть «бесконечно разнообразным». При этом, содержание права определяется состоянием народа, уровнем его культуры и конкретно-историческими условиями

Среди них именно социологическое правопонимание отличается направленностью на познание реальных механизмов действия права в обществе, его практическую реализацию [8]. Так, Е.Б. Пашуканис понимал право, как совокупность норм, установленных государством и реализуемых на практике [8]. Д.А. Керимов включал в право: правовые нормы; правовые принципы и правовые действия [8].

Именно для данного типа понимания права характерна наиболее высокая роль эмпирического подхода к изучению права, что привело даже к появлению особого ответвления-эмпирической социологии права (в противовес теоретической). По мнению ее сторонников, именно данное направление обладает перспективой развития в силу возможности влияния на юридико-правовые процессы и правовую политику [5]. Сущность эмпирического подхода в данной концепции заключается в сосредоточении на поведении социальных акторов, имеющем правовое значение.

Одним из сторонников подобного подхода являлся британский ученый-правовед Дональд Блэк в 70-е годы XX века. Согласно его пониманию права, правовая система представляет собой совокупность письменно зафиксированных социальных норм. Одной из их разновидностей является закон, который, по мнению Блэка, является натуральным феноменом (его существование подтверждается эмпирически) [7].

Своеобразие эмпирического подхода к изучению права Д. Блэка и роли данного подхода в юриспруденции как науке заключалось прежде всего в том, что именно эмпирический материал являлся основой и поводом не только для его систематизации, но и появления собственной теории государства и права. Именно такой подход позволил определить ключевую категорию теории права автора — мобилизацию права, которая является количественной характеристикой эффективности действия закона и представляет собой целенаправленную деятельность акторов в сфере права. Ее существование показывает все более возрастающую роль эмпирического подхода к праву при его изучении.

Таким образом, именно высокая роль исследования эмпирического материала позволила Д. Блэку сформулировать новые для юридической науки того времени категории, такие, как мобилизация права и количество закона. Данные понятия являются продуктом диалектического исследования теоретического и эмпирического начал в праве: обобщение эмпирического материала позволило сформулировать новые законы функционирования государства и права (их систематизация и обусловила появление новых понятий мобилизации права и количества закона), которые, в свою очередь, оказывали влияние на повседневное поведение людей в рамках права.

Подобный взгляд на эмпирический подход к исследованию права является актуальным в современной России в условиях формирования демократической правовой государственности. Так, эффективность такого подхода была доказана применительно к реализации одного из важнейших начал демократического правового государства-права на получение квалифицированной юридической помощи (статья 48 Конституции РФ). В рамках этой реализации 8 марта 2015 года был принят Кодекс административного судопроизводства РФ, согласно п. 3 статьи 55 и п. 9 статьи 208 которого для участия в судебном разбирательстве административный истец должен иметь представителя с высшим юридическим образованием или ученой степенью [4]. В дальнейшем, на основании положительной оценки накопившегося эмпирического материала применения института профессионального представительства, законодателем также были приняты аналогичные изменения в Арбитражно-процессуальный [2] и Гражданско-процессуальный

Кодексы РФ [3]. Данные нововведения, являющиеся продуктом диалектического единства теоретического и эмпирического подхода к праву, фактически установили в России профессиональный судебный процесс, что является примером должной реализации статьи 48 Конституции и движения к истинно демократическому и правовому государству.

Источники и литература

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. — Москва : Астрель, 2007. — 63 с.
[2] «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Российская газета, № 137, 27.07.2002.
[3] «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета, № 220, 20.11.2002.
[4] «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Собрание законодательства РФ, 09.03.2015, № 10, ст. 1391.
[5] Глазырин В.А. Эмпирические и теоретические исследования в современной правовой социологии // Социология. 2020. № 5.
[6] Карнаушенко Л.В. Естественное и позитивное право: объективные и субъективные аспекты функционирования // Общество и право. 2019. № 3 (69).
[7] Кузнецов Д. Концепция поведения закона Дональда Блэка: рождение чистой социологии из духа криминальной статистики // Социология власти. 2015. № 2. том 5.
[8] Петухова А.В. Развитие социологического правопонимания в России // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2.

Вызовы теории и истории права
в условиях структурных изменений общества

Культурный релятивизм и этноцентризм как важный фактор развития общества и государства

Османов Амир Шамильевич

Студент (специалист)

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия

E-mail: amontya2024@mail.ru

Сегодня в процессе глобализации и процветающем обществе мы столкнулись одной из важных и острых проблем, которая с каждым днем назревает все острее и острее. Данная ситуация порождает беды, которые распространяются не только на определенных людей, но и на все наше общество. Культура, обычаи и традиции по сей день играют немаловажную роль в стабилизации повседневной жизни, тем самым это может привести к формированию сильной субкультуры, или же под негативным воздействием, влиянием извне, стереть все то, к чему стремились наши предки. А, как последствие, — к дестабилизации как государственного, так и общественного строя.

Так, в наше время культурный релятивизм понимается как одна из идей, которая воспринимает все культуры, обычаи и традиции, как равные между собой. Говоря о том, что никакая культура не должна быть выше или ниже остальных, а должна быть наравне и восприниматься миром правильно, вне зависимости от того, что она позиционирует. То есть нет разделений, что хорошо, а что плохо. Никакая этическая позиция не может считаться лучшей.

На сегодняшний день культурный релятивизм дает нам понимание, что на земле существует множество разных этносов, в которых существуют свои устои, уклады, ценности, а также традиции, обычаи и верования, что делает их особенными. И благодаря равному отношению ко всем культурам и народам, можно обеспечить их сплочённость и тем самым оказать позитивное влияние на формирование национальной безопасности страны.

Этой позиции придерживался и Освальд Шпенглер, который считал, что у каждой этнической группы есть свое начало зарождения и есть его конец, тем самым утверждая, что нет никакой определённой морали. Придерживаясь этой идеи, он считал, что каждая культура имеет право быть и не должна загоняться в какие-то рамки [1, с. 356].

И когда мы зададимся вопросом, что же такое культурный релятивизм? То ответ будет простым, это понимание разных народов, культур через их убеждения.

Основоположник этой идеи Франц Боас отрицал этноцентризм и считал, что культурный релятивизм не допускает какую-либо иерархию среди культур, тем самым утверждая, что каждая культура самостоятельна, обладающая своими обычаями, традициями и ценностями, благодаря чему и становится уникальной [2, с. 74].

Есть множество примеров культурного релятивизма, где устои одного народа являются приемлемыми, а для другой общины либо экзотическими, либо аморальными. В

качестве таковых хотелось бы привести мусульманские страны, где состоять одновременно в браке с четырьмя женщинами считается дозволенным, как на религиозным, так и на государственном уровне. В то время, как для большинства культур в основу построения семьи заложен моногамный союз.

Еще одним ярким примером является христианство, где есть одна из традиций, связанная с духовным родителем (иначе говоря крёстным), который в ходе таинства крещения принимает ответственность перед Богом за духовное воспитание и благополучие крестника.

Конечно мы должны с уважением относится к каждой культуре, которая существует из поколения в поколения, передавая свои обычаи и традиции, не пытаясь нести вред и оказывать негативное влияние на иные культуры.

Но разве релятивизм в наше время возможен по отношению к культуре?

В наше время мы столкнулись с одной из самых важных проблем — что релятивизм в полном объеме не может существовать, так как он рассматривается как «обложка», которая служит для ущемления прав других культур. Мы видим, как появились новые культуры, которые не только пытаются разделить общество, но и негативно влиять на другие культуры. Сегодня мы стали перенимать из-за рубежа те традиции обычаи и нравы, которые и послужили созданию и назреванию этой проблемы [3, с. 50–61]. То есть поддержка европейских взглядов на нетрадиционную ориентацию и пропаганду ЛГБТ, а также корейскую культуру которая формирует психически нестабильное молодое поколение, у которого в последствии формируются суицидальные наклонности. Это привело к тому, что на сегодняшний день культурные ценности стали падать и наносить вред нашим обычаям, традициям и устоям, подводя к ослаблению нашей национальной безопасности и подрыву государственного строя.

Учитывая нашу многонациональную страну, мы можем смело сказать, что самым главным фактором, который позволяет объединить всех нас в одно целое — это религиозные и моральные ценности. Так как они вносят существенный вклад для развития современного общества, которое готово защищать свои культурные ценности.

Опираясь на все выше сказанное, мы сталкиваемся с противоположным явлением — это культурный этноцентризм. На сегодняшний день в республике Дагестан около 60 народностей сосуществует на небольшой территории, и каждая негласно пытается себя возвысить.

Любовь к своему связана с презрением чужому, где провозглашается превосходство своей группы. Мы должны понять, что культурный этноцентризм — это оценивание других людей и групп через призму своих культур, обычаев, традиций и ценностей, где воспринимаются только те нормы, которые близки. А благодаря религии, которая является основным сдерживающим фактором, обеспечивается здорова конкуренция, что способствует внутри групповой сплочённости [4, с. 143].

Конечно на сегодняшний день мы можем сказать, что идет преобладание именно этноцентризма, но нельзя забывать, что релятивизм существует, но только в том случае, если будет сдерживающим фактором, загоняя его в рамки морально нравственной стабильности. Это не позволит аморальным культурам проникнуть в наше общество. Так Владимир Владимирович Путин предпринял шаги к процветанию здравой культуры на государственном уровне и запретил распространение ЛГБТ на территории РФ и однополые браки.

В заключении хочется сказать, что главной основой, балансом и опорой в развитии культуры является религия, которая помогает не выходить за рамки дозволенного и

позволяет сохранить те традиции и обычаи, которые будут позитивно сказываться как на молодом поколении, так и на общество в целом. Учитывая реалии нашего времени, невозможно, чтобы все культуры и их ценности были в равном положении, так как соблюдение такой идеи приведет к гибели не только моральных ценностей, а также к уничтожению государства изнутри.

И хотелось бы завершить словами матери последнего Халифа Гринады, которая сказала своему сыну перед падением города «Правильно делаешь, что оплакиваешь как женщина то, что не смог защитить как мужчина» тем самым дав нам понять, что если мы потеряем свои культурные ценности, то в скором времени будем их оплакивать.

Источники и литература

[1] Освальд Ш. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 1. Образ и действительность. — М. : Попурии, 2019. — 656 с.
[2] Франц Б. Ум первобытного человека. — М. : Ленанд, 2018. — 154 с.
[3] Пашукова Т.И., Этноцентризм в межкультурной коммуникации // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. — 2009. — № 563. — С. 250.
[4] Хотинец В.Ю. Этническое самосознание / СПб. : Алетейя, 2000. — 235 с.

Вызовы теории и истории права
в условиях структурных изменений общества

Структурные изменения в современном российском обществе: основные факторы и черты

Пьячева Полина Юрьевна

Студент (специалист)

Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Международно-правовой факультет, Москва, Россия

E-mail: polinka04-p@mail.ru

Изменения представляют собой относительную категорию, сравнивающую систему, явление, ситуацию, или же вовсе какой-то объект в прошлом и в определенный момент времени в настоящем, то есть это некоторая связь между прошлым и настоящим. Социальные же изменения подразумевают перемены, происходящие уже в каком-либо государстве, обществе, социальной системе или же подсистеме, совокупности людей, классах, группах и других институтах, также тесно связанных с определенным промежутком времени. К социальным изменениям относится не только сама структура института или какой-либо социальной группы, но и взаимоотношения между их субъектами.

Рассматривая категорию «социальные изменения», можно прийти к выводу, что она характеризуется несколькими выделяющимися чертами. К таким могут относиться:

- Во-первых, сама сущность такого процесса. Изменение так и называется — социальным, потому что его природа берет свое начало из взаимодействия не только нескольких групп людей, но и целых социальных систем и подсистем, тесно связанных между собой. Из этого следует, что изменение, протекающее в одной из таких, приводит в «действие» все общество, все сферы жизнедеятельности.

- Во-вторых, такое изменение — это некоторая «новизна». Общество является динамичной системой, поэтому это появление чего-то нового (хотя подчас оно может быть «хорошо забытым старым» [1]), характеризующее социальную динамику [2, с. 5–8].

- В-третьих, социальные изменения включают в себя «социальный прогресс», или же «социальное развитие». Такое развитие является лишь составной частью изменений в целом, которые могут быть направлены в обе стороны: как в сторону прогресса, так и в сторону регресса, что тоже является динамикой.

Важно упомянуть о том, что существует некоторые различия между понятиями социальных перемен и социальными изменениями. Если вторые несут какой-либо смысл, будь он положительным или отрицательным (то есть прогресс, или регресс), то по результатам первых не происходит каких-либо изменений.

Одним из запоминающихся примеров социальных изменений не только Российской Федерации, но и РСФСР являются экономические реформы начала 90х прошлого столетия, которые за кратчайшие сроки, хоть и не полностью, но осуществили переход к рыночной экономической системе, а также начали демократизацию экономики. Такие инновации осуществляют свое действие практически на все сферы жизнедеятельности и по сей день.

Что касается факторов, приводящих к таким социальным изменениям, то к ним могут относиться разнообразные события, протекающие в стране. Например, такие, как численность населения, уровень жизнедеятельности людей (ресурсы), научные инновации (различные изобретения, влияющие на жизнь общества), сельское хозяйство страны и уровень обеспеченности государства ресурсами, а также а также структурные изменения, такие как реформы и революции, протекающие в стране.

Рассматривая подробнее современное российское общество, то можно сделать вывод, что, например, в духовной сфере жизнедеятельности общества социальные изменения происходят из-за приспособления к большому количеству людей, в том числе молодежи, их взглядам и интересам, которые идут «в разврыв» с идеями и увлечениями «старого поколения». Появляются новые профессии, слова, строится новый менталитет, который напрямую связан с социализацией подростков [4, с. 256].

Современные ситуации, условия, в которых развивается общество, позволяют понять, что модификация социальных систем, сфер жизнедеятельности общества могут протекать в относительно небольшие сроки. Однако на принятие таких инноваций и изменений у населения уходит намного больше времени, т.к. сознание людей формировалось на протяжении долгого времени, в том числе и «прошлым поколением».

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на сложное принятие населением некоторых социальных изменений, в современном обществе они необходимы для нормального функционирования всей системы государства. Они не только поддерживают ее работу, но и обеспечивают государство всем необходимым для дальнейшего его развития.

Источники и литература

[1] Волков Ю.Г. Социология : учебник / Ю.Г. Волков, В.И. Добреньков, В.Н. Нечипуренко, А.В. Попов ; под ред. проф. Ю.Г. Волкова. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Гардарики, 2003. — 512 с.

[2] Карпова М.К. Факторы социальных изменений современного российского общества // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство», esj.pnzgu.ru. — 2015. — № 2 (10).

[3] Мельников Е.Г. К вопросу о типах социальных структур и особенностях их проявления в российском обществе // Синергия Наук. — 2017. — № 15. — С. 707–719.

[4] Социологическая структура современного российского общества [Электронный ресурс]: URL: mirznanii.com/a/212609/sotsiologicheskaya-struktura-sovremennogo-rossiyskogo-obshchestva

Вызовы теории и истории права
в условиях структурных изменений общества

Вопросы формирования политического правосознания у молодого поколения в Республике Беларусь

Рагуев Алексей Андреевич

Студент (бакалавр)

Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова, Факультет экономики и права, Могилёв, Беларусь

E-mail: aleksey_raguev_2003@mail.ru

Представленная в настоящей главе политико-правовая категория имеет соприкосновение с различными типами и элементами осознанной действительности. К примеру, политико-правовое сознание соединено с правовой культурой, поскольку общество определяет ценность политико-правовых явлений через призму нравственности и безнравственности, справедливости и несправедливости. Политическое восприятие в известной степени переплетается с правосознанием, поскольку, осуществляемая государством, многовекторная деятельность регламентируется законодательными актами, правом.

Политическое сознание молодого поколения содержит в своей структуре два элемента. Во-первых, политическую идеологию, которая являет собой этический набор идеалов, доктрин, принципов определенного общественного движения, института или социального класса, объясняющих устройство общества и предлагающих политико-культурные проекты общественного порядка. Во-вторых, политическую психологию, изучающую закономерности политического поведения и сознания отдельных социальных групп, классов, индивидов и реализующуюся в их конкретных политических действиях.

Колоссальную роль в зарождении, созревании и становлении такого структурного элемента политики, как политико-правовое сознание индивида, играют три составляющих. Первой составляющей является семья — самая малая первичная ячейка общества, именно она закладывает социопсихологическое основание индивидуальности гражданина. Вторая составляющая основывается на информации, поступающей и воспринимаемой человеком посредством СМИ, Интернета, общения. Третьей составляющей служит индивидуальное знание (опыт) личности, которое оказывает влияние на становление и совершенствование политико-правового сознания. Вышеперечисленные источники создают комплекс знаний, позволяющий политическому «Я» исследовать внешнюю среду и соотноситься с ней.

Рассматриваемая нами в данной статье, категория «политико-правового сознания» может взаимодействовать с разнообразными типами социального сознания, представленными правовыми концепциями и нормами, учениями философов, экономическими науками, духовными и этическими принципами, эстетикой и другими. Политико-правовое сознание нелинейно, а обладает разными уровнями и многогранной формой.

Так, например, по субъектному составу выделяют индивидуальное, групповое и массовое политическое сознание, по глубине отражения действительности — обыденное и научно-теоретическое.

Политико-правовое сознание молодого поколения образуется благодаря официальным и невидимым механизмам, являемых посредством общесоциальных контактов, правовых норм, типового образа действия (поведения) в реальных условиях.

Резюмируя все изложенное, подведем итог: во-первых, такая категория, как «политико-правовое сознание» возникает под влиянием направленного обучения и воспитания политико-правовой культуре, что способствует приобретению знания, следованию правилам, усвоению правовых норм, представлений и идеалов.

Во-вторых, политико-правовое сознание есть следствие нахождения человека в общественно-политической атмосфере, отражающей специфику места молодежи в этой атмосфере и настоящие правовые отношения в социуме, приобретающие порой противоречивый и неожиданный вектор. Противоречивость правового сознания молодого поколения, недостаток ясных политических целей обусловлены нечеткостью социального положения молодежи и ее политической идентификацией.

Еще одной особенностью свойственной политико-правовому сознанию молодого поколения представляется противостояние рациональных и иррациональных ориентиров в его сознании. Как результат — непредсказуемость и аморфность в правом поведении молодых людей. Следует согласиться с мнением Ольшанского, который считал, что «доминирование неосознанных представлений в сознании — следствие процесса массовизации, связанного с функционированием в современном обществе различных видов информации» [1, с. 110].

Н.П. Денисюк отмечал, что «молодежь представляет собой переходную ступень от социальной роли ребенка к социальной роли взрослого. В этом утверждении ученого кроется следующее свойство политико-правового сознания молодого человека — лабильность. Она объясняется социально-психологической переходностью рассматриваемой возрастной группы и отсутствием политического опыта. Неустойчивость правового сознания молодежи предопределяет ее подверженность к манипулированию» [2, с. 58].

В развивающемся обществе можно выделить такую черту политического сознания молодежи, которая соотносится со спецификой рационализации ее сознания. Она заключается в имитации и симуляции участия в политической и правовой жизни, вызвана формальной включенностью молодежи в управленческие структуры и сферу осуществления политико-правовых решений. Исследования ученых отмечают недостаточное доверие молодых людей к действующим органам и институтам власти, политическим объединениям, их молодежным руководителям. Последние оказываются в роли камня преткновения между молодежью и политико-правовым институтом, который не способствует претворению в жизнь озвученных мыслей, решению социальных вопросов молодых людей. Как итог — среди молодого поколения растет отчужденность, снижается его значимость в структуре социально-политических отношений, возникает личностная дезорганизация, обостряется правовой нигилизм. Проблема правового нигилизма весьма актуальна для Республики Беларусь. Усваивая традиции отечественного правового менталитета, молодежная среда формирует отдельное отношение к праву, к законодательным актам. В большинстве случаев, чувствуется недостаточная информированность людей, проживающих в свободном высокотехнологичном информационном обществе. Причем трудность заключается в том, что молодежь сама не желает приобщаться к нормам права, считает право и государство институтом, ограничивающим

их личные свободы. Имеющиеся в обществе стереотипы о государстве и праве, подкрепляемые социальными сетями, массмедиа представляют большое количество нереальных ситуаций, в которых персонаж поступает вопреки «несправедливому» закону и выходит из них победителем. В настоящей жизни все может оказаться иначе — правонарушитель ощутит на себе всю силу принудительных мер воздействия со стороны государства.

В период реформирования белорусского социума произошло замещение коллективистических идеалов молодого поколения идеалами общества потребления, западного общества. Молодежь впитывает в себя, главным образом, политико-правовую культуру либерально-демократического мира, а не традиционного общества. Здесь появляется еще одна черта политико-правового сознания молодежи — непринятие общепринятых политических ценностей, то есть возникновение аполитичности. Аполитизм молодых людей объясняется иллюзорным представлением о демократическом строе, как о стремительном и положительном развитии страны. Однако с первых этапов демократизации нашего общества следует уяснить: демократия неидеальна и представляет собой постоянный процесс совершенствования.

Нарастающая деформация политико-правового сознания молодых граждан на фоне усвоения установок правового нигилизма может угрожать массовым, практически не контролируемым девиантным и делинквентным поведением, способствовать дестабилизации взаимоотношений в обществе, порождая конфликты и противоречия. Вышеописанные особенности политико-правового сознания наблюдаются не только в нашей стране, но и в большинстве стран Западной Европы. Они являются результатом недостаточного представительства интересов основной массы молодежи в области политики и права, недостатка действенных политических сил, способных отстоять ее точку зрения.

Таким образом, преодоление нигилистических установок в молодежной среде связано с процессом социализации молодых людей. Данный процесс должен состоять: в аккумулировании навыков самостоятельного оперирования правовыми понятиями, в развитии юридического мировоззрения, в способности определять социально-общественную позицию, в проектировании возможных вариантов развития событий в юридически значимых ситуациях, в передаче ценностей и достижений правовой культуры одного поколения другому. Доминирующие идеи патриотизма, гуманизм, создание условий для раскрытия творческого потенциала, социализация личности как гражданина Республики Беларусь — это основные принципы воспитательной работы государства с молодым поколением.

Источники и литература

[1] Котляров, И.В. Политические партии Беларуси: между прошлым и будущим / И.В. Котляров. — Мн.: Минский институт управления, 2017. — 564 с.

[2] Денисюк, Н.П. Избирательная система Республики Беларусь / Н.П. Денисюк. — Мн.: Оракул, 2017. — 67 с.

Вызовы теории и истории права
в условиях структурных изменений общества

Нормативное обеспечение экспертизы проектов нормативных правовых актов: теория, практика, проблемы

Строготяну Максим Станиславович, Федосеев Матвей Олегович

Студент (бакалавр)

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия

E-mail: FedoseevMO@studklg.ru

Современный этап государственно-правового развития в нашей стране характеризуется расширением и усложнением сферы правового регулирования. На наш взгляд, именно эти обстоятельства обуславливают необходимость и целесообразность совершенствования методологии правотворчества. Целый ряд классических составляющих правотворчества претерпевает определённую модернизацию и постоянно совершенствуется. К таковым, по нашему мнению, стоит относить институт экспертизы в правотворчестве.

Считаем целесообразным привести дефиницию понятия «экспертиза проектов нормативных правовых актов». По мнению А.Н. Миронова, «экспертиза проекта нормативного правового акта — это проводимое специалистом (экспертом), обладающим специальными познаниями, в закрепленном процессуальном порядке исследование, имеющее целью установление необходимой информации об обстоятельствах, существенных для принятия уполномоченными субъектами качественного и эффективного нормативного правового акта» [4, с. 33]. Представляется, что данная академическая дефиниция при её довольно содержательном наполнении фокусирует внимание на качестве и эффективности нормативного правового акта. Именно этот аспект предполагает важную роль экспертизы в обеспечении качества принимаемых нормативных правовых актов.

Исходя из определения, данного А.Н. Мироновым, можно констатировать, что экспертиза проектов нормативных правовых актов является мощным средством обеспечения качества принимаемых актов. Однако, следует отметить, что максимальной эффективности экспертизы проектов нормативных правовых актов можно добиться лишь путем качественного правового закрепления данного института.

Экспертиза, как институт федерального законотворческого процесса, закреплена в Регламенте Государственной Думы. Так, в статьях Регламента Государственный Думы закреплены такие виды экспертизы, как правовая, юридико-техническая, лингвистическая, научная и независимая. Также указываются субъекты, осуществляющие экспертную деятельность.

К сожалению, в Регламенте Государственный Думы не закреплено базовое понятие экспертизы и в целом не даны обстоятельные характеристики каждого вида экспертизы — такие, как определение понятия, субъектный состав, требования к проведению и т.д. В статье 112 Регламента лишь изложены требования к экспертному заключению, которое готовится на основании результатов правовой экспертизы [3].

Поскольку институт экспертизы проектов нормативных правовых актов является составляющей правотворческого процесса, считаем целесообразным провести анализ

так называемых региональных «законов о законах». Для того, чтобы определить общие тенденции правовой регламентации экспертизы проектов нормативных правовых актов, нами были проанализированы около 30 законов субъектов Российской Федерации.

Проведённый анализ показывает, что региональные законодатели использовали различные подходы к правовому закреплению института экспертизы.

К сожалению, в череде анализируемых законов есть законы, в которых вообще не упоминается институт экспертизы. Это законы таких субъектов, как Ненецкий автономный округ, Кировская, Самарская и Тверская области.

В законах только двух субъектов: Ханты-Мансийского автономного округа и Брянской области дано определение экспертизы. Считаем возможным обозначить, что отсутствие в остальных анализируемых законах дефиниции понятия экспертизы нормативных правовых актов в определенной степени снижает качество правовой регламентации.

Несколько более обстоятельно, но в то же время, на наш взгляд, с использованием довольно формального подхода, институт экспертизы закреплен в законодательстве Республик Северная Осетия — Алания, Башкортостан, Карелия, а также в Липецкой и Волгоградской областях. В данных регионах проводится экспертиза только проектов нормативных правовых актов, имеющих важное политическое, экономическое и социальное значение. То есть, не все акты проходят проверку.

Интересным является подход, использованный законодателем Республики Алтай. Законодатель закрепляет целый список возможных экспертиз, одной из которых является обязательная для всех актов публичная независимая экспертиза [1].

В законах Ямало-Ненецкого автономного округа и Волгоградской области закреплены требования к научной экспертизе нормативных актов, а в Законах Краснодарского края и Томской области содержатся самостоятельные главы, посвященные научной экспертизе и содержащие определение понятия, виды, задачи, субъекты научной экспертизы. В Законе Ямало-Ненецкого автономного округа закреплена педагогическая экспертиза [2].

В законах Республики Хакассия, Челябинской области и города Москвы закреплен правовой формат наибольшего количества экспертиз. Именно в этих законах просматривается наиболее обстоятельный подход к закреплению экспертизы проектов нормативных правовых актов, что, безусловно, создает прочную основу для использования данного института в процессе регионального правотворчества.

Практически во всех анализируемых региональных «законах о законах» имеются статьи, которые содержат требования к проведению антикоррупционной экспертизы.

Таким образом, подводя итог проведенному в рамках данной статьи исследованию, необходимо сделать вывод о том, что в законодательстве субъектов Российской Федерации не сложилось единого подхода к правовой регламентации института экспертизы проектов нормативных правовых актов. В условиях, когда интенсивность правотворчества в регионах невысокая, представляется целесообразным уделять более пристальное внимание экспертизе проектов нормативных правовых актов, осуществляя не только правовую, научную, антикоррупционную экспертизу, но и экологическую, финансовую, юридикотехническую, гендерную, политологическую и т.д. Кроме того, считаем целесообразным принятие федерального закона «Об экспертизе проектов нормативных правовых актов в Российской Федерации», который заложит единую правовую первооснову для института экспертизы в правотворчестве. После принятия данного закона

субъекты Российской Федерации будут обязаны привести региональное законодательство в соответствие с его нормами.

Источники и литература

[1] Закон Республики Алтай от 05.03.2008 № 18-РЗ «О нормативных правовых актах Республики Алтай» // СПС «Консультант Плюс». Дата обращения: 23.07.2023.
[2] Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 06.04.2006 № 13-ЗАО «О правотворчестве» // СПС «Консультант Плюс». Дата обращения: 23.07.2023.
[3] Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22.01.1998 № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». Дата обращения: 23.07.2023.
[4] Миронов А.Н. Экспертиза проектов нормативных правовых актов федеральными органами исполнительной власти // Административное право и процесс. 2012. № 2. С. 32–38.

Вызовы теории и истории права
в условиях структурных изменений общества

Государственное строительство в эпоху глобальных политико-правовых трансформаций

Тазаян Роза Лерниковна

Студент (бакалавр)

Ростовский юридический институт (филиал) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, Юридический факультет, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: rtazayan12@mail.ru

Государственное строительство в Российской Федерации на современном этапе достигло динамичного и поступательного развития, подтверждением этого является стремительное эволюционирование общественных отношений. За последние годы прослеживается активное совершенствование системы органов государственной власти, местного самоуправления, правовой, политической и экономической системы. Первостепенно мотивацией для таких свершений становится не только необходимость достижения национальных целей и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года, но и динамично изменяющаяся международная политико-правовая архитектура, которая в отношении России имеет деструктивный характер. В связи с этим возникает необходимость в трансформации организации и деятельностии органов государственной власти и местного самоуправления, своевременное реагирования на внешние и внутренние вызовы.

Актуальность вопроса подтверждается происходящими на политической арене в настоящем времени событиями, а именно фундаментальными угрозами, в отношении Российской Федерации, которые из года в год шаг за шагом грубо и бесцеремонно [1] создавались западными политиками. Весь ход развития событий и анализ поступающей информации показал — столкновение нашего государства с деструктивными силами неизбежно, что ставит на первый план и затрагивает интересы не только текущего государственного строительства, но и будущего Российской Федерации, всего общества и каждого гражданина.

Первостепенно для сохранения своей государственности и устойчивого положения на мировой арене Россия должна продолжать свою деятельность по недопущению разрушения традиционных ценностей и интересов нашего государства, активного противодействия западному «порядку», негативно влияющему на систему безопасности во всем мире, пренебрегая нормами международного права, развивающему терроризм и экстремизм повсеместно.

Ярким маркером соответствующей реакции на сложившуюся ситуацию на государственном развитии Российской Федерации, является введение 4 марта 2022 года в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации соответствующих изменений — новых составов преступлений, предусматривающих ответственность за фейки и дискредитацию [2]. Необходимость таких новелл обусловлена внешней агрессией по отношению к Российской Федерации, использованию информационной войны

как одного из средств влияния, создания негативного образа России на международной арене, дискредитацию достижений, создании нового «железного» занавеса, политической и экономической изоляции. Целью вышеперечисленных новелл в первую очередь стала защита института государственности.

Инициирование в качестве вынужденной меры — специальной военной операции, столкнулось с беспрецедентным по своим масштабам давлением, как в отношении государственных органов, так и государственных служащих, физических лиц, целого ряда отраслей экономики. Начиная с 24 февраля 2022 года против нашей страны введено более 10 тыс. санкций. Но при этом, в сравнении с такими государствами как Иран и КНДР, которые живут под санкционным давлением десятилетиями, в отношении них не насчитывается суммарно такое количество санкций.

Таким образом одним из направлений государственного строительства на ближайшую перспективу становиться минимизация западных санкций в отношении России. По данному поводу Председатель правительства РФ М.В. Мишустин отметил, что импортозамещение наряду с оказанием мер поддержки отечественному бизнесу, выступает основной целью поддержания финансовой и экономической стабильности государств.

В контексте изменяющейся международной политико-правовой архитектуры, государственное строительство в 2022 году демонстрировало существенные корректировки. Одним из заметных аспектов стало переосмысление социальной политики во всех регионах Юга России. Это проявилось, прежде всего, в усилении социальной поддержки для семей участников Сил военно-специальных операций (СВО). Учитывая, что данная демографическая группа представляет собой значительную часть населения регионов, социальные корректировки, направленные на поддержку данной категории граждан, обозначенных как СВО-льготники, способствовали серьезному перераспределению бюджетных средств на региональном уровне. Это свидетельствует о новой социализации региональных бюджетов, процесс которой активно развернулся в течение анализируемого года.

Вторым существенным аспектом динамики государственного строительства в 2022 году стала реакция на введение международных санкций и реструктуризация региональных экономик. Региональные власти активно искали новые возможности адаптации к меняющимся условиям. Особое внимание уделялось развитию транспортного коридора «Север — Юг» в регионах Нижнего Поволжья. Проекты, связанные с транспортным коридором, стали ключевым элементом региональной политики в Астраханской, Волгоградской, Саратовской и Ульяновской областях, исходя из стремления использовать потенциал Каспийского транзита и водных артерий региона в лице рек Волги и Дона. Правительство Российской Федерации, отражая стратегическую значимость проекта, увеличило финансирование соответствующих инициатив в девять раз, что подчеркивает важность и надежды, возлагаемые на данный транспортный коридор в рамках национальной экономической стратегии.

Кроме прочего, стоит акцентировать внимание на прецедентном случае введения правового режима контртеррористической операции (КТО) в Белгородской области, объявленном губернатором Вячеславом Гладковым 22 мая 2023 года [3]. Этот шаг имеет особое значение в контексте государственного строительства в эпоху глобальных политико-правовых трансформаций. Ранее, введение такого режима на территории всего субъекта Федерации было осуществлено лишь раз — в Чеченской Республике в период с 1999 по 2009 года. Введение КТО в Белгородской области несёт в себе

не только отражение адаптивных механизмов регионального законодательства к современным угрозам, но и выявляет активное взаимодействие между федеральным и региональным уровнями власти в сфере обеспечения национальной безопасности.

В период специальной военной операции (СВО) законодательство Российской Федерации подверглось ряду изменений с целью обеспечения правовой защиты и социальной поддержки участников указанной операции [4] и их семей. Эти изменения отражают государственную политику в эпоху глобальных политико-правовых трансформаций, внедряя механизмы, облегчающие жизненные условия для мобилизованных граждан. Участникам СВО предоставлено право на бесплатное юридическое сопровождение, а также освобождение от госпошлины за выдачу паспорта и водительского удостоверения в случаях их утраты или повреждения [5]. Дополнительно, военнослужащие, применяющие участие в СВО, освобождены от уплаты транспортного налога на территории Московской области [6]. Госдума приняла закон о спецификации уголовной ответственности для участников СВО [7], а также законопроект, регулирующий контроль за деятельностью лиц под иностранным влиянием [8]. Эти и многие другие меры подчеркивают активное стремление государства адаптировать законодательные рамки в ответ на текущие политико-правовые требования и мировые вызовы.

В заключение хотелось бы сказать, что в текущих условиях государственного строительства, изменяющейся международной политико-правовой архитектуры с одной стороны должное внимание необходимо уделить централизации власти, с целью принятия более слаженных действий, оперативных решений, но при этом одновременно следует предоставить регионам больше возможностей действовать самостоятельно, так как при принятии решений в сложившейся ситуации весомое значение имеет знание фактического положения дел на местах. Проанализировав процессы последних лет в Российской Федерации следует отметить их позитивное влияние на совершенствование государственного строительства. Для дальнейшего развития в этой сфере необходимо также усилить внимание вопросам систематизирования федерального законодательства и законодательства о местном самоуправлении; гарантирования соблюдения данных нормативных актов; обеспечения финансово-экономической стабильности регионов. Такой комплексный подход к организации государственного строительства позволит по максимуму работать в интересах людей.

Источники и литература

[1] Стенограмма обращения Президента Российской Федерации 24 февраля 2022 года [Электронный ресурс] URL: http://prezident.org (дата обращения:14.05.2022)

[2] Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 04.03.2022 № 32-ФЗ // Российская газета, № 49, 09.03.2022.

[3] Постановление Губернатора Белгородской области от 22.04.2023 № 64 «О введении режима чрезвычайной ситуации» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) от 22.04.2023 № 3100202304220001.

[4] Федеральный закон «О внесении изменений в статью 20 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 13.06.2023 № 225-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) от 13.06.2023 № 0001202306130042.

[5] Федеральный закон «О внесении изменений в статью 333-35 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» от 29.05.2023 № 187-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) от 29.05.2023 № 0001202305290012.

[6] Закон Московской области № 64/2023-ОЗ «О дополнении Закона Московской области «О льготном налогообложении в Московской области» статьей 26.40 «Льготы, предоставляемые отдельным категориям граждан» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) от 03.05.2023 № 5000202305030005.

[7] Федеральный закон «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» от 24.06.2023 № 270-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) от 24.06.2023 № 0001202306240008.
[8] Федеральный закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14.07.2022 № 255-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) от 14.07.2022 № 0001202207140018.

Вызовы теории и истории права
в условиях структурных изменений общества

Правовое значение и сущность Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года

Чистякова София Евгеньевна

Студент (специалист)

Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Международно-правовой факультет, Москва, Россия

E-mail: sofiya.chistyakova.2019@mail.ru

Уголовное законодательство России имеет долгий путь своего развития. Так, в качестве первого уголовного кодекса России принято считать «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». Данный нормативно-правовой акт имел свое существование в XIX веке. Согласно историческим данным, 15 августа 1845 года он был утвержден Николаем I, а 1 мая 1846 года он был введен в действие. Стоит отметить, что Уложение о наказаниях уголовных и исправительных по праву можно считать первым источником уголовного законодательства России, поскольку источники, которые существовали до него включали в себя несколько отраслей права. В качестве примера обратимся к воинскому артикулу Петра I, который считался военно-уголовным кодексом. Настоящий пример говорит нам о том, что не было четкого разграничения в праве [1, с. 2–3].

Говоря о развитии Уложения о наказаниях уголовных и исправительных стоит подчеркнуть, что он просуществовал вплоть до 1917 года, при этом 4 раза он подлежал изменениям. Данный нормативный правовой акт являлся основой для противостояния уголовным противоправным действиям, кроме того, боролся с общественно-политическими движениями.

Особое значение для развития российского законодательства повлияло правление Николая I [3, с. 7–10]. Рассматривая XV том Свода законов Российской империи необходимо сказать о том, что в первую очередь он был посвящен уголовному законодательству. Так, впервые было определено понятие «преступление», выделены общая и особенная части. Кроме того, были определены формы вины, а также выделены виды соучастия в преступлении. Таким образом, ранее существовавшее законодательство хоть и затрагивало нормы уголовного права, но формальным образом, иначе говоря, не было четкого выделения каждой отрасли права. Именно это и послужило предпосылкой для становления Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

Кроме того, для его составления активно был использован зарубежный опыт, а также судебная практика как уголовная, так и административная. Так, в 1844 году был подготовлен проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Его структуру составляла таблица, которая включала в себя три части. К проекту также прилагалась пояснительная записка. 15 августа 1845 года Николай I утвердил данный нормативно-правовой акт [2, с. 21–24].

Рассматривая содержание Уложения о наказаниях уголовных и исправительных необходимо отметить, что глава 2 содержит в себе разграничения понятий «преступление» и «проступок». Так, согласно статье 1 настоящего законодательного акта под преступлением принято понимать «Всякое нарушение закона, через которое посягает неприкосновенность прав Власти Верховной и установленных Ею властей, или же на права и безопасность общества или частных лиц, есть преступление». 2 статья закрепляет, что понимается под проступком «Нарушение правил, предписанных для охранения определенных законами прав и общественной безопасности или же личной безопасности или пользы, именуется проступком». Помимо этого, статья 4 указывает нам на то, что «Преступлением или проступком признается как само противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания уголовного или исправительного законом предписано». Стоит отметить, что в целях разграничения преступления и проступка особое внимание уделялось объекту, на которое было направлено посягательство. Однако четкость объекта все же не была точно определена, поэтому некоторые проступки были расценены как преступления. Кроме того, чтобы отделить преступление от проступка необходимо было определить тяжесть совершаемого деяния [5, с. 1–5].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных определяло умышленный и неумышленный характер совершения преступлений и проступков. Кроме того, в ст. 6 не только давалась понятие «умышленное преступление», но и определены степени умышленно совершенных деяний. Так, в качестве первой степени принято считать деяния, которые были совершены обманным путем, вторая же степень предполагает совершение действий в состоянии аффекта. В качестве признаков, которые характеризуют деяние как умышленное выделяют умысел, приготовление к совершению преступления, а также момент окончания преступления. Случайное или неосторожное деяние принято считать неумышленным преступлением.

Таким образом, выделяется 3 степени преступления, а именно: тяжкое преступление, проступок и преступление. Отметим, что данные категории в законодательстве России появились впервые [4, с. 6–8].

В Уложении 1845 года содержится широкий перечень преступлений и проступков, в также меры наказания за каждое из них. Отдельный раздел посвящены обстоятельствам, которые освобождают лиц от привлечения к ответственности [8, с. 36–45].

Исторические данные свидетельствуют о том, что Уложение о наказаниях уголовных и исправительных просуществовало вплоть до 1917 года. Анализируя действия данного законодательного акта на всем протяжении его существования необходимо уделить особое внимание историческим сводкам, которые показывают нам следующую динамику обвиняемых в период с 1856 по 1858 гг. Так, в 1856 году количество обвиняемых составило 383229, в 1857 году число обвиняемых уменьшилось и стало равно 383216, однако в 1858 году наблюдается резкий рост лиц, привлекаемых в качестве обвиняемых, их число было равно 404717. Что касается наказаний осужденных, связанных с лишением государственных прав, то в 1857 г. к таким наказаниям было приговорено 5558 человек, а в 1858 г. их число увеличилось до 5724 [6, с. 2–9].

Классификация лиц, подвергшихся уголовному наказанию, позволяет выявить конкретные классы, на которые были направлены эти суровые формы наказания. В 1856 г. число лиц, наказанных за уголовные преступления в «прочих сословиях», было в 68,7 раза больше, чем в привилегированных сословиях. Это еще раз подтверждает мнение о том, что на вносимые наказания влиял классовый и социальный статус обвиняемых, что было четко указано в законе посредством реализации уникальной системы

параллельных наказаний. Закон устанавливал иерархию наказаний, в которой отчетливо отражался сословный подход.

Подводя итоги, хотелось бы добавить, что Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных имеет особое значение в уголовном праве России. Многие аспекты, которые закреплялись в данном нормативном правовом акте послужили предпосылками для существующего на сегодняшний день уголовного законодательства [7, с. 1–4].

Источники и литература

[1] История отечественного государства и права : курс лекций / И.В. Архипов, Ю.М. Понихидин, О.Ю. Рыбаков [и др.]. — М. : Проспект, 2009. — 304 с.
[2] Уголовное право по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года https://otherreferats.allbest.ru – С. 21–24.
[3] Уголовный закон : научное исследование http://dlib.rsl.ru – С. 7–10.
[4] Юридический анализ категорий «преступление» и «проступок» в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года». http://elibrary.ru – С. 6–8.
[5] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных https://otherreferats.allbest.ru – С. 1–5.
[6] Правовые формы самоорганизации институтов гражданского общества / А.А. Беляева, А.Г. Мамонтов // Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2020. — № 1, январь-март. — С. 2–9.
[7] История отечественного государства и права https://book.ru – С. 1–4.
[8] История России. Мультимедиа учебник. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) [Электронный ресурс] URL: https://www.history.ru/content/view/1114/87/

Вызовы теории и истории права
в условиях структурных изменений общества

Особенности развития концепции поколений прав человека в условиях цифровизации

Шакиров Артур Маратович

Студент (бакалавр)

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия

E-mail: artur.shakirov.21@bk.ru

С развитием информационного общества в современном мире возникают новые вызовы и проблемы, касающиеся защиты прав человека. Все больше людей сталкиваются с нарушениями своих прав, связанных с доступом и использованием информации, а также с угрозами безопасности и конфиденциальности. Понимание особенностей теории поколения прав человека в контексте развития информационного общества становится существенно важным для обеспечения справедливости и защиты прав всех граждан. Классическая модель теории поколений прав человека представляет собой концепцию, которая классифицирует права человека на основе их хронологического возникновения. Начало данной идеи исходит от Г. Гроция, который утверждал, что право стремится к самой природе человека и не зависит от законов, установленных у различных народов [1, с. 48]. Со временем учёные-правоведы предлагали множество разных концепций, одной из которых явилась идея о поколениях прав человека. Так, в 1970-х годах К. Васаком была выработана концепция, согласно которой есть три поколения прав: первое поколение включает в себя гражданские и политические права, второе поколение прав — социально-экономические и культурные, третье — коллективные права. В настоящее время некоторые исследователи права выделяют четвёртое поколение прав человека, которое включает права, связанные с информацией и коммуникацией.

Теория поколений прав человека в условиях развития общества в информационном пространстве безусловно должна учитывать взаимосвязь между правами человека и инновационными технологиями. Следует обратить внимание на вопросы цифрового разделения, свободу выражения, доступа к информации, права на безопасность и др. Но из-за значительного влияния информационных технологий и цифровых медиа происходят изменения в теории поколения прав человека, а если быть конкретнее, то цифровые права становятся составной частью основных прав и свобод. Они включают в себя право на свободу выражения мнений в онлайн-среде, право на интернет-доступ и цифровую грамотность, а также право на защиту персональных данных в социальных сетях.

Цифровые технологии призваны укрепить устои гражданского общества, расширяя право граждан на получение достоверной информации. Однако, есть и определённая опасность дезинформации существующей действительности, пропаганды насилия, жестокости, национализма и т.д. Так, например, Н.В. Кравчук считает, что «можно говорить о перемещении прав человека в цифровую сферу, и такой процесс подвергает

права человека беспрецедентным рискам» [3, с. 184]. Действительно, следует согласиться с мнением данного учёного, что передовые технологии могут оказать не только позитивное, но и негативное влияние на реализацию прав человека. Большая доля инфраструктуры Интернета не находится под контролем государств, следовательно, и не регулируется нормами, как внутригосударственного, так и международного права в области прав человека. Сложно обнаружить и привлечь к ответственности злоумышленников, которые, нарушая цифровые права человека, причиняют не только моральный, но и в большинстве случаев материальный вред. Эта проблема до сих пор остаётся нерешенной и требует дальнейших исследований и нахождения путей её решения.

Отметим, что улучшение состояния социума в условиях технического прогресса имеет существенное влияние на изменение прав человека в современном мире. С одной стороны, информационное общество способствует осуществлению права на свободу выражения мнения, свободу печати, а с другой стороны, развитие информационных технологий вызывает опасения относительно конфиденциальности и безопасности данных. Создание четвёртого поколения прав человека является необходимым в нынешнем цифровом обществе по причине развития информационных технологий, которые проникают практически во все сферы общественной жизни. В этой связи важно разработать эффективный механизм реализации новых прав, защищающих интересы людей и обеспечивающих их безопасность в информационном пространстве.

Ускорение процессов цифровизации привело к появлению нового термина — «цифровое гражданство», включающее в себя право на защиту данных, право на цифровую идентичность, право на возможности в цифровой сфере и т.д. Самым важным, на наш взгляд, следует считать здесь появление права на доступ к искусственному интеллекту. Это может включать в себя право на честный доступ к искусственному интеллекту с целью предотвращения дискриминации и неравенства в области образования и занятости, право на защиту личных данных и конфиденциальности.

Цифровизация также вызывает вопросы о прозрачности и надёжности информационных систем, защите от цифрового неравенства и гарантиях справедливости при использовании цифровых технологий в правоохранительной и государственной деятельности. Таким образом, особенности развития концепции поколений прав человека в условиях цифровизации представляет собой актуальную проблему, требующую всестороннего изучения и внимания, и необходимость модернизации концепции прав человека в условиях цифрового развития, обеспечения доступа к информации, а также постоянного учёта динамики экономических, политических и социальных систем. Совершенствование концепции поколений прав человека в условиях цифровой эры требует активного взаимодействия государств, международных организаций и сообществ, чтобы обеспечить сбалансированный подход к защите прав и свобод каждого индивидуума в цифровом мире.

Источники и литература

[1] Гроций Г. О праве войны и мира. [Электронный ресурс] URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Groziy_Kn1.pdf

[2] Vasak K. Human Rights: A Thirty-Year Struggle: The Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courtier. 1977.

[3] Кравчук Н.В. Практика Европейского суда по правам человека по делам, затрагивающим использование новых технологий (обзор) // Государство и право в новой информационной реальности. М.: ИНИОН РАН, 2018.

Вызовы теории и истории права
в условиях структурных изменений общества

Государственность как фундамент многонациональной России

Шахбанова Гульбиче Надировна

Студент (бакалавр)

Российская правовая академия МЮ РФ, Северо-Кавказский филиал, Юридический факультет, Кафедра теории государства и права, Махачкала, Россия

E-mail: shaxbanova0707@mail.ru

В современной юридической литературе используется новый термин «государственность». В данном контексте рассматриваются авторские подходы к сущности данного понятия. Изучение описания признаков, а также особенностей и проблем государственности.

Термин «государственность» все чаще появляется в юридической литературе. Этот термин многими авторами часто связывается с идеей «общего государства» или концепцией «государства» в конкретный исторический период. А отвечал за разработку идеи государственности в русской науке А.Б. Венгеров — как не просто совокупность политических, экономических и культурных процессов, входящих в состав государства, но и служащий историческим процессом, освящающим значительную часть истории (период от его зарождения до его распада). В связи с этим, автор различает два понятия: «Российское государство» и «Российская государственность». Ученый В.Е. Чиркин, в свою очередь, определяет это направление как совокупность знаний о государственных услугах в их различных проявлениях и формах [1].

В системном взгляде государственность представляется сложным механизмом, наподобие организма. В центре внимания находятся «принципы и идеологии власти», структурные части и институты. С учетом реляционного подхода, российское государство рассматривается как связующее звено между высшей властью и единством народа. В то же время, деятельностный подход сфокусирован на «реальной деятельности государственных институтов», в то время как другой подход сосредоточен на том, как государство решает исторические проблемы в российском обществе.

Государственность — это комплекс элементов и институтов публичной власти, определяемый своеобразными социальными, экономическими и политическими условиями жизни данного народа на том или ином этапе общественного развития. При этом государственность есть качество и состояние одного из уровней развития, которое проходит общество на пути своего роста; оно определяется как качество социальной структуры.

Все эти идеи согласуются с концепцией государства в России на разных стадиях развития, то есть «определенной социальной формы государственного устройства».

Не случайно создание государства представляло и в некоторой степени до сих пор представляет собой естественную потребность этносов использовать [2].

Современное российское государство само по себе представляет собой переходный тип государственного развития. В сложном и противоречивом процессе она будет развиваться и реорганизовываться под влиянием либерально-демократических принципов

государственной службы. Переходное государство в России — это форма правления, система собственности, взаимоотношения личности и государства. В настоящее время нет монопольных политических партий и централизованного управления экономикой. Появились различные механизмы регулирования общественных отношений: от непререкаемых национальных правил до апелляций к традициям, этике и деловой практике; от строгого государственного контроля до установления открытых и разнообразных мнений и убеждений — личности людей во всей экономической организации. В зависимости от того, как понимается российская государственность, определяется и ее специфика. Некоторые исследователи рассматривают специфику российской государственности в особенностях функционирования «государственного механизма» и его истории заимствований. Другие полагают, что российская верховная власть характеризуется единой (ответственной), сильной (авторитетной), беспристрастной (нравственной) властью, существующей для народа, но «служащей не народу, а правде». А третии, о «двойных стандартах» оценки деятельности государственных органов; политическом фанатизме; взаимном неуважении к власти; нерегулируемости процедур деятельности правительства; слабой экономической обоснованности принятия законодательных актов; неуважении к закону; о характеристиках самосознание России.

Нельзя не согласиться с мнением выдающегося ученого Людмилы Морозой, которая считает, что главным центральным звеном государственности является государство, а доминирующим положением являются отношения собственности и социальная организация общества, но в то же время нельзя исключать правовую систему общества [3].

Среди проблем современной российской государственности — проблема «политического насилия», которое началось в годы правления Петра I и сохранялось до конца XX века. Ученые согласны с этим наблюдением, но «политическое насилие» попрежнему остается актуальной проблемой даже в условиях демократии. Сравнивание репрессий при сталинском режиме с современным «политическим насилием», показывает, что существует несколько проявлений «политического насилия», которые все еще существуют сегодня. Если во времена отчества репрессировали бывших кулаков, то сейчас наказывают граждан которые убежали из страны во время начала СВО. А так же, если репрессировали участников антисевтских действий, то сейчас безнаказанными не остаются граждане которые активно выступали против власти и вышли в поддержку Алексея Навального. Следующая проблема современной российской государственности — отказ признания президентской республики. Несмотря на конституционные рамки, обеспечивающие российскую государственность, часто утверждается, что наша страна является смешанной республикой, а это означает, что парламент и президент имеют равные права и влияние на обе партии. Несмотря на то, что эти постановления имеют ограниченное юридическое воздействие, мы все же можем смириться с тем, что наша страна постепенно становится президентской республикой, характеризующейся парламентской республикой с колоссальным и неограниченным влиянием президента. Несмотря на то, что правовой статус российских субъектов изображается симметричным, объем их прав и обязанностей на самом деле весьма различен, а политические и экономические возможности разных субъектов Российской Федерации неравны. Кроме того, существует противоречие между нормами государственного и местного законодательства, что оказывает существенное влияние на правовой «климат» Российской Федерации.

В последние годы взаимоотношениям государства и общества уделяется большое внимание, раскрывая состояние государственной власти в современной России. Исто-

рическое развитие общества отражается в религии граждан и религиозных групп. Религия является носителем общечеловеческих ценностей и национальных исторических традиций, а также является фактором возрождения национального духа и нравственности. Хотя Конституция Российской Федерации и предусматривает светское государственное устройство, это не предполагает фактического разделения общества и сект. Наоборот: они сотрудничают во многих сферах жизни — например, в разрешении вооруженных конфликтов.

Поэтому, анализируя современное российское государство, мы видим, что его развитие зависит от общих законов, присущих мировому обществу и мировой цивилизации. При этом это развитие осуществляется в соответствии с законами, присущими России. Это объясняется исторической, национальной, духовной и культурной идентичностью. Своеобразие российского государства во многом определяется тем, что оно является доминирующей формой социальной интеграции, а именно: матрицей российской цивилизации и ее ролью в истории страны. Независимо от тех изменений, которые происходят в нашей стране, сила российского государства остается фундаментальной ценностью для россиян. Прежде всего, среди них то, что идея построения правового государства остается рутинным лозунгом, имеющим мало общего с реальной практикой российского государства.

Источники и литература

[1] Кожевников С.Н. Современная Российская государственность: к вопросу о понятии и содержании // Вестник ВГАВТ. — 2008. — № 24. — С. 83–86.

[2] Путин призвал укреплять государственность // РИА НОВОСТИ URL: https://ria.ru/20230519/putin-1872984750.html (дата обращения: 19.05.2023).

[3] Морозова Л.А. Современная российская государственность: Проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юр. наук. — 1998. — 19 с.

Круглый стол по теме «Гражданское право в социальном государстве»

Гражданское право в социальном государстве

Механизмы защиты права «семейного поручителя» в сравнительно-правовой перспективе

Бердников Павел Константинович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: berdnikovpvl@gmail.com

Под семейным поручительство понимается поручительство, выдача которого объясняется лишь доверительными отношениями с должником, а не экономической целесообразностью [3]. В западных правопорядках такому поручителю предоставляется дополнительная защита. Можно выделить два основных механизма защиты: предоставление возможности для оспаривания выдачи поручительства, а также возложение на кредитора дополнительных информационных обязанностей.

Одним из механизмов защиты поручителя является возможность оспорить выдачу поручительства на основе его противоречия добрым нравам. Так, в Германии в соответствии с позицией Федерального Конституционного суда предусмотрены определённые механизмы защиты в случаи связности кредитора и должника личным отношениями и при значительном несоответствии объема выданного обеспечения финансовым возможностям поручителя, в виде признания данных обеспечительных сделок недействительными (§ 134 BGB) как противоречащие добрым нравам (*Treu und Glauben*) [2, с. 88]. Однако, как отмечается, немецкая судебная практика не выработала механизмов определения степени превышения возможностей поручителя, при которой появляется возможность оспорить сделку [7, с. 540]. Отчасти, данные критерии можно найти в похожих решениях, принятых Верховным судом Австрии. Согласно его правовой позиции, выдача поручительства будет считаться противоречащим добрым нравам, (§ 879 ABGB) при условии, что воля поручителя была «ослаблена» из-за семейной солидарности и кредитор знал о наличии связанности поручителя и должника [6, с. 410]. Кроме того, в некоторых правопорядках, договор поручительства, который был выдан при наличии тесной связи между поручителем и должником, может быть признан противоречащим добрым нравам, в случае если поручитель не мог разумно оценить размер своего долга. В частности, такая правовая позиция была сформулирована Верховным судом Эстонии [5, с. 40]. В большинстве стран, тем не менее, основанием оспаривания будет именно нарушение принципа добросовестности (*bona fides*) [7, с. 543].

Другой подход к оспариванию сделок, может заключаться в установлении оспоримых презумпций, которые устанавливают факт зависимости поручителя от должника. Примером, может служить Великобритания, где, если поручительство было выдано ребенком родителям его заменяющим, и ребенок только недавно стал дееспособным, существует опровержимая презумпция, того, что он находился под влиянием родителей и как следствие данный договор поручительства может быть оспорен.

Вторым важным инструментом защиты является наличие дополнительных информационных обязанностей, возлагаемых на кредитора, которые являются также частью

регулирования по общей защите права поручителей — непрофессионалов. В частности, кредитор обязан представить информацию о характере обязательства поручительства, а также о максимальной сумме обеспеченного долга [6, с. 405]. Непредоставления информации влияет на возможность оспаривания договора поручительства. Так, в Великобритании и Нидерландах поручительства членов семьи могут считаются недействительными в том случае, если поручитель не был надлежащим образом проинформирован о рисках, вытекающих из договора, на момент заключения [5, с. 38].

Мы видим, что в многих европейских правопорядках поручителю, связанному с кредитором семейными отношениями, предоставляется возможность оспорить договор поручительства, а также возлагается на кредитора, обычно банка, дополнительная обязанность по информированию потенциального поручителя. Представляется, что предоставления семейному поручителю дополнительных возможностей по защите своих прав, объясняется особенностям семейных отношений, которые характеризуются особым эмоциональным содержанием, что может приводить к определенной неспособности поручителя разумно оценить свои возможности по предоставлению обеспечения. Однако, договор поручительства заключается между кредитором и поручителем, и связь между поручителем и должником не может оказывает, по общему правилу, влияние на заключения данного договора. Следовательно, разумно предоставить возможность оспорить данный договор можно только в случаи если одна из сторон знала о наличии данной связи и воспользовалась таким положением поручителя, то есть в случаи ее недобросовестности.

Рассмотрим проблему семейного поручительства в России. Отмечается, что в российском правопорядке семейному поручителю не предоставляется особая защита [3]. Однако, представляется, что суд имеет возможности для защиты такого поручителя путем обращения к общим положением гражданского права о запрете недобросовестного поведения. В частности, с помощью отказа в предоставлении судебной защиты. Кроме того, представляется возможным применить к выдаче поручительства общие положения о сделках, а именно о кабальных сделках (ст. 179 ГК РФ). При этом оспаривание по данному основанию требует доказывания, что сделка была совершенных на крайне невыгодных условиях, в частности, чрезмерное превышение цены договора относительно иных договоров такого вида [1], что бывает относительно трудов реализуемо для поручителя.

Источники и литература

[1] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 10.12.2013 № 162.
[2] Вебер Х. Обеспечение обязательств. — М. : Волтерс Клувер, 2009. — 480 с.
[3] Ламова М.В. Поручитель, требующий защиты как потребитель: европейский взгляд на проблему // Вестник ВАС РФ. — 2014. — № 7. — С. 20–46.
[4] Hartley T. The law of suretyship and indemnity in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and Ireland. Studies. Competition — Approximation of legislation Series. No. 28. Brussels, 1974. — 72 p.
[5] Irene Kull. Unfair Contracts of Suretyship — a Question about the Horizontal Effect of Fundamental Rights or about the Application of Contract Law Principles // Juridica International. — 2007. — № 12. — P. 36–45.
[6] Principles of European Law. Vol. 4: Personal Security / Prepared by U. Drobnig. Munich. 2007. — 567 p.
[7] Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Interim Outline Edition / Ed. by Christian von Bar, Eric Clive and Hans Schulte-Nölke.

Гражданское право в социальном государстве

Конституционная модальность института публичного договора через призму «социализации» частного права

Деркач Иван Григорьевич

Студент (бакалавр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Юридический факультет, Кафедра гражданского права, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: ivan05.derk@mail.ru

Публичный договор, явившийся своеобразной гражданско-правовой конструкцией регулирования пределов свободы договора, получил свое законодательное закрепление в российском правопорядке лишь в 1994 году с принятием Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ). Комплексно рассматривая специфику его легального регулирования и доктринальной интерпретации, необходимо указать следующие особенности:

1. Публичный договор выступает элементом модели ограничения договорной свободы ex ante, реализуемой посредством контроля существенных условий контракта законодателем на уровне нормативного регулирования. В то же время подобный институт не получил легального закрепления в европейских правопорядках, что исторически обусловлено господством принципа свободы договора и его абсолютизацией в период развития экономического оборота и капиталистических отношений в XIX веке. Так, в Англии суд не мог оценивать справедливость условий договора и обязан был разрешать спор только в рамках установленных контрактом прав и обязанностей сторон [1, с. 87]. Лишь с переосмыслением принципа laissez-faire во второй четверти XX века функция распределительной справедливости права и концепция защиты слабой стороны договора постепенно получили закрепление в правовых системах большинства европейских государств. В связи с этим при оценке условий контракта (в частности, потребительского) суды обладают большей дискрецией (расширяя применение модели ex post контроля), используя доктрину «laesio enormis», концепции стандартов «публичных интересов» («public policy») или «публичного порядка» («ordre public») и добросовестности участников оборота [2, с. 1257]. Так, в Скандинавских странах суды имеют возможность не признать или модифицировать несправедливое условие любого потребительского договора; в Германии судебные инстанции оценивают стандартность условий и равенство переговорных возможностей сторон контракта, при необходимости устанавливая баланс прав и обязанности сторон посредством ссылки на принципы добрых нравов и конституционный принцип социального государства; в Англии в рамках ex post контроля используется доктрина недолжного влияния (злоупотребления правом) и недобросовестного использования преимуществ [1, т. 2, с. 217]. Таким образом, суды в зарубежных правопорядках гармонично используют предписания позитивного права в системной связи с стандартами и критериями, выработанными в практике правоприменения при поиске баланса между общественными ценностями и интересами профессиональных участников рынка.

2. Институт публичного договора с самого его закрепления и в ходе тридцатилетнего развития приобрел конституционно-правовую семантику. Безусловно, указанный институт оказался непосредственно связанным с *конституционными принципами правового и социального государства*, что нашло отражение в необходимости недискриминационного предоставления услуг по договору, защите стороны контракта, находящейся в позиции неравных переговорных возможностей [3, с. 866]. В доктрине конституционного права принцип социального государства рассматривается в качестве инструмента балансирования категорий «равенства», «свободы» и «социальной справедливости», что зачастую приводит к изъятиям из принципа правового государства с его юридико-формализованными установками непререкаемого равенства всех перед законом и вносит необходимый социально-экономический контекст в механизм нормативной регламентации, зачастую основанный на модели «позитивной дискриминации» [4, с. 383]. При этом принцип социального государства подразумевает не только «ретроактивную» государственную помощь социально незащищённым слоям населения (которая может приводить к т.н. «ловушкам бедности»), но и «проактивную» поддержку, направленную на создание условий для индивидов, имеющих априори неравные возможности в контексте свободных рыночных отношений [5, с. 88]. Публичный договор не является исключением и призван защитить слабую сторону контракта, хотя и выступает институтом исключительно частного права, однако неизбежно отражает его «социализацию», наличие публичного интереса и отвечает вызовам времени в современных развитых конституционных системах.

3. Вместе с этим рассматриваемый институт выступает ограничителем одного из фундаментальных принципов гражданского права — *свободы договора*. Авторы отмечают, что принцип свободы договора получил в российской правовой системе конституционное наполнение, в связи с чем его ограничение возможно лишь на основании ч. 3 ст. 55 Конституции РФ в форме закона [6, с. 95]. Однако в ситуации с нормативным регулированием публичного договора ГК РФ допускает установление типовых условий и обязательных правил в порядке делегированного законодательства (т.е. подзаконными актами). Свобода договора может ограничиваться императивной нормой закона, однако и при отсутствии явного нормативного запрета, суд, следуя разъяснениям ВАС РФ (изложенным в Постановлении Пленума от 14.03.2014 № 16), должен учитывать цели законодательного регулирования, направленные на «защиту особо значимых охраняемых законом интересов (интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов и т.д.) и недопущение грубого нарушения баланса интересов сторон». Свобода определения контрагента и вступления в обязательства, действительно, заметно ограничивается ст. 426 ГК РФ. Так, п. 3 названной статьи допускает понуждение к заключению договора, запрет на которое в обычных условиях оборота охраняется ст. 179 УК РФ. При этом Конституционный суд РФ неоднократно отмечал, что институт публичного договора, выступающий в качестве способа ограничения конституционной свободы договора на основании федерального закона, исключает право коммерческой организации отказаться от заключения такого договора и требует соблюдения принципа соразмерности, в силу которого гражданин как экономически слабая сторона в этих правоотношениях нуждается в особой защите своих прав; не допускает дискриминационного основания предоставления услуг, предполагает стандартность его условий для всех потребителей одной категории и обусловлен характером деятельности по оказанию услуг, являющейся социально необходимой и публично значимой, т.е. воплощающей в себе публичный интерес (Постановления КС РФ от 23.02.1999 № 4-П;

от 27.10.2015 № 28-П; от 20.12.2011 № 29-П и др.). Этот институт в понимании КС РФ также призван стабилизировать оборот и выполнить обязательства по урегулированию социально-экономических отношений государством, которое сам Конституционный суд неоднократно (применительно к РФ) характеризовал как «правовое государство с социально ориентированной рыночной экономикой» (Постановления КС РФ от 24.02.2004 № 3-П; от 25.05.2010 № 11-П; 12.07.2023 № 39-П и др.).

4. Основными юридически значимыми признаками публичного договора, воплотившими в себе функцию «социализации» гражданского права, являются: недискриминационный характер предоставления услуг; допустимость понуждения к заключению договора; ничтожность условий договора, нарушающих предписание закона; концепция защиты слабой стороны договора [7, с. 25]. При этом понятия публичности и публичного характера деятельности той или иной организации с целью признания ее лицом, обязанным заключить договор с потребителем, будут непосредственно связаны с категорией публичного интереса и особенностями оказания общественно-значимой услуги неопределенному кругу лиц в связи с тем, что общество заинтересовано, а государство обязано обеспечить предоставление фундаментальных общественных благ, выступающих предметами большинства публичных договоров (договоры энергоснабжения, водоснабжения, услуги связи и др.), на льготных для потребителей условиях [8, с. 136].

5. Несмотря на весомый публичный интерес и общественную значимость деятельности организации, обязанной заключить публичный договор, законодатель и правоприменитель не должны допускать дисбаланса принципов социального государства и свободы экономической деятельности, вмешиваясь в существо экономических прав граждан. В этом смысле императивность указанных норм о публичном договоре не должна допускать случаи «потребительского терроризма». Так, профессиональная сторона публичного договора должна иметь право на односторонний отказ от его исполнения в связи с существенными нарушениями обязательства со стороны потребителя, при этом понуждение к заключению договора, инициированное потребителем, в таком случае не должно допускаться на основании положений ст. 10 ГК РФ [9, с. 865].

Таким образом, публичный договор, как институт частного права, приобрел конституционно-правовое наполнение и позволил законодателю воплотить реализацию принципа социального государства в рамках регулирования конкретных обязательственных правоотношений, опосредующих предоставление публично значимых благ, которые обуславливают легитимность и конституционность ограничения базовых гражданско-правовых принципов, уступающих место процессу «социализации» частного права.

Источники и литература

[1] Свобода договора и ее пределы: в 2 т. / А.Г. Карапетов, А.И. Савельев. — М.: Статут, 2012.

[2] Korobkin R. Bounded Rationality, Standard Form Contracts and Unconscionability // Vol. 70 The University of Chicago Law Review. 2003. pp. 1203–1295.

[3] Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2020.

[4] Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. / С.А. Авакьян. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. Т. 2. — 912 с.

[5] Белов, С.А. Курс лекций по конституционному праву / С.А. Белов. — URL: http://hdl.handle.net/11701/18010 (дата обращения : 10.09.2023). — Режим доступа : Архив открытого доступа Санкт-Петербургского государственного университета.

[6] Вольфсон В.Л. После ВАС: доктрина свободы договора в современном российском правоприменении // Закон. — 2016. — № 9. — С. 91–99.

[7] Рыженков А.Я., Садков А.Н. Социализация частного права: природа и основные направления (на примере гражданского права) // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. — 2020. — № 1. — С. 22–28.

[8] Малютина Е.Ю. публичный договор как институт гражданского права // Вопросы науки и образования. — 2018. — № 3.— С. 135–137.

[9] Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. — М. : М-Логос, 2017. — 1120 с.

Гражданское право в социальном государстве

Ограничение свободы договора в целях защиты слабой стороны

Корчагина Ксения Сергеевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: korchagina.ksen@gmail.com

Гражданское право провозглашает свободу договора, однако в определенных случаях, она ограничивается в связи с необходимостью защитить определенных участников гражданско-правовых отношений — слабой стороны. В ситуации неравенства переговорных возможностей и невозможности каким-либо образом повилять на условие договора, законодатель принимает сторону защиты слабой стороны, что имеет социальную направленность. А.Л. Маковский видел высокую значимость защиты человека, который не обладает достаточными экономическими средствами для того, чтобы выдерживать жизненные обстоятельства [8, с. 37].

Рассматривая характеристики, позволяющие отнести контрагента к слабой стороне, стоит отметить, что до 2015 г. под слабой стороной понималась та, которая присоединяется к договору присоединения [5], но после, понимание слабой стороны в ст. 428 ГК РФ [3] расширилось: к ней стали относить те случаи, когда условия договора определены одной из сторон, а другая сторона в силу явного неравенства переговорных возможностей не могла поучаствовать в согласовании отдельных условий договора.

Согласно правовой позиции ВАС РФ, изложенной в п. 9, 10 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 г. № 16 «О свободе договора и её пределах» [15], слабой стороной договора является сторона, находящаяся в положении, затрудняющем согласование иного содержания отдельных условий договора, чем предложенные другой стороной. При этом суд, определяя нарушение баланса интересов сторон, выясняет фактическое соотношение переговорных возможностей сторон, уровень их профессионализма в соответствующей сфере, наличие конкуренции на соответствующем рынке и т.п. Понятие слабой стороны условное, потому что невозможно перечислить все факторы, влияющие на неравенство переговорных возможностей.

В правовой доктрине не сложилось единообразного предоставления о признаках слабой стороны. А.Ф. Пьянкова делает вывод о том, что слабая сторона может появиться в любом правоотношении в связи с асимметрией организационных, материальных, профессиональных, информационных и других конкурентных возможностей [16]. А.А. Томтосов отнес к критериям определения слабой стороны повышенную заинтересованность, непрофессионализм и неравные переговорные возможности [18, с. 369–371]. Р.С. Бевзенко указывает на то, что в договоре поручительства слабой стороной может быть как кредитор, так и должник, в зависимости от договорного этапа [1]. А.О. Малофеев предлагает учитывать не только экономический критерий, но и физические ограничения субъектов (физическая, психическая и психологическая слабость) [7]. А.В. Кузьмина выделяет ситуации, когда одна сторона предпринимает попытки изменить проект договора, а другая не дает возможность вести переговоры [6, с. 712].

Е.П. Волос выделила два способа определения слабой стороны: 1) прямой способ — через объективные юридически значимые признаки: слабую переговорную позицию, отсутствие профессионализма и опыта, некомпетентность в правовой сфере; 2) косвенный способ — через характеристики сильного субъекта: невозможность оказать влияние на процесс составления договора, навязывание условий договора контрагентом, доминирующие положение [2, с. 99–100].

Суды, как правило, принимают решения о защите слабой стороны через характеристики сильного субъекта, например, если сторона является профессионалом и обладает соответствующими знаниями [13]. Так, суды признают, что банки являются профессиональной стороной, при этом отмечая, что другая сторона не обладает опытом в заключении сделок на финансовых рынках [12].

Слабой стороной признаются граждане-потребители, а также граждане в социально-значимых отношениях, например, в договоре пожизненной ренты, банковского вклада, контрактации, найма жилого помещения [17, с. 8] и в отношениях по строительству жилого помещения [11]. Неравные переговорные возможности в определенных случаях могут существовать и между коммерческими организациями. Например, ВС РФ признал арендатора, являющегося коммерческой организацией, слабой стороной [10]. Однако необходимо учитывать, что если слабая сторона, в том числе, и гражданин-потребитель злоупотребляет своим правом, например, отказывается передать товар для проверки качества при возникновении спора [9], то при таком потребительском экстремизме является сомнительным предоставление дополнительной защиты.

При определении наличия слабой стороны, необходимо принимать во внимание конкретные обстоятельства дела. Представляется неверным признавать сторону слабой только на основании того, что она не является профессионалом в определённой сфере по сравнению с контрагентом. Так, в споре между ПАО «Транснефть» и ПАО «Сбербанк России» суд апелляционной инстанции не согласился с доводами суда первой инстанции о том, что истец (ПАО «Транснефть») не является профессиональным участником финансового рынка, обосновав это тем, что в структуре истца существуют специализированные отделы, которые осуществляют оценку и управление рисками, в том числе валютными [14]. В данном деле истец обладал способностью понимать условия сделок и имел фактическую возможность оценивать свои риски от заключения оспариваемых им сделок.

В случае договорных отношений между коммерческими организациями, недостаточно для признания слабой стороной определить, что у стороны отсутствует опыт/профессионализм, или, что другая сторона занимает доминирующее положение, потому что коммерсант может выбрать другого контрагента или привлечь консультантов для юридического сопровождения. Решающим фактором должно стать наличие или отсутствие реальной возможности провести переговоры или повлиять каким-либо образом на условия договора. Если у стороны была фактическая возможность повлиять на условия договора, но она этим правом не воспользовалась, нельзя говорить о том, что данная сторона является слабой. Верным будет и обратное: если в договоре закрепляется право стороны изменять условия договора, но фактически это право отсутствует вследствие того, что контрагент не дает возможность провести переговоры, в таком случае, необходимо предоставить дополнительную защиту стороне, признав её слабой.

Социальное назначение права в том, что оно защищает интересы слабых, которые нуждаются в особой защите [4, с. 79]. Институт защиты слабой стороны является инструментом устранения фактического неравенства сторон. Автоматическое применение

данного института только лишь по формальным признакам и без оценки фактических обстоятельств, будет приводить к необоснованным вторжениям в договорную свободу. Необходимо найти баланс между частным интересом в свободе договора и между публичным интересом, выражаемом в ограничении свободы договора с целью защиты слабой стороны. В достижении баланса может помочь закрепление критериев, устанавливающих, кого считать слабой стороной и кому необходимо предоставлять дополнительную защиту с учетом конкретных обстоятельств в договорных отношениях.

Источники и литература

[1] Бевзенко Р.С. Новеллы судебной практики в сфере поручительства // Вестник ВАС РФ. 2012. — № 11. — С. 46–59.

[2] Волос Е.П. Признаки слабой стороны в гражданском правоотношении в современных экономико-правовых условиях // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17, № 9. — С. 94–101.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023).

[4] Емелькина И.А. Социальное назначение ограниченного вещного права пользования // В сб.: Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М. : Статут, 2020. — С. 74–93.

[5] Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. М. : Статут, 2012. — Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве.

[6] Кузьмина А.В. Формирование доктрины защиты слабой стороны в договорном праве // Вестн. Пермск. ун-та. Юридические науки. — 2019. — Вып. 46. — С. 698–727.

[7] Малофеев А.О. О средствах правовой защиты слабой стороны договора // Законодательство. — 2016. — № 5. — С. 16–20.

[8] Михеева Ю.Л. О социальном государстве, патернализме и слабой стороне гражданского правоотношения // В сб.: Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М. : Статут, 2020. — С. 37–51.

[9] Определение Верховного суда РФ от 25.09.2019 № 93-КГ18-2 // СПС «КонсультантПлюс».

[10] Определение Верховного Суда РФ от 28.06.2017 по делу № 309-ЭС17-1058 // СПС «КонсультантПлюс».

[11] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.10.2021 № Ф05-6503/2020 по делу № А40-202425/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[12] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.09.2016 по делу № А40-168599/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

[13] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24 февраля 2015 г. по делу № А32-19788/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

[14] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.08.2017 № 09АП-37681/2017-ГК по делу № А40-3903/17 // СПС «КонсультантПлюс».

[15] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС «КонсультантПлюс».

[16] Пьянкова А.Ф. Способы защиты прав слабой стороны по договору присоединения // Защита гражданских прав: избранные аспекты: Сборник статей / Под ред. М.А. Рожковой. М. : Статут, 2017. — С. 57–80.

[17] Славецкий Д.В. Принцип защиты слабой стороны гражданско-правового договора: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2004.

[18] Томтосов А.А. Новые подходы к защите слабой стороны договора // Свобода договора: Сборник статей (отв. ред. М.А. Рожкова). М., 2016. — С. 364–382.

Гражданское право в социальном государстве

Допустимая степень влияния государства и императивных норм на гражданско-правовые отношения

Матаева Ольга Степановна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра гражданского права, Москва, Россия

E-mail: omataeva0103@gmail.com

В Конституции нашей страны закреплено, что Российская Федерация — социальное государство [1, ст. 7]. Существует множество разветвлений данной теории. Государство может участвовать в жизни граждан с разной степенью. Так, противоборствуют идея Work fare State (Модель государства труда) [5, с. 32] и идея патерналистского государства [9]. Для права, в частности гражданского, поставленная проблема очень важна, ведь от патерналистских ограничений государства зависит активность частной инициативы, оживленность частноправовых отношений. Также эта проблема важна в контексте обозначенного А.Л. Маковским в своем письме Суханову и Витрянскому тезиса о том, что цивилистика «превращается в инструмент обслуживания бизнеса», отворачиваясь от «социального», от регулирования отношений с участием граждан [7]. Мысли Маковского развивал Е.А. Суханов, говоря о нравственной основе гражданского права [8].

Первая позиция касательно обозначенной проблемы заключается в том, что государство должно создавать лишь «правила игры», в которых должны осуществляться свободный рыночный оборот и частная инициатива. Такой позиции придерживались, например, представители немецкой ордолиберальной экономической школы, у нас в России в правовом ключе их мысли развивал А.Г. Карапетов. В частности, он писал про то, что государство должно осуществлять некое покровительство общественной жизни, но при этом «не подменять рынок как таковой и волю сторон частных сделок, пытаясь налево и направо ограничивать договорную свободу» [10]. О дискуссионности верховенства публично-правовых и частноправовых интересов писал И.А. Покровский. Он считал, что этот вопрос разрешится точно не в его век, однако отметил опасность публично-правовой организации хозяйства, потому что тогда даже самые несомненные права отдельной личности будут подконтрольны государству [4, с. 27].

С другой стороны, некоторые исследовали отмечали, что в атомизации человека в гражданско-правовых отношениях заложен риск его антисоциального поведения [6, с. 18]. Это, с точки зрения этой позиции, обосновывает необходимость закрепления в гражданском праве и частных, и публичных интересов. Другой стороной свободы договора являются антисоциальные сделки [2, ст. 169], которая интересна и уникальна в российском праве не только неясностью критериев выделения, но и тем, что в случаях, предусмотренных законом, суд может взыскать в доход государства все полученное по такой сделке. Также учли бы эгоистичные частные интересы заведомое неравенство сторон в некоторых обязательственных отношениях? В этом (защите слабой стороны)

заключается социальная функция обязательственного права, которую учитывает законодатель. Например, наше законодательство в договоре страхования защищает страхователя в силу того, что страховщик — профессиональная сторона отношений, что отражается в судебной практике [3].

В то же время императивы, стремящиеся защитить «слабых» порой усугубляют социально-экономическую ситуацию тех или иных правоотношений. Л.Ю. Михеева в своей статье приводит несколько примеров подтверждающих этот тезис. Так, после привязки минимального платежа по договору ренты и пожизненного содержания с иждивением не к минимальному размеру оплаты труда, а к величине прожиточного минимума резко сократилось число заключаемых договоров пожизненного содержания из-за низкой стоимости недвижимости. Она рассматривала вопрос противостояния свободы завещания и благополучия семьи усопшего. Введение наследственного фонда — победа воли, и при этом положение наследников не ухудшилось, так как они все равно получат свою долю [7].

Выводы о том, как и в какой степени должны влиять государство и императивные нормы на гражданско-правовые отношения. Идеи о поиске механизма баланса.

Источники и литература

[1] Конституция Российской Федерации.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая).

[3] Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда по делу № 2-1828/19 // https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/a7e6f186-acfe-47b1-b806-8b33806edc8c

[4] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. — М. : Статут, 2013.

[5] Пискунов Д.С. Модель государства труда (workfare state) // Образование. Наука. Научные кадры. — 2022. — № 1. — С. 31–32.

[6] Яценко Т.С. Гражданско-правовая охрана публичных интересов. Автореф. дисс. ... док. юрид. наук. Москва, 2016.

[7] Архипова А.Г., Асосков А.В., Безбах В.В. и др.; отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020) // URL: https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=ujvoyqTUJSWMkSjR&cacheid=BCB77E068B55EC09EE5925D9F5CFF728&mode=splus&rnd=LUloTw&base=CMB&n=428&dst=100133#mCzoyqTiU2olWS6k1

[8] Емелькина И.А. Евгений Алексеевич Суханов: «Гражданское право — это право социального государства, и у него должно быть социальное лицо» [Интервью с Е.А. Сухановым] // URL: https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=qN90wqTmAkHEFiZs1&cacheid=9CAC4348E8DF446D5803ACB14AE08D41&mode=splus&rnd=BGoNNg&base=CJI&n=148275#K9B0wqTc7qThfwt51

[9] Забралова О.С. Социальное государство: понятие, сущность и виды // URL: https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1hTQ0rTzDcuIJ0aU&cacheid=591D807B0F3A40FC7133ECFE1D7E9B32&mode=splus&rnd=pCXYsw&base=CJI&n=143427#2brR0rTMdaPFYUXe4

[10] Карапетов А.Г. Экономические основания принципа свободы договора // URL: https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=62574&rnd=IDnOHA#tGVczqTyGTxRVtQm

Гражданское право в социальном государстве

Институт несостоятельности (банкротства) организации: правовое положение работников и защита их прав как приоритет в социальном государстве.

Мосъкина Юлия Максимовна

Студент (бакалавр)

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Институт публичного права и управления, Москва, Россия

E-mail: moskinajulia@bk.ru

В период применения в отношении России санкций, влияющих на положение участников экономической деятельности, финансовой нестабильности экономики, наблюдается увеличение количества дел о признании организаций несостоятельными (банкротами). В условиях признания в судебном порядке организаций неплатежеспособными, уязвимое положение занимают работники организаций. Вместе с тем, социальная политика государства предполагает обеспечение граждан исчерпывающим объемом прав и механизмов защиты, обеспечивающих устойчивое положение работников в указанных обстоятельствах. Однако законодательное урегулирование способов защиты трудовых прав работников в случае признания работодателя несостоятельным, поднимает вопросы его совершенствования, ввиду возникновения тенденции снижения уровня жизни таких работников и формирования нестабильной судебной практики разрешения споров.

На современном этапе развития законодательства нормативное регулирование защиты прав работников, в условиях банкротства работодателя, представлено следующие актами:

- Конвенцией Международной организации труда (далее — «МОТ») от 23 июня 1992 № 173 «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя»;
- Рекомендацией МОТ № 180 «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя»;
- Конституция Российской Федерации;
- Трудовым кодексом Российской Федерации;
- Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 года № 127;
- на региональном уровне, в частности, в городе Москве: Постановлениями Правительства Москвы. Более широкие гарантии защиты трудовых прав работников также могут быть установлены на муниципальном, локальном и на индивидуально-договорном уровнях правого регулирования.

Ключевая роль данных источников заключается в утверждении основных гарантий в отношении работников и установлении положения работников в качестве привилегированных кредиторов при банкротстве работодателя. Кроме того, при увольнении организации, признанной банкротом, необходимо соблюдать определенный порядок: обязательное уведомление о грядущем увольнении службы занятости, работников, а также профсоюзной организации в установленные законом сроки — не менее двух месяцев до начала процедуры сокращения, а при многочисленном увольнении работников — не менее трех месяцев. В период банкротства увольнение производится поэтапно, с соблюдением гарантий работников, имеющих преимущественные права. Также, законодательство федерального уровня устанавливает перечень выплат, на которые имеет прав работник в условиях банкротства работодателя: заработная плата, выходное пособие, компенсация за оставшийся отпуск, дополнительная денежная компенсация при увольнении до окончания срока уведомления. При наличии соответствующих условий, работодатель обязан сообщить работнику о возможности предложения альтернативной должности с учетом его квалификации и особенностей состояния здоровья.

Несмотря на наличие широкого перечня мер для защиты прав работников в условиях банкротства работодателя, судебная практика рассмотрения споров, указывает на их недостаточность. Одним из примеров, раскрывающих проблематику защиты трудовых прав работников в условиях признания работодателя банкротом, является дело № А05-15115/2015 о признании Общества с ограниченной ответственностью «Стройсервис» (далее — «ООО «Стройсервис») несостоятельным. В данном судебном разбирательстве работник ООО «Стройсервис» Елисеев Игорь, с которым трудовой договор был заключен в период подозрительности должника, на начальном этапе разбирательства смог взыскать задолженность по заработной плате в сумме 880 000 (восемьсот восемьдесят тысяч) рублей. Впоследствии по причине периода подозрительности взыскание было оспорено, трудовой договор признали недействительным в части, в связи с этим сумма взыскания составила 165 000 (сто шестьдесят пять тысяч) рублей. Настоящее решение существенно ухудшило положение работника, уменьшив сумму взыскания задолженности по трудовому договору.

Примечательно, что в приведенных обстоятельствах также было отказано в одном из механизмов судебной защиты трудовых прав работников - в повороте исполнения решения суда. Защищая свои трудовые права, Елисеев обратился в Конституционный суд. Конституционный суд признал норму не противоречащей Конституции, однако указал на наличие законодательного пробела. По мнению суда, отсутствие регулирующих механизмов поворота таких решений при пересмотре по новым обстоятельствам не соответствует гарантиям прав работников на вознаграждение за труд.

Указанный пример иллюстрирует, что положения процессуального законодательства и законодательства о несостоятельности имеют определенные противоречия, ограничивающие способы защиты трудовых прав работников в условиях банкротства работодателя.

Исходя из указанных проблем и судебной практики рассмотрения споров, на мой взгляд, следует выделить следующие варианты усовершенствования:

- следует рассмотреть актуальность предложенных в науке механизмов: урегулирование конкуренции норм, введения обязательных страховых выплат, создание гарантийного фонда заработных плат прототип которого взят из опыта зарубежных стран (Англия, Германия);

- внести изменения в процессуальное законодательство, положения которого не учитывают интересы работников и не позволяет им инициировать возбуждение процедуры признания работодателя несостоятельным;

- разработать системный подход к определению принципов защиты трудовых прав работников.

- следует разработать стратегические акты, обеспечивающие возможность быстрого трудоустройства для работников, работодатель которых признан банкротом.

Источники и литература

[1] Рекомендация № 180 Международной организации труда «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя» // Основные права человека в сфере труда и их защита. Библиотечка «Российской газеты». Вып. 22–23. — М., 1999. — С. 205–209.
[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства Российской Федерации, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
[3] «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 3.
[4] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, № 46, ст. 4532.
[5] Матузов Н.И. Правовая система и личность. — Саратов, 1989. — С. 130–131.
[6] Подаруев, Ф.В. Перспективы совершенствования российского законодательства о защите прав работников в условиях банкротства работодателя / Ф.В. Подаруев // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей XXVII Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 мая 2020 года. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. — С. 103–105.
[7] Информация по делу № А05-15115/2015 в системе картотеки арбитражных дел [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru/Card/921e97cb-aaf3-465d-a364-0eecd4b2e48f (дата обращения: 26.09.2023).

Гражданское право в социальном государстве

Противоправность — основание вменения в деликтном и договорном праве?

Муравьев Сергей Андреевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра гражданского права, Москва, Россия

E-mail: smuravjev04@yandex.ru

Включение противоправности в число условий наступления гражданской ответственности, несомненно, присуще не только российскому правопорядку. Тем не менее, критерий противоправности не является универсальным и может пониматься различным образом.

Например, французское право, включающее в число условий привлечения к деликтной и договорной ответственности вину, ущерб и причинно-следственную связь, не предполагает оценку поведения гипотетического правонарушителя с позиции критерия противоправности, полностью поглощаемого критерием вины.

Германское право, напротив, включает противоправность в число условий, необходимых для привлечения к деликтной ответственности, и связывает ее понимание с конкретными нормами деликтного права ГГУ. Во-первых, противоправным будет считаться, за исключением оправдательных случаев, посягательство на любое из перечисленных в абзаце 1 § 823 ГГУ благ, защищаемых законом — жизнь, здоровье, свобода, собственность или иное право [1, с. 364]. Во-вторых, противоправно согласно абзацу 2 § 823 ГГУ нарушение правовой нормы, ограждающей личную безопасность другого лица, т.е. противоправность в таком случае основывается на несоблюдении объективного права, хотя никакое субъективное право потерпевшего и не было нарушено [1, с. 368]. В-третьих, за пределами названных случаев противоправным согласно § 826 ГГУ считается умышленное причинение вреда в противоречии с добрыми нравами [1, с. 369].

Названная трехзвенная система, описывающая противоправность, была выработана в противовес французской системе генерального деликта — противоправность, таким образом, используется в немецком деликтном праве для очерчивания круга деяний, совершение которых влечет за собой право потерпевшего на возмещение, и не участвует в реализации механизма вменения.

В настоящее время получают широкое распространение так называемые современные теории противоправности. Так, например, согласно теории интереса, детально сформулированной М. Картье, установление противоправности происходит путем всестороннего взвешивания подлежащих защите интересов, при этом во внимание принимаются три группы интересов: интерес потерпевшего к безопасности, интерес причинителя вреда к свободе действий и общественный интерес, направленный на сокращение количества случаев причинения вреда [2]. Установив субъектов, их поведение и вредоносные последствия, вызванные соответствующими действиями, суд переходит к сопоставлению интересов. Если интерес потерпевшей стороны к защите превосходит интерес причинителя вреда к свободе действий, как, например, в случае, когда делинквент

нарушает норму, ограждающую безопасность потерпевшего и специально установленную законодателем для этой цели, то его поведение будет признано противоправным. И, наоборот, если интересы причинителя вреда оказываются предпочтительнее, как, например, в случае необходимой обороны, то его поведение не может считаться противоправном, а возможность взыскания убытков будет заблокирована.

Теория интереса позволяет разрешить ряд сложных дел, как, например, дела о взыскании чисто экономических убытков (pure economic loss), в которых отсутствуют названные выше условия, свидетельствующие о противоправности, или необычные дела о взыскании убытков, причиненных рефлекторными действиями. Такое дело было предметом рассмотрения Апелляционного суда Базеля: здоровью истца был причинен вред, когда сидевший рядом с ним ответчик, падая, рефлекторно схватил его. Апелляционный суд Базеля освободил ответчика от ответственности на основании отсутствия вины [2], хотя возможен и другой вариант, апеллирующий к теории интереса. Наличие противоправности в данном случае должно исходить из отсутствия интереса делинквента, противоречащего интересу потерпевшего к физической целостности. Но, поскольку рефлекторное действие находится за пределами волевого контроля и не может считаться выражением свободы действий причинителя вреда, то справедливым будет заключить, что интерес делинквента к самосохранению, механизм реализации которого не поддается волевому контролю, оказывается более предпочтительным, чем интерес потерпевшего, следовательно, такое рефлекторное действие в принципе не может влечь за собой возмещение.

В российском праве сложилась иная ситуация — критерий противоправности наравне с виной включается в механизм реализации вменения, причем не только деликтной, но и договорной ответственности.

Названный подход в российском праве обязан своему появлению психологизации вины, последовательно проводившейся советскими цивилистами [3]. При этом под противоправностью советские юристы обычно понимали «такое поведение гражданина или организации, которое противоречит требованиям права, противоречит требованиям тех правил поведения, которые предусмотрены нормами права» [4, с. 325]. О.С. Иоффе, например, давал более обширное определение противоправности: «критерием неправомерности совершенных действий служит закон в сочетании с принципами ... морали, правилами ... общежития, которые привлекаются для выявления содержания закона и обеспечения его правильного применения на практике. Этот критерий обязателен при оценке любых неправомерных действий, где бы они ни совершались. В обязательственных же правоотношениях для признания совершенного действия противоправным привлекаются и некоторые другие, дополнительные критерии. Если обязательство возникло из договора, неправомерность совершенных действий выявляется на основе договорных условий, точно определяющих функции, выполнение которых возлагается на каждого из контрагентов. ... Если обязательство установлено посредством односторонней сделки, неправомерным признаются действия, противоречащие ее условиям» [5, с. 110].

Вина в рамках такой концепции заняла маргинальную роль среди условий гражданско-правовой ответственности, и произошло так называемое перераспределение функции вменения — соотношение поведения правонарушителя с моделью, предписываемой правом или заложенной в программе обязательства, происходило именно на основании критерия противоправности. До тех пор, пока вина мыслилась как некий психический субстрат, сосуществование двух критериев, претендующих на роль вменения, не вызывало острых нареканий, поскольку области их применения не пересекались.

В ГК РФ, напротив, закреплена концепция объективной вины. Так, абзац 2 пункта 1 статьи 401 содержит определение договорной вины, выраженное следующей формулой: «лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства». Логически данный подход распространяется, как минимум по отношению к неосторожности, и на понятие деликтной вины. При этом сам ГК РФ сохраняет требование наличия противоправности: при взыскании убытков неизбежно обращение к статье 15 ГК РФ, содержащей требование нарушения субъективного права лица, т.е. противоправности как нарушения субъективного права. В сфере деликтной ответственности необходимость наличия противоправности поведения делинквента закреплена еще более недвусмысленно — п. 3 ст. 1064 ГК РФ прямо закрепляет: «вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом».

Очевидно, что оценка поведения правонарушителя не может производиться дважды с позиции критериев, совпадающих по содержанию. Это не только приводит к удвоению сущностей, но и рушит логику других правил привлечения к ответственности. Так, в пункте 12 Постановления № 25 [6] указывается, что «по делам о возмещении убытков истец обязан доказать, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также факты нарушения обязательства или причинения вреда, наличие убытков (пункт 2 статьи 15 ГК РФ)», и далее — «отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство (пункт 2 статьи 401 ГК РФ)». Но тогда какой смысл несут правила о перераспределении бремени доказывания, призванные облегчить истцу возможность взыскания убытков, если содержательно противоправность («нарушение обязательства», «причинение вреда» в терминологии Постановления) совпадает с критерием вины?

Как бы то ни было, из приведенных выше тезисов однозначно следует, что критерий противоправности не направлен не реализацию вменения, т.е. не позволяет соотнести факты сущего с должным, а призван выполнять совсем иные функции — устанавливать баланс интересов в правовой плоскости и очерчивать круг деяний, за совершение которых принципиально может идти речь об ответственности.

Источники и литература

[1] Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2-х тт. — Том 2. — Пер. с нем. / К. Цвайгерт, Х. Кётц. — М. : Междунар. отношения, 1998. — 512 с.
[2] Степанов С.К. Современные теории противоправности: швейцарский подход // Вестник гражданского права. — 2021. — № 1. // СПС «КонсультантПлюс»
[3] Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. — Киев, 1955. — 308 с.
[4] Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. — 2-е изд. — М. : Статут, 2020. — 414 с.
[5] Иоффе О.С. Обязательственное право. — М. : Юрид. лит., 1975. — 880 с.
[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

Гражданское право в социальном государстве

Возражение о неисполнении (exceptio non adimpleti contractus) в российском праве

Портной Дмитрий Александрович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: dima.port@inbox.ru

Все изыскания вокруг учения о синаллагматическом договоре строятся, в первую очередь, вокруг распределения рисков и защиты сторон. Так, вопрос о порядке исполнения таких обязательств позволяет правопорядку выстроить оптимальную модель. Одновременное исполнение наиболее соответствует такого рода договорам. И по общему правилу практически все кодексы устанавливают это правило. Реализуется порядок одномоментного исполнения через т.н. exceptio non adimpleti contractus (возражение, предоставляющее стороне право приостановить свое исполнение до того момента, пока одна из них не решится свое исполнение произвести). Римское право принято считать прародительницей этой exceptio, хотя там право кредитора приостановить исполнение основывалось на общем понятии добросовестности (известный фрагмент Лабеона D. 19, 1, 50).

В результате изучения института приостановления исполнения, предлагается разделить приостановление исполнения на два возражения. Первое существует в рамках одновременного исполнения (пар. 320 ГГУ). Она и является, собственно, exceptio (Einrede des nicht erfüllten Vertrages). Здесь для минимизации рисков ни одна из сторон не может потребовать от другой предоставления, не исполнив самостоятельно. Второе близкое, но самостоятельное возражение — это приостановление исполнения при исполнении первым (пар. 321 ГГУ). Эту часть принято называть так же приостановлением при ожидаемом нарушении (Unsicherheitseinrede). Здесь риски стороны еще выше, так как тот, кто должен исполнить первым выдает своего рода ничем не обеспеченный кредит. Для российского прва это деление интересно, в первую оередь, для анализа практики запрета авансовых платежей. Европейское право сторого поддерживает взыскание авансов, поскольку exceptio non adimpleti contractus не применимо в разновременных договорах. Unsicherheitseinrede тоже не применимо в настоящем случае, поскольку предоставляет право приостановления.

Интерес представляют надгосударственные документы. В первую очередь, Венская конвенция содержит два указанных возражения. 71 статья посвящена приостановлению при предвидимом нарушении, а 53 (судебная практика и доктрина) используют для приостановления при одновременном исполнении. 9:201 PECL, 7.1.3 принципов Унидруа, 3:401 DCFR, 113 CESL устанавливают идентичное правило о возможности приостановление исполнения в синаллагматическом обязательстве при одновременном исполнении. Возражение о неуверенности или предвидимое нарушение распространено наравне с приостановлением исполнения при одновременном исполнении: 7.3.4 Унидруа, 8:105 PECL, 7.3.4 п. Унидруа, 3:401 (2)–(3) DCFR, 113 (2) CESL.

Исторически допустимо построение приостановления двумя разными способами. Первый — использование конструкции условия и взаимной обусловленной зависимости обязательств. Второй — использование института эксцепции при существующих двух обязательтсвах синаллагматического договора. Авторы проекта Гражданского уложения описали это так: «Либо обязать того, кто требует исполнения, к наличному предложению причитающегося с него обязательства, или предоставить тому, с которого раньше потребовано исполнение, право отказаться от исполнения впредь до тех пор, пока другая сторона не исполнит или не будет готова исполнить свое обязательство». Современные континентальные правопорядки и наднациональные акты следуют последнему варианту.

В этом контексте любопытно проследить развитие современного отечественного права. Пункты 2 статьи 328 до реформы 2015 года практически ничем не отличался от европейских аналогов (отличалась, скорее, судебная практика и доктрина). Однако в результате реформы пункт 3 той же статьи стал уж сильно по смыслу напоминать пункт 2. В то время как п. 2 говорит о том, что сторона может приостановить свое исполнение, пока другая не исполнит, пункт 3. говорит о том, что никто не вправе потребовать исполнение с другой, пока сам не исполнит. Эти пункты либо одинаковы по содержанию (что лишает смысла п. 3), либо противоречат друг другу. Как было показано выше, пункт 3 можно считать первым историческим способом выстраивания приостановления — обязать сторону исполнить первой. Пока сторона не исполняет, суд отказывает в иске. Здесь у ответчика нет как такового возражения. Иск отклонятся судом ex officio. Второй пункт 328 — это второй способ. Здесь противной стороне предоставляется полноценное возражение. Лишь при заявлении возражения суд отклоняет иск.

На первый взгляд кажется, что новые положения кодекса противоречивы. Однако некоторые правопорядки исползуют и формулировку наподобие п. 3 ст. 328. Например ст. 82 Швейццарского обязательственного закона дословно воспроизводит п. 3. Тем не менее, швейцарская доктрина и практика все равно реализует приостаноление через эксцепцию, а не через идею условия. Если толковать положения п. 3 таким образом, то выходит, что его содержание просто-напросто бессмысленно при наличии п. 2. Анализ судебной практики показывает, что суды, не разобравшись в разнице двух пунктов зачастую применяют их одновременно. Таким образом, существование п. 3, который используют для запрета авансовых платежей, следует признать сомнительным.

Источники и литература

[1] Commentaries on European Contract Laws / Ed. by N. Jansen, R. Zimmermann. Oxford: Oxford University Press, 2018.
[2] Harke J. Allgemeines Schuldrecht. Berlin, Heidelberg, 2010.
[3] Medicus D., Lorenz S. Schuldrecht I Allgemeiner Teil. 22. Auflage. München, 2021.
[4] Карапетов А.Г. Приостановление исполнения обязательства как способ защиты прав кредитора. — М., 2011 // СПС «Консультант плюс».
[5] Кнельц А.М. Синаллагма в договорном праве // Договоры и обязательства: сборник работ выпускников РШЧП при ИЦЧП имени С.С. Алексеева при Президенте РФ. Т. 1: Общая часть. М. : РШЧП, 2018.
[6] Treitel G.H. Remedies for Breach of Contract: A Comparative Account. Oxford, 1988.

Гражданское право в социальном государстве

Возможности правовой охраны «исполнения» артиста, участвующего в съемках с использованием технологии «motion capture», с точки зрения гражданского законодательства

Федорова Вероника Владимировна

Студент (магистр)

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина — филиал «Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Факультет магистратуры и аспирантуры, Саратов, Россия

E-mail: vowsef@rambler.ru

Стремительное развитие индустрии развлечений во многом обусловлено повсеместным внедрением в нее современных технологий, которые позволяют максимально расширить горизонты доступных конечному потребителю видов и форм досуга. Одной из наиболее динамично осваивающих технологические новшества отраслей, безусловно, является кинематограф, который уже невозможно представить без масштабных и динамичных сцен, создаваемых с применением технических средств, избавляющих от необходимости разработки сложных декораций и грима. Такие средства дают возможность с помощью компьютерной графики не только детально изменить внешность отснятого персонажа, но и вообще оставить от него одни движения, как, например, и происходит во время съемки сцен с помощью технологии «motion capture» или «захват движения».

Целью данного исследования стало выяснить, можно ли считать актера, чьи движения записываются для персонажа с помощью технологии захвата движения, исполнителем в гражданско-правовом смысле. Для достижения поставленной цели требовалось выполнить следующие задачи: изучить специфику актерской деятельности, связанной с использованием «motion capture», проанализировать, имеется ли в этой деятельности творческая составляющая, необходимая для признания ее охраноспособности, изучить практику предоставления правовой защиты цифровым моделям движения, созданнмх с помощью технологий захвата движения, сделать необходимые выводы по результатам изучения полученного материала.

В первую очередь, следует подробнее рассмотреть саму сущность технологии «motion capture» (или технологии захвата движения). Технология захвата движения — метод анимации персонажей и объектов, основанный на фиксации движения моделей с помощью специальных камер и датчиков, нанесенных на костюм актера. При этом захват мимики артиста данной технологией не предусмотрен и персонаж, созданный с помощью оцифрованных движений может не только не унаследовать лицо своей модели, но и вообще не иметь человеческого лица. В процессе изучения технических аспектов записи движений, выполняемых актером, возникает неизбежный вопрос: какие же именно движения артиста, служащие основой для цифровой модели персонажа, следует считать творчеством. Можно ли распространить понятие «творчество» на всю

пластику актера или же следует исключить из творческой деятельности простые движения, не требующие особого вклада, такие, как бег или ходьба?

Под охраноспособным с точки зрения ГК РФ исполнением, являющимся объектом смежных прав, понимается результат исполнительской деятельности, а именно исполнения артистов-исполнителей и дирижеров [1]. Статья 3 Римской конвенции 1961 г. [2] в качестве исполнителей перечисляет различных актеров, певцов, музыкантов, танцоров или других субъектов творческой деятельности, которые играют роли, поют, читают, декламируют, исполняют или каким-либо иным образом участвуют в исполнении литературных или иных художественных произведений [4]. Ожидаемо, отдельного указания на «motion capture»-актеров в этих актах обнаружить не удается.

Детальный анализ норм ГК РФ позволяет утверждать, что не всякий актер, являющийся моделью для «motion-capture» видео может считаться исполнителем. С точки зрения теории ключевой характеристикой исполнителя является его творчество, определить наличие которого в работе конкретного актера может быть довольно трудно, особенно, если его вклад в создание фильма крайне незначителен по хронометражу или представляет собой обычные бытовые движения.

Один из основных доктринальных подходов к вопросу охраноспособности исполнения предлагает оценивать «творчество» исполнителя с точки зрения качественного и количественного критерия [3, с. 7]. «Качеством» творчества предлагается считать художественный вклад в исполнение, а «количеством» — объем вклада конкретного актера в исполнение. Основная проблема данного способа определения охраноспособности состоит в том, что работа актеров, запись движений которых необходима для создания второстепенных персонажей, может быть отсеяна по количественному критерию, в связи с незначительностью их вклада в общий процесс создания фильма. Данный подход не совсем универсален, но пока что он остается одним из наиболее применимых для регулирования правовой охраны «motion capture».

Вызывает особый интерес тот факт, что зарубежное право так же не имеет совершенной модели правовой охраны «motion capture»-артистов, которая не вызвала бы претензий как со стороны актеров, желающих ограничить несанкционированное использование своего творчества, так и со стороны кинокомпаний, которые хотели бы владеть оцифрованными базами движений для своих постановок. В частности, некоторые общественные организации (WIPO) публично задают вопрос о том, имеют ли актеры, «дающие» свои движения персонажам, какую-либо возможность влиять на дальнейшее использование результатов своей деятельности [2, с. 121].

Практика показывает, что артисты, чьи движения оцифрованы, выступают в роли фактически бесправной стороны договора. Так, например, во время съемок одной из частей фильма «Матрица» компания «Warner Bros» заявила о своем праве на создание цифровой библиотеки отсканированных движений для их последующего неограниченного использования в своих проектах [5]. Подобная ситуация ставит актера в крайне невыгодное положение, ведь движения, выполненные актером, могут отличатся крайне выраженной творческой составляющей (в случае, если мы имеем дело с индивидуальными особенностями походки, навыками в области боевых искусств, танцев или акробатики и т.д.). Однако, до сих пор вопрос о том, что следует делать правоприменителям при возникновении аналогичных споров, не разрешен ни в судебных решениях, ни нормативно-правовых актах.

Подводя итоги, необходимо еще раз отметить, что на цифровой образ движений, созданный с помощью технологии «motion capture», на данный момент практически

невозможно распространить правовой режим, предусмотренный ГК РФ для исполнения. В связи с этим по-прежнему сохраняется острая необходимость в каждом конкретном случае заключения соглашения с «motion capture»-артистами подробно обговаривать условия, которые будут ограничивать свободное использование данных оцифрованного движения. В противном случае, артисты могут быть ущемлены в своем праве на вознаграждение, если единожды созданная цифровая модель будет использована многократно и без их согласия.

Источники и литература

[1] Гришаев С.П. Постатейный комментарий к части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации // Гарант [Электронный ресурс] URL: https://internet.garant.ru/#/document/77140578/paragraph/1990 (дата обращения: 25.09.2023).

[2] Житкова Д.А. Правовые аспекты создания визуального образа персонажа видеоигры // Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы: коллективная монография / под науч. ред. М.А. Рожковой, Р.Л. Лукьянова. — М.: Развитие правовых систем, 2023. 420 с.

[3] Матвеев А.Г. Условия охраноспособности исполнений как объектов смежных прав // ИС. Авторское право и смежные права. 2020. № 4. С. 5–14.

[4] Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (Рим, 26 октября 1961 г.) // Свод нормативных актов ЮНЕСКО, М., 1991 г., с. 451.

[5] Li Rejected Starring in 'The Matrix' Sequels Because He Didn't Want to Lose Ownership of His Martial Arts Moves // IndieWire [Электронный ресурс] URL: https://www.indiewire.com/features/general/jet-li-rejected-the-matrix-sequels-martial-arts-1202013491/ (дата обращения: 25.09.2023)

Гражданское право в социальном государстве

К вопросу о процессуальной защите арендатора от действий недобросовестного арендодателя при заключении договора аренды недвижимого имущества

Эпов Иван Сергеевич

Студент (специалист)

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры, Юридический факультет, Кафедра уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: epoff.ivan@yandex.ru

Равенство сторон в договоре является одним из основных начал гражданского законодательства [1], однако, как показывает практика, данное положение часто нарушается арендодателем при расторжении договора аренды недвижимого имущества. Определенные проблемы вызывают ситуации, когда арендодатель отказывается подписывать акт приема-передачи объекта недвижимого имущества по причине повреждения или иного ухудшения арендатором предмета договора, в связи с чем, последний терпит убытки. Создается ситуация, при которой арендатор становится полностью зависимым от арендодателя, помимо этого, арендатор лишен реальной возможности в досудебном порядке защитить свое право. Ситуация усугубляется и тем, что на сегодняшний день Гражданский кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) не предлагает модель досудебного урегулирования таких споров. Только в п. 37 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» в котором зафиксировано, что: «арендодателю запрещено требовать с арендатора арендную плату за период просрочки возврата имущества в связи с прекращением договора в случае, если арендодатель сам уклонялся от приемки арендованного имущества» является реальной гарантией защиты прав арендаторов. Тем не менее, мы считаем, что этого недостаточно для комплексной защиты прав арендаторов.

Перед тем как перейти к анализу судебной практики, необходимо обратить внимание на некоторые теоретические аспекты. Исходя из определения, договор аренды недвижимого имущества по своей сути представляет соглашение между двумя сторонами, при котором одна из них под названием «арендодатель» имеет обязанность перед другой — «арендатором» передать во владение и пользование или только в пользование за плату недвижимую вещь, либо имущественный комплекс, который признается недвижимостью. Примечательно, что обозначенная разновидность договора регулируется положениями статей 650–655 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Особенностями аренды зданий, сооружений, помещений, единых недвижимых комплексов, включающих здания, сооружения или помещения являются: 1) сформированное и закрепленное правило заключения договора в виде письменного единого документа под страхом недействительности. Примечательно, что недопустимо оформление

такого договора посредством обмена документами; 2) факт несоблюдения требования о государственной регистрации договора на срок один год и более позволяет говорить о его незаключенности как для сторон, так и третьих лиц (п. 2 ст. 651 ГК), однако, согласно п. 3 ст. 433 ГК по общему правилу отсутствие регистрации влечет незаключенность исключительно для третьих лиц. Ко всему, анализ судебной практики говорит о том, что в случаях, если хотя бы один объект был фактически передан арендатору, речь идет о заключенности таких договоров для сторон и незаключенности для третьих лиц; 3) исходя из положений гражданского законодательства, реализация прав арендатора по владению и пользованию объектом аренды невозможна без земельного участка, в связи с чем, арендатор имеет возможности по пользованию земельным участком, на котором находится объект аренды. В данном случае речь идет о праве аренды земельного участка, так и ином праве, например, безвозмездного пользования. Однако, на счету юридической практики существуют сделки, договор удостоверяющий которые не определяет вышеупомянутое право. В таком случае арендатор, согласно действующему законодательству, имеет право на пользование соответствующим земельным участком в пределах, необходимых для нормального использования объекта аренды по назначению; 4) специальный документ о передаче является существенным условием для исполнения обязанности по предоставлению объекта аренды. Важно отметить, что такому документу придается настолько серьезное значение, что уклонение от подписания акта считается отказом от исполнения соответствующей обязанности [2].

Результат анализа судебной практики позволил нам определить 3 модели поведения арендодателя, каждая из которых наглядно иллюстрирует недобросовестность данной стороны в процессе создания условий, при которых арендатор оказывается «недобросовестным». Перейдем к их рассмотрению.

Первая модель описывает ситуацию, при которой в процессе пользования имуществом, арендатор повредил его или иным другим образом ухудшил первоначальное состояние (за исключением естественной амортизации), а арендодатель отказывает в подписании акта приема-передачи до момента устранения арендатором дефектов. Для полного понимания указанной проблемы, приведем пример из судебной практики, иллюстрирующий рассматриваемую модель поведения арендодателя.

Так, Арбитражным судом Ульяновской Области было рассмотрено исковое заявление индивидуального предпринимателя к Обществу с ограниченной ответственностью «МастерКухня» о взыскании 301 354 руб. 16 коп. – основной долг за период с 16.09.2018 по 30.09.2018 по договору субаренды недвижимого имущества. Суть спора сводится к тому, что между ООО «Ульвест» (арендатор) и ООО «МастерКухня» (субарендатор) оформлен договор субаренды недвижимого имущества № 096/1, согласно которому Арендатор передает Субарендатору во временное пользование за плату нежилое помещение. Между ООО «ЦентрПрогресс», ООО «Ульвест» и ИП Хисаметдиновым Рамисом Ибрагимовичем было подписано соглашение о передаче прав и обязанностей по договору аренды (перенайме). По указанному соглашению ООО «Ульвест», с согласия ООО «Центр Прогресс», передало все права и обязанности по действующему договору аренды № 302 от 06.09.2012 ИП Хисаметдинову Р.И. Истец указал, что, действительно, помещения были фактически освобождены ответчиком в предусмотренный дополнительным соглашением срок, однако по акту приема-передачи, как это предусмотрено законом и договором, помещения не возвращены. Пунктом 4.2.2 договора предусмотрена обязанность ответчика перед возвратом помещения устранить все дефекты помещения, в том числе произвести необходимый ремонт. В день возврата помещения, когда

ответчик не исполнил свою обязанность по передаче помещения, истцом был произведен осмотр освобожденного помещения и составлен рекламационный акт, в котором указаны все выявленные недостатки. В частности, по факту обнаруженных недостатков, данное помещение не было принято истцом по акту приема-передачи (возврата). В приведенной ситуации суд применял правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации, изложенную в определении от 30.09.2015 N 308-ЭС15-11360, в силу которой по смыслу статьи 622 Гражданского кодекса Российской Федерации наличие недостатков у арендованного имущества, которые не были устранены арендатором, не является безусловным основанием для отказа в приеме имущества. Действующим законодательством не предусмотрено право арендодателя отказаться от приемки имущества при прекращении договора аренды и возврате его арендатором, права собственника могут быть защищены предъявлением иска о взыскании убытков, возникших от ремонта помещений в связи с чем, суд вынес решение о возврате индивидуальному предпринимателю из федерального бюджета государственную пошлину в сумме 560 руб. 00 коп., уплаченную по платежному поручению № 5 от 25.01.2019 [3]. Как показывает анализ судебной практики, первая модель является одной из самых распространенных. Именно порча или ненадлежащая эксплуатация имущества является главным условием отказа арендодателя подписывать акт приема-передачи объекта недвижимости. Однако, несмотря на распространенность данной модели, существуют и иные, более сложные по своей конструкции.

Перейдем к анализу второй модели. Она основывается на моменте прекращения действия договора и оставлении арендатором занимаемого имущества (квартиры, нежилого помещения, земельного участка). Как показывает судебная практика, передача ключей или, к примеру, вывоз строительной техники и последующая рекультивация земли не признаются арендодателем в качестве оснований прекращения договора. Однако в приведенных нами примерах имущество выбыло из фактического владения арендатора. Ключевым здесь является следующий аспект. Для того что бы защитить собственное право, арендатор должен доказать, что он не мог пользоваться помещением или земельным участком после совершения действий, о которых мы говорили выше. Нередко арендодатели умышленно не подписывают акт приема — передачи, ожидая наступления таких условий, при которых арендатор не может обеспечить надлежащую передачу имущества. Также некоторые арендодатели пытаются обосновать отказ в подписании акта приема — передачи тем, что арендатор повредил определенное имущество, которое на самом деле не являлось предметом договора. «. . . Истец от подписания акта уклонился, в ответ направил акт приема — передачи от 18.01.2018 в котором указал перечень поврежденного имущества, которое не является предметом договора аренды. . . » [4], тем самым, арендодатель совершает такие действия умышленно, рассчитывая на недальновидность второй стороны. Думается, что такое поведение является недопустимым, что еще раз показывает необходимость защиты прав арендатора в таких правоотношениях.

Следующая модель поведения недобросовестного арендодателя связана с договором аренды земельного участка, в связи с чем, на наш взгляд, для целесообразно затронуть вопрос особенностей аренды земельных участков. Так, важно отметить факт того, что такие особенности многочисленны и определяются положениями земельного водного, лесного, а также иного законодательства, в связи с чем, не могут быть затронуты в нашей работе в полном объеме. К примеру, арендатор земельного участка в случае, если иное не предусмотрено содержанием договором аренды, может передавать свои права и

обязанности по договору третьим лицам без согласия арендатора, ограничившись лишь уведомлением его. Однако, особые правила установлены в отношении заключения договоров аренды государственных и муниципальных земель с применением торгов и так далее [5].

Собственно, раскрывая вопрос модели поведения арендодателя, связанной с договором земельного участка, считаем уместным привести решение Арбитражного суда Пермского края от 12.12.2017 года по делу № А50-22019/2017. Истцом является «Федеральная сетевая компания Единой энергетической системы», а ответчиком — Министерство природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Пермского края. В частности, помимо прочих требований, не имеющих отношение к поднятой проблематике, истцом было заявлено требование о признании неосновательным обогащением переплаты по арендным платежам по договорам аренды двух разных участков, которые были арендованы компанией для проведения строительства, реконструкции, эксплуатации и выплаты определенной денежной суммы в виде процентов. Резюмируя, ситуация состоит в следующем: истец выплачивал арендную плату, однако, спустя некоторое время подал обращение к ответчику о необходимости возврата ему арендной платы, оплаченной свыше предусмотренной суммы, на что последовал отказ ответчика. В дальнейшем, истец несколько раз заявлял о желании возвратить лесной участок, однако ответчиком принят он не был. В обосновании своих действия, ответчик заявил, что для расторжения договора необходим определенный пакет документов, куда, в частности, входит акт приемки рекультивированных земель, что стало поводом для обращения истца в Арбитражный суд. Рассмотрев исковое заявление, суд встал на сторону истца и определил ответчика как лицо, препятствующее исполнению обязательств арендатора, а также просрочившим должником. В своем решении суд руководствовался п. 3 ст. 405 ГК РФ, в которой указано, что в случаях невозможности арендатора возвратить имущество в следствии просрочки арендодателя, арендатор не может считаться просочившимся должником. Ко всему, суд определил арендодателя просрочившим должником посредством применения положений п. 1 ст. 622 ГК РФ, суть которых сводится к тому, что в случае отказа арендодателя от принятия имущества по просьбе арендатора, это препятствует исполнению арендаторов своих правовых обязанностей [6]. Данный вывод согласуется с п. 37 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 N 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой». Таким образом, из анализа данной модели поведения арендодателя мы можем сделать вывод, что непринятия арендодателем по просьбе арендатора арендованного объекта является противозаконным, даже в случае, если для этого необходима рекультивация земельного участка.

Подводя итог анализу судебной практики и действующего законодательства, можно прийти к мнению, что положение п. 37 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 N 66 вряд ли можно назвать полноценным механизмом защиты прав арендаторов. § 1 главы 34 Гражданского кодекса Российской Федерации не содержит нормы защищающей право добросовестного арендатора при отказе арендодателя принять имущество. Думается, что закрепление положений вышеуказанного Информационного письма в нормы § 1 позволило бы защитить права арендаторов и в договоре найма жилого помещения (Глава 35 ГК РФ)

Считаем необходимым также внести изменения в ст. 609 ГК РФ «Форма и государственная регистрация договора аренды», дополнив частью четвертой следующего содержания: «Договор аренды недвижимого имущества подлежит нотариальному удостоверению».

Источники и литература

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть первая от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ [принят ГД ФС РФ 21.10.1994, в ред. от 29.07.2017] // Российская газета № 238-239, 08.12.1994 г.
[2] Гражданское право: Учебник: В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 2. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2017. С. 253–255.
[3] Решение Арбитражного суда Ульяновской области от 1 августа 2019 г. по делу № А72-1248/2019 // https://sudact.ru/arbitral/doc/UPfJ4wBNqWre/ (дата обращения: 13.09.2023)
[4] Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11.01.2002 № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» // Вестник ВАС РФ. — 2002. — № 3 (дата обращения: 13.09.2023)
[5] Гражданское право: Учебник: В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. — Т. 2. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2017. С. 256.
[6] Решение Арбитражного суда Пермского края от 12.12.2017 года по делу № А50-22019/2017 // https://sudact.ru/arbitral/doc/CkQaKCfyqU6O/ (дата обращения: 23.09.2023)

Гражданское право в социальном государстве

Слабая сторона договора как проявление социального государства

Юраш Артур Юрьевич

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра коммерческого права и основ правоведения, Москва, Россия

E-mail: arthur.yurash1@mail.ru

В соответствии с ч. 1 ст. 7 Конституции РФ наша страна представляет собой социальное государство. Провозглашение государства социальным означает, что Россия «думает о создании равных стартовых условий для всех граждан РФ» [1, с. 385]. Так, исследователь конституционного права, С.А. Авакьян рассуждая о социальном государстве, отмечает, что «оно специально поддерживает, образно говоря, слабых и немощных, т.е. тех, кому будет трудно без помощи государства».

Раз такие положения содержатся в основном законе нашей страны, имеющим наивысшую юридическую силу, то и проявление данной роли государства следует искать в самых различных отраслях права, рассматривая в том числе и отрасли частного права, коим и является право гражданское.

Такое проявление демонстрирует существование такой категории, как «слабая сторона договора». Какой-либо законодательно закрепленной дефиниции слабой стороны в ГК РФ и в других кодексах и федеральных законах не содержится, однако сам термин не раз упоминался в судебных решениях и актах судебного толкования. Так, например, в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 16 «О свободе договора и ее пределах» приводится следующий пример: говорится о том, что запрет одностороннего отказа или изменения договора не распространяется на договорные отношения, «лишь одна из сторон которого выступает в качестве предпринимателя, право на одностороннее изменение или односторонний отказ от договора предоставлено стороне, не являющейся предпринимателем» [2].

Думается, целесообразным было бы рассмотреть критерии, в соответствии с которыми та или иная сторона договора признается слабой. Так, И.Б. Новицкий, говоря о слабой стороне, утверждал, что «слабая сторона должна испытывать безудержный эгоизм со стороны контрагента, который может осуществляться во исполнение и поддержание интересов последнего» [3]. Однако предложенный критерий безудержного эгоизма выглядит весьма эфемерным, а потому установить на его основе какое-либо определение и какие-либо признаки едва ли представляется возможным. Тем не менее, комментируемый тезис позволяет сделать вывод о поведении сильной стороны и ее намерениях. Так, как и любой другой участник гражданского оборота в капиталистическом обществе, сильная сторона стремиться к получению максимальной прибыли, что в принципе является нормальным для любого коммерческого субъекта. Это эгоистичное стремление может проявляться в навязывании определенных условий договора, снижающих издержки сильной стороны, также сильная сторона, вырабатывая условия договора, может ограничить некоторые положения о собственной ответственности.

Сугубо формально такие действия согласуются с п. 1 ст. 421 ГК РФ, в соответствии с которым граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Свобода договора является одним из основополагающих принципов гражданского права, составляя само ядро его частной природы [4, с. 46]. Чрезмерное ограничение свободы договора может привести к подрыву этого частного начала, однако, как утверждает Р.С. Бевзенко, положения ст. 421 ГК РФ не следует трактовать как безграничную свободу, которая по своей сути является уже ничем иным, как произволом, ведь данная статья заключает в себе еще один не менее важный принцип — принцип баланса интересов [5, с. 46–59]. Баланс интересов — это такое качество и состояние правоотношения сторон, при котором права и обязанности сторон соразмерны, а возможности для реализации этих прав также равны [6, с. 120]. Соразмерность, таким образом, подразумевает не сугубо формально-юридическое равенство, но такое правовое состояние, при котором какое-либо превосходство одной стороны, тот самый упомянутый ранее безудержный эгоизм ограничивается, обуздывается правом. Такие ограничения, например, мы можем видеть в регулировании договоров присоединения (п. 2, 3 ст. 428 ГК РФ), также в регулировании отношений, касающихся реализации права на односторонний отказ [7], а также многих отношений с участием потребителей. Вместе с тем, необходимо учитывать, что статус слабой стороны не должен основываться на чисто формальных критериях. Нередка ошибка, связанная с рассмотрением физического лица как слабой стороны в отношениях с юридическим лицом априори. Тем не менее, это далеко не всегда так. Например, вполне допустимы случаи, при которых известный автор или музыкальной исполнитель, являясь физическим лицом, может в силу своей известности навязывать определенные условия договора, а потребитель, например, может являться членом какого-либо объединения, чьей силы достаточно, чтобы навязывать условия договора в интересах своих членов. И уж тем более баланс будет существенно перекошен в сторону потребителя в ситуации монопсонии.

Источники и литература

[1] Конституционное право России. Учебный курс : учебное пособие : в 2 т. / С.А. Авакьян. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма ; ИНФРА-М, 2021, 863 с.

[2] Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.09.2023).

[3] Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6. https://www.prlib.ru/item/323290 (Дата обращения: 11.09.2023).

[4] Гражданское право : учебник : в 4 т. /отв. ред. Е.А. Суханов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Статут, 2019. — Т. 1. — 575 с.

[5] Бевзенко Р.С. Новеллы судебной практики в сфере поручительства // Вестник ВАС РФ. 2012. № 11. С. 46–59.

[6] Пьянкова А.Ф. Концепция баланса интересов и ее место в гражданском праве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 2 (24). С. 117–130.

[7] Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.09.2023).

Круглый стол по теме «Командировки дистанционного работника — произвол работодателя или неизбежная необходимость?»

Командировки дистанционного работника —
произвол работодателя или неизбежная необходимость?

Командировки дистанционного работника — произвол работодателя или необходимость?

Воробьева Регина Андреевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра трудового права, Москва, Россия

E-mail: 9850847008@mail.ru

1. Разграничение дистанционной работу как нетипичной формы занятости и как способа организации труда, который признаков нетипичной формы занятости не содержит.

В соответствии с ч. 2 ст. 312.1 Трудового кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ТК РФ), работник может выполнять свою трудовую функцию дистанционно на постоянной основе или временно (например, чередовать работу дистанционно с работой в офисе).

В первом случае дистанционная работа является нетипичной формой занятости, имеющей ряд правовых и организационных особенностей [1], во втором — способом организации труда. Аргументируем нашу позицию.

Для нетипичной формы занятости характерно изменение или модификация одного или нескольких признаков классического трудового правоотношения. При дистанционной работе существенной модификации подвергается признак контроля со стороны работодателя, поскольку работник не имеет рабочего места, подконтрольного работодателю. Если работник работает дистанционно постоянно, неизбежно возникают вопросы:

— можно ли уволить такого работника за прогул?

— применима ли к дистанционному работнику дисциплинарная ответственность как таковая, а если применила, как адаптировать нормы о дисциплинарной ответственности относительно дистанционного работника?

— каким образом следует пересмотреть нормы об охране труда применительно к дистанционной работе: справедливо ли тотально сокращать обязанности работодателя в сфере охраны труда дистанционного работника или желательно формировать тенденцию к их увеличению?

Если работник работает дистанционно временно, то модификацию признака контроля вряд ли можно признать существенной, поскольку она кратковременна и имеет конкретные цели, например:

1) создание более комфортных условий для выполнения работником его функций (что, будучи результатам договоренности, вместе с тем может являться своеобразным

поощрением со стороны работодателя для работника, который, предположим, хорошо зарекомендовал себя, высокопроизводительно трудился на рабочем месте; поэтому ему «доверяют» два из пяти рабочих дней работать дистанционно, из дома, где условия могут быть более комфортными для работника);

2) наступление внешних обстоятельств, вызвавших временную потребность в организации дистанционной работы в интересах не только работодателя и работников, но и всего общества (например, эпидемия).

В названных ситуациях работодатель в зависимости от внешних условий/потребностей производства организует труд своих работников, используя, в том числе, возможности, предоставленные ему ч. 2 ст. 312.1 ТК РФ (с согласия работников).

Безусловно, пока работник находится дома, работодатель не может его контролировать, даже если нахождение дома временно. Но работодатель также не может контролировать классического работника, находящегося в командировке: работодатель лишь даёт работнику поручение, которое работник обязан исполнить вне места постоянной работы.

Следует также отметить, что автор учения о трудовом договоре, классик и основатель трудоправовой науки Лев Семёнович Таль рассматривал соответствие трудового договора (трудового правоотношения) всем признакам без оговорок как идеальную модель, отступления от которой в отдельных ситуациях возможны без изменения правовой природы такого договора (отношения). Например, в главе 1 «Договоры о труде как самостоятельная категория» Таль пишет: «Тут [когда заключен трудовой договор. — Р.А.] одно лицо обещает другому либо деятельность, организуемую и направляемую последним (работодателем) в качестве главы предприятия или хозяйства, и составляющую юридически часть его деятельности, либо работу, отправляемую хотя и вне хозяйственной сферы работодателя, но исключительно для неё» [2, с. 38].

Таким образом, необходимо различать два случая: 1) работник может осуществлять свою функцию дистанционно временно, с точки зрения правовой природы такой работник состоит с работодателем в классическом трудовом правоотношении, соответственно, вопрос о возможности командировки решается точно так же, как для любого работника, имеющего рабочее место; 2) работник может осуществлять свою функцию дистанционно постоянно — тогда вопрос с возможностью командирования актуализируется.

2. Командировка работника, выполняющего трудовую функцию дистанционно на постоянной основе.

На сегодняшний день в законодательстве Российской Федерации нет норм, которые бы прямо запрещали, разрешали или устанавливали особенности командирования дистанционных работников, работающих дистанционно на постоянной основе, что в связи с актуальными практическими потребностями работодателей и дистанционных работников можно охарактеризовать как правовой пробел.

В Письме Министерства труда и социальной защиты РФ от 9 июня 2017 г. № 14-2/ООГ-4733 сказано о возможности командирования дистанционного работника, но подробной, любопытной для анализа аргументации в Письме не приведено.

На наш взгляд, говоря о возможном «произволе» работодателя применительно к командированию дистанционного работника, нужно учесть, что работник может работать дистанционно дома (или в любой другой локации, выбираемой им и комфортной для него), но дистанционный работник также может работать в «мобильном офисе» —

например, премещаться по региону или по регионам, проводя деловые встречи с клиентами работодателя [3, с. 280]. Во-втором случае работник не может не быть извещён о потребности работодателя в его командировании, и, мы полагаем, что «произвол» работодателя в данном случае не имеет место.

Что же касается ситуации, когда работник в соответствии с условиями договора выполняет свою функцию дистанционно постоянно и сам определяет своё *фактическое* рабочее место, работник может добросовестно заблуждаться о невозможности его командирования (ведь работник располагает определенными личными причинами выбрать нетипичную форму занятости, а не классические трудовые отношения). В действительности же имеет место правовой пробел.

По нашему мнению, при заполнении данного пробела необходимо установить общее правило о невозможности командирования работника, выполняющего свою функцию дистанционно на постоянной основе, но, безусловно, предоставить сторонам возможность предусмотреть иное. В зависимости от того, работает ли работник в выбранной им локации или в «мобильном офисе», стороны смогут предусмотреть актуальное для них условие.

Источники и литература

[1] Емельянова О.Я., Самсонов В.С., Шершень И.В., Кравец М.А. Удаленная занятость: проблемы организации труда и адаптации работников // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 12–1. С. 62–68. URL: https://vaael.ru/ru/article/view?id=1965 (дата обращения: 02.09.2023);

[2] Закалюжная Н.В. Основные формы нетипичных трудовых отношений в России и за рубежом в условиях модернизации экономики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021.

[3] Таль Л.С. «Трудовой договор. Цивилистическое исследование». Часть I: Общие учения. Ярославль, Типография Губернского правления. 1912.

Командировки дистанционного работника —
произвол работодателя или неизбежная необходимость?

К вопросу о правовом регулировании командировки дистанционного работника

Зуева Екатерина Сергеевна

Аспирант

Российский государственный университет правосудия, Факультет подготовки кадров высшей квалификации, Москва, Россия

E-mail: caterina.zuewa2016@yandex.ru

В качестве одного из интересных вопросов в области правового регулирования трудовых правоотношений дистанционного работника является их регламентирование в связи с направлением такого работника в служебную командировку. Согласно положениям части 4 статьи 312.1 Трудового кодекса Российской Федерации действие трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, распространяется и на дистанционных работников, но с учетом особенностей, установленных главой 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации. В связи с этим для начала обратимся к рассмотрению главы 24 Трудового кодекса Российской Федерации, а именно общей нормы права, закрепляющей понятие командировка.

Необходимо отметить, что в статье 166 Трудового кодекса Российской Федерации используется термин «служебная командировка». При этом в приведенной норме законодатель предлагает следующую дефиницию: служебная командировка — поездка работника по распоряжению работодателя на определенный срок для выполнения служебного поручения вне места постоянной работы [1, ч. 1, ст. 166]. Из приведенного определения необходимо проанализировать и раскрыть содержание словосочетания «место постоянной работы», поскольку именно на это условие влияет специфика выполнения дистанционной работы. В соответствии с Положением об особенностях направления работников в служебные командировки к месту постоянной работы относится место расположения организации (ее обособленного структурного подразделения), работа в которой обусловлена трудовым договором [2, абз. 1, п. 3].

Несмотря на то, что в статье 57 Трудового кодекса Российской Федерации используется понятие «место работы» его содержание так и не раскрывается. В Обзоре судебной практики от 26.02.2014 года Верховный Суд РФ исходит из определения, сформулированного в теории трудового права, в котором под местом работы понимается расположенная в определённой местности (населенном пункте) конкретная организация, ее представительство, филиал, иное обособленное структурное подразделение [3]. С учетом приведенной позиции Верховного Суда РФ местом работы дистанционного работника признается населенный пункт, в котором им выполняется трудовая функция. При этом необходимо отметить, что статья 312.6 Трудового кодекса Российской Федерации регламентирует особенности организации труда дистанционных работников в том числе и в части направления их в служебную командировку. Именно в специальной норме права и осуществляется закрепление специфического условия направления в служебную командировку в отношении такой категории, как дистанционный работник.

Таким образом, исходя из изложенного, можно сделать вывод, что если поездка дистанционного работника по поручению работодателя осуществляется в пределах населенного пункта, в котором он выполняет трудовую функцию, то она не может квалифицироваться в качестве служебной командировки. Для того чтобы поездку дистанционного работника можно было признать служебной командировкой необходимо соблюсти следующие условия: 1) наличие распоряжения работодателя, 2) цель поездки — выполнение служебного поручения, 3) место работы (населенный пункт) дистанционного работника, в которое он направляется, не совпадает с местностью (территорией)выполнения трудовой функции.

При этом исходя из анализа приведенных норм права можно сделать вывод, что работодатель имеет право направить работника, в том числе и дистанционного, в командировку в силу того, что для реализации отдельных поручений работодателя, составляющих трудовую функцию работника, может потребоваться их очное выполнение. Поскольку на законодательном уровне количество командировок работника, в том числе и дистанционного, в календарном году никак не ограничено, то работодатель самостоятельно определяет такую потребность, но с учетом обеспечения прав и законных интересов работника. В связи с этим актуальным становится вопрос о периодичности служебных командировок особой категории работников – дистанционных.

Источники и литература

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в редакции от 04 августа 2023 года) // СЗ РФ. 2006. № 27. Ст. 2878.

[2] Постановление Правительства РФ от 13.10.2008 № 749 (ред. от 01.03.2023) «Об особенностях направления работников в служебные командировки» // СЗ РФ. 2008. № 42. Ст. 4821.

[3] Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.02.2014) // URL: https://vsrf.ru/files/14508/?ysclid=lmxx8hfujm864172640.

Командировки дистанционного работника —
произвол работодателя или неизбежная необходимость?

Командировки дистанционного работника — произвол работодателя или необходимость?

Мушков Александр Алексеевич

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: mushkov2001@mail.ru

Действующее трудовое законодательство, регулируя вопросы дистанционного труда, закрепляет определение дистанционной (удаленной) работы [5, с. 312.1], исходя из которого можно определить ее сущностные признаки, каковыми являются выполнение трудовой функции вне места нахождения работодателя, при котором отсутствует прямой или косвенный контроль над работником; использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и связей общего пользования (далее — информационные сети) для выполнения работником трудовой функции и взаимодействия работника с работодателем. Соответственно, мы можем констатировать, что трудовая функция работника непосредственным образом связана с информационными сетями и не может осуществляться без них [1, с. 18], а взаимодействие работника и работодателя может осуществляться из любого места, где существует доступ к таким сетям.

Введенная в действие несколько лет назад [6, с. 1] часть 3 статьи 312.6 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) закрепляет возможность направления работодателем дистанционного работника для выполнения служебного поручения в другую местность (на другую территорию). Такая возможность по своему содержанию практически полностью совпадает с понятием и содержанием «классической» командировки, закрепленной в статье 166 ТК РФ. Однако, исходя из анализа этих положений, мы можем отметить некоторые отличия: во-первых, в классическом определении командировки фиксируется наличие определенного срока ее длительности, чего нет в описании права работодателя на направление дистанционного работника для выполнения служебного поручения в другую местность (на другую территорию); в общем определении командировки поездка осуществляется в место, которое находится вне места постоянной работы, а в описании права работодателя на направление дистанционного работника для выполнения служебного поручения отправление осуществляется в другую местность (на другую территорию), отличную от местности (территории) выполнения трудовой функции. Данные отличия могут повлечь за собой определенные теоретические и практические проблемы, которые могут как положительно, так и отрицательно повлиять на интересы сторон трудового правоотношения.

Как отмечают в доктрине [4, с. 48], выполнение дистанционным работником служебного поручения, которое нельзя выполнить посредством информационных сетей, по своей сути, является реализацией одностороннего изменения работодателем условий о

трудовой функции и о дистанционном труде. С этим утверждением мы можем согласиться, ведь невозможность осуществления трудовой функции без информационных сетей и без использования таких сетей является сущностным признаком дистанционного труда. Поэтому изменение такой трудовой функции на трудовую функцию, которую невозможно осуществить с применением таких сетей, является изменением условия о трудовой функции, являющегося обязательным для включения условием трудового договора согласно части 2 статьи 57 ТК РФ, и условия о дистанционном труде. Соответственно, на лицо ситуация изменения трудового договора, которое осуществляется только по согласию сторон в соответствии со статьей 72 ТК РФ. В связи с этим мы можем констатировать, что реализация данного права работодателем позволяет ему в одностороннем порядке осуществлять изменение трудового договора, в том числе не учитывая интересы работника, что противоречит требованиям статьи 1 ТК РФ.

Кроме того, отсутствие указания на определенный срок направления дистанционного работника для выполнения служебного поручения может повлечь и определенные злоупотребления со стороны работодателя. Ограниченность командировки во времени является одним из признаков командировки как явления в трудовом праве, которое позволяет отличить его от иных трудоправовых явлений (например, от перевода на другую работу) [2, с. 8] и защитить интересы работника — ведь работник, реализуя, в частности, положения части 1 статьи 37 Конституции Российской Федерации, желает осуществлять свою трудовую функцию именно по месту постоянной работы, а не выполняя постоянные служебные поручения работодателя вне места постоянной работы. Следует отметить, что в советском законодательстве устанавливалось временное ограничение длительности командировки [3, с. 4]. Соответственно, данное законодательное упущение может способствовать злоупотреблению данным правом со стороны работодателя в том виде, что он может устанавливать слишком длительное по времени направление дистанционного работника для выполнения служебного поручения.

Подводя итог вышесказанному, мы можем констатировать, что закрепленное в части 3 статьи 312.6 ТК РФ право работодателя во многом допускает возможность использовать его в целях, которые не соответствуют интересам работника и государства, законодательным требованиям.

Источники и литература

[1] Васильева Ю.В. Правовое регулирование дистанционной работы: проблемы теории и практики. П., 2016. 128 с.

[2] Евдокимов А.А. Гарантии при направлении работников в служебные командировки и служебные поездки. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва. 2008.

[3] Инструкция Минфина СССР, Госкомтруда СССР и ВЦСПС от 07.04.1988 N 62 «О служебных командировках в пределах СССР».

[4] Саурин С.А. Отдельные направления совершенствования правового регулирования дистанционной работы в России // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. N 1. С. 47–50.

[5] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года N 197-ФЗ (в редакции от 4 августа 2023 года) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

[6] Федеральный закон от 8 декабря 2020 года № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» // СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8052.

Круглый стол по теме «Криминалистика глазами молодых ученых?»

Криминалистика глазами молодых ученых

Актуальные направления использования искусственного интеллекта в криминалистической экспертизе

Ветрова Анна Дмитриевна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра криминалистики, Москва, Россия

E-mail: a.d.vetrova@mail.ru

Искусственный интеллект (ИИ) сейчас как один из современных и полезных инструментов, позволяющих оптимизировать и упростить работу человека, получает все большее распространение. Его используют в разных сферах жизнедеятельности общества: медицине, искусстве, производстве и т.д. Стоит отметить также высокую перспективность искусственного интеллекта и нейронных сетей для криминалистики, которая, являясь наукой интегративной природы, высоко восприимчива к любым технологическим нововведениям.

В рамках расследования и раскрытия преступлений существует необходимость в частом принятии решений, присутствует много значительно усложненных задач. Аналогичная ситуация наблюдается при проведении различного рода экспертиз. При этом мышление человека, его способность к запоминанию и анализу ситуации, принятию целесообразных и верных решений ограничены. Зачастую мы сталкиваемся с неполнотой принимаемых решений, их ограниченностью или ошибками, которые могут быть обусловлены как объективными факторами (неполнота информации, невозможность получения достоверной информации), так и субъективными (какой-либо фактор не был принят во внимание или предусмотрен).

Здесь мы можем прийти к выводу, что человеку при работе, в том числе криминалистического порядка, будет полезно и выгодно обращение к искусственному интеллекту и его активное применение. Уже сейчас значительную пользу приносят автоматизированные информационные поисковые системы (АИПС), которые способствуют более эффективной и качественной работе над преступлением и оптимизируют работу лиц, участвующих в расследовании и раскрытии. Например, система «Спрут» способствует установлению связей в преступном сообществе, система «Маньяк» - сбору информации для расследования преступлений с сексуальным мотивом и др.

Понятие «искусственный интеллект» в РФ впервые было дано на подзаконном уровне Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490, впоследствии это определение было перенесено в ФЗ от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ. Под искусственным интеллектом подразумевается комплекс технологических решений, который позволяет имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [2]. При этом отдельно отмечается, что данная имитация включает в себя самообучение и поиск альтернативных решений без заранее заданного алгоритма, т.е. В действующем на данный

момент законодательном определении искусственного интеллекта в России предусмотрена также возможность автономизации работы ИИ с минимальным вмешательством человека.

Также стоит обратить внимание, что искусственный интеллект включает в себя не только компьютерные программы, зависимые либо автономные, но и прогнозирование, оценку рисков, работу с неполными данными и многое другое [3, с. 43]. Следовательно, для криминалистики ИИ может быть полезен не только с точки зрения программ, но и для таких важных задач, как прогнозирование, риски, профилактика и т.д.

Но стоит отметить, что помимо АИПС существуют и другие инструменты, связанные с работой искусственного интеллекта, способные принести много пользы, в частности, в работе экспертов. Криминалистические экспертизы на данном этапе подвергаются значительному обновлению и изменению. Многие нововведения нацелены на качественно новый уровень проведение судебных экспертиз. Но, конечно, особую пользу тут могут принести современные технологии.

Сейчас в криминалистике появляется все больше и больше новых отраслей экспертного знания — помимо традиционных, к которым можно отнести почерковедческую, лингвистическую, баллистическую и другие виды экспертиз, также встречаются новые и менее изученные — фоноскопическая, видеофонографическая и др. Почти во всех видах экспертных исследований есть место и возможность интеграции искусственного интеллекта.

Например, в рамках фоноскопии искусственный интеллект уже давно используют некоторые крупные компании («Сбербанк» и др.) для идентификации пользователя по голосу. Система справляется с этой задачей несоизмеримо быстрее и эффективные, чем эксперт-фоноскопист, определяя по определенным маркёрам голос того или иного человека [5, с. 224]. При этом отдельную проблему создают системы, способные не просто опознавать, но и синтезировать голос конкретного человека, так называемая технология «клонирования» голоса (в частности, отечественная разработка программистов компании «Vera Voice» — программное обеспечение «parodist.ai», позволяющая имитировать речь любого человека, учитывая некоторые особенности произношения [4, с. 562]). Такие программы выстраивают целые словосочетания и предложения, а обучаются на основеbig data [6]. Разработка контрпрограмм к таким системам на данном этапе очень актуальна. «Клонирование» голоса может применяться при реализации различных форм преступной деятельности, в том числе, предусмотренных статьями 128.1 УК РФ (клевета), 163 (вымогательство), 207 УК РФ (заведомо ложное сообщение об акте терроризма) и др. [1].

При этом в рамках дактилоскопического знания искусственный интеллект столь широко не распространен. Объясняется это тем, что в конце XX в. массивы следов с мест преступлений, а также дактилоскопические карты в России были переведены в автоматизированную дактилоскопическую идентификационную систему (АДИС) «Папиллон». Данная система занимается проверкой, поиском совпадений и хранением следов рук и отпечатков пальцев, человек должен только проверять правильность итогового результата. Несмотря на ряд сходств, АДИС «Папиллон» искусственным интеллектом по свое сути не является — основное отличие заключается в том, что «Папиллон» функционирует исключительно на основе уже заданных алгоритмов, а ИИ самостоятельно анализирует и ищет альтернативные пути решения вопроса. Целесообразность интеграции искусственного интеллекта в систему дактилоскопии подвергается сомнению, так как АДИС «Папиллон», отвечая современным требованиям к подобным системам, со своей задачей на данном этапе успешно справляется [5, с. 224].

В некоторых видах экспертизы ИИ пока что своего отражения не нашел, в том числе в почерковедческой экспертизе. Такие разработки сейчас представляются нерентабельными, в то же время перед специалистами встаёт проблема, аналогичная проблеме с фоноскопической экспертизой — если научить ИИ распознавать и идентифицировать почерк, он также может научиться его подделывать, что приведет к исключительно нежелательным и усложняющим дальнейшие экспертизы последствиям [5, с. 225].

Таким образом, можно сделать вывод, что интеграция искусственного интеллекта в работу экспертов-криминалистов актуальна и уже активно происходит. ИИ обладает рядом достоинств, которые сложны найти в других системах. В то же время существует еще одно одновременно достоинство и недостаток искусственного интеллекта — лишенность «человеческих» чувств, т.е. абсолютная объективность получаемого результата [5, с. 226]. Для криминалистических экспертиз данное качество может быть полезно и способствовать высокому качеству искомого вывода.

Источники и литература

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации (от 13.06.1996 № 63-ФЗ) // «Российская газета», № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.

[2] Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных».

[3] Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. № 2. 2018. С. 43–49.

[4] Иванов В.Ю. Современные вызовы фоноскопического исследования и пути их решения // Материалы Второй международной научно-практической конференции «Технологии XXI века в юриспруденции». Под. ред. Д.В. Бахтеева. Уральский юридический институт МВД России. 2020. С. 562–565.

[5] Стукалин И.В. Некоторые аспекты использования искусственного интеллекта и производстве криминалистических экспертиз // Направления и перспективы развития образования в военных институтах национальной гвардии Российской Федерации. Сборник научных статей XII Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Часть 3. Под общей редакцией В.В. Косухина, 2020. С. 222–226.

[6] Гринько Н. Чем опасна новая российская технология имитации голоса // Москва24 [Электронный ресурс]. 2019. Режим доступа: https://www.m24.ru/articles/tehnologii/30102019/156130. Дата обращения: 14.06.2023.

Криминалистика глазами молодых ученых

Типология личности преступников в сфере компьютерной информации

Волкова София Сергеевна

E-mail: a.d.vetrova@mail.ru

Достижения научно-технического прогресса зачастую используются для совершения преступлений, но явным лидером среди них в современном мире являются информационно-компьютерные технологии. Разнообразие преступлений, которые стали возможны исключительно благодаря развитию компьютерных технологий и широкому распространению Интернета, бросает современной криминалистической науке серьезный вызов.

Одной из ключевых задач для раскрытия и расследования преступлений в сфере компьютерной информации является исследование и изучение лиц, совершающих такого рода преступления. Составление портрета типичных видов киберпреступников, их развитие и классификация важны для криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений в сфере компьютерной информации, и кибертерроризма в особенности, в силу его опасности для общества и отмеченной в литературе недостаточной изученности [1, с. 10].

В криминалистической науке на данный момент можно встретить деление преступников в сфере компьютерной информации по различным основаниям — к примеру, по виду преступной деятельности в сфере компьютерной информации (хакеры, вирусмейкеры и т.д.) [2, с. 245–256]. Классической классификацией лиц, вмешивающихся в работу компьютеров и информационных сетей является предложенная Томасом Холтом «теория шляп», основанная на анализе отношения лица к причинению вреда своими действиями:

1) Белые («этические») — их работа заключается в поиске ошибок программы и устранении этих недостатков во благо. Мотив — помощь пользователю.

2) Черные — противоположны белым «шляпам». Их деятельность направлена на создание неполадок и неудобств для пользователя, чтобы в дальнейшем воспользоваться данными «пробелами» в своих целях. Их мотивом выступает желание заработать или терроризировать людей.

3) Серые — лица, чей мотив колеблется от ситуации к ситуации [3, с. 102–103].

Однако, с учетом задач криминалистической науки, представляется необходимым провести и иные классификации киберпреступников, в том числе по признакам, которые бы позволили составить портрет потенциального правонарушителя.

На мой взгляд, одним из предпочтительных критериев для классификации киберпреступников является уровень их специальных знаний, от которого зависят их возможности по причинению вреда при помощи технологических средств. По данному основанию можно провести следующую классификацию, адаптируя идею предложенного Холтом «цветового деления»:

1) Зеленые — эту категорию представляют новички в мире киберпреступлений. Как таковой опасности они не представляют в силу отсутствия должных навыков для совершения преступления, в частности, террористической направленности. В данную категорию, на мой взгляд, стоит также отнести лиц, не имеющих специальных знаний в сфере компьютерных технологий, но выполняющих указания более технически осведомленных лиц для достижения преступного результата.

2) Оранжевые — это уже не новички, но и не профи в мире программирования. Типично то, что оранжевые пользуются готовыми киберпродуктами, так как для создания своих программ у них не хватает навыков. Уровень потенциальной угрозы выше, чем у первой категории, так как даже с приобретенными, а не сделанными вручную, вредоносными программами можно преступить закон, имея достаточную мотивацию и знания в области применения данных вирусов.

3) Красные — профессиональные киберпреступники. Для данной категории характерно наличие обширных познаний в информационных технологиях, а также систематическое их применение для совершения преступлений. В сфере кибертерроризма именно «черные шляпы» обладающие данным уровнем специальных знаний являются наиболее многочисленно представленным типом правонарушителей.

Кроме того, важно разделять киберпреступников по мотиву совершения ими преступлений. В литературе отмечается наличие у субъектов преступлений в сфере компьютерной информации специфичных мотивов [4, с. 167]. Типичными мотивами совершения преступлений в сфере компьютерной информации являются:

1) Корыстные побуждения — главной мотивацией преступника является обогащение за счет совершения противоправных действий.

2) Проверка и демонстрация личных способностей — известны многочисленные случаи, когда информационные преступления совершались главным образом с целью доказать киберпреступником свое интеллектуальное превосходство.

3) Идеологические соображения — данная мотивация наиболее характерна для кибертеррористов, целью совершения преступления в таком случае является достижение некой нематериальной цели, не связанной с личностью преступника — к примеру, распространение пропаганды или причинение значительного вреда государственной организации.

Использование вышеприведенных классификаций открывает перед криминалистом возможность на основе использованных преступником средств и достигнутых результатов составить примерный портрет его личности. Дальнейшее пополнение классификации и проведение ст атистиче ских исследований демографии каждого из типов киберпреступников способствует раскрытию киберпреступлений и, что не менее важно, их превенции.

Применяя все вышеперечисленные классификации к проблеме кибертерроризма, не трудно представить себе портрет типичного кибертеррориста — это «черный» хакер, «оранжевой» или «красной» квалификации, мотивированный главным образом идеологическими соображениями. В его действиях отсутствует личный корыстный мотив,

а при возможности демонстрации личных способностей он скорее воспользуется ей для совершения акта запугивания. Так, «честолюбивые» хакеры могут при успешном взломе публичной интернет-страницы разместить на ней, свой псевдоним для «публичного подтверждения» своей победы, в то время как кибертеррорист скорее разместит агитационный материал — к примеру, призывы к свержению действующей власти или угрозы от имени террористической организации [5, с. 8].

Подводя итоги, я бы хотела отметить, что низкий уровень раскрываемости преступлений в сфере компьютерной информации — от 1/4 до 1/5 за последние несколько лет — явно указывает на необходимость развития криминалистического знания в данной сфере. Категоризация преступников в иных сферах криминалистики, в силу доктринального развития на протяжении долгого времени, развита гораздо лучше, и молодым ученым следует приложить все усилия, чтобы устранить данный разрыв, привнести новые идеи и повысить безопасность информационного пространства.

Источники и литература

[1] Глазкова Л.В. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации // Актуальные проблемы российского права. 2021. N 12. С. 167–176.

[2] Гайфутдинов Р.Р. К вопросу о типологии личности компьютерных преступников с учетом характера и мотивации их криминальной деятельности // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. N 4А.

[3] Holt T.J., Bossler A.M., Seigfried-Spellar K.C. Cybercrime and Digital Forensics. Introduction. Second Edition. Abingdon, Oxon: Routledge. 2018.

[4] Копырюлин А.Н. Преступления в сфере компьютерной информации: уголовноправовой и криминологический аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007.

[5] Dorothy Denning, “Terror’s Web: How the Internet Is Transforming Terrorism,” // Handbook on Internet Crime (Y. Jewkes and M. Yar, eds.), Willan Publishing, 2010.

Криминалистика глазами молодых ученых

Комплексная судебная экспертиза предметов религиозного назначения по делам о хищениях: постановка проблемы

Полежаева Ксения Олеговна

Аспирант

Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых Кирилла и Мефодия, Москва, Россия

E-mail: kseniya-polezhaeva@yandex.ru

В УК РФ отсутствуют [6] такие понятия как «искусство», «предмет искусства», «предмет религиозного назначения», «имущество религиозного назначения». Пристальное внимание законодатель уделяет лишь понятию «культурная ценность». УК РФ определяет [6] культурную ценность как предметы или документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность (ст. 164); предметы художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран (ст. 190); культурные ценности (ст. 226.1); памятники истории и культуры, предметы и документы, имеющие историческую или культурную ценность, особо ценные объекты или памятники общероссийского значения (ст. 243). В ст. 3 ФЗ «О музейном фонде РФ» раскрываются [7] понятия «культурная ценность» («движимые предметы материального мира независимо от времени их создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение») и «музейный предмет» («культурная ценность, качество либо особые признаки которой делают необходимым для общества ее сохранение, изучение и публичное представление»). Примерный перечень подобных предметов содержится в Законе РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» [1]. В ст. 2 ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения» приводится определение имущества религиозного назначения, к которому относится и «движимое имущество религиозного назначения (предметы внутреннего убранства культовых зданий и сооружений, предметы, предназначенные для богослужений и иных религиозных целей)» [8]. Постановление Правительства РФ от 31 марта 2001 года № 251 устанавливает [4] перечень предметов религиозного назначения.

Предметы религиозного назначения могут являться предметами искусства и культурными ценностями, однако далеко не всегда. В правоприменительной практике это отражается в квалификации — некоторые похищения подобных предметов квалифицируются по ст. 158 УК РФ «Кража», другие — по ст. 164 УК РФ «Хищение предметов, имеющую особую ценность». Для законодателя в контексте хищений принципиальным аспектом является статус предмета религиозного назначения с точки зрения его особой исторической, научной, художественной или культурной ценности, а не его функции в отправлении культа. Особая историческая, научная, художественная, культурная ценность, а также размер ущерба, нанесённого противоправным деянием, предметы устанавливаются в рамках судебной экспертизы, как правило — комплексной.

Ст. 201 УПК РФ содержит определение комплексной экспертизы: «судебная экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей, является

комплексной. В заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной судебной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность» [5]. Вторит УПК и ст. 23 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [9].

О целесообразности именно комплексного исследования культурных ценностей свидетельствует разработанный ГОСТ Р 57220-2016 «Комплексная экспертиза культурных ценностей. Требования» [3]. В данный стандарт были включены требования к проведению следующих исследований культурных ценностей: искусствоведческому, технико-технологическому, материаловедческому, товароведческому, почерковедческому, трасологическому, молекулярно-генетическому. Ныне данный стандарт отменён, но содержащиеся в нём определения представляются важными. Например, стандарт раскрывает сущность искусствоведческого исследования. Во-первых, оно осуществляется на основе применения специальных знаний в области гуманитарных наук (искусствоведение, история, археология, культурология и др. — в зависимости от исследуемого предмета). Во-вторых, порядок проведения, последовательность дополнительных исследований (технико-технологического или др.) определяет эксперт-искусствовед. В-третьих, устанавливаются особые требования к подобному эксперту: он должен обладать специальными знаниями, образованием, квалификацией и иметь релевантный опыт в области исследования культурных ценностей конкретного вида. «Предметом искусствоведческого исследования является установление автора (ов) произведения, исторической, культурной и (или) художественной ценности объекта, его подлинности, а также других обстоятельств, имеющих значение для дела». Таким образом, при проведении судебной искусствоведческой экспертизы именно на эксперта-искусствоведа возлагается право привлечения экспертов и специалистов из других областей знаний. В стандарт не были включены требования к религиоведческому и/или теологическому исследованию культурных ценностей, однако подобные экспертизы могли быть проведены по необходимости, так как стандарт содержал открытый перечень исследований. Например, «судебно-религиоведческая экспертиза — это исследование материала религиозного характера, проводимое экспертом-религиоведом с использованием знаний в области религиоведения в целях интерпретации его содержания, определения смысловой направленности и выявления религиозноэкстремистского контента. Судебно-теологическая экспертиза — это исследование любых материалов религиозного характера, проводимое экспертом-теологом с использованием знаний в области богословия в целях установления их конфессиональной принадлежности, интерпретации содержания и выявления смысловой направленности» [2, с. 10–17]. Исследовательница делает вывод о необходимости различения судебно-религиоведческой и судебно-теологической экспертиз и необходимости использования обоих видов специальных знаний в расследовании преступлений, совершённых по мотиву религиозной ненависти или вражды. Существование судебно-теологической экспертизы обосновано наличием в правоприменительной практике случаев необходимости более основательных фундаментальных специальных знаний в области конкретной религии (конфессии), которыми может обладать теолог в силу узости своей специализации».

Подведём итоги. В российском уголовном законодательстве отсутствует понятие «предмет религиозного назначения». В случае похищения предмета религиозного на-

значения, квалифицирующее значение имеет его историческая, научная, художественная, культурная ценность (определяется в рамках проведения комплексной судебной экспертизы). Если подобная ценность не устанавливается, то противоправное деяния будет квалифицироваться по ст. 158 УК РФ. В случае установления — по ст. 164 УК РФ. Для законодателя и правоприменителя не имеет значения религиозная функция подобного предмета. При похищении предмета религиозного назначения так же, как и при хищении установленной/предполагаемой культурной ценности, целесообразно проводить комплексную судебную экспертизу, включающую ряд специализированных исследований, в зависимости от изучаемого предмета. Представляется, что ключевым исследованием предметов религиозного назначения является искусствоведческое. В настоящий момент судебно-религиоведческая и судебно-теологическая экспертиза предметов религиозного назначения назначается при расследовании дел по определённым составам. Хищения — будь то ст. 158 или ст. 164 УК РФ — к ним не относятся, так как законодатель обращает внимание только на возможность отнесения предмета к категории культурных ценностей, которые обладают особой уголовно-правовой охраной. В случае похищения из церкви иконы (или иного предмета религиозного назначения) с частицами мощей деяние квалифицируется по ч. 1 ст. 158 («Кража»). Так, мощи, находящиеся в иконе, не имеющей охранного статуса (то есть — не являющейся культурной ценностью), не имеют, в свою очередь, специальной уголовно-правовой защиты. Однако в случае привлечения, помимо эксперта-искусствоведа, эксперта-религиоведа и эксперта-теолога особая ценность мощей могла бы быть зафиксирована, что в дальнейшем отразилось бы на квалификации похищений мощей не по ст. 158 УК РФ, а по ст. 164 УК РФ.

Источники и литература

[1] Закон РФ от 15.04.1994 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (ред. от 02.12.2019). URL: base.garant.ru/10101361 (дата обращения: 13.09.2023).

[2] Назаркулова Ч.Н. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных по мотиву национальной, расовой, религиозной или межрегиональной ненависти или вражды: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб, 2017.

[3] Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 57220-2016 «Комплексная экспертиза культурных ценностей. Требования» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 21 октября 2016 г. № 1596-ст). URL: base.garant.ru/71886716/ (дата обращения: 13.09.2023).

[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 31.03.2001 № 251 «Об утверждении перечня предметов религиозного назначения...» (ред. от 24.10.2022). URL: base.garant.ru/12122470 (дата обращения: 13.09.2023).

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08. 2023). URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 13.09.2023).

[6] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023). URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 13.09.2023).

[7] Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (ред. от 11.06.2021). URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496 (дата обращения: 13.09.2023).

[8] Федеральный закон от 30.11.2010 № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» (ред. от 01.07.2021). URL: base.garant.ru/12180712 (дата обращения: 13.09.2023).

[9] Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. 01.07.2021). URL: base.garant.ru/12123142 (дата обращения: 13.09.2023).

Криминалистика глазами молодых ученых

Особенности идентификации человека с применением систем распознавания лиц, разработанных на основе искусственного интеллекта

Рожнова Екатерина Олеговна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра криминалистики, Москва, Россия

E-mail: katro2012@yandex.ru

На сегодняшний день системы распознавания лиц активно применяются в городах большинства развитых стран, таких как Россия, Китай, США и другие [1, с. 72]. Они позволяют в кратчайшие сроки идентифицировать человека, обнаруженного камерой видеонаблюдения, что способствует выявлению правонарушителей, поиску преступников, контролю доступа к объектам и многому другому.

Данная технология представляет собой сопоставление лиц, которые попали в поле зрения системы, с лицами, находящимися в специальной базе, при помощи биометрических параметров [5, с. 24]. Работа такой системы распознавания лиц, построенной на технологии искусственного интеллекта, основывается на нескольких нейросетях, при помощи которых изображение с камеры наблюдения проходит через кодирование системой в векторные значения и сравнивается с материалом, находящимся в базе.

На протяжении последних десятилетий можно выделить значительное повышение уровня технологий, обеспечивающих функционирование систем распознавания лиц. Современные новейшие программы способны не только анализировать видеозаписи, но и самостоятельно улучшать качество изображения для лучшей идентификации лиц, подсвечивать видеозаписи, сделанные в темное время суток, восстанавливать изображения лиц с разорванных фотографий. Помимо этого, расширяется и количество способов использования данной системы, например, возможность применения системы распознавания лиц в беспилотных летательных аппаратах (дронах).

Важным достижением, способствующим динамичному развитию технологий обеспечения безопасности при помощи камер видеонаблюдения, является система распознавания эмоций. Она позволяет не только осуществлять поиск лиц, совершивших правонарушение, но и предупреждать совершение преступлений.

Объектом представленного исследования является идентификация человека с использованием систем распознавания лиц, а также перспективы применения данной технологии правоохранительными органами. Предметом исследования выступают теоретические и практические вопросы применения технологии распознавания лиц: оценивается современное состояние, рассматриваются сферы применения и возможности совершенствования разработок.

Целью проведенного исследования является освещение современных направлений внедрения распознавания лиц в деятельности правоохранительных органов, выделение проблем, связанных с использованием данных систем, и анализ перспектив развития описанной технологии.

Следует отметить, что на сегодняшний день системы распознавания лиц имеют достаточно высокий уровень технологического оснащения, однако их современное состояние имеет ряд проблем, не разрешенных в рамках нынешнего этапа развития. Можно выделить ряд этических и технологических вопросов, связанных с внедрением данной технологии. В первой группе можно отметить проблемы нарушения прав на неприкосновенность личной жизни, распространение конфиденциальной информации и другие. Технические проблемы связаны непосредственно с работой системы. Например, несмотря на то, что использование нейронных сетей во много раз уменьшает вероятность ошибки, точность систем видеонаблюдения всё ещё не является стопроцентной. Однако благодаря актуальности и обширному использованию данных технологий мы можем говорить о том, что совершенствование системы продолжает оставаться значимым и динамично развивающимся направлением, вовлекающим в себя все больше научных разработок [4, с. 150].

Источники и литература

[1] Бабушкин А.А., Маслов А.А., Овчинский В.С. О некоторых научных проблемах использования искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности / Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире : сборник научных трудов / под ред. В.С. Овчинского. — Москва: ИНФРА-М, 2021. — 630 с.

[2] Жданов Ю.Н., Овчинский В.С. Возможности видеонаблюдения для оперативно-розыскной деятельности / Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире : сборник научных трудов / под ред. В.С. Овчинского. — Москва: ИНФРА-М, 2021. — 630 с.

[3] Зуев С.В., Бахтеев Д.В. Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде. — М.: Юрлитинформ, 2022 — 216 с.

[4] Касимов Н.С., Гурская Г.Г. Использование технологии распознавания лиц в системах видеоконтроля / «Актуальные вопросы использования технологий анализа данных и искусственного интеллекта», международная научно-практическая конференция (1; 2018; Астрахань). I Международная научно-техническая конференция «Актуальные вопросы использования технологий анализа данных и искусственного интеллекта» : материалы Международной научно-практической конференции (молодежная секция), Астраханский государственный университет, 6–8 ноября 2018 г. / Астрахань : Сорокин Роман Васильевич, 2018. — 192 с.

[5] Кухарев Г.А., Щеголева Н.Л. Система распознавания человека по изображению лица : учебное пособие / Санкт-Петербург : ЛЭТИ, 2005. — 95 с.

[6] Митрохин В.К. Криминалистическая габитоскопия (установление личности по признакам внешности): учебное пособие / Южно-Сахалинск: СахГУ, 2011. — 116 с.

[7] Хромов И.Л., Кузьмин Н.А., Завьялов И.А. Перспективные направления использования искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности / Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире : сборник научных трудов / под ред. В.С. Овчинского. — Москва: ИНФРА-М, 2021. — 630 с.

Криминалистика глазами молодых ученых

Некоторые особенности расследования преступлений в сфере компьютерной информации

Хлебникова Александра Валерьевна

Студент (магистр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Юридический факультет, Кафедра уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: hlebsash@yandex.ru

Преступления в сфере компьютерной информации не являются новым явлением для российского правопорядка, однако за последнее десятилетие прослеживается явная тенденция к увеличению их удельного веса на фоне общей картины преступности [1]. При этом указанные преступления трудны для расследования: они отличаются повышенной степенью латентности ввиду анонимности их исполнителей в сети, а также разнообразием и высокой технологичностью способов их совершения. Также отмечается нехватка специальных знаний и низкая квалификация следственных работников [2, с. 9], которые, тем не менее, обязаны установить обстоятельства преступления. Ключевой особенностью всей «киберпреступности» (то есть преступлений, совершаемых в сети «Интернет») является специфическая следовая картина, практически полностью состоящая из «цифровых» следов. В отличие от «традиционных» следов преступления, цифровые следы скрыты в электронных носителях информации и могут быть собраны только с помощью специальных технических средств [3, с. 585]. Как справедливо отмечается в юридической литературе, количество возможных путей получения информации из технических средств и многообразие таких средств прямо указывают на то, что спектр возможных объектов исследования пропорционален знаниям и навыкам, требующимся для успешного анализа каждого из них [4, с. 5]. Отсюда, одной из главных проблем расследования преступлений в сфере компьютерной информации является необходимость наличия специальных знаний в области информационных технологий для формирования достаточной доказательственной базы.Наиболее актуален данный вопрос на стадии доследственной проверки заявлений и сообщений о преступлении, где органам следствия необходимо оперативно собрать и проанализировать данные, указывающие на признаки преступления в сфере компьютерной информации, под угрозой их уничтожения. Так, следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия должны быть спланированы исходя из специфики признаков данной категории преступлений.Как правило, первичным следственным действием выступает осмотр места происшествия, но в случае с преступлениями в сфере компьютерной информации вопрос определения места происшествия вызывает особую сложность [3, с. 591]. Посягательство на информационную безопасность лица зачастую происходит дистанционно, иногда преступные действия совершаются одновременно из нескольких точек доступа к информационной сети (например, в случае «кибератак»): поэтому место преступления и место обнаружения признаков этого преступления могут не совпадать географически. Так, если на момент проведения доследственной проверки личность лица,

причастного к совершению преступления, еще не установлена, то необходимо производить осмотр места, где обнаружены признаки преступления, например, в жилище или на рабочем месте потерпевшего; в общественное месте, где был установлен доступ в «Интернет».Между тем, наиболее информативным следственным действием выступает осмотр электрического носителя подозреваемого — средства совершения преступления. Очевидно, что внешний осмотр устройства не обеспечит доступа к «цифровым» следам преступления, а потому в такой ситуации необходим детальный анализ всей информации, содержащейся «внутри» носителя. Для наибольшей эффективности данного следственного действия используются современные технико-криминалистические средства, способные извлекать данные с мобильных устройств и стационарных компьютеров, например: UFED, Mobile Forensics System, Мобильный криминалист и др.Отметим, что в органах, производящих предварительное следствие, создаются и развиваются подразделения, занимающиеся «киберпреступностью»: так, в следственном комитете в 2021 году был создан отдел по расследованию «киберпреступлений» и преступлений в сфере высоких технологий, а 2022 году было создано управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий в МВД. Однако это не лишает следователей возможности привлекать к производству процессуальных действий специалистов в области информационных технологий, а также назначать компьютерно-техническую экспертизу.Еще одной проблемой при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации является установление субъекта преступного посягательства. Авторы, занимающиеся исследованиями личности «киберпреступника», отмечают, в целом, высокий уровень интеллекта такого лица, креативность, нестандартное мышление и скрытность [5, с. 121]. Кроме этого, по данным МВД, преступления в сфере компьютерной информации носят в большинстве случаев групповой характер, что обусловлено необходимостью разных «специализаций» соучастников: в программировании, криптографии, технической поддержке и др. [6, с. 152]. Так, лица, совершающие компьютерные преступления умеют быстро приспосабливаться к развитию технологий и создавать все больше новых способов совершения преступлений в сети и сохранения своей анонимности. Например, наиболее популярным способом сокрытия личности в сети является использование различных серверов VPN для постоянной смены IP, по которому можно «деанонимизировать» лицо. Тем не менее у сотрудников следственных органов есть свой арсенал методов по поимке «киберпреступников». Во-первых, следственные органы обладают исключительным правом на истребование самой различной информации у интернет-провайдеров, операторов сотовой связи, владельцев интернет-ресурсов и т.д., а потому, располагая данными хотя бы о времени и месте совершения преступления в сфере компьютерной информации, следователи могут получить сведения об Интернет соединении множества лиц, а впоследствии «вычислить преступника» путем простой выборки. Во-вторых, одним из наиболее комплексных подходов к установлению личности является работа следственно-оперативной группы и привлечение IT-специалистов: сочетание следственных действий и негласных оперативно-розыскных мероприятий, а также одновременная «проработка» уже полученной информации специалистом в сфере информационных технологий позволит «деанонимизировать» лицо в более короткие сроки.Наконец, еще одной сложностью в ходе расследования преступлений в сфере компьютерной информации выступает то, что зачастую органам следствия приходится работать с охраняемой компьютерной информацией, то есть с конфиденциальными персональными данными; государственной, коммерческой, банковской, семейной и

личной тайной. Это существенно затрудняет следствие, поскольку сами потерпевшие в ряде случаев могут противодействовать расследованию преступления под страхом раскрытия этой информации и, как следствие, причинения ущерба их деловой репутации. Формами такого противодействия является сокрытие информации об обстоятельствах преступления, сообщение недостоверных или неполных сведений, непредоставление документации и т.д. [7, с. 182]. Отсюда, сотрудникам следственных органов в ходе допроса потерпевшего необходимо грамотно использовать тактические приемы, например, создание положительного психологического климата между следователем и потерпевшим, убеждение лица в объективности и беспристрастности следователя и в сохранении конфиденциальности охраняемой информации, на которое было совершено преступное посягательство.Подводя итог, преступления в сфере компьютерной информации имеют множество уникальных признаков, выделяющих их на фоне «киберпреступности» в целом. К ним можно отнести: многообразие способов совершения преступлений, особый предмет преступного посягательства, характеристики субъекта преступления и трудности в его установлении. Методика расследования данной категории преступлений, ее правовая регламентация и формирование необходимого понятийного аппарата, находится только на пути становления и развития, но в доктрине уже сформулированы некоторые ее особенности.Так, для проведения необходимых следственных и иных процессуальных действий требуется наличие специальных научных знаний как сотрудников следственных органов, так и специалистов и экспертов; развитие компетенций подразделений СК РФ и МВД, занимающихся «киберпреступностью» и их взаимодействия как между собой, так и с оперативными сотрудниками; активное внедрение технико-криминалистических средств, с применением которых становится возможным грамотно обнаруживать, фиксировать и изымать соответствующие цифровые следы преступлений и «деанонимизировать» лиц в сети «Интернет».

Источники и литература

[1] Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003-2007 годы и 2008-2022 годы [Электронный ресурс] // Официальный сайт судебного департамента Верховного суда РФ [сайт]. — Режим доступа: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121

[2] Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации» (утв. Генпрокуратурой России 30.05.2014 г.) [Электронный ресурс] — Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

[3] Криминалистика : учебник / коллектив авторов; под ред. Т.А. Седовой, С.П. Кушниренко, В.Д. Пристанскова. — Москва : ЮСТИЦИЯ, 2019. 712 с.

[4] Белей А.В. Тактика применения современных технико-криминалистических средств при собирании криминалистически значимой информации, содержащейся в дампе оперативной памяти персональных компьютеров // Российский следователь. 2022. № 8. С. 3–6.

[5] Методические рекомендации по расследованию преступлений в сфере компьютерной информации: Учебное пособие / Под ред. И.Г. Чекунова. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. 105 с.

[6] Жижина М.В., Завьялова Д.В. Личность субъекта преступлений в сфере компьютерной информации как системообразующий элемент криминалистической характеристики (по материалам Российских и зарубежных источников) // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5. С. 149–158.

[7] 7. Поляков В.В. Криминалистическая классификация субъектов противодействия расследованию высокотехнологичных преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 2. С. 178–192.

Криминалистика глазами молодых ученых

Компьютерный почерк как новый вид цифровых следов в криминалистике

Цветкова Анна Денисовна

Студент (специалист)

Уральский государственный юридический университет, Кафедра криминалистики, Екатеринбург, Россия

E-mail: anuta.c@outlook.com

Среди учёных уголовно-правового профиля в последнее время стала подниматься проблема исследования компьютерного (клавиатурного) почерка, который, однако, понимается только как специфический навык печати на клавиатуре [1, с. 105; 2]. Представляется, что данный феномен может быть рассмотрен с позиций объективного подхода как вид цифровых следов, поскольку соответствует всем характерным для них признакам, выделяемым в криминалистике [3, с. 66–67; 4, с. 31; 5, с. 92–93]. Продемонстрируем это.

1. В рамках классической классификации всех следов на материальные и идеальные группа цифровых следов относится к материальным [6, с. 3], они формируются в силу действия естественных законов физики и не зависят от воли и желания людей. Указанное верно и для компьютерного почерка — особенности набора электронного текста неизбежно проявляются при взаимодействии человека с клавиатурой и сохраняются не в виде образов в памяти лиц, а в форме электрического сигнала [7, с. 59], который впоследствии перерабатывается в состояние компьютерного кода, носящего объективный характер.

2. Цифровые следы всегда опосредованы через электронный носитель информации. В свою очередь, компьютерный почерк, если понимать его как совокупность отдельных показателей, не может существовать вне памяти компьютера и (или) внешнего накопителя. Без специально созданных программ, которые обычно автоматически внедряются в компьютерные устройства разработчиками программного обеспечения, либо предустановок операционной системы компьютерный почерк как навык никуда не исчезнет, поскольку представляет собой неотъемлемую характеристику личности, однако как цифровой след он существовать перестанет в связи с тем, что его признаки не будут фиксироваться и сохраняться.

3. Особенностью цифровых следов является возможность доступа к ним из любой точки в любое время. Удалённый доступ к компьютерному почерку также вполне возможен: если используются специальные программы, позволяющие его фиксировать, то они, в зависимости от субъекта их установки или внедрения, направляют сведения о компьютерном почерке пользователя непосредственно владельцу данной программы (или иному указанному им лицу) по электронной почте, иным сетевым каналам. Помимо этого, получить рассматриваемые сведения можно посредством удалённого доступа к пользовательскому оборудованию.

4. Как и для любого цифрового следа, для компьютерного почерка верным является возможность копирования его показателей на различные электронные носители информации: отчёт программы, фиксирующей признаки исследуемого феномена, может быть скачан на флеш-накопитель, иное компьютерное устройство, а также зафиксирован посредством фото- и видеосъёмки.

5. Цифровые следы не могут быть обработаны без применения специальных технических средств [8, с. 750]. Равно и для фиксации, обработки, изъятия, исследования компьютерного почерка необходимо обращаться к специальным техническим (программным или программно-аппаратным) устройствам, в качестве которых чаще всего выступают специализированные кейлоггеры («перехватчики клавиатуры»).

6. Немаловажной отличительной чертой цифровых следов называется их мультиформатность, широкое разнообразие. Информация о компьютерном почерке также может представляться в разнообразных форматах: фиксируясь изначально в качестве машинного кода, она записывается в качестве логов системы [9, с. 139], но, при наличии установленного кейлоггера трансформируется в текстовый отчёт, приемлемый для восприятия человеком, который в том числе может быть распечатан, сфотографирован и зафиксирован любым иным доступным образом. При этом существование информации о компьютерном почерке в любой из описанных форм не исключает сохранности иных.

7. Компьютерный почерк, являясь цифровым следом, представляет собой лишь определённую абстракцию, модель тех навыков, которые отвечают за специфику набора текста на клавиатуре у отдельного человека. Он не отражает всех мельчайших деталей поведения человека при наборе текста на клавиатуре, но закрепляет в себе только те проявления, которые могут иметь значение для последующей идентификации лица, набиравшего текст, или диагностики его состояния [10, с. 236], посредством точных, математизированных показателей: скорость печати, сила давления на клавишу и т. п.

8. Отображение компьютерного почерка, как и любого цифрового следа происходит в искусственно созданной компьютерной среде — памяти компьютерного устройства, внутреннего или внешнего накопителя информации. Как уже было отмечено выше, компьютерный почерк без его фиксации операционной системой либо специальными программными или программно-аппаратными устройствами существует только как субъективный навык, чтобы он стал существовать как объективный, условно говоря материальный, след, он должен отобразиться на материальном носителе. Если для традиционного почерка таким носителем выступает бумага (в подавляющем большинстве случаев), то для компьютерного почерка — это память кейлоггера (либо, при его отсутствии, запись в системном «журнале событий»).

На наш взгляд, компьютерный почерк как цифровой след обладает большим потенциалом для повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений, в которых доказательственными материалами выступают напечатанные тексты. Как верно отмечает П.С. Пастухов, сегодня, в связи с возможностью удалённого взаимодействия преступников (*в том числе посредством обмена текстовыми сообщениями в зашифрованных чатах — комментарий наш, А. Д.*), процесс совершения преступлений стал ещё более скрытым, недоступным для традиционного способа собирания доказательств» [6, с. 32]. В этой связи считаем, что любые сведения, которые способны помочь в выявлении преступников, должны обращать на себя оперативное внимание криминалистов для скорейшей оценки их действительного значения для целей раскрытия и расследования преступлений.

Исследование выполнено при финансовой поддержке УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева в рамках реализации проекта ведущей научной школы № 0304/23.

Источники и литература

[1] Фойгель Е.И. Современные тенденции и перспективы развития криминалистического учения о личности участников уголовного судопроизводства // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24. № 1 (91). С. 101–108.

[2] Федоров И.З. К вопросу об установлении исполнителя электронного текста по клавиатурному почерку при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2019. № 2 (37). С. 113–116.

[3] Бахтеев Д.В., Смахтин Е.В. Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами // Российский юридический журнал. 2019. № 6 (129). С. 61–68.

[4] Мещеряков В.А. «Виртуальные следы» под «скальпелем Оккама» // Информационная безопасность регионов. 2009. № 1 (4) С. 28–33.

[5] Основы теории электронных доказательств: монография / под ред. докт. юрид. наук С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2019. 400 с.

[6] Россинская Е.Р. Особенности оценки и использования в доказывании результатов судебных экспертиз в условиях цифровизации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 3. С. 3–8.

[7] Брюхомицкий Ю.А. Иммунологический подход к идентификации личности по динамическим биометрическим параметрам // Известия ЮФУ. Технические науки. 2017. № 5 (190). С. 56–66.

[8] Россинская Е.Р., Семикаленова А.И. Основы учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем как часть теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. № 3. С. 745–759.

[9] Федотов Н. Н. Форензика — компьютерная криминалистика. М.: Юридический Мир, 2007. 432 с.

[10] Мещеряков В.А., Цурлуй Л.Ю. Электронно-цифровое отображение как методическая основа цифровой криминалистики // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации: Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 21 мая 2021 года / Под редакцией Ю.В. Гаврилина, Ю.В. Шпагиной. Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 232–238.

Круглый стол по теме «Медиация и med-arb в системе альтернативных способов разрешения споров»

Медиация и med-arb в системе
альтернативных способов разрешения споров

Институт обязательной медиации как альтернативный способ разрешения семейных споров

Алексеева Ксения Юрьевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: ksenia27alekseyeva@mail.ru

"Первые необходимые отношения, в которые индивид вступает с другими, это семейные отношения. Эти отношения, правда, имеют и правовую сторону, но она подчинена стороне моральной, принципу любви и доверия" *Георг Вильгельм Фридрих Гегель*

Актуальность выбранной темы исследования объясняется современным положением семейных дел в Российской Федерации и важностью семьи, как общественного института, играющего решающее значение в жизни каждого человека и общества в целом. Согласно данным Росстата, по состоянию на июль 2023 года количество зарегистрированных браков составило 491728, а число разводов уже достигло 390797 (79,5%), превосходя большинство антирекордов разводов [9]. Также следует заметить, что кроме увеличения количества разводов, в Российской Федерации заметен рост неформальных браков и внебрачных рождений.

Семейные отношения — это та категория общественных отношений, которая в настоящее время не регулируется нормами права в полной мере; большинство норм российского семейного права носят нравственный, этический характер [3]. В связи с этим возникает противоречие между объективной необходимостью по-настоящему примирить стороны семейного конфликта (гармонизировать отношения между супругами) и имеющимися инструментами семейного права, чаще всего направленными на формальное разрешение спора, не затрагивающими истинных позиций сторон конфликта. Тогда проблема недостаточности инструментария по разрешению семейных конфликтов является актуальной, а задача нахождения досудебного механизма разрешения семейного спора с сохранением семейного благополучия является общественно значимой.

На наш взгляд, введение обязательной процедуры медиации по семейным делам — ключ к решению поставленной проблемы. Аргументация данного тезиса невозможна без изучения истории разрешения семейных конфликтов в России, анализа опыта зарубежных стран, характеристик сущностных особенностей семейной медиации, оценки загруженности судов Российской Федерации; без рассмотрения нормативной базы медиативной деятельности в России.

Обратившись к исторической ретроспективе становления семейного права, мы увидим, что и ранее существовали общественные институты, оказывающие помощь семьям в разрешении конфликтов. Например, неофициальные крестьянские суды носили примирительный характер, когда судьёй выступал самый авторитетный член семьи [8].

Другими словами, предпосылки особого отношения к семейным спорам сложились задолго до современности. Обособление процедуры досудебного урегулирования семейных отношений с целью отдельного рассмотрения конфликтов в семье необходимо и сейчас [5].

Обращаясь к опыту зарубежных стран по исследуемому вопросу, следует выделить США, где медиация в сфере семейных конфликтов очень популярна. В Великобритании существует Совет по семейной медиации, который устанавливает стандарт медиации. В Германии функцию определения стандартов медиативной деятельности осуществляет Федеральная Ассоциация Семейной Медиации.

Раскрывая понятие медиации по семейным спорам, примем за основу определение О.Н. Здрок, характеризующей семейную медиацию как переговоры между членами семьи с целью разрешения конфликта с участием посредника-профессионала. Действительно в современных исследованиях утверждается, что большинство семейных проблем носят психологический характер, и именно поэтому их самостоятельное разрешение сторонами спора часто является затруднительным или невозможным. Тогда специалист по семейной медиации, безусловно обладающий компетенциями в области семейного права, помогает сторонам конфликта определить пути его досудебного разрешения.

Вторая особенность семейной медиации состоит в существовании нескольких её моделей [1]. Экосистемная технология семейной медиации позволяет рассматривать семью, как систему, состоящую из взаимосвязанных элементов. При использовании экосистемной технологии внимание уделяется не только взрослым людям, но и детям. Смысл трансформативного подхода в медиации заключается в повышении самооценки участников спора, возвращении их к конструктивным отношениям, осознании ответственности за принятое решение сторонами. В основе нарративной модели семейной медиации - разрешение конфликта посредством переосмысления его сторонами собственных и совместных жизненных сценариев.

К принципам современной семейной медиации отнесем добровольность и взаимоуважение сторон, конфиденциальность, беспристрастность и независимость медиатора, сотрудничество и равноправие сторон, прозрачность проведения медиативной процедуры. Медиация состоит из этапов возбуждения процедуры медиации, подготовки к процедуре, проведения процедуры, подготовки к заключению соглашения, завершения медиации.

Рассмотрим состояние нормативной базы медиативной деятельности по разрешению семейных споров в России. Основным законом, устанавливающим процедуру медиации в Российской Федерации, является ФЗ от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [10]. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года озвучивает внедрение института медиации при разрешении семейно-правовых споров как меру профилактики семейного неблагополучия, детской безнадзорности и беспризорности [4]. Но при этом в Российской Федерации отсутствуют положения об обязательном характере медиации при разрешении семейных споров.

Примером норм действующего законодательства о примирении сторон является Статья 22 СК РФ, где озвучивается, что в случае расторжения брака при отсутствии согласия одного из супругов суд имеет право принять меры к примирению супругов и отложить разбирательство дела для примирения на срок до 3 месяцев [7]. В указанный судом срок супруги должны самостоятельно разрешить конфликт или прийти к

выводу о том, что сохранение семьи не представляется возможным. Как правило, у людей, находящихся в бракоразводном процессе, отсутствует желание взаимодействовать. Следовательно, необходим посредник — профессиональный медиатор, который бы мог помочь в разрешении конфликта. При этом преимущество медиативной процедуры заключается в возможности самостоятельного принятия решения участникам спора. Люди в большей степени уважают решения, которые приняли самостоятельно, без вмешательства судебных органов.

Анализ статистики загруженности российских судов за 2018–2022 года свидетельствует о ежегодном увеличении количества дел, рассматриваемых судами. Примерно 1/10 рассматриваемых судом гражданских дел составляют дела, возникающие из семейных отношений [6]. Учитывая тот факт, что большинство семейных споров с применением медиации заканчиваются досудебным разрешением, а также с целью сокращения числа семейных судебных разбирательств и повышения эффективности работы судебных органов необходимо закрепить медиативную процедуру по семейным конфликтам как обязательную.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что вопросы, рассмотренные выше, обуславливают необходимость пересмотра форм реализации норм семейного права в Российской Федерации. Нами предлагается значимое для общества направление развития семейного права — семейная медиация, как альтернативная форма разрешения семейных споров. Для реализации механизма разрешения конфликтов в семье необходимо создание государственного института медиации, что подтверждается мнением президента Центра медиации и права Ц.А. Шамликашвили о необходимости медиации в судебных спорах и ее обязательном субсидировании государством [11]. При этом, необходимо понимать, что не все категории семейных дел могут рассматриваться во внесудебном порядке, поэтому в качестве исключения из применения процедуры обязательной медиации должны быть выделены категории дел о применении мер семейно-правовой ответственности к родителям и лицам, их заменяющим.

Вопросы механизма реализации предложения по введению обязательной процедуры альтернативного разрешения семейных споров (медиации) требуют тщательного изучения и разработки нормативно-правового обеспечения. Профессор Е.А. Борисова отмечает, что современное российское общество, сообщество медиаторов, государство и право не готовы к законодательному закреплению обязательной медиативной процедуры по семейным делам — «Мы лишь на пороге — в ожидании, в предчувствии перемен» [2].

Источники и литература

[1] Альтернативное разрешение споров: Учебник / Под ред. д.ю.н., проф. Е.А. Борисовой. 2019. С. 205–212.

[2] Борисова Е.А. Обязательная семейная медиация как предчувствие // Журнал «Законодательство». — май 2021 г. — № 5.

[3] Иванова С.А. Судебные споры о праве на воспитание детей. М., 1974.

[4] Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года (общественный проект): в 3-х частях // Составитель Мизулина Е.Б. и др. / Часть 1. — М., 2013.

[5] Кострова Н.М. Теория и практика взаимодействия гражданского процессуального и семейного права. Ростов-на-Дону, 1988.

[6] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2022 году // URL: http://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYU_2022_na_sayt_SD.pdf (дата обращения: 20.09.2023)

[7] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023)

[8] Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. — М., 2010.
[9] Федеральная служба государственной статистики // URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13807 (дата обращения: 20.09.2023)
[10] ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019).
[11] Шамликашвили Ц.А. Медиация — современный метод внесудебного разрешения споров. — М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2017. — 77 с.

Медиация и med-arb в системе
альтернативных способов разрешения споров

К вопросу об эффективности Med-Arb как альтернативного способа разрешения споров

Иванов Егор Михайлович

Студент (бакалавр)

Московский государственный институт международных отношений, Международный институт энергетической политики и дипломатии, Москва, Россия

E-mail: ivanov.olimp03@mail.ru

Med-Arb как один из альтернативных способ разрешения споров, появившихся в начале 2010-х [1], в настоящее время демонстрирует значительную популярность. В частности, по результатам LCAM Survey [2] фактически две трети респондентов подтвердили, что с большей долей вероятности они предпочли бы посредничество в арбитраже. Изначально был избран менее формализованный и детализированный подход: так, ст. 36 Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ 2013 года содержит положения, согласно которым в случае урегулирования спора до вынесения арбитражного решения, арбитражной суд либо издает приказ о прекращении арбитражного разбирательства, либо, по просьбе обеих сторон регистрирует урегулирование (англ. «settlement») в форме арбитражного решения на согласованных условиях. Этих же правил придерживается LCIA. Общие правила об использовании Med-Arb содержатся в ст. 47 Регламента CIETAC, а некоторые арбитражные регламенты содержат лишь ссылку на возможность посредничества (например, ст. 13.8 Регламента HKIAC). Наиболее разработан данный способ разрешения споров SIAC — с 2014 года действует Протокол Arb-Med-Arb («Протокол SIAC-SIMC AMA»), который предусматривает обязательную передачу спора на его мирное урегулирование медиатором после получения ответа на уведомление об арбитраже.

Фактически, гибридный формат Med-Arb представляет собой модификацию каскадной арбитражной оговорки, предусматривающей несколько обязательных или альтернативных ступеней разрешения спора [3, p. 425]. В действительности, главным преимуществом данного способа разрежения споров, что являлось и главной причиной его появления [4], является возможность принудительного исполнения решения, которое de facto достигнуто в ходе медиативных процедур. Именно арбитражное решение, в которое будет обличен результат медиации, будет иметь гораздо больший обязательный эффект, поскольку подлежит исполнению в 168 государствах-подписантах Нью-Йоркской Конвенции 1958. Аналогичная конвенция существует и для соглашений об урегулировании споров — Конвенция 2018 года о международных соглашениях об урегулировании, полученных в результате посредничества, известная как «Сингапурская конвенция», однако на данный момент она имеет гораздо меньший эффект за счет иной процедуры применения и меньшего количества подписантов [5]. Стоит отметить, что по пути сближения медиации и арбитража идет Закон об арбитраже Китая [6], закрепляя в ст. 51, что мировое соглашение, достигнутое в результате примирительных процедур,

и арбитражное решение имеют одинаковую юридическую силу в случае, если стороны в ходе арбитража обращались к медиативным процедурам. Это свидетельствует, однако, о том, что одинаковую силу они будут иметь лишь в рамках национального права, но приведение в исполнение вне территории государства в качестве решения по результатам медиации будет сильно затруднительно.

Однако в условиях нарастающей популярности данной формы разрешения спора необходимо обратить внимание на ее отрицательные черты, связанные с ролью арбитра и медиатора. Так, в доктрине при обсуждении данной проблемы выделяются следующие риски:

(a) В процессе медиации арбитр может узнать коммерческую тайну или конфиденциальную информацию. Поскольку такая информация часто раскрывается в частном порядке, противная сторона может никогда не узнать о ней и не иметь возможности оспорить или прокомментировать сказанное. Если такая информация впоследствии повлияет на арбитражное решение, это будет нарушением надлежащей правовой процедуры;

(b) Участие арбитра в неудачной медиации может поставить под сомнение его квалификацию в глазах сторон [3, p. 428];

(c) Сторона может не захотеть раскрывать неблагоприятную для нее информацию посреднику, который впоследствии будет выступать в роли арбитра, опасаясь, что такое раскрытие может быть использовано против нее. Такое нежелание, очевидно, может снизить вероятность достижения мирового соглашения;

(d) Арбитраж и медиация — это две разных формы разрешения споров с разными целями и характеристиками. Арбитр должен основывать свои решения на законе, в то время как медиатор имеет право уделять внимание поддержанию постоянных конструктивных отношений между сторонами, что повышает вероятность достижения соглашения. Разрешение арбитру выступать в роли посредника может привести к процессуальным проблемам, а также нарушить беспристрастность состава арбитража [7].

Наиболее важной проблемой с точки зрения приведения решения в исполнение, что обеспечивает эффективность альтернативных способов разрешения споров, является вопрос беспристрастности арбитра. Парадоксально, большинство регламентов арбитражных институтов содержат очень мало указаний, касающихся процедуры Med-Arb и, в частности, вопроса о том, может ли арбитр-посредник вернуться к исполнению своих обязанностей арбитра, если медиация не удалась. Однако, например ст. 10(2) Регламента CIArb 2018 г. [8] предусматривает, что медиатор не может быть назначен в качестве арбитра в том же споре или в любом другом споре, возникающем из того же дела или в связи с ним, и не может принять такое дополнительное назначение, если только стороны в письменной форме не откажутся от любых возражений, возникающих в связи с тем, что третейский судья или арбитр ранее выступал в качестве посредника между сторонами в соответствии с настоящими правилами, и само лицо не даст согласие на такое назначение.

Это, по-видимому, свидетельствует о том, что, согласно данным правилам, для возвращения арбитра-посредника к исполнению своих обязанностей арбитра необходимо дополнительное соглашение сторон, включающее прямой отказ от любых возражений, основанных на предыдущих ролях арбитра.

Однако существуют два акта soft law: это Руководство Международной ассоциации юристов (IBA) по конфликтам интересов в международном арбитраже (2014 г.) и Пражский регламент по эффективному ведению разбирательства в международном

арбитраже (2018 г.) [9]. Оба регламента позволяют арбитру-посреднику вернуться к исполнению своих обязанностей арбитра, однако предъявляют разные требования, и ни в одном из них не рассматривается вопрос о работе с конфиденциальной информацией.

В статье 4(d) Руководства IBA по урегулированию конфликтов говорится, что арбитр может помогать сторонам в достижении урегулирования спора путем примирения, посредничества или иным способом на любой стадии разбирательства. Однако прежде чем сделать это, арбитр должен получить прямое согласие сторон на то, что такие действия не лишают его права продолжать выполнять функции арбитра.

Далее в Руководстве IBA по конфликтам говорится, что такое явно выраженное согласие будет рассматриваться как эффективный отказ от любого потенциального конфликта интересов, который может возникнуть в результате участия арбитра в таком процессе или в результате информации, которую арбитр может узнать в ходе этого процесса. Из этого следует, что стороны остаются связанными своим первоначальным отказом даже в том случае, если медиация не увенчалась успехом, что явно отличается от подхода CIArb.

Согласно же Пражскому регламенту, при наличии предварительного письменного согласия всех сторон любой член арбитражного суда может также выступать в качестве посредника для оказания содействия в мирном урегулировании дела (ст. 9(3) Пражского регламента). Согласно ст. 9(4) Пражского регламента, арбитр, выступавший в качестве посредника, может также вернуться к своей первоначальной позиции арбитра, если медиация не привела к урегулированию дела, но только после получения согласия сторон во второй раз.

Представляется, что подход о необходимости получения повторного согласия наиболее полным образом отвечает целям арбитража. Стороны обращаются в арбитраж, соглашаясь платить гораздо больше, за справедливым и тщательным разрешением их спора. Такой смешанный формат, как Med-Arb, должен это обеспечивать, поэтому во избежание конфликтов интересов стороны на каждой ступени должны подтверждать свое согласие на рассмотрение спора одним лицом в целях нивелирования рисков его небеспристрасности. Однако, фактически данные, полученные медиатором-арбитром, при проведении медитативных процедур лягут в основу его будущего решения, поэтому в такой ситуации так или иначе существуют определенные соответствующие риски. Так или иначе, это будет влиять на внутренне отношение арбитра, а это уже невозможно нивелировать.

На наш взгляд, стороны в любом случае в таких ситуациях будут отдавать приоритет одному из способов разрешения споров: (a) либо полностью раскрывать информацию, в том числи ex parte, отдавая приоритет медиации, подразумевая ее результативных исход без необходимости обращения в арбитраж; (b) либо до последнего скрывать релевантную информацию, делая ставки на арбитраж. В таком ключе существование Med-Arb стоит под большим вопросом, поскольку стратегии сторон могут не совпадать, что в большой степени снижает эффективности разрешения спора.

Источники и литература

[1] Jeremy Lack, Appropriate Dispute Resolution (ADR): The Spectrum of Hybrid Techniques Available to the Parties, 2 ADR in Business: Practice and Issues Across Countries and Cultures 339, at 360 (2011).

[2] LCAM Survey, note 2, slides 3, 5.

[3] Chapter 21: Med-Arb', in Wei Sun and Melanie Willems, Arbitration in China, Kluwer Law International 2015.

[4] Dorothee Ruckteschler and Anika Wendelstein, 'Efficient Arb-Med-Arb Proceedings: Should the Arbitrator Also Be the Mediator?', in Maxi Scherer (ed), Journal of International Arbitration, Kluwer Law International 2021, Volume 38, Issue 6, p. 772.
[5] Robert Butlien, The Singapore Convention on Mediation: A Brave New World for International Commercial Mediation, 46 Brooklyn J. of Int'l L. 183, 188, 191 (2020).
[6] URL: http://english.www.gov.cn/archive/laws_regulations/2014/08/23/content_281474983043668.htm
[7] Guo Dong, Med-Arb — The Theoretical Exploration of a Hybrid Dispute Resolution Regime, Arb. & L., Issue 86. URL: http://www.cietac.org.cn/magzine/86-9.shtml.
[8] British Chartered Institute of Arbitrators (CIArb) Mediation Rules (2018).
[9] The IBA Guidelines on Conflicts of Interest in International Arbitration 2014; Prague Rules on the Efficient Conduct of Proceedings in International Arbitration 2018.

Медиация и med-arb в системе
альтернативных способов разрешения споров

Мед-арб по спорам в сфере искусства: новеллы и перспективы

Князева Александра Сергеевна

Студент (бакалавр)

Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: aleks.knyazeva2016@yandex.ru

Споры в сфере искусства представляют собой категорию дел, требующую особых экспертных познаний, а также деликатного подхода, ведь в арт-сообществе конфиденциальность имеет решающее значение [1], а любые данные могут значительным образом влиять на провенанс работы. Указанные особенности предполагают широкие возможности для использования альтернативных способов урегулирования споров в этой сфере.

В настоящее время в мире существует единственный специальный арбитраж, в котором могут рассматриваться споры по искусству — Court of Arbitration for Art (далее — CafA) [2], созданный по инициативе Нидерландского арбитражного института и Authentication in Art, некоммерческого фонда, который специализируется на новейших разработках в сфере аутентификации предметов искусства. Подобный арбитраж предусматривает сразу несколько преимуществ:

(1) максимальный учет особенностей взаимодействия сторон правоотношений, поскольку предполагает вынесение решения не только на основе применимого права, но и на основе практики, сложившейся в сфере арт-бизнеса [1];

(2) соблюдение конфиденциальности в отношении сторон при одновременной возможности разглашения информации об арт-объекте (ст. 51 Правил CAfA) [3]. Данное уточнение сделано для вариативности споров. В частности, например, в рамках арбитражного разбирательства может быть установлена подделка арт-объекта, таким образом, благодаря разглашению информации будет исключены дальнейшие сделки с поддельным объектом [1]. Кроме того,

(3) наличие собственного пула экспертов в сфере искусства, в который включаются специалисты по истории искусства, экспертиз в области искусства и криминалисты (ст. 1 Правил CAfA). Такой пул экспертов позволит всесторонне рассмотреть нюансы того или иного спора.

Рассматриваемое арбитражное учреждение предлагает сторонам не только рассмотрение споров с помощью непосредственно арбитража, но и с использованием процедуры медиации, проводимой по правилам CafA. В медиативных процедурах могут привлекаться эксперты из пула экспертов CAfA (часть 2 Приложения к правилам медиации

CAfA) [4]. Пул медиаторов состоит из международных медиаторов, имеющих подтвержденный опыт в спорах по арт-праву и/или международной медиации. Необходимо отметить, что медиация в CAfA выступает самостоятельной процедурой, т.е. данное арбитражное учреждение не использует гибридную модель мед-арба.

Как арбитраж, так и процедура медиации имеют определенные преимущества, которые могут быть усилены путем использования процедуры мед-арба или арб-мед-арб. В частности, если стороны желают, чтобы медиативное соглашение, закрепленное в форме арбитражного решения на согласованных условиях, было исполнимо по Нью-Йоркской конвенции 1958 г., оптимальным вариантом будет процедура арб-мед-арб [5]. Наличие арбитражного элемента в данном случае повышает исполнимость решения, а медиативный элемент в большей степени предполагает максимальное использование переговорного потенциала. Важно отметить, что в процедуре мед-арб медиация и арбитраж может охватываться единой оговоркой, а также может быть установлен единый пул экспертов, медиаторов, арбитров, которые будут привлечены к рассмотрению того или иного спора.

Для арт-рынка гибридная модель альтернативного разрешения споров имеет высокую ценность. Во-первых, она позволяет исключить разглашение информации о факте спора (предмете, сторонах спора). Во-вторых, такая модель помогает уменьшить риск оспаривания действительности арбитражного решения впоследствии, ведь в ином случае спор мог бы перейти на рассмотрение в государственный суд, что, конечно же, может негативно влиять на провенанс работы. В-третьих, возможно задействование арт-эксперта как в качестве медиатора, так и в качестве арбитра, т.е. происходит максимальное увеличение эффективности использования компетенций, что крайне важно в узкоспециализированных областях искусства.

Модель мед-арб или арб-мед-арб как альтернативный способ разрешения споров весьма актуален для российской правовой действительности и российского арт-рынка. Безусловно, в РФ арт-рынок не испытывает того глобального подъёма, который сопровождал западный сектор, однако в настоящее время он развивается, увеличивается число сделок [6], и, соответственно, число споров. В то же время в условиях расширения российского арт-рынка, например, сотрудничества с зарубежными коллекционерами, необходим механизм, который позволит разрешать подобные дела в условиях соблюдения конфиденциальности и ряда этических вопросов, которые неразрывно связаны с данной сферой.

В Российской Федерации возможно специального арбитража по спорам в сфере искусства, работающего по модели мед арб (арб-мед-арб), в котором могут принимать участие эксперты и арбитры из разных стран, в частности, для работы с правом тех юрисдикций, на которые сейчас нацелено расширение арт-рынка в современных условиях. Постоянное действующее арбитражное учреждение должно быть создано при некоммерческой организации (ч. 1 ст. 44 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации») [7]. Указанный федеральный закон требует дополнения, поскольку для рассмотрения споров в сфере искусства необходима большая гибкость сочетания арбитража и медиации по сравнению с предусмотренной в ст. 49 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». По аналогии с зарубежным опытом безусловно перспективным станет создание пула экспертов, медиаторов и арбитров, которые имеют опыт в сфере искусства, что позволит учесть интересы всех сторон спора.

Кроме того, важно учитывать арбитрабельность того или иного спора. В сфере искусства в арбитраж в РФ не могут передаваться споры, связанные с наследованием

предметов искусства, поскольку в Гражданском процессуальном кодексе РФ установлен запрет на передачу споров, возникающих из наследственных отношений, на рассмотрение третейского суда (п. 4 ч. 2 ст. 22.1 ГПК РФ) [8]. Следовательно, проведение процедуры мед-арб также не будет корректным в отношении наследственного спора, связанного с предметом искусства.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в настоящее время для российской правовой действительности является актуальным вопрос о зарождении специального арбитража, который бы предусматривал возможность рассмотрения спора в сфере искусства по модели мед-арб.

Источники и литература

[1] Subhash Bhutoria, Sima Ghaffari, Amin Motamedi. Art Disputes and the Court of Arbitration for Art: Evolution or Revolution? // URL: https://aria.law.columbia.edu/art-disputes-and-the-court-of-arbitration-for-art-evolution-or-revolution/?cn-reloaded=1 (дата обращения: 17.09.2023).
[2] Официальный сайт Court of Arbitration for Art: https://www.cafa.world/cafa/ (дата обращения: 06.09.2023).
[3] Правила арбитража CAfA // (дата обращения: 17.09.2023).
[4] Правила медиации CAfA // (дата обращения: 17.09.2023).
[5] Гайдаенко Шер Н.И. Еще раз о смешанных способах урегулирования коммерческих споров: вопросы взаимодействия сторон, арбитров и медиатора // Третейский суд. 2022. N 1. С. 67–78.
[6] Мировой рынок русского искусства и арт-рынок России. Главные итоги 2022 года: https://art-investment.ru/invest/analytics/20230227_russian_art_market.html (дата обращения: 06.09.2023).
[7] Федеральный закон от 29.12.2015 N 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[8] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Медиация и med-arb в системе
альтернативных способов разрешения споров

Сущность медиации как способа урегулирования споров: российский и зарубежный опыт

Котенева Виктория Алексеевна

Студент (бакалавр)

Южный федеральный университет, Факультет юридический, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: kotenevaviktoria@yandex.ru

В данной статье рассматривается правовая природа медиации как альтернативного способа разрешения споров. Современная судебная система не может справиться со всем многообразием и вариативностью возникающих правовых споров, не в состоянии в полном объеме достичь удовлетворения потребностей участников процесса. В связи с этим все большее развитие получают альтернативные способы разрешения споров. Наличие судебных и внесудебных процедур позволит достичь баланса частного и публичного в методах судебной защиты.

Судебная защита представляет собой не только отправление правосудия и разрешение споров по существу — деятельность властного субъекта (суда), но и процессуальные действия самих участников процесса. Возможность реализации лицами в суде своих диспозитивных прав свидетельствует о свободе правосудия, то есть о влиянии процессуальных действий участников процесса на характер актов суда. Диспозитивное правосудие представляет собой судебные процедуры, основанные на согласованности сторон в соответствии с законом [3, с. 26–27].

Идеальным итогом правосудной деятельности должно быть мирное разрешение спора, которое может выражаться не только в судебном решении, но и в акте о результатах судебной примирительной процедуры. В российском гражданском процессуальном законодательстве таким актом суда является мировое соглашение [4, с. 49]. Учитывая невозможность разрешения абсолютно всех категорий споров судебной системой, выделяют неюрисдикционные примирительные процедуры. Научный интерес представляет такая примирительная несудебная процедура, как медиация.

Медиация представляет собой урегулирование спора между сторонами посредством привлечения независимого посредника — медиатора, призванного разрешить спор соглашением, удовлетворяющим интересы обеих сторон. Процедура медиации урегулирована статьей 153.5 Гражданского процессуального кодекса РФ [1] и ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № 193-ФЗ [2]. В отличие от судебных споров, медиации присущи следующие черты:

1) В основе способа лежит не стремление сторон выиграть спор, а поиск взаимовыгодных решений, попытка прийти к такому сотрудничеству, которое сможет удовлетворить интересы обеих сторон;

2) Сохранение деловых и партнерских взаимоотношений;

3) Предсказуемость результата. Ведь стороны сообща рассматривают возможные варианты разрешения ситуации;

4) Конфиденциальность всей относящейся к процедуре информации.

Последнее является важным аспектом информационной безопасности человека в ходе осуществления процедуры медиации. Ни медиатор, ни стороны в соответствии с ФЗ №193 не вправе без согласия сторон разглашать информацию, полученную в ходе проведения процедуры. Так как далеко ни каждый гражданин хотел бы публичное оглашение предмета спора, такая норма обеспечивает преимущество медиативной процедуры над судебным разбирательством.

Отечественный законодатель признает медиацию в качестве альтернативной судебному регулированию процедуры. Данная позиция основана на американской модели. Однако в доктрине существует мнение о существовании такой модели медиации, как внесудебная и неальтернативная судебная процедура урегулирования споров. Так, например, в законодательстве Франции используется модель делегированной примирительной процедуры и судебной медиации [5, с. 59]. Данная процедура является в основном добровольной, однако в определенных случаях она обязательна на досудебной стадии и по некоторым категориям споров судья назначает ее принудительно. Также во Франции институт медиации распространяется и на уголовно-правовые споры как соглашение между преступником и потерпевшим. В российском законодательстве медиация возможна для урегулирования споров, возникающих из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений.

В науке цивилистического процесса выделяют следующие возможные механизмы существования медиации в качестве: 1) самостоятельной внесудебной (но не альтернативной) процедуры; 2) досудебной, предшествующей судебной, процедуры (например, опыт Франции в спорах об опеке над детьми); 3) судебной медиации как разновидности делегированной примирительной процедуры (также французский опыт) [4, с. 50]. Наличие данных моделей позволяет сделать вывод о том, что неюрисдикционные процедуры урегулирования необязательно должны быть альтернативными по отношению к юрисдикционным, в том числе судебным.

Хотя российская модель медиации процедурно не связана с судебной защитой прав человека, обращение к медиативной процедуре не исключает возможность судебной защиты. Так, статья 169 ГПК РФ подразумевает ситуацию, когда после возбуждения дела в суде стороны подали ходатайство об отложении судебного разбирательства, но договоренности не достигли. В таком случае дело будет рассмотрено судом по существу. В связи с этим можно утверждать, что по своей сути медиативная процедура не альтернативна разрешению спора в ходе судебного разбирательства. Такие несудебные примирительные процедуры, как медиация, расширяют правовое поле урегулирования юридических споров, но сами по себе не замещают судебную защиту.

Научный интерес представляет вопрос о степени распространенности медиации в России. Если обратиться к практике Конституционного Суда РФ, то жалобы насчет несоответствия соответствующей нормы в ГПК РФ или соответствующего федерального закона Конституции РФ не поступали [6]. Согласно сводным статистическим сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ о деятельности федеральных арбитражных судов при рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции за 2022 год производство по делу вследствие медиативного соглашения было прекращено 4 раза [7]. Эти данные свидетельствуют о невысокой степени распространенности медиативной процедуры. Мы видим несколько причин данному явлению: во-первых, в отличие от суда, медиатор — частное лицо, не

обладающее силой государственного принуждения, во-вторых, медиация не единственный вид примирительных процедур. Среди них существует способ, результатом которого является акт, обладающий более высокой юридической силой, так как в случае отказа добровольно выполнять его условия, он исполняется принудительно, — заключение мирового соглашения.

В связи с этим мы видим необходимым выделение способов стимулирования применения медиативной процедуры. О преимуществах медиации мы упоминали ранее, наряду с этим отметим, что для того, чтобы добиться примирения сторон необходимо всесторонне оценить ситуацию, полноценно выслушать мнения сторон, то есть проделать содержательную работу со сторонами. В ходе осуществления защиты своих прав в суде в силу юрисдикционных особенностей суд не всегда в состоянии полно с содержательной точки зрения осуществить разрешение спора. Ведь установлены строгие правила, в связи с которыми судьи не могут затягивать процесс и выходить за пределы иска. В свою очередь, медиаторы не ограничены процессуальными сроками, поэтому в осуществлении содержательной работы со сторонами обладают преимуществом перед судебной защитой, а также перед заключением мирового соглашения. Однако процедура медиации также не совершенна. В связи с этим мы считаем, что в качестве медиаторов должны выступать не частные лица, к которым стороны не всегда испытывают доверие, а уполномоченные на то должностные лица, которые будут обладать силой государственного принуждения, но при этом специфика данной примирительной процедуры должна оставаться неизменной (поиск сторон взаимовыгодных решений, конфиденциальность всей относящейся к процедуре информации и т.д.). Данное нововведение позволит усилить юридическую силу медиативного соглашения. Оно должно будет исполняться сторонами обязательно, а в случае неудовлетворения итогом проведения медиативной процедуры, заинтересованная сторона сможет оспорить медиативное соглашение в суде.

Возможность применения медиативной процедуры как неюрисдикционного способа разрешения спора способствует развитию цивилистического процесса. Многообразие судебных и несудебных процедур, выбор которых возможен на основании волеизъявления заинтересованных лиц, позволит приблизиться к балансу частных и публичных интересов при разрешении споров. Развитие таких несудебных примирительных процедур, как медиация, позволит сторонам гражданского процесса найти наиболее удобное и эффективное средство разрешения правовых конфликтов.

Источники и литература

[1] «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ (в действующей ред.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
[2] Федеральный закон от 27 июля 2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.
[3] Мурадьян Э.М. Истина как проблема судебного права. 2-е изд. М., 2004.
[4] Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2014. — 784 с.
[5] Lonc Cadiet. Conciliation in France: a cross between tradition and modernity. The recent tendencies of development in civil procedure law — between East and West: International conference to celebr. 100-th annivers. of the birth of prof. J.ruolis. Vilnius, 2007. P. 56–65.
[6] Решения Конституционного Суда РФ // URL: https://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx
[7] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2022 год. Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции. Судебный департамент при Верховном Суде РФ // URL: http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7650

Медиация и med-arb в системе
альтернативных способов разрешения споров

О перспективах рецепции института посредника по защите прав «потребителей нотариальных услуг» в России

Лопатин Егор Иванович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра гражданского процесса, Москва, Россия

E-mail: lopatinei@my.msu.ru

Современный российский нотариат предстает в качестве наделенной публично-правовыми полномочиями системой должностных лиц, совершающих от имени Российской Федерации нотариальные действия с целью охраны прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

Столь значительное формальное подчеркивание публичного статуса нотариуса в законодательстве и доктрине не позволяет вовремя вспомнить о том, что нотариус в системе нотариата латинского типа — это не только «*officier public*», но и лицо *свободной профессии*. Таким образом, современный российский нотариат органично сочетает в себе как публично-правовое, так и частноправовое начало.

Одна из функций нотариата — превентивная, т.е. предупреждение конфликтов и правонарушений. Однако сложно говорить об бесконфликтном взаимодействии гражданина и нотариуса, когда в случае предполагаемого нарушения права гражданина на совершение нотариального действия, нарушения регламента совершения нотариальных действий или правил нотариального делопроизводства, гражданин (заявитель) фактически лишен реальной возможности эффективного и быстрого восстановления своего права. Стоит ли вообще говорить о превентивной функции нотариата, когда сам нотариус оказывается в конфликте с заявителем? Вряд ли. Действующее же законодательство предусматривает только две формы контроля за деятельностью нотариусов [2]: общий контроль (административный), осуществляемый нотариальными палатами и органами юстиции *ex officio*, и судебный контроль, осуществляемый в случае рассмотрения судами заявлений о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении, а также при проверке нотариальных актов в ординарном судебном порядке.

Однако в настоящее время не предусмотрено механизма мирного урегулирования конфликта между нотариусом и заявителем. На наш взгляд, следует признать подлежащим осознанному рецепированию институт посредника по защите прав «потребителей нотариальных услуг» (далее — нотариальный посредник) [3], успешно функционирующий во Франции, родине нотариата латинского типа. Реализуемый на основе законодательства о защите прав потребителей, французский институт нотариального посредника позволяет гражданам до обращения в деонтологические и юрисдикционные органы урегулировать конфликт с нотариусом по приоритетным направлениям

нотариальной деятельности в мирном порядке. Преимуществами такого способа альтернативного урегулирования конфликта являются оперативность, исполнимость достигнутого решения, обеспечение надлежащего имиджа нотариата, обоюдная выгода. Недостатками такого института как нотариальный посредник являются невозможность разрешения всех конфликтов, неприменимость посредничества для случаев, когда закон однозначно запрещает совершать нотариальное действие, а для российской правовой системы — невозможность функционирования нотариального посредника на базисе норм законодательства о защите прав потребителей, поскольку одним из основных принципов нотариата является непредпринимательский характер нотариальной деятельности (ст. 1 Основ законодательства РФ о нотариате 1993 г.). Аналогичным образом Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что к отношениям по совершению нотариусом нотариальных действий законодательство о защите прав потребителей не применяется [4].

Таким образом, полагаем, что институт нотариального посредника нуждается в более подробной теоретико-практической разработке, а в перспективе — законодательном закреплении в Российской Федерации, что будет способствовать повышению эффективности нотариальной деятельности и уровня доверия граждан к нотариату.

Источники и литература

[1] Article 1er de l'ordonnance du 2 novembre 1945 relative au statut du notariat.
[2] Правовые основы нотариальной деятельности в Российской Федерации: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. Е.А. Борисовой. М., 2023.
[3] Борисова Е.А. Медиация и нотариат: опыт Франции и России // Закон. № 9. 2023. М.: Издательская группа «Закон».
[4] Пункт 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей».

Медиация и med-arb в системе
альтернативных способов разрешения споров

Преждевременный правовой футуризм или опасения по поводу широкого внедрения искусственного интеллекта в АРС

Мартынов Антон Сергеевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра гражданского процесса, Москва, Россия

E-mail: anton22martynov@gmail.com

Использование искусственного интеллекта (далее — «ИИ») становится все более популярным в современном мире. В первую очередь под ИИ в рамках настоящего доклада следует понимать его самообучающуюся вариацию. Она применяется в таких сферах человеческой жизнедеятельности, как электронный маркетинг, в части учета потребностей конкретного человека и последующего показа индивидуальных рекламных предложений, или деятельность голосовых помощников, «изучающих» привычки человека для подбора интересных именно ему приложений, видео или музыки. Прослеживается и курс на расширение сфер использования ИИ, например, написание научных работ с помощью самообучаемого искусственного интеллекта. Возникает резонный вопрос о границах применения ИИ. Подвержена ли юридическая деятельность внедрению механизмов ИИ, в частности возможно ли использование ИИ в рамках проведения процедуры медиации, med-arb или арбитражного разбирательства?

Внедрение ИИ в юридическую деятельность тесно связано с наиболее животрепещущим вопросом о возможности замены юриста искусственным интеллектом. Вполне позитивный ответ дали аналитики McKinsey [3]: в процентном соотношении только 23 % юридической работы может быть заменена роботами, также исследователи заверяют, что юридическая специальность на 68 % больше защищена от передачи искусственному интеллекту, в отличие от остальных видов профессий в том числе интеллектуальных. Более того, вопрос о полной передаче ИИ функций медиатора или арбитра не стоит вовсе, так как механизм работы искусственного интеллекта построен на математических и статистических методах, анализе явлений как дискретных объектов, а не комплексных систем. В то время как право имеет дело с категориями, которые невозможно измерить математически, например, справедливость, равноправие [6]. Процессуалисты ведут дискуссии о преимуществах и рисках внедрения ИИ для решения лишь технических юридических задач и сходятся во мнении, что даже такое применение искусственного интеллекта должно быть четко регламентировано.

Первая попытка такой регламентации относится именно к сфере альтернативного разрешения споров, как наиболее передовой и гибкой в юриспруденции. Центр Медиации и Арбитража Силиконовой Долины разработал проект руководства для арбитражных центров, наднациональных и национальных законодателей по применению и оценке применения искусственного интеллекта сторонами процесса, медиаторами и арбитрами. Опубликование Руководства запланировано на 30 сентября 2023 г., что делает его рассмотрение наиболее актуальным.

В проекте руководства также прямо указано, что передача арбитром искусственному интеллекту функций по принятию решения недопустима. Большая часть руководства посвящена регламентации использования ИИ и оценке такого использования медиатором или арбитром для решения технических юридических задач. Следует определить круг таких технических задач, которые могут выполняться искусственным интеллектом вместо юриста.

Во-первых, сразу несколько специалистов указывают о необходимости внедрения искусственного интеллекта в процесс подбора арбитров для проведения арбитражного разбирательства или процедуры med-arb по конкретному спору. Они указывают на то, что, прибегнув к возможностям искусственного интеллекта, процесс анализа релевантного опыта арбитров по конкретной категории и уровню сложности споров будет максимально упрощен. Однако не указывается, что информации входных посылок может не хватать для формирования объективной картины возможности участия медиатора или арбитра в примирении сторон или разрешении спора [4]. Вопрос личности медиатора или арбитра для определенной ситуации является намного более комплексным и не ограничивается лишь вопросами его правовой специализации. Ярким примером может служить злободневная ситуация отказов зарубежных арбитров проводить арбитражное разбирательство в связи с тем, что одна из сторон разбирательства находится под санкциями [1]. Более того, следует заметить, что в процедуре мед-арб и собственно арбитраже превалирует, хорошо себя зарекомендовавшая себя, практика назначения арбитров сторонами конкретного спора.

Во-вторых, некоторые исследователи считают, что использование искусственного интеллекта зарекомендовало себя в качестве эффективного способа для быстрого и точного формирования правовой позиции в части поиска судебной практики и анализа законодательного регулирования иностранного правопорядка [2]. Разработчики проекта руководства Центра Медиации и Арбитража Силиконовой Долины предлагают два варианта регулирования оценки правовых позиций, доказательств или заключений экспертов, подготовленных с использованием искусственного интеллекта. Первый вариант предусматривает прямое указание, что тот или иной материал подготовлены с использование ИИ, второй же предполагает предоставление такой информации только в случае, если предоставление её оправдано и необходимо согласно фактическим обстоятельствам дела. Наилучший ответ о выборе между этими двумя парадигмами можно дать после ознакомления с недавним судебным спором Roberto Mata vs. Avianca airline. В этом споре юрист воспользовался программой Chat GPT для поиска судебной практики, программа выдала более десяти «подходящих» судебных дел, однако ни одно из них не существовало в действительности, все синтезированы искусственным интеллектом, что выяснилось уже на процессе. А согласно руководству за ошибки такого рода ответственность возлагается исключительно на юриста [5].

В-третьих, возникает вопрос об обеспечении конфиденциальности информации в процессе и конфиденциальности самой процедуры медиации, арбитражного разбирательства с использованием ИИ. Проект руководства указывает на то, что искусственный интеллект не может быть использован при работе с конфиденциальной информацией, без получения должного согласия от уполномоченного лица, кроме случаев, когда специально для конкретного процесса создаётся программа, «обучающаяся» для работы с конкретным спором и снабженная дополнительным уровнем защиты информации, которая поступает в нее в качестве посылок от операторов, которыми могут быть стороны или медиаторы и арбитры.

В заключение следует указать на то, что несмотря на возможность использования искусственного интеллекта в процессе и разработки необходимой правовой базы для внедрения таких программ в процесс, технический уровень развития ИИ не позволяет пока говорить о возможности освобождения юристов хотя бы от части технической юридической работы.

Источники и литература

[1] Зыков Р.О. Влияние односторонних санкций на институциональный арбитраж // Журнал Arbitration.ru № 32.
[2] Agus, Agus & Sudirman, Sudirman & Umar, Wahyudi & Rustan, Ahmad. (2023). The Use of Artificial Intelligence in Dispute Resolution Through Arbitration: The Potential and Challenges. SASI. 29.
[3] David Johnson, Find out if a Robot Will Take Your Job, TIME (19 April 2017), http://time.com/4742543/robots-jobs-machines-work, last visited January 7, 2019.
[4] Cattaneo M., Comandé G., and Pasa B. «Arbitration and Artificial Intelligence: An Overview,» Journal of International Arbitration 37, no. 4 (2020).
[5] Silicon Valley Arbitration and Mediation Center Guidelines on The Use Of Artificial Intelligence In Arbitration Draft Of 31 August 2023. Guideline 4.
[6] Zazulin, Anatolii. (2021). Evaluation of evidence generated by the artificial intelligence // Оценка доказательств, полученных в результате использования искусственного интеллекта.

Медиация и med-arb в системе
альтернативных способов разрешения споров

Участие адвоката в альтернативных способах разрешения споров о разделе имущества супругов

Сайгидомаров Магомед Шамилович

Студент (специалист)

Российская правовая академия МЮ РФ, Северо-Кавказский филиал, Юридический факультет, Махачкала, Россия

E-mail: magomed.saygidomarov@mail.ru

Российские суды испытывают огромную нагрузку, одной из причин которой является недостаточная популярность альтернативных примирительных процедур. Вместе с тем внесудебные процедуры, содействующие мирному урегулированию конфликта между бывшими супругами, могут стать достойной альтернативой судебному разрешению спора и предложить сторонам более выгодные варианты раздела супружеского имущества. Не последнюю роль в повышении привлекательности медиативного подхода могли бы играть адвокаты, раскрывающие перед клиентами все преимущества такого способа разрешения конфликта. Выполнение адвокатом функции медиатора не противоречит положениям Закону об адвокатской деятельности [1] и Кодексу профессиональной этики адвоката от 31 января 2003 г. [2].

В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», процедура медиации является альтернативой разрешению спора о разделе имущества супругов в судебном порядке [1]. Анализ материалов судебной практики показал, что только за 2021 год в российские суды общей юрисдикции поступило 47403 исков о разделе совместно нажитого имущества между супругами.

Деятельность адвоката в роли примирителя способствует нахождению различных альтернативных вариантов раздела имущества, каждый из которых будет верным и выгодным для каждого из сторон конфликта. Выполнение адвокатом роли медиатора представляет собой самостоятельной и принципиально новый вид адвокатской деятельности, направленный на разрешение спора о разделе имущества супругов. Адвокат, реализуя представительство в форме медиации, выступает своего рода арбитром, поскольку не вправе принимать чью-либо сторону, а должен контролировать соблюдение законности для каждого из супругов таким образом, чтобы ничьи интересы не были ущемлены. В отличие от обычного медиатора, не обладающего специальными знаниями в области юриспруденции, адвокат обладает преимуществом. Профессиональные знания и навыки адвоката в рамках процедуры медиации реализуются несколько иным образом, чем в случае, когда адвокат представляет интерес только одной стороны. Преимущество процедуры медиации при разделе имущества супругов перед судебным разрешением этого вопроса состоит, во-первых, в финансовой экономии, достигаемая за счет отсутствия необходимости оплачивать государственную пошлину, которая может быть весьма внушительной, в зависимости от стоимости совместной собственности

супругов; во-вторых, большей вероятности произвести раздел имущество супругов самым оптимальным способом для обеих сторон. В случае судебного раздела совместно нажитого имущества обычно каждый из супругов обращается к адвокатам за квалифицированной юридической помощью и излагает свою позицию относительно того, что именно супруг хотел бы получить при таком разделе. Как правило, амбиции и ожидания здесь могут быть крайне завышены и не соответствовать ни фактическим обстоятельствам дела, ни правовой составляющей. Однако, представительская деятельность в сфере гражданского судопроизводства сводится к тому, чтобы любыми возможными способами достичь результата, желаемого клиентом. При этом ожидания клиента и вердикт суда в конечном счете не совпадают, а суд при отсутствии правовых оснований для передачи всего или наиболее ценной части супружеского имущества одному из супругов либо отказывает в удовлетворении исковых требований, либо просто определяет равные доли за каждым из супругов.

Анализ судебной практики показал, что судьи, принимая с правовой точки зрения верное решение, руководствуются логикой, что каждый из супругов вправе проживать в этом жилом помещении, в то время как в реальности, совместное пребывание крайне затруднительно. Одной из проблем, с которой очень часто приходится сталкиваться бывшим супругам, является то, что суд довольно часто производит не фактический раздел совместно нажитого имущества, а лишь определяет доли супругов в этом имуществе. Суд производит раздел имущества, основываясь на началах равенства долей, присуждая, как правило, по одной второй доле в этом имуществе каждому из супругов. Однако, проблем с принятием такого решения у супругов не уменьшается, поскольку в дальнейшем им необходимо решить вопрос с судьбой этого имущества.

В результате, в случае судебного разрешения спора о разделе имущества супругов часто мы получаем лишь юридически, но не фактически разрешенный спор, когда интересы кого-либо из супругов ущемляются. В этом смысле процедура медиации, реализуемая в том числе и адвокатом, может более оптимальным образом разрешить данный конфликт. Адвокат, осуществляя функции медиатора, доступно объясняет супругам о юридической составляющей медиации, какие правовые последствия она повлечет для обеих сторон, а также раскрывает преимущества данной процедуры разрешения спора о разделе имущества супругов. Проанализировав доводы супругов, относительно того, какое имущество и кому необходимо передать в случае раздела, адвокат представляет им обоснование и оценку законности и исполнимости таких требований [4].

Суд не занимается примирением сторон, а супруги остаются с судебным решением на руках, которое иногда только усугубляет ситуацию. Адвокат-медиатор в подобной ситуации должен разъяснить каждому из супругов негативные последствия такого варианта, а значит может лучшим образом мотивировать второго супруга пойти навстречу мирному урегулированию конфликта. После того, как приемлемое решение будет выработано, адвокат оказывает помощь супругам в составлении медиативного соглашения о разделе супружеского имущества, подготавливая и обсуждая все нюансы этого проекта с супругами. Несомненно, медиативное соглашение не должно противоречить положениям семейного и гражданского законодательства [5]. Спорной является ситуация раздела недвижимого имущества, которое было приобретено на средства от продажи приватизированной в течение брака квартиры, предоставленной по договору социального найма одному из супругов до брака. Исходя из разъяснения, данного высшей судебной инстанцией, такое имущество считается личной собственностью данного супруга.

К сожалению, суды первой инстанции при рассмотрении дел о разделе супружеского имущества нередко допускают судебные ошибки, фактически неправильно применяя нормы материального права. Несмотря на то, что Верховный Суд РФ разъяснил как судам следует применять положения ГК РФ и СК РФ при разделе имущества, суды первой и даже второй инстанции часто допускают неверное толкование закона и неверное его применение. Участие квалифицированного адвоката в таких спорах поможет избежать большинства ошибок, обеспечить сбор необходимых доказательств. Кроме того, адвокат может правильно сформулировать правовую позицию, опираясь на соответствующие правовые нормы. Овладение российскими адвокатами медиативными навыками и осуществление ими деятельности медиатора на профессиональной основе будет способствовать распространению семейной медиации, что позволит упростить работу судебной системы.

Источники и литература

[1] Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2 августа 2010 г. № 31 ст. 4162.

[2] Кодекс профессиональной этики адвоката (принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. — 2013. — № 3.

[3] Усманова Е.Ф. Особенности и преимущества применения семейной медиации в зарубежных странах // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2019. № 1 (4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-preimuschestva-primeneniya-semeynoy-mediatsii-v-zarubezhnyh-stranah (дата обращения: 10.09.2023).

[4] Фурман Я.А. Разрешение споров, возникающих при расторжении брака посредством процедуры медиации. М., 2017. 49 с.

Круглый стол по теме «Международное право и глобальные вызовы»

Международное право и глобальные вызовы

Евразийское трудовое право: вызовы и перспективы в эпоху глобализации

Афанасьев Александр Олегович

Аспирант

Белорусский государственный университет, Юридический факультет, Минск, Беларусь

E-mail: alexandreafanassiev@mail.ru

Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС, Союз), созданный в качестве ответа на глобальные тенденции интеграции и экономического развития, находится в эпицентре динамично изменяющегося мироустройства. Одной из актуальных задач, стоящих перед Союзом, является регулирование трудовой миграции.

В условиях усиливающихся экономических связей многие работники стремятся реализовать свои профессиональные и экономические амбиции за пределами своих родных государств, зачастую сталкиваясь с рядом проблем: от дискриминации до отсутствия социальных гарантий. Для этого крайне важно обеспечить равные условия на рынке труда и социальную защиту для всех, независимо от их национального происхождения [1, с. 25].

На наш взгляд, социальное партнерство может служить эффективным инструментом решения многих из вышеуказанных аспектов. В условиях интеграционных процессов партнерство может служить мощным инструментом для достижения консенсуса между главными участниками рынка труда: работниками, работодателями и государством.

В первую очередь, социальное партнерство в ЕАЭС способствует созданию единого подхода к регулированию трудовых отношений. Через механизмы диалога и согласования государства-члены могут координировать свои стратегии в области социальной защиты работников, стандартов безопасности и здоровья на работе, а также в вопросах регулирования трудовой миграции.

Кроме того, социальное партнерство активизирует участие общественных организаций и профсоюзов в процессе принятия решений на уровне Союза. Это обогащает законодательный процесс мнениями и позициями тех, кто непосредственно затрагивается изменениями в трудовом законодательстве, обеспечивая тем самым его соответствие интересам большинства.

В условиях глобализации и технологической трансформации рынка труда, социальное партнерство в ЕАЭС способно стать «платформой» для обмена лучшими практиками и инновациями в области управления человеческими ресурсами, а также механизмом противодействия социальному дампингу и создания «равных условий игры» для всех участников евразийского экономического пространства.

С учетом интенсивной экономической интеграции государств-членов и растущей роли трудовой миграции, актуальность создания усиленных механизмов для защиты прав рабочих мигрантов стоит особняком. Важно не только формировать специализированные институты и программы обучения, но и создавать условия для обеспечения

легального статуса мигрантам, гарантирующего им равные права на рынке труда. Эффективное решение этой проблемы также предполагает разработку мер по социальной защите и страхованию мигрантов, а также создание условий для их успешной культурной и социальной интеграции в принимающих обществах [2, с. 1711].

С учетом интенсификации экономической интеграции государств-членов ЕАЭС и усиления роли трудовой миграции, возникает потребность в правовом регулировании вопросов, связанных с правами рабочих мигрантов. Целесообразность формирования надежных правовых механизмов защиты прав этих категорий граждан акцентируется на первом плане. Это подразумевает не только создание и совершенствование специализированных правовых институтов, но и разработку нормативно-правовых актов, направленных на обеспечение легального статуса мигрантам в рамках ЕАЭС, гарантируя равноправие и недискриминацию на рынке труда, обеспечивая право на социальное обеспечение, страхование и другие социальные гарантии.

В настоящее время евразийская региональная модель международно-правового регулирования труда является весьма фрагментарной. В отличие от Европейского союза и интеграционных объединений Латинской Америки, в ЕАЭС регулирование вопросов социально-трудового характера осуществляется лишь нормами Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 года; комплексное регулирование данного вопроса (посредством документов, принятых в развитие положений Договора о ЕАЭС) отсутствует.

В этом контексте, создание на евразийском экономическом пространстве унифицированной трудоправовой модели — Основ трудового законодательства государств-членов ЕАЭС — с учетом международных трудовых стандартов представляет собой стратегическое направление, направленное на усиление евразийской интеграции в сфере трудовых отношений. Реализация данной инициативы предполагает глубокий анализ и адаптацию международных стандартов к реалиям ЕАЭС, что в свою очередь способствует укреплению правовой уверенности для работников и работодателей. Кроме того, эффективное регулирование трудовых отношений на уровне ЕАЭС будет также способствовать привлечению инвестиций и укреплению делового климата в регионе [3, с. 52].

На наш взгляд, Основы станут не просто обобщением существующих национальным норм трудового законодательства государств-членов, а инструментом для обмена лучшими практиками, стимулирования сотрудничества между государствами-членами и обеспечения согласованной политики в области труда, что, в свою очередь, способствует созданию единого рынка труда, обогащенного разнообразными культурными и профессиональными компетенциями, и позволит ЕАЭС стать конкурентоспособным игроком в условиях глобализированного мира.

В заключение, в условиях ускоренных технологических изменений евразийское трудовое право сталкивается с рядом проблем, требующих немедленного решения. Гармонизация законодательства государств-членов ЕАЭС, интеграция международных стандартов и обеспечение адекватной защиты прав всех участников трудовых отношений — это лишь вершина айсберга в массиве вопросов, которые необходимо решить в ближайшем будущем.

С одной стороны, растущая трудовая миграция и трансграничные трудовые отношения требуют создания прочных правовых механизмов, способных обеспечивать права и интересы работников в различных юрисдикциях. С другой стороны, цифровизация экономики и внедрение новых технологий в трудовой процесс предъявляют новые требования к трудовому законодательству, его гибкости и адаптивности.

В этой связи главной целью является создание гармонизированной и современной системы трудового права в рамках ЕАЭС, которая должна отражать интересы и права всех участников трудовых отношений, быть гибкой и адаптивной к быстро меняющимся условиям. Важность такой системы не может быть недооценена, так как она обеспечивает стабильность, предсказуемость и справедливость, необходимые для устойчивого социально-экономического развития государств-членов альянса.

Источники и литература

[1] Лушников А.М. Будущее евразийского трудового права / А.М. Лушников // Трудовое и социальное право. — 2022. — № 3 (43). — С. 24–26.

[2] Воронина Н.А. Социально-трудовые права мигрантов в контексте евразийской интеграции / Н.А. Воронина // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2019. — Т. 9, № 10 (55). — С. 1708–1717.

[3] Афанасьев А.О. К вопросу о гармонизации трудового законодательства в условиях интеграции в Евразийском экономическом пространстве / А.О. Афанасьев // Трудовое и социальное право. — 2023. — № 1 (45). — С. 50–55.

Международное право и глобальные вызовы

Перспективы реализации Повестки в области устойчивого развития в Евразийском экономическом союзе

Дощатов Антон Александрович

Студент (магистр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет права, Москва, Россия

E-mail: jurisprudence.2001@mail.ru

За последние время представители мирового сообщества сформировали основы идеологии устойчивого развития мира на ближайшие десятилетия — главной концепцией будущего в XXI веке является устойчивое гармоничное развитие.

Процессу интеграции национальных экономических систем в рамках какого — либо интеграционного института во многом способствует процесс формирования единого экономического пространства, который в своем развитии проходит определенные этапы становления и процесс развития. Экономический потенциал нового интеграционного объединения под названием Евразийский экономический союз достаточно высок и будет расти по мере расширения его участников. Территория Евразийского экономического союза — свыше 20 млн км^2, население — около 183,2 млн человек. На долю государств-членов данного экономического пространства приходится более 4% мирового и более 80% ВВП стран Содружества Независимых Государств.

Основные тезисы Повестки в области устойчивого развития до 2030 года нашли свое отражение и в основном документе, регулирующий процесс евразийской интеграции, в Договоре об Евразийском экономическом союзе — в статье 4 содержится посыл о том, что основной целью экономического союза является создание условий для стабильного устойчивого развития экономик государств — членов в интересах повышения жизненного уровня их населения. Реализация 17 Целей устойчивого развития возможна и в границах региональных экономических интеграционных объединений — главным условием для их реализации является всемирное сотрудничество и кооперирование государств — участников данного интеграционного пространства в Повестку в области устойчивого развития до 2030 года.

Совместное достижение 17 Целей устойчивого развития государств — членов Евразийского экономического союза способствует углублению межинтеграционного сотрудничества между странами и обеспечению их устойчивого экономического роста.

Следует сказать о том, что деятельность Евразийской экономической комиссии по вопросу достижения количественных и качественных индикаторов при реализации Повестки в области устойчивого развития до 2030 года осуществляется по нескольким очень важным направлениям: определение основных направлений экономического развития Евразийского экономического союза до 2030 года; определение стратегических направлений развития евразийской интеграции до 2025 года (решение Высшего Евразийского Экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года); формирование постоянного мониторинга более чем 200 показателей, включая показатели

достижения Целей устойчивого развития (статистическая база Евразийской экономической комиссии и статистический сборник «Показатели достижения Целей устойчивого развития», который формируется как на национальном, так и на региональном уровне); оценка эффективности национальных и наднациональных мер регулирования с точки зрения устойчивого развития и развитие новых сфер и технологий, которые позволят интенсировать достижение Целей в области устойчивого развития Организации Объединенных Наций.

Нормативная правовая база и основные направления деятельности Евразийского экономического союза на долгосрочную перспективу приведены в соответствии с положениями Повестки в области устойчивого развития до 2030 года. Договор о Евразийском экономическом союзе является эффективным инструментом, способствующий достижению государствами — членами евразийского экономического пространства Целей в области устойчивого развития. Определенные Евразийской экономической комиссией приоритеты развития Евразийского экономического союза соответствуют Целям в области устойчивого развития. Договор о Евразийском экономическом союзе является эффективным инструментом, способствующий достижению государствами — членами евразийского экономического пространства Целей в области устойчивого развития до 2030 года.

Подводя итоги вышесказанного, следует обратить внимание на рекомендации для Евразийского экономического союза для реализации Целей устойчивого развития Организации Объединенных Наций на просторах экономического интеграционного пространства: расширение координирующей роли Евразийской экономической комиссии в ускорении достижения государствами — членами Евразийского экономического союза Повестки в области устойчивого развития; разработка дорожной карты по достижению Целей устойчивого развития в Евразийском экономическом союзе; внедрение инструментов привлечения инвестиций в проекты «зеленой» экономики и в проекты, направленных на реализацию Повестки в области устойчивого развития до 2030 года; просветительская работа в сфере повышения внимания к вопросам устойчивого развития: создание информационного ресурса по достижению Повестки в области устойчивого развития в Евразийском экономическом союзе.

Анализ задач и мероприятий по реализации Повестки в области устойчивого развития до 2030 года, отраженных в национальных и региональных документах стратегического планирования, показывает, что есть существенный ресурс повышения эффективности достижения Целей устойчивого развития на основе реализации комплексного подхода, обеспечивающего единство и сбалансированность социальных, экономических и экологических аспектов устойчивого развития Основными целями экономической интеграции в Евразийском экономическом союзе должно стать: создание условий для экономического развития стран интеграционного сообщества; увеличение уровня конкурентноспособности стран, входящих в объединение; увеличение доли высокотехнологичных отраслей в ВВП и повышение производительности труда предприятий реального сектора экономики; поощрение и поддержка экспортноориентрованных отраслей экономики.

Источники и литература

[1] Алисенов А.С. Оценка налоговой конкурентноспособности стран ЕАЭС: монография. — Москва: Проспект, 2021. — 128 с.

[2] Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 28.10. 2021) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: https://eec.eaeunion. org/ (дата обновления: 05.06.2014)
[3] Давыденко Е.Л. Интеграционные процессы в ЕАЭС в контексте устойчивого развития // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 5—1.
[4] Дощатов А.А. Цели устойчивого развития в контексте применения современных цифровых технологий: правовые вызовы современности / А.А. Дощатов, Д.Н. Сергеев // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. — 2022. — Т. 22. — № 3. — С. 61–67.

Международное право и глобальные вызовы

Международные нормы о достойной заработной плате

Израловский Николай Романович

Студент (бакалавр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Юридический факультет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: Nikolay-Izralovsky@yandex.ru

В условиях многополярного мира деятельность международных организаций приобретает особую актуальность. Трудовые права человека всегда находились в фокусе внимания Организации Объединенных Наций (далее по тексту — ООН), поскольку составляют важную часть основных прав человека, провозглашенных Всеобщей декларацией прав человека и закрепленных Международным пактом об экономических, социальных и культурных прав человека (далее по тексту — МПЭСКП). По окончании Второй мировой войны деятельность ООН ознаменовала собой «новую эпоху в развитии международного права» [4, с. 328] и укрепление «веры в основные права человека, достоинство человеческой личности» (преамбула Устава ООН).

Международная организация труда (далее по тексту — МОТ) является специальным учреждением ООН, в соответствии с Соглашением между ООН и МОТ. Организация была создана в 1919 году в рамках Версальского договора, образование ее одновременно с Лигой Наций было направлено на то, чтобы отразить веру в то, что всеобщий и прочный мир может быть достигнут только в том случае, если он основан на социальной справедливости. На момент возникновения МОТ перед международным сообществом стояла задача сформировать в государствах-членах законодательства о защите основополагающих прав трудящихся [5]. *Si vis pacem, cole justitiam* («Хочешь мира — развивай справедливость»), — это латинское изречение выточено в камне у штаб-квартиры МОТ в Женеве.

В рамках реализации данного принципа МОТ было разработано понятие достойной заработной платы, которое включает в себя три основных аспекта: оплата труда без какой-либо дискриминации, гарантированная выплата минимального размера оплаты труда, получение такого вознаграждения, которое позволит обеспечить достойную жизнь и свободное развитие человека [2, с. 119].

Первая попытка гарантирования работнику права на хотя бы минимальный размер оплаты труда была предпринята в 1928 году: МОТ приняла Конвенцию № 26 «О процедуре установления минимальной заработной платы». Конвенция решала вопрос с минимальным размером оплаты труда точечно: она была направлена на закрепление минимальной заработной платы для работников определенных отраслей, в которых не существовало эффективного механизма (ни установленного законом, ни коллективными договорами) установления минимальных ставок оплаты труда и где заработная плата была исключительно низка (ст. 1 Конвенции № 26). С одной стороны, речь шла о том, чтобы обеспечить гарантированной заработной платой как таковой часть населения, ранее не имевшую ее вовсе, например, домашних работников. С другой стороны, минимальный размер оплаты труда, по смыслу данной Конвенции, не был един для

всех и фактически не закреплялся. В силу того, что МРОТ является важной составляющей размера заработной платы в целом, то отсутствие его нормативного закрепления влечет за собой торможение развития принципа на справедливое и удовлетворительное вознаграждение за труд. В этой связи до признания мировым сообществом права на достойную заработную плату было еще достаточно далеко.

Вторая Мировая война придала толчок дальнейшему развитию системы защиты прав человека, в том числе трудовым правам. В ходе 26-ой сессии МОТ в 1944 г. была принята Филадельфийская декларация, провозглашавшая основные принципы, цели и задачи деятельности Международной организации труда. Декларация констатировала, что всеобщий и прочный мир может быть установлен только на основе социальной справедливости, поэтому МОТ провозгласила фундаментальным для своей деятельности принцип: «труд не является товаром» (ст. 1 (а) Филадельфийской декларации).

Это утверждение можно понимать по-разному, есть, например, точка зрения о том, что оно означает необходимость обеспечения достойной заработной платы [4, с. 369]. Для целей нашего исследования именно это толкование имеет особое значение, поскольку будет точкой отсчета в истории признания международным сообществом права на достойное вознаграждение.

Следующим этапом является закрепление данного права в документах ООН. В ч. 3 ст. 23 Всеобщей Декларации прав человека вслед за принципом равной оплаты за труд равной ценности провозглашено право на *справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи*. Аналогичная норма содержится в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах человека (принят 16 декабря 1966 года). Ст. 7 МПЭСКП не просто повторяет положение Всеобщей Декларации, но раскрывает и уточняет понятие справедливого и достойного вознаграждения. Согласно этой статье государства признают право каждого на справедливые и благоприятные условия труда, включая, в частности: *вознаграждение, обеспечивающее как минимум всем трудящимся справедливую зарплату*; удовлетворительное существование для них самих и их семей, отдых, досуг и разумное ограничение рабочего времени.

В рамках реализации Всеобщей декларации прав человека и МПЭСКП Международной организацией труда принимались различные конвенции, развивающие принцип справедливого и удовлетворительного вознаграждения за труд. Подчеркнем, что Всеобщая декларация прав человека и МПЭСКП закрепили право на *справедливое и удовлетворительное* вознаграждение. Юридическое признание международным сообществом права на *достойное* вознаграждение — следующий этап в развитии норм международного трудового права о заработной плате.

В этой связи, общаясь к трудам российских правоведов, обратим внимание на то, что человеку необходима справедливая и удовлетворительная заработная плата как для обеспечения достоинства личности, так для ощущения своей общественной значимости [2, с. 119].

В целях достижения данного баланса МОТ уже после принятия Всеобщей декларации прав человека приняла три важнейшие Конвенции — №95, №99 и №100, «о защите заработной платы», «о процедуре установления минимальной заработной платы в сельском хозяйстве» и «равном вознаграждении за труд равной ценности», соответственно. Данные конвенции способствовали формированию фундамента для гарантии справедливого, но не удовлетворительного (достойного), вознаграждения.

Не изменилась ситуация и после принятия в 1966 году МПЭСКП. МОТ в 1971 году в целях защиты прав лиц, работающих по найму, от неоправданно низкой заработной

платы приняла Конвенцию № 131 об установлении минимальной заработной платы с особым учетом развивающихся стран. Примечательно, что статья 3 Конвенции оставляет на усмотрение государства учет таких факторов как потребности работника и его семьи, так и экономическое положение государства, национальные традиции и иные обстоятельства.

Если проводить аналогию с лестницей, то минимальный размер оплаты труда — первая ступень в концепции достойной заработной платы, и поэтому является необходимой гарантией удовлетворения человеком своих жизненных потребностей. Следовательно, МРОТ *должен* включать в себя учет этих самых потребностей, стоимостное выражение которых формирует прожиточный минимум. Его определение содержится в Конвенции МОТ № 117 (п. 2 ст. 5): «при установлении прожиточного минимума принимаются во внимание такие основные потребности семей работников, как продукты питания и их калорийность, жилище, одежда, медицинское обслуживание и образование».

Однако на сегодняшний день в абсолютном большинстве стран мира [1] не везде эта система гарантирует справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование даже для него самого, не учитывая его семью, поскольку часто это просто невозможно. В силу ст. 3 Конвенции № 131 государства лишь учитывают, если это возможно, данные показатели при определении МРОТ.

По этой причине, а также ввиду многообразия экономических систем и неоднородности развития государств ни ООН, ни МОТ не могут сформулировать единый подход к расчету прожиточного минимума и МРОТ. И если с этим возможно согласиться, т.к. невозможно сформировать единый стандарт жизни для столь сильно отличающихся друг от друга стран, то недопустимо несоответствие между Всеобщей декларацией прав человека, МПЭСКП и уставом МОТ в вопросе права на достойный труд и справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное существование.

Таким образом, нормы международного трудового права о достойной заработной плате еще не сформировались. Право на достойное вознаграждение за труд является своего рода более совершенной вариацией права на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, как некогда оно — права на заработную плату в целом. Следовательно, на данном этапе государствам важно самостоятельно скорректировать национальные нормы о МРОТ, а также о размере прожиточного минимума, чтобы впоследствии принцип достойной заработной платы был внесен в официальные документы МОТ и тем самым способствовал формированию международных норм о достойной заработной плате.

Источники и литература

[1] Международная организация труда. Руководство по регулированию минимального размера оплаты труда. [Электронный ресурс] // URL: https://www.ilo.org/moscow/areas-of-work/wages/WCMS_549769/lang–ru/index.htm

[2] Снежко О. Право на достойное вознаграждение за труд / О. Снежко // Сравнительное Конституционное Обозрение. — 2013. — № 3. — С. 115–126.

[3] Харламов А.С. Исторические аспекты создания ООН / А.С. Харламов // Проблемы современной экономики. — 2015. — № 4. — С. 328–331.

[4] Standing G. The ILO: An Agency for Globalization? // Development and Change. — 2008. — No 3. — P. 355–384.

[5] The International Labor Organization (ILO): Background in Brief [Electronic resource] // URL: https://www.everycrsreport.com/files/20150827_R44165_c5a6e715183d3f35888db2dfb42480a5de6c6e70.pdf

Международное право и глобальные вызовы

Аспекты реформирования международного права как глобальный вызов сообществу

Ковтунов Даниил Игоревич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: kovtunov2002@inbox.ru

Прежде всего стоит отметить, что международное право как крупная и самостоятельная отрасль права появилась относительно недавно. Исходя из исторических, социальных предпосылок государствам необходимо было создать унифицированный и фундаментальный комплекс правовых норм, связанных с выработкой стандартов по развитию отдельно взятых государств [1, Пар. 1].

Одной из ключевых проблем международного права является вопрос правовых конфликтом между государствами, а также вопросы военного времени [1, Пар. 1]. На актуальный момент, данный вопрос представляет собой глобальный вызов современному международному правому сообществу, задавая множество вопросов и требуя подходов к этому решению.

Из истории международного права известно, что проблема наличия международных конфликтов была на протяжении многих веков и продолжается по нынешний день. Важным подходом было создание известной международной организации — Лиги Наций, основной задачей которой было решение военных действий между государствами, а также разоружение наиболее «крупных игроков» на международной арене [3]. После произошедшей второй мировой войны, стал очевиден факт неспособности организации по осуществлению поставленных целей, что привело к реформе по созданию новой международной организации — ООН (Организация Объединенных Наций). Однако, это не привело к отсутствию правовых проблем. Например, нынешнее влияние организации является неэффективным в аспекте императивных правил, налагаемых государству-нарушителю. Как известно из основ международного права, обязательным решением по выполнению правил излагаемых ООН является только решение Совета Безопасности ООН, а массовые решения и резолюции Генеральной Ассамблеи ООН носят рекомендательный характер, что не отражает должный правовой характер с аспектом юридической ответственности [4]. А постоянные члены Совбеза имеют право применить вето в отношении них по нарушению международных правил, что рушит систему справедливого и равноценного подхода к государствам, выводя в реальность правило сильного.

Следующая надвигающаяся проблема состоит в противоречии общепризнанных принципов международного права. Так, можно отметить явное противоречие принципа самоопределения народов и наций в его внешнем аспекте с принципом невмешательства во внутренние дела государства, его независимости и суверенитета [4]. Существование названной мною выше проблемы позволяет государством злоупотреблять данным

правом, ссылаясь на нарушение и ущемление прав определенных народов, тем самым вторгаясь в суверенитет и независимость государства, возможно даже с целью аннексии. Эти нарушения связаны не только с конкретным государством, но и с развитым международным сообществом. Агрессия Соединенных Штатов Америки в отношении Ирака, создание частных военный компаний и применение их в международных военных конфликтах, войнах в противоречие с запретом наемничества на период военных конфликтов приводит к несостоятельности данного аспекта.

Таким образом, на приведенных трех фундаментальных проблемах международного права, а также отсутствия эффективных путей решения проблем международным сообществом, включая международные организации можно прийти в очевидно проблеме несостоятельности международного права в области применения императивных запретов и правил к государствам, нарушившим общепризнанные принципы, международные правила. В свою очередь текущее информационное пространство искажает проблемы международного права, дискредитирует государства на нарушение международного права, что в действительности таким не является (например, Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 68/262 по отношению к России которое носит рекомендательный характер) [5]. Поэтому реформы и актуализация уязвимых мест международного права позволит этой отрасли обрести фундамент и внести эффективную сплоченность между государствами со справедливым, правовым отношением друг к другу.

Источники и литература

[1] Жмилевский В.Д. Специфические территории и особенности их существования // Казань. Изд. «Бук», 2018.
[2] Тункин Г.И. Теория международного права : сборник научных трудов / Г.И. Тункин ; под общей редакцией Л.Н. Шестакова. — Москва : Зерцало-М, 2016. — 416 с.
[3] Устав Лиги наций 1920 г. // [Интернет-ресурс] URL: http://doc20vek.ru/node/451
[4] Устав ООН // [Интернет-ресурс] URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text
[5] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № A/RES/68/262 // [Интернет-ресурс] URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Резолюция_Генеральной_Ассамблеи_ООН_№_A/RES/68/262

Международное право и глобальные вызовы

Перспективы обращения в китайские арбитражные центры в санкционных условиях

Петрова Антонина Сергеевна

Студент (бакалавр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Юридический факультет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: ant.petrova13@gmail.com

Международная торговля в эпоху глобализации — один из ключевых векторов взаимодействия государств в области экономико-политического сотрудничества. По мере насыщения внутреннего рынка открываются новые транснациональные торговые потоки, вследствие чего структура торгового оборота между странами усложняется: торговые группы пополняются новыми категориями товаров, наращивается оборот импорта и экспорта, все больше стран с различными юрисдикциями вступают в непосредственный контакт друг с другом. В этой связи участники экономических отношений нуждаются в справедливом и независимом разбирательстве неизбежно возникающих между ними правовых споров. Одним из способов разрешения коммерческих споров эффективно и с меньшими временными затратами является третейское разбирательство.

Для российских предпринимателей в условиях смены геополитических союзников и укрепления торгово-дипломатических связей с новыми партнерами вопросы выбора коммерческих арбитражных институтов приобретают все большую актуальность. Обращаясь к статистическим данным, отметим существенный рост дел, рассматриваемых в Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной плате РФ (далее — МКАС при ТПП РФ): с 621 до 860 дел в 2020–2021 гг. [5]. В то же время наблюдается существенное снижение количества обращений в арбитраж, администрируемый Арбитражным институтом при торговой палате Стокгольма с 213 до 165 с 2020 по 2021 гг. [5]. Более того, российские компании стали чаще предусматривать рассмотрение дел в азиатских арбитражных центрах, например, в с 2019 г. Сингапурский арбитражный центр (далее — SIAC), рассмотрел всего 1 дело [9] с участием России, а в 2021 уже 3 [8]. В Гонконгском арбитражном центре (далее — HKIAC) также наблюдается увеличение количества споров между российскими и зарубежными компаниями: Россия с 10-го места вышла на 9-е к 2022 с 2020 гг. [6].

Многие исследователи действительно отмечают приоритет Сингапурского арбитражного центра над китайскими арбитражными институтам [3, с. 29]. Однако после присоединения Сингапура к санкционной кампании против Российской Федерации обращение в арбитраж, администрируемый SIAC, может вызвать ряд трудностей.

Во-первых, согласно п. k ч. 3.1. ст. 3 Арбитражного регламента SIAC уведомление об арбитраже включает в себя оплату регистрационных взносов. Отключение России от системы SWIFT делает невозможной или чрезвычайно затруднительной оплату сборов [2, с. 26], без которой арбитражное разбирательство не будет начато.

Во-вторых, 5 марта 2022 года Сингапур присоединился к санкционной кампании против России и ввел ограничительные экономические меры против ВТБ, Промсвязьбанка и ВЭБ.РФ, которые являлись одними из ведущих банков для осуществления внешнеэкономической деятельности. Вскоре после введения Сингапуром ограничительных экономических мер против России, это государство было признано недружественной страной, в соответствии с Указом Президента РФ от 28.02.2022 N 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций».

В этой связи российские юристы-практики обращают внимание на повышение риска невозможности признания и приведения в исполнение решений арбитража, администрируемого Сингапурским арбитражным центром. Основанием для отказа в признании решения может стать противоречие публичному порядку (п. 2 ст. 34 и п. 1 ст. 36 Закона об МКА, а также п. 2 ст. V Нью-Йоркской конвенции 1958 года и ст. 34 и 36 Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже), конкретизация которого фактически делегирована национальным арбитражным судам [1, с, 194]. Во избежание излишних материальных и временных затрат российским предпринимателям следует обратить внимание на китайские арбитражные центры — CIETAC и HKIAC.

CIETAC — Китайская международная экономическая и торговая арбитражная комиссия. Наиболее авторитетный арбитражный центр Китайской Народной Республики. HKIAC — Гонконгский международный арбитражный центр, располагающийся в Специальном административном районе Гонконг. На сегодняшний день Гонконгский арбитражный центр местом рассмотрения споров выбирают чаще, чем Китайскую комиссию. Приоритет HKIAC над CIETAC о обусловлен несколькими ключевыми факторами.

Во-первых, Гонконг унаследовал англо-саксонскую систему права, при этом его законодательство базируется на принципах общего права и в целом следует нормам английского права. Международным компаниям удобно использовать английское право в качестве материального права, регулирующего отношения сторон по договору, более того, многие предыдущие годы право Великобритании или США выбиралось сторонами с российским участием в качестве применимого права. Таким образом, обращение в арбитраж, администрируемый HKIAC, во многом является попыткой сохранить содержание при смене формы: избежать существенных изменений в процедуре рассмотрения спора в рамках международного коммерческого арбитража.

Во-вторых, HKIAC находится в нейтральной юрисдикции, а также проводит политику предоставления нейтральных арбитров в случае арбитрирования разбирательства с подсанкционными лицами (пп. 3.1. (b) и 3.3. Санкционной политики HKIAC) [7]. Принимая во внимание, что в большинстве случаев стороны выбирают арбитров непосредственного того центра, в который обратились, то нейтральность юрисдикции Гонконга упрощает поиск арбитров, в отличие от Сингапурского центра, относящегося теперь к недружественной юрисдикции.

Нами ранее упомянутая Китайская международная экономическая и торговая арбитражная комиссия как арбитражный центр пока не столь часто выбирается в качестве места арбитража. Причиной меньшей распространенности арбитража, администрируемого CIETAC, является централизованная система контроля [4, с. 251]. С другой стороны, именно этот факт обуславливает значительно большую гарантию исполнения вынесенных решений в национальных судах КНР. CIETAC создала также

несколько «подкомиссий», и, в частности в Гонконге. Процессуальным правом Гонконгской подкомиссии CIETAC считается право Гонконга, основанное на принципах общего права. На переходном этапе: после отказа от европейских арбитражных центров и переориентировке на восточные арбитражные центры; Гонконгская комиссия CIETAC может стать наиболее перспективной альтернативой. С одной стороны, применимое процессуальное право — более привычное общее право Гонконга. С другой стороны, куда больший контроль за качеством арбитрирования благодаря подведомственности CIETAC.

Таким образом, китайские арбитражные институты на сегодняшний день представляют собой достойную замену тех восточных арбитражных центров, которые оказались на территории недружественных государств. В связи с укреплением российско-китайских отношений и наращиванием экономического сотрудничества, международный коммерческий арбитраж как способ разрешения споров будет набирать свою актуальность. Китайские арбитражные институты на сегодняшний предоставляют собой не менее профессиональные и квалифицированные юридические услуги по арбитрированию споров. Как Гонконгская подкомиссия CIETAC, так и Гонконгский арбитражный центр позволяют осуществить плавный переход российских участников внешнеэкономической коммерческой деятельности от западноевропейских арбитражных центров к восточным, поскольку осуществляют свою деятельность в соответствии с принципами общего права.

Источники и литература

[1] Еремин В.В. Концепция накопления (концентрации) общественно значимых публичных элементов в правоотношении как основание для неарбитрабельности спора // Вестник гражданского процесса. 2021. № 3. С. 194.

[2] Зыков Р. Как санкции могут изменить международный арбитраж? // Arbitration.ru. 2022. № 2. С. 26–29.

[3] Лысов С. Исключительная компетенция российских судов в условиях санкций: есть ли шанс у международного арбитража // Arbitration.ru. 2022. № 2. С. 29–34.

[4] Сичэн Ц. Оговорка о публичном порядке как основание для отказа в признании и привиедении в исполнение решений международных коммерческих арбитражей в Китае // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3. С. 251–257.

[5] Статистика МКАС при ТПП РФ. [Электронный ресурс] // Официальный сайт МКАС при ТПП РФ. URL: https://mkas.tpprf.ru/ru/Stat/page.php

[6] HKIAC. 2022 Statistics. [Electronic resource] // HongKong International Arbitration Centre. URL: https://www.hkiac.org/about-us/statistics

[7] Sanction policy. [Electronic resource] // HongKong International Arbitration Centre. URL: https://www.hkiac.org/arbitration/sanctions-policy

[8] SIAC. Annaul Report 2021. [Electronic resource] // Singapore Intertnational Arbitration Centre. URL: https://siac.org.sg/wp-content/uploads/2022/06/SIAC-AR2021-FinalFA.pdf

[9] SIAC. Annaul Report 2019. [Electronic resource] // Singapore Intertnational Arbitration Centre, 30 June 2020. URL: https://siac.org.sg/wp-content/uploads/2022/06/SIAC-AR_FA-Final-Online-30-June-2020.pdf

Международное право и глобальные вызовы

Определение агрессии в киберпространстве

Шмакова Анжела Денисовна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: jekashmakova@gmail.com

Информационные технологии захватили мир во всех аспектах, начиная с рутинных действий отдельного индивида и заканчивая межгосударственными коммуникациями по вопросам поддержания мира и безопасности. Растущая информатизация пространства поставила каждого в зависимость от технологий: на девайсах хранится персональная информация, предоставляющая доступ ко всем сбережениям и данным, государственные органы используют каналы сети Интернет для передачи информации, зачастую имеющей характер государственной тайны. Глобальная сеть Интернет сейчас представляет собой не только форум для обмена информацией, но и пространство для совершения преступлений [13, с. 2]. Ввиду этого нормы международного права должны развиваться взаимосвязанно с современными тенденциями информатизации. Киберпреступность проявляется не только в нападениях частных лиц на приватные серверы или аккаунты, в современной истории встречались случаи атак на крупные корпорации и банковские сервера [2; 10; 7, с. 18–20], причем эти операции вполне могли быть приписаны к действиям государства по установившимся нормам международно-правовой ответственности. Проблема цифровых войн [15] и возможного «Кибер-Пёрл-Харбора» [9] требует трансформации существующего в международном сообществе понятия агрессии.

Агрессией считается применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций [12]. Можно выделить следующие подходы к определению агрессии: 1) агрессией считается только вооруженный конфликт, оцениваемый по своим последствиям и масштабам как наиболее опасное проявление незаконного применения силы; 2) агрессия должна трактоваться широко как нарушение императивных норм международного права, проявление которого может заключаться не только в вооруженном конфликте [3]. Для целей данной работы предпочтительно использовать второе понятие, поскольку современные обстоятельства требуют прогрессивного развития норм международного права. Конфликты государств не ограничиваются уже воздухом, землей и водой, киберпространство становится новой ареной боевых действий. Нарушение цифрового суверенитета государства посредством кибератак влечет за собой нарушение фундаментальных принципов международного права, провозглашенных Уставом ООН (ст. 1) [14], Хельсинским актом (принципы II, IV, VI) [1] и Декларацией о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций [5]:

принципов неприменения силы, невмешательства во внутренние дела, территориальной целостности государств.

На данный момент развития международно-правового регулирования киберпространства многими крупными компаниями, работающими в сфере информационных технологий, представляются проекты по созданию «цифровой Женевской конвенции» [4; 11], которая устанавливала бы принципы ответственного поведения государств в виртуальной реальности, а также гарантии безопасности частных лиц при потенциальном возникновении боевых действий в виртуальном пространстве. В этом же направлении движется созданная в 2020 году Рабочая группа ООН открытого состава по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и самих ИКТ 2021–2025 [13, с. 3].

Сейчас в контексте цифровой безопасности государства эксперты указывают на следующие проблемы: 1) существует острая необходимость определения виртуальных границ государства, по отношению к которым оно осуществляет свою юрисдикцию, в целях выявления потенциального потерпевшего государства в ситуации международно-правового конфликта [16]; 2) существующие нормы международного права можно распространить на деятельность в сфере ИКТ, однако они должны быть подвержены модификации, особенно в вопросах присвоения действий частных лиц государству [6, с. 10–12]; 3) ограничение неприменения силы и угрозы силой и запрет проявления агрессии, с одной стороны, должны распространяться и на киберпространство, но, с другой стороны, не должны стеснять развитие технологий в целях усиления безопасности как глобальной, так и национальной [6, с. 10–12]. На своей 77-ой сессии Генеральная Ассамблея ООН выразила особую заинтересованность в учреждении программы действий Организации Объединенных Наций по поощрению ответственного поведения государств при использовании информационно-коммуникационных технологий в контексте международной безопасности [8, с. 13]. Все это подтверждает необходимость развития норм международного права в свете информатизации мира.

Таким образом, информационные технологии в современном мире используются не только в целях усиления международной коммуникации, но иногда и в целях подрыва национальной стабильности того или иного государства, взлома критических инфраструктур, предоставляющих информационные услуги не только частным лицам, но и государственным структурам, что при значительном государственном вовлечении в подобные операции может приравниваться к вооруженным действиям этого государства, а при определенных обстоятельствах — проявлению агрессии в форме нарушения суверенитета и принципа невмешательства во внутренние дела. В связи с этим представителям государств необходимо под эгидой универсальной международной организации усилить свой вклад в развитие программы ответственного поведения государств в сфере ИКТ и актуализировать нормы международного права, чтобы предотвратить международные противоправные деяния в виртуальной среде.

Источники и литература

[1] Conference on Security and Co-operation in Europe. Final Act / Helsinki, 1975. [Электронный ресурс] URL: https://www.osce.org/files/f/documents/5/c/39501.pdf (дата обращения: 23.09.2023)

[2] SprySOCKS: китайское предупреждение для мировых правительств [Электронный ресурс] URL: https://www.securitylab.ru/news/541910.php (дата обращения: 23.09.2023)

[3] The International Court of Justice and the Concept of Aggression: Lessons for the ICC? [Электронный ресурс] URL: https://www.ejiltalk.org/the-international-court-of-justice-and-the-concept-of-aggression-lessons-for-the-icc/ (дата обращения: 23.09.2023)

[4] What the Digital Geneva Convention means for the future of humanitarian action [Электронный ресурс] URL: https://www.unhcr.org/innovation/digital-geneva-convention-mean-future-humanitarian-action/ (дата обращения: 23.09.2023)
[5] Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принятая резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи от 24 октября 1970 года [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 23.09.2023)
[6] Доклад Рабочей группы открытого состава по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. A/75/816 [Электронный ресурс] URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/068/74/PDF/N2106874.pdf?OpenElement (дата обращения: 24.09.2023)
[7] Дорожная карта по цифровому сотрудничеству: осуществление рекомендаций Группы высокого уровня по цифровому сотрудничеству: доклад Генерального секретаря. A/74/821 [Электронный ресурс] URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N20/102/53/PDF/N2010253.pdf?OpenElement (дата обращения: 23.09.2023)
[8] Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности: доклад Первого комитета. A/77/380 [Электронный ресурс] URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/689/98/PDF/N2268998.pdf?OpenElement (дата обращения: 24.09.2023)
[9] Игра по правилам: может ли кибербезопасность объединять // Международная жизнь. 2015. № 4. [Электронный ресурс] URL: https://globalaffairs.ru/articles/igra-pro-pravila/ (дата обращения: 23.09.2023)
[10] Кибератака на Airbus: подробности взлома и риск для нацбезопасности США [Электронный ресурс] URL: https://www.securitylab.ru/news/541788.php (дата обращения: 23.09.2023)
[11] Необходимость Женевской конвенции в области цифровых технологий [Электронный ресурс] URL: https://news.microsoft.com/ru-ru/neobhodimost-zhenevskoj-konventsii-v-oblasti-tsifrovyh-tehnologij/ (дата обращения: 23.09.2023)
[12] Определение агрессии: утверждено резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 23.09.2023)
[13] Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 31 декабря 2020 года ООН. A/RES/75/240 [Электронный ресурс] URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/000/28/PDF/N2100028.pdf?OpenElement (дата обращения: 24.09.2023)
[14] Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 23.09.2023)
[15] Цифровые войны: как искусственный интеллект и большие данные правят миром [Электронный ресурс] URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/5ed92d7a9a7947be278e51e5 (дата обращения: 23.09.2023)
[16] 20 лет поиска государственной границы в виртуальной реальности [Электронный ресурс] URL: https://digital.report/20-let-poiska-gosudarstvennoy-granitsyi-v-virtualnoy-realnosti/ (дата обращения: 23.09.2023)

Круглый стол по теме «Обеспечение безопасности граждан и организаций в условиях кибератак»

Обеспечение безопасности граждан и организаций
в условиях кибератак

Основные угрозы безопасности киберпространства в условиях цифровизации общества и виртуализации реальности

Абдулмуталибова Умасалимат Мурадовна

Студент (специалист)

Российская правовая академия МЮ РФ, Северо-Кавказский филиал, Юридический факультет, Кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Махачкала, Россия

E-mail: ummmmkaa@gmail.com

Виртуальный мир предоставляет много новых возможностей для совершения преступлений, таких как кибератаки и распространение негативного контента. Риски и угрозы виртуализации являются новыми и не имеют аналогов в истории. И к сожалению правовое регулирование не всегда успевает за технологическими изменениями и научными достижениями.

По статистическим данным Министерства Внутренних Дел РФ на 22 мая 2023 года, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий совершается практически каждое четвёртое преступление. В том числе преступления экстремисткой направленности [3, с. 15].

Для исследования проблемы преступлений в информационно-коммуникационных сетях обратим внимание на киберпространство-виртуальную среду, где происходят коммуникации и использование информационных ресурсов пользователей Интернета.

В киберпространстве возникают процессы, которые могут отличаться от реальной жизни, так как там человек получает возможность в полной мере использовать свои воображаемые образы. В результате границы между правдой и вымыслом сливаются, ценности меняются и могут противоречить социальным нормам. Это приводит к распространению опасных явлений в социальных сетях, таких как суицидальные наклонности, употребление наркотиков, экстремистская деятельность и участие в террористических организациях [1, с. 90]. Непосредственно по этой причине немаловажно сформировать систематическое понимание возникающих цифровых реалий, чтобы соответствующим образом решать задачи, с которыми сталкиваются правоохранительные органы.

Рассмотрим какие криминальные угрозы безопасности киберпространства наблюдаются на сегодняшний день.

Во-первых, необходимо выделить желание преступности освоить киберпространство и использовать его особенности в собственных интересах (средства анонимизации, возможность использования дистанционных методов совершения преступлений). В Российской Федерации наиболее ярким примером использования современных сетевых технологий для организации протестов являются акции протеста, организованные оппозиционером Алексеем Навальным.

Во-вторых в сфере киберпространства появляются опасные зоны, требующие внимания оперативной службы. Особое внимание уделяется изучению DarkNet (также известного как «теневой Интернет»). DarkNet — это специализированные сети, доступные только через специальные инструменты [2, с. 178]. В России одним из наиболее известных преступлений, организованных через DarkNet, стала убийство старшего следователя Евгении Шишкиной, работавшей над особо важными делами, в октябре 2018 года. Это убийство стало первым из планировавшихся в теневом секторе Интернета, которое удалось раскрыть. Заказчиком убийства был один из подозреваемых, в ходе расследования которого работала Шишкина. Исполнителем заказа стал человек, найденный на площадке «Гидра», причем нападение было совершено при помощи переоборудованного боевого травматического пистолета.

В-третьих в киберпространстве появляется все больше цифровых следов, оставляемых экстремистами. Эти следы могут быть использованы в расследовании преступлений. Необходимо разработать новую отрасль криминалистической техники для определения и использования виртуальных следов. Правовая регламентация виртуальных следов поможет улучшить эффективность раскрытия и расследования преступлений, включая деяния экстремистской направленности. совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий.

В-четвертых, повышенный интерес криминальных группировок к технологиям искусственного интеллекта вызывает настороженность применение которых может полностью вывести их из поля зрения правоохранительных органов. Новым способом вербовки в террористические организации стали сетевые компьютерные игры, например, сайт «Большая Игра. Сломай систему». Целью этой схемы является нарушение работы государственных структур и тем самым поддержка экстремистов. Таким образом, экстремисты разработали целые интернет-технологии для вербовки несовершеннолетних через Интернет в экстремистские и радикальные преступные группировки, и для борьбы с этим необходимы организационные, технические и образовательные меры. Для выявления и расследования данного вида преступлений правоохранительные органы регулярно проводят мониторинг социальных сетей, особенно блогов официальных интернет-ресурсов.

Еще одной проблемой при расследовании преступлений в киберпространстве является географическое разделение и отсутствие международных договоренностей между соответствующими странами. Однако современные цифровые системы, способные создавать более продвинутые изображения, могут помочь в решении этой проблемы. Это процесс, известный как «криминалистический рендеринг», который представляет собой особый вид виртуальной визуализации [2, с. 179]. Рендеринг в компьютерной графике позволяет получить изображение с использованием моделирования, что предоставляет возможность восстановления места и событий преступлений.

Исходя из представленных выше данных, мы можем сделать следующие заключения. За последние годы наблюдается значительный рост преступлений с экстремистской направленностью, которые совершаются в виртуальном пространстве. Этот феномен обуславливается особенностями интернета, которые создают благоприятную среду для развития экстремистских взглядов и идеологий. Кроме того, ограничения доступа правоохранительных органов к личным данным пользователей также осложняют расследование соответствующих преступлений.

Мы полагаем, что для эффективной борьбы с киберпреступностью необходимо применить следующие меры:

1. Государство должно принять рекомендации по включению интернет-отношений в сферу правового регулирования. Это позволит более эффективно контролировать преступную деятельность и защищать общество от экстремистских идеологий.

2. Необходимо проводить постоянный мониторинг интернета для выявления и блокировки контента, который представляет угрозу общественной безопасности. Такой контент должен быть удален незамедлительно, чтобы предотвратить его распространение.

3. В качестве дополнительной меры, предлагаем привлечь IT-компании к этим усилиям. Например, компания Group-IB, которая специализируется на расследовании киберпреступлений, может разработать и распространять информационные рекомендации для пользователей, с помощью которых они могут предотвратить возможность использования их данных мошенниками в сети.

Источники и литература

[1] Малянова К.П. Особенности осуществления оперативно-розыскной деятельности и основные угрозы безопасности киберпространства в условиях цифровизации общества и виртуализации реальности / К.П. Малянова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2023. — № 2. — С. 87–93.

[2] Оракбаев А.Б К вопросу об использовании виртуальных систем в ходе расследования преступлений экстремистской направленности // Журнал прикладных исследований. 2023. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ispolzovanii-virtualnyh-sistem-v-hode-rassledovaniya-prestupleniy-ekstremistskoy-napravlennosti (дата обращения: 08.09.2023).

[3] Федеральный закон от 27 июля 2006 N 149-ФЗ (в ред. от 31.07.2023 N 406-ФЗ) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. N 31 (1 ч.). Ст. 3448.

Обеспечение безопасности граждан и организаций
в условиях кибератак

Киберпреступления в банковской сфере

Магомедова Марьям Арслановна

Студент (бакалавр)

Российская правовая академия МЮ РФ, Северо-Кавказский филиал, Юридический факультет, Кафедра теории государства и права, Махачкала, Россия

E-mail: maryam200605@gmail.com

Т. Гоббс в своих трудах отмечал: «Состояние мира и безопасности немыслимо без сильного государства, тем самым необходимость общественного объединения, общественного договора — это благо для человека, для его безопасности и выживания» [1].

Банковская деятельность связана с ежедневными рисками, связанных с осуществлением финансовых операций. Убытки, которые несут коммерческие банки и их клиенты из-за мошенничества, ежегодно исчисляются сотнями миллиардов рублей.

Число киберпреступлений, нацеленных на банковский сектор, растет. Киберпреступники используют целый ряд уязвимостей для проведения атак и кражи конфиденциальных данных клиентов и денежных средств. Эти преступления варьируются от кибератак и мошенничества до захвата онлайн-аккаунтов, утечки данных и фишинговых схем. Чтобы оставаться на шаг впереди преступников, банки и другие финансовые учреждения должны внедрять надежные меры кибербезопасности для защиты своих клиентов и сохранности их цифровых активов.

По данным Центрального Банка, основным инструментом злоумышленников для хищения средств осталось использование приемов и методов социальной инженерии, т.е. когда человек под психологическим воздействием добровольно переводит денежные средства или раскрывает банковские сведения, позволяющие злоумышленникам совершить хищение. Доля таких операций составила 50,4% против 49,4% годом ранее. При этом, клиентам кредитных организаций возвратили только 4,4% (618,4 млн руб.) [2].

Одним из наиболее распространенных видов киберпреступности в банковском секторе является захват учетных записей. При захвате учетной записи хакер может получить доступ к учетной записи физического лица, взять ее под свой контроль, а затем совершать несанкционированные транзакции. Хакеры часто используют вредоносное программное обеспечение, такое как кейлоггеры, для захвата паролей и логинов, которые они затем используют для доступа к учетной записи.

Существуют и такие кибератаки, которые включают в себя фишинговые электронные письма и вредоносные атаки, которые позволяют злоумышленникам получить доступ к конфиденциальной информации и финансовым данным.

Самый известный в мире спамер — бразилец Валдир Пауло де Алмейда на момент ареста в 2005 году содержал команду из 18 человек, которая рассылала 3 млн фишинговых писем в день. В рассылках был спрятан «троян», ворующий данные у посетителей онлайн-сервисов банков — преимущественно бразильских, но пострадали и зарубежные. По оценкам, за два года спамерам удалось похитить с карт 37 млн долларов. Среди пострадавших — не только частные лица, но и несколько фондов [3].

Обществу важно признать важность защиты нашей банковской информации в режиме онлайн и внести свой вклад в борьбу с киберпреступностью. Необходимо быть бдительным при осуществлении банковских операций онлайн, создавать надежные и уникальные пароли, никогда не открывать ссылки или вложения из подозрительных электронных писем и никогда не раскрывать свою личную информацию неизвестным источникам. Не только банки должны предпринимать шаги для защиты клиентских данных, но и клиенты должны принимать меры предосторожности для защиты своих средств.

В прошлом году мошенничество с онлайн-банкингом обошлось банкам и клиентам в миллионы долларов. К сожалению, ожидается, что эта проблема будет только усугубляться. Мошенники используют все более изощренные тактики, от снятия наличных с дебетовых карт в банкоматах до кражи личных данных и программ-вымогателей.

Для клиентов принятие нескольких основных мер предосторожности может иметь решающее значение. Регулярная проверка банковских выписок, отказ от предоставления личной информации по электронной почте и установка антивирусного программного обеспечения на все персональные устройства — это всего лишь несколько шагов, которые могут помочь сохранить личные счета и средства в безопасности.

Для банков единственный способ опередить этих преступников - укреплять протоколы безопасности и постоянно обновлять их по мере появления новых угроз.

Как известно, Швейцария является одной из стран наиболее защищенных от кибератак. В последние годы проблемы общественной безопасности Швейцарии, связанные с киберугрозами, стали острыми. Швейцария - федеральная и децентрализованная страна, что затрудняет обеспечение национальной безопасности и коммуникаций между кантонами. Иногда такого рода децентрализация считается угрозой национальной безопасности страны, поскольку наблюдается тенденция к централизации кибербезопасности на федеральном уровне. В связи с этим, Швейцария учредила киберкомитет Федерального совета. Комитет собирается четыре раза в год и контролирует выполнение всех нормативных актов, связанных с национальной кибербезопасностью страны.

Также и в Соединенных Штатах для выявления мошеннических схем в кредитном и финансовом секторах была создана Целевая группа по финансовым мероприятиям, занимающаяся финансовой разведкой — FATF, которая активно использует анализ неофициальных отчетов и расчетных операций контрагентов и кредитных организаций, подозреваемых в финансировании терроризма или незаконных корпоративных финансовых операциях. Этот метод позволяет идентифицировать личность преступника и его активов, а также отслеживать денежные операции с учреждениями и связанными с ними лицами, участвующими в финансировании преступников [4].

Необходимо обратить внимание на тот факт, что за рубежом с каждым годом увеличивается количество служб и отделов, занимающихся борьбой с киберпреступностью. Тогда как в России борьбу с киберпреступностью осуществляют только Бюро специальных технических мероприятий МВД РФ и Управление «К».

Несмотря на различия в культурах между странами, несомненно, важно, чтобы страны стремились к международному сотрудничеству в области кибербезопасности. Потому что киберпреступность распространена не в одной стране, а во всем мире.

В целом киберпреступность представляет собой серьезную угрозу для банковского сектора, но при быстрых и решительных действиях с ней можно справиться. Главное - сохранять бдительность, постоянно обучая как клиентов, так и сотрудников передовым методам обеспечения безопасности.

К счастью, есть несколько способов, которыми банки могут воспользоваться для предотвращения киберпреступности. Во-первых, банки должны обучать своих сотрудников и клиентов передовым методам обеспечения кибербезопасности. Повышая осведомленность о потенциальных угрозах и способах защиты от них, банки могут помочь защититься от потенциальных киберпреступлений. Банкам также следует регулярно проводить оценку уязвимости и тестирование на проникновение своих систем, чтобы убедиться в их безопасности. Кроме того, банкам следует вести учет используемых ими программных и аппаратных компонентов, а также регулярно пересматривать конфигурации своих систем.

Во-вторых, банки должны проявлять инициативу, когда дело доходит до мониторинга своих сетей и выявления любой необычной активности или подозрительного трафика. Им также следует рассмотреть возможность внедрения строгих мер аутентификации и контроля доступа, а также строгой программы управления исправлениями, чтобы оставаться в курсе обновлений безопасности.

Реализуя перечисленные выше меры, банки могут значительно снизить риск стать мишенью киберпреступников и помочь защитить личные и финансовые данные своих клиентов. Принятие необходимых мер для обеспечения безопасности своих систем крайне важно для банков в современном все более цифровом мире.

Если банки и клиенты начнут сотрудничать, то киберпреступность будет снижена. Только тогда у нас будет безопасная среда для онлайн-банкинга.

Источники и литература

[1] Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. сост. В.В. Соколов; пер. с латин. и англ. Политик. М.: Мысль, 2005.
[2] Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций // Банк России. URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey_2022/ (дата обращения: 19.09.2023).
[3] Топ-10 хакерских атак на финансы // Банки.Ру. URL: https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=9748677 (дата обращения: 21.09.2023).
[4] Лоу Р.Д. Анти-отмывание денег — потребность в разведке // Журнал финансовой преступности. 2017. Т. 24. Вып. 3. С. 472–479.

Обеспечение безопасности граждан и организаций
в условиях кибератак

Развитие результативной кибербезопасности и парадигма цифровой устойчивости

Олифиренко Артем Алексеевич

Студент (бакалавр)

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

E-mail: artol2002@mail.ru

Во втором квартале 2023 года наблюдался рост числа киберинцидентов. По сравнению с первым кварталом этого года, их количество увеличилось на 4%. Если же сравнивать с аналогичным периодом 2022 года, рост составил 17%. Особое внимание стоит уделить тому, что 78% всех инцидентов были целевыми атаками. Среди наиболее частых последствий для организаций выделяются утечки конфиденциальной информации (67%) и нарушения в основной деятельности (44%) [1].

С начала года и до августа 2023 года хакеры активно искали наиболее эффективные методы атаки. В первой половине года был замечен рост координированных атак, которые сопровождались массовыми поверхностными атаками. Это было сделано с целью создания «фонового шума» и отвлечения внимания. Однако, начиная с середины года, действия злоумышленников стали более целенаправленными. Они активно использовали информацию, полученную из утечек данных.

Вредоносное программное обеспечение (ВПО) остается ключевым инструментом для киберпреступников. За указанный период количество инцидентов, связанных с использованием такого ВПО, которое не определяется антивирусами, возросло в 2,5 раза. Это усиливает эффективность фишинговых атак.

Важно отметить две конкурирующие модели информационной безопасности (далее — ИБ) в РФ: «бумажная» и «результативная».

1. «Бумажная» модель ИБ:

- Определение: Этот термин часто используется в отрицательном контексте и описывает ситуацию, когда организация формально следует всем требованиям и стандартам безопасности, но на практике эти меры не обеспечивают реальной защиты от угроз.

- Особенности: Большое количество документации, процедур и политик безопасности; отсутствие практической эффективности мер безопасности; фокус на выполнении формальных требований, а не на реальной защите.

2. «Результативная» модель ИБ:

- Определение: Подход, при котором организация фокусируется на реальных результатах и эффективности применяемых мер безопасности, а не только на их формальном соответствии стандартам.

- Особенности: Фокус на практической эффективности и реальной защите от угроз; применение инновационных методов и технологий для обеспечения безопасности; постоянный мониторинг и анализ угроз с целью быстрого реагирования на изменяющуюся обстановку.

Указ Президента России № 250, принятый 1 мая 2022 года, стал ключевым документом, направленным на усиление ИБ в стране [2]. Во-первых руководитель организации должен отвечать за ИБ — создавать подразделения по ИБ; он возлагает на заместителя полномосия по ИБ; несет персональную ответственность и принимает решение о привлечении внешних организаций (лицензиатов ФСТЭК или аккредитованных ФСБ организаций). Во-вторых, указ акцентирует внимание на необходимости перехода от «бумажной» ИБ к более «результативной» модели с учетом потребностей и государства и бизнеса.

В Указе в п. «е» ст. 1 подчеркивается, что для обеспечения ИБ, организациям необходимо внимательно следить за рекомендациями от ФСБ России и ФСТЭК России по нейтрализации актуальных угроз. Эти рекомендации требуют незамедлительного внедрения соответствующих организационных и технических мер. Кроме того, организации должны быть готовыми предоставить ФСБ России доступ к своим информационным ресурсам, включая удаленный доступ, с целью мониторинга уровня их защищенности. После проведения такого мониторинга, организации могут получить указания от ФСБ России, которые необходимо будет выполнить. Стоит отметить, что согласно статье 9 Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ, субъекты критической информационной инфраструктуры также были обязаны сотрудничать с ФСБ России в вопросах, связанных с компьютерными инцидентами и кибератаками [3].

Важные обстоятельства — усиление числа кибератак, уход зарубежных участников из рынка, увеличение уязвимостей, а также недостаток квалифицированных специалистов и эффективных решений в этой сфере — требуют пересмотра подходов к ИБ.

Центральной идеей становится концепция цифровой устойчивости. Она предполагает, что вместо попыток обеспечить равномерную защиту всех ресурсов, акцент делается на защите ключевых активов компании:

- Приоритизация ключевых активов: вместо равномерного распределения ресурсов на защиту всех информационных систем, устойчивость фокусируется на идентификации и защите наиболее ценных и критических активов. Это могут быть базы данных клиентов, интеллектуальная собственность, финансовая информация или другие активы, которые, если будут скомпрометированы, могут нанести серьезный ущерб бизнесу.

- Проактивный подход: цифровая устойчивость признает, что не все угрозы можно предотвратить. Вместо этого акцент делается на быстром обнаружении и реагировании на инциденты, минимизации ущерба и восстановлении нормальной работы в кратчайшие сроки.

- Гибкость и адаптивность: в быстро меняющемся цифровом мире угрозы постоянно эволюционируют. Системы защиты должны быть гибкими, чтобы адаптироваться к новым угрозам и изменяющемуся бизнес-ландшафту.

- Обучение и осознанность: люди часто являются самым слабым звеном в цепи безопасности. Обучение персонала основам кибербезопасности и создание культуры осознанности могут существенно укрепить цифровую устойчивость.

- Коллаборация и обмен информацией: сотрудничество с партнерами, отраслевыми группами и государственными органами может помочь предприятиям быть в курсе последних угроз и лучших практик в области безопасности.
- Непрерывное инновирование: технологии и угрозы постоянно меняются. Постоянные инвестиции в исследования и разработки, а также внедрение новых технологий, могут помочь компаниям оставаться на шаг впереди от злоумышленников.

Для России концепция цифровой устойчивости представляет собой голистический и стратегический подход к кибербезопасности, который признает, что абсолютной безопасности не существует. Вместо этого акцент делается на управлении рисками, минимизации ущерба от инцидентов и обеспечении непрерывности бизнес-процессов в любых условиях.

В 2022-2023 гг. российские компании работают в условиях, где основное внимание уделяется защите наиболее ценных ресурсов. Это подход, который позволяет сосредоточить усилия там, где они наиболее необходимы для обеспечения стабильности и успешного функционирования бизнеса [4].

При этом готовящийся проект Указа Президента «Положение о государственной системе защиты информации в Российской Федерации» [5] указывают на возможные кардинальные изменения в системе ИБ России.

Суть этого положения заключается в создании многоуровневой системы защиты информации, которая будет функционировать на различных уровнях: от федерального до объектового (на уровне объектов КИИ). Эта система будет включать в себя различные органы и организации, специализирующиеся на защите информации, а также технические средства для этой защиты. Основные направления деятельности государственной системы защиты информации:

1) Разработка и реализация единой государственной политики в области ИБ.
2) Координация усилий различных органов и организаций по вопросам защиты информации.
3) Прогнозирование и оценка потенциальных угроз ИБ.
4) Предотвращение несанкционированных действий в отношении информации и информационных систем.
5) Восстановление информации после инцидентов ИБ.
6) Разработка и внедрение новых технологий и методов защиты информации.
7) Подготовка и повышение квалификации специалистов в области ИБ.
8) Контроль и мониторинг состояния ИБ на объектах информационной инфраструктуры.

Проект Указа направлен на создание эффективной и многоуровневой системы защиты информации в Российской Федерации, что позволит обеспечить надежную защиту государственных, корпоративных и личных данных граждан от различных угроз в сфере кибербезопасности. Это может стать стимулом для разработки новых стратегий и методов, направленных на обеспечение киберустойчивости российской экономики, где основной акцент будет сделан на результативность и ответственность всех участников процесса.

Источники и литература

[1] Актуальные киберугрозы: II квартал 2023 года / The Positive Technologies // URL: https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2023-q2/ (дата обращения: 24.09.2023).

[2] Указ Президента РФ от 01.05.2022 № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 02.05.2022, № 18, ст. 3058.

[3] Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2017, N 31 (Часть I), ст. 4736.

[4] Positive Research 2023 / Positive Technologies // URL: https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/positive-research-2023/ (дата обращения: 24.09.2023).

[5] Проект Указа Президента «Об утверждении Положения о государственной системе защиты информации в Российской Федерации» // URL: https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=135259 (дата обращения: 24.09.2023).

Обеспечение безопасности граждан и организаций
в условиях кибератак

Защита информации в корпоративных сетях

Станиславов Павел Денисович

Студент (бакалавр)

Южный федеральный университет,
Юридический факультет, Кафедра гражданского права,
Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: pashastanislavov@yandex.ru

В наше время технологии постоянно развиваются, давая людям всё новые и новые возможности. Это касается и способов хранения информации, которая теперь содержится не только на бумаге, или чертежах, но и на технических носителях, или в электронном виде. Но что же такое информация ...

Информация, согласно Федеральному закону от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», — это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Проанализировав различные нормативно-правовые акты, включая ГК РФ, можно заключить, что законодатель считает информацию материальным, или не материальным объектом, участвующим в различных гражданских правоотношениях. В правовой доктрине выделяют определённые признаки, присущие информации: дискретность (непохожесть и обособленность), юридическая привязка (принадлежность конкретному субъекту), конструктивность (полезность для субъектов гражданских правоотношений), системность (взаимосвязь с другими объектами гражданского права) [1, с. 163–167]. Информация может быть различной: документированной (находящейся на материальном носителе с реквизитами, определяющими её, или носитель); инсайдерской (распространение которой повлечёт изменение экономической обстановки); корпоративной [2, с. 62–73].

Специфичность последнего вида, из вышеназванных, выражается в доступности ограниченному кругу лиц (участники и работники конкретной компании) и содержанию данных, касающихся корпорации. Из-за названных особенностей такая информация представляет интерес для бизнес-конкурентов и иных недоброжелателей, желающих использовать её в своих корыстных целях. Кроме того, интерес для незаконного использование представляет также секрет производства (ноу-хау), поскольку многие сведения, содержащиеся в корпоративных сетях, связаны с научно-технической сферой и имеют коммерческую ценность. Чтобы не допустить противоправного использования каждая корпорация реализует различные меры для обеспечения безопасности своих данных и ограничения доступа к ним.

Для нарушения безопасности корпоративных сетей обычно используются удалённый, или прямой способ. В первом случае злоумышленник, как правило, преследует цель повредить данные корпорации, используя троянские программы, сетевых червей, взламывая сайты, совершая спам атаки (рассылка вредоносных сообщений) и т.п. Второй же случай, в ходе которого обычно добываются данные путём копирования или

передачи, требует уже личного доступа к техническим средствам компании самого злоумышленника, либо завербованного им работника организации. Таким образом, спектр угроз целостности корпоративных сетей очень велик и требует обширных методов для защиты [3, с. 208–213].

При определении таких методов можно использовать Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 N 98-ФЗ. В нём приведена совокупность мер, необходимых для обеспечения коммерческой тайны. К ним относятся: перечень информации, наличие определённого порядка действий для её получения, учёт пользователей такой информацией, механизм регулирования гражданско-правовых и трудовых отношений, использование материальных носителей для передачи информации (ч. 1 ст. 10). Выше приведённые меры — общеприняты и используются глобально для защиты информации. Помимо этого, есть методы, характерные для защиты информации в сфере трудовых отношений: ознакомление работника с перечнем информации, режимом коммерческой тайны под расписку и создание условий для соблюдения такого режима (ч. 1 ст. 11). Последние меры для охраны информации касаются государственных органов, которым полагается обеспечить защиту информации при её передаче и сосредоточены, главным образом в обязанности запрашивать согласие обладателя информации на её разглашение (ст. 13). Анализируя вышеназванные методы защиты, перечисленные в законе, нужно сказать, что они чересчур абстрактны и приведены вне контекста возможных угроз. Это мешает эффективному их использованию, т.к. не ясно как именно конкретный метод защищает информацию и в какой ситуации, что делать.

В связи с этим, гораздо более разумным будет перечислить иные конкретные меры информационной защиты. Первым методом защиты может стать достаточно простой в осуществлении, но сложный в поддержании эффективности метод обеспечения компетентности сотрудников, заключающийся в том, что организация регулярно проводит повышение квалификации собственных сотрудников и предоставляет им дозированный доступ к определённой информации, соответствующий их должностям. Также такой метод требует контроля нижестоящих работников вышестоящими и закрепления личной ответственности за сотрудниками. Другой метод — использование систем класса SIEM и IDM, которые сканируют корпоративную сеть и анализируют совершаемые в ней действия, обращая внимания пользователей на наиболее рискованные. Цель такого метода ограничение использования информации повсеместно, а не только в зависимости от должности. Ещё один метод — криптография, позволяющая безопасно обмениваться данными внутри корпорации, или через интернет [4, с. 695–698]. Более того, в качестве метода защиты информации можно использовать шифрование (encryption) и архивирование (secure archiving system). Данные средства защиты появились за рубежом и являются крайне эффективными в наше время. Шифрование представляет собой перевод электронных данных в формат кода, который может расшифровать только обладатель соответствующего ключа дешифровки. Защищенное архивирование способствует безопасному хранению электронных данных путём контроля доступа, ведения журналов посещений и резервирования информации.

Таким образом проблема поддержания безопасности корпоративных сетей является угрозой для всех компаний, которая может привести их к краху. Именно поэтому необходимо разрабатывать и внедрять различные способы обеспечения безопасности.

Источники и литература

[1] Лебедева Д.С., Яценко А.О. Информация как объект гражданского права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. № 4.
[2] Ахмадуллина А.Ф. К вопросу о правовом режиме инсайдерской информации // Вестник ВУиТ. 2014. № 4 (81).
[3] Карасёв П.А. Информационная безопасность в корпоративных сетях // Таврический научный обозреватель. 2017. № 3–1 (20).
[4] Малькова Е.А. Защита информации в корпоративных сетях // Форум молодых ученых. 2019. № 4 (32).

Круглый стол по теме «Обеспечение права потребителей на информацию о товаре»

Обеспечение права потребителей на информацию о товаре

Обеспечение права потребителей на информацию о товаре: соотношение коммерческой информации и информации, доступной для потребителя

Быданцев Георгий Алексеевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра коммерческого права и основ правоведения, Москва, Россия

E-mail: georg3.bydan@gmail.com

Ни для кого не является секретом, что права потребителя являются одними из самых важных прав любого человека, поскольку повседневно каждый из нас выступает в роли потребителя. С развитием науки, техники, торговли у потребителей просто нет необходимости в покупке «кота в мешке», на сегодняшний день людям предоставлена возможность выбора товара для покупки, по любой цене, любого изготовителя и так далее. Поскольку фундаментальная особенность потребительских отношений является наличие слабой стороны — потребителя, которому противостоит профессиональный участник оборота предприниматель, здесь присутствует публичный интерес в защите потребителя, в частности, вменяется предпринимателю обязанность по представлению достаточной информации о продаваемом товаре.

В рамках настоящего исследования считаю необходимым рассмотреть соотношение права потребителей на информацию о товаре (реализация этого права происходит перед каждой покупкой товара) и режим коммерческой тайны. Главные вопросы здесь: что может и должен знать покупатель-потребитель в силу публичной значимости (обеспечение безопасности, здоровья человека и гражданина, здесь у коммерсанта высокий стандарт раскрытия информация) [1, Пар. 2.2.3; 2], а что является коммерческой тайной или иной информации (с экономической точки зрения невыгодно держать в открытом доступе такую информацию, предприниматель, обладая такой информацией, имеет преимущество в условиях конкуренции на рынке).

Как можно было заметить, различие вышеуказанных категорий информации заключается в режиме открытости или закрытости такой информации. Закрытая информация, коммерческая информация — интеллектуальная собственность, результат интеллектуальной деятельности субъекта профессионального оборота. К такой информации можно отнести, например, информация о том, как наладить производство так, чтобы, во-первых, издержек было немного, и, во-вторых, конкурировать на рынке товаров [8]. Сведения, которые могут находиться под режимом коммерческой тайны или конфиденциальности, закреплены в ФЗ «О коммерческой тайне» [3] и в Указе Президента РФ «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» [4].

Касаемо открытой информации, справедливо отметить, что обладая должным объемом достоверной информации, потребитель купит именно тот товар, который ему нужен. Какая информация нужна, где ее найти, как убедиться в достоверности предоставленной информации — вопросы в рамках поставленной проблемы.

Объем информации, который должен быть предоставлен к ознакомлению потребителю, содержится в Законе «О защите прав потребителей» [5, ст. 7–11], также в технических регламентах и различных стандартах в зависимости от категории товара [10, с. 16–18]. Условно, делится эта информация на две группы: информация о товаре и информация об изготовителе [6, комментарий к, ст. 495 ГК РФ]. Стоит отметить, что защита данного права потребителя защищается не только нормами гражданского законодательства, но и нормами административного права [7, раздел IV] в силу существования в данной сфере упоминаемого ранее публичного интереса. Цели установления обязанности предоставления информации о товаре являются обеспечение права потребителя на получения безопасного товара, также доведение до потребителя информации о способах, алгоритмах использования купленного товара, защита от недобросовестной конкуренции [9].

Таким образом, законодателю и иным институтам, способным устанавливать требования о раскрытии каких-либо сведений, всегда стоит учитывать тонкую грань коммерческой информации и информации, которая должна быть открыта для потребителей, поскольку есть риск ухудшить условия ведения предпринимательской деятельности для коммерсантов.

Источники и литература

[1] Кузьмина А.Д. Недобросовестное умолчание и стандарты раскрытия информации на стадии ведения переговоров // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. N 1. С. 100–130.

[2] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25.01.2022 N 49-КГ21-41-К6.

[3] Федеральный закон от 29.07.2004 N 98-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О коммерческой тайне» // «Парламентская газета», N 144, 05.08.2004.

[4] Указ Президента РФ от 06.03.1997 N 188 (ред. от 13.07.2015) «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» // «Собрание законодательства РФ», 10.03.1997, N 10, ст. 1127.

[5] Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей».

[6] Гришаев С.П., Свит Ю.П., Богачева Т.В. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая // СПС КонсультантПлюс. 2021.

[7] Обзор правоприменительной практики контрольно-надзорной деятельности Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека за 2017 год.

[8] Северин В.А. Правовой механизм регулирования коммерчески значимой информации в торговом обороте // «Юрист», N 10, 2002.

[9] Ножнин И.Н. Реализация права на информацию как фактический правовой переход в систему потребительских отношений // «Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки». [Интернет-ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-prava-na-informatsiyu-kak-fakticheskiy-pravovoy-perehod-v-sistemu-potrebitelskih-otnosheniy/viewer

[10] Леонова Г.Б. Информация о соответствии товара стандарту // Коммерческое право. Научно-практический журнал. Издательство «Юрист» С. 16–34.

Обеспечение права потребителей на информацию о товаре

Обеспечение права потребителей на информацию о товаре: теоретические и законодательные основы

Высоцкий Павел Павлович

Студент (магистр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет права, Москва, Россия

E-mail: vppklp@mail.ru

Обеспечение права потребителей на информацию о товаре является важным аспектом защиты интересов потребителей. Законодательные меры, право на выбор и использование информационных технологий играют ключевую роль в обеспечении этого права. Потребители, выступая слабой стороной договора, должны быть информированы о товарах, приобретаемых ими, чтобы иметь возможность принимать осознанные решения и защищать свои права.

В данном эссе мы рассмотрим, как обеспечивается право потребителей на информацию о товаре.

Анализируя теоретический аспект освещаемой нами темы, возможно обратить внимание на некоторые важные направления развития науки:

- общее, включающее в себя труды, анализирующие общие положения теории и практики, касающиеся защиты прав потребителей, в том числе права на информацию о товаре[2;301-311] [3;1-176], [5;116-125];

- отраслевое, наиболее популярными из которых для теоретического анализа права информацию о товаре являются сферы финансового рынка [4;25-36] и торговли [1;1-144], в том числе в эпоху цифровизации.

Исследования в контексте выделенных направлений позволяют сделать вывод о высокой степени актуальности темы защиты прав потребителей как в общем, так и в частности на примерах наиболее актуальных услуг, предполагающих обязательное предоставление большого объема важной информации.

Учитывая многоаспектность выбранной темы, важным этапом исследования выступает анализ практической части обеспечения права потребителей на информацию о товаре.

В первую очередь, необходимо обратиться к законодательным положениям в сфере отечественного законодательства о потребителях.

В системе законов о потребителях определяющим законом является Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей» (в настоящее время действует редакция от 04.08.2023). В указанном нормативно-правовом акте формализовано само право на получение информации, а также списки необходимой для предоставления информации об изготовителе и о товаре (статьи 8-10 Закона). Также устанавливается

ответственность изготовителя за ненадлежащую информацию о товаре и за нарушение потребителей (ст. 12-13).

Кроме вышеуказанных направлений регулирования существуют законодательные акты, устанавливающие требования к маркировке товаров, предоставлению информации о составе и характеристиках товара, а также обязанность производителей и продавцов предоставлять инструкции по использованию и безопасности товара.

Изучая вопросы, связанные с порядком доведения до потребителей информации как составной части права на информацию, можно сделать вывод о подчинении данного вопроса законодательству о техническом регулировании. Из этого проистекает необходимость учета правил, установленных техническими регламентами, при передаче информации.

Ещё одним аспектом обеспечения права на информацию законодательством является установленная ответственность за отсутствие какой-либо информации или нарушение прав потребителей. Доминирующим является направление защиты потребителей в случае непредоставления информации, предоставления неполной/неверной информации и ряде других ситуаций.

Пункт 2 статьи 12 упомянутого Закона о защите прав потребителей устанавливает ответственность владельца агрегатора информации о товарах (услугах) за убытки, причиненные потребителю вследствие предоставления недостоверной или неполной информации, которая была использована потребителем при заключении гражданско-правового договора с исполнителем.

Гражданский Кодекс Российской Федерации содержит несколько статей, нормы которых устанавливают последствия нарушения права потребителей на полную и достоверную информацию

Так, в статье 495 установлена обязанность продавца компенсировать убытки, а также возвратить уплаченную сумму (в некоторых ситуациях).

Согласно пункту 3 упомянутой статьи, убытки возмещаются слабой стороне, если информация не предоставлена своевременно, что повлекло необоснованное уклонение продавца от заключение соответствующего гражданско-правового договора.

Также данный пункт формализует возможность отказа от договора, возмещения уплаченной цены и компенсации убытков при условии заключения договора в отсутствие информации, представленной покупателю незамедлительно перед заключением заключением сделки.

Норма, закрепленная в пункте 4 статьи 495, устанавливает ответственность за недостатки товара (работы, услуги), возникшие после его передачи потребителю из-за отсутствия информации в случае, если Покупателю представлена информации о товаре (работе, услуге), не обладающая характеристиками полноты и достоверности.

В статье 1096 ГК РФ формализовано положение, предполагающее возмещение вреда, причиненного вследствие непредоставления полной или достоверной информации о товаре (работе, услуге), лицами, указанными в 1 и 2 пункте данной статьи (изготовитель товара, продавец, лицо, оказавшее услугу).

Необходимо отметить, что обеспечение права потребителей на информацию о товаре также включает право на выбор. Потребители должны иметь возможность сравнивать различные товары, их характеристики, цены и отзывы других потребителей. Это позволяет потребителям принимать осознанные решения и выбирать товары, которые наиболее соответствуют их потребностям и предпочтениям.

В условиях цифровизации предпринимательской деятельности нельзя не отметить роль информационных технологий.

Современные информационные технологии играют важную роль в обеспечении права потребителей на информацию о товаре. Интернет предоставляет потребителям доступ к различным онлайн-платформам и ресурсам, где они могут получить подробную информацию о товарах, сравнить их характеристики и цены, прочитать отзывы других потребителей. Это дает потребителям больше возможностей принимать осознанные решения и защищать свои интересы.

Поскольку в настоящее время вопросы, связанные с порядком доведения до потребителей информации, регулируются законодательством о техническом регулировании, то они должны разрешаться в соответствии с правилами, установленными техническими регламентами.

Проведенный анализ теоретических источников и действующего законодательства позволяет подтвердить важность обеспечения права потребителей на информацию как аспекта защиты интересов потребителей. Законодательные меры, право на выбор и использование информационных технологий играют ключевую роль в обеспечении этого права. Вместе с тем, несмотря на широкую базу теоретических исследований по теме, в последнее время отсутствуют полноценные постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации, которые могли бы закреплять некие позиции, сложившиеся ввиду изменяющегося законодательства.

Источники и литература

[1] Воронин А.П. Приобретение технически сложных товаров: права потребителей. М.: Редакция «Российской газеты», 2016. Вып. 24. 144 с.

[2] Пьянкова А.Ф. Особенности защиты прав потребителей в эпоху цифровизации экономики / под ред. О.А. Кузнецовой, В.Г. Голубцова, Г.Я. Борисевич, Л.В. Боровых, Ю.В. Васильевой, С.Г. Михайлова, С.Б. Полякова, А.С. Телегина, Т.В. Шершень // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. N 1. С. 301–311.

[3] Тарасенкова А.Н. Информационное право: возрастная маркировка, цифровая безопасность и другие вопросы. Москва: Редакция «Российской газеты», 2019. Вып. 20. 176 с.

[4] Чирков А.В. Пути преодоления информационной диспропорции в правоотношениях с потребителем финансовых услуг в условиях перехода к цифровой экономике // Предпринимательское право. — 2021. — N 3. — С. 25–36.

[5] Шерстобитов А.Е. Защита прав потребителей в современном российском гражданском праве / А.Е. Шерстобитов // Журнал российского права. — 2023. — Т. 27, № 5. — С. 116–125.

Обеспечение права потребителей на информацию о товаре

Обеспечение права потребителей на информацию о товаре

Пешкова А.Е.[1], Колесников В.В.[2]

Санкт-Петербургский государственный университет, Юридический факультет, Санкт-Петербург, Россия

1 — E-mail: peshkovam171214@gmail.com; 2 — E-mail: st102100@student.spbu.ru

В представленных тезисах будут рассмотрены проблемы обеспечения права потребителей на информацию. В условиях современной экономики, обусловленной агрессивной конкурентной борьбой между предпринимателями и развитием электронной коммерции, позволяющей упростить коммуникационные процессы между людьми, в том числе по совершению частноправовых сделок, важно обеспечить потребителю право на получение информации о товаре [9, с. 415].

Обеспечение права потребителей информацией о товаре предусмотрено главным образом Граждански Кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ), в статье 497 [1; IV], Законом о Защите прав потребителей (далее — ЗПП), в статьях 10 [2; I] и 26.1 [2; II], а также большим количеством подзаконных нормативно правовых актов. Кроме того, предоставлением права на информацию занимается и судебная система, решая большое количество практически важных вопросов для защиты прав потребителей.

Содержание обязательного перечня информации о товаре. Долгое время существовало мнение, что указанный в п. 2 ст. 10 ЗПП перечень обязательной информации, является исчерпывающим, однако Верховный суд в своем Определении [4] изменил данную мысль: “обязательный перечень такой информации не является исчерпывающим и не освобождает продавца от предоставления иной информации, если она имеет значение для правильного выбора товара потребителем. Действующее законодательство обязывает продавца предоставить потребителю своевременно такую информацию о товаре, которая обеспечивала бы возможность свободного и правильного выбора товара покупателем, исключающего возникновение у последнего какого-либо сомнения не только относительно потребительских свойств и характеристик товара, правил и условий его эффективного использования, но и относительно юридически значимых фактов о товаре, о которых продавец знал или не мог не знать и о которых он не сообщил покупателю”. После публикации Определения обязательным условием также стало информирование потребителя о наличии прав третьих лиц на товар.

Допустимые способы предоставления информации. Серьезным вопросом на данный момент является содержание способа предоставления информации таким образом, чтобы потребитель смог на ее основе осуществить правильный выбор товара, как это указано в законодательстве. По этому поводу высказался Арбитражный суд Уральского Округа. В рассматриваемом им деле аптека не установила ценники на лекарственные препараты, а вместо этого разместила электронное устройство и прейскурант цен на товары в алфавитном порядке. Суд посчитал такое информирование не обеспечивающим наглядность и доступность сведений, так как для их использования необходимо отходить от витрины, запомнив название препарата. При этом суд указал, что электронное устройство может быть использовано для предоставления информации о товаре, но в качестве дополнительного способы информирования [7].

Обеспечение права потребителя на информацию о товаре при дистанционном способе его продажи посредством рекламы. Помимо Гражданского Кодекса и Закона о защите прав потребителей право на информацию потребителя о товаре ввиду своей значимости наличествует и в иных федеральных законах. Ст. 8 Закона РФ «О рекламе» [3; VIII] устанавливает перечень информации, которая должна быть указана продавцом в рекламе, если продажа товаров осуществляется дистанционным способом. Требования, введенные статьей, обусловлены спецификой дистанционного способа продажи товаров, ведь потребитель лишен возможности ознакомиться с товаром или его образцом непосредственно [8]. Применительно к вышеобозначенным суждениям показательно дело, рассматриваемое Арбитражным судом Волго-Вятского округа. Интернет-ресторан продавало блюда посредством рекламы, при этом обязательные сведения о продавце в рекламе и на интернет-сайте отсутствовали. Судом было установлено, что ознакомление покупателя с товаром происходит посредством фотоснимков в рассматриваемой рекламе, возможность непосредственного ознакомления с блюдами при заключении договора у потребителя отсутствует. Соответственно, «в данном случае спорная реклама ассоциируется у потребителей с определенным товаром, побуждает потребителя к приобретению блюд ресторана дистанционным способом, поэтому такая реклама должна сопровождаться указанием сведений, предусмотренных статьей 8 Законом РФ «О рекламе» [6].

Несмотря на массивное подзаконное регулирование и обширную судебную практику в обеспечении права потребителя информацией о товаре наличествуют некоторые пробелы, обсуждение и решение которых в будущем крайне важно как для защиты потребителей, так и для стабильного гражданского оборота.

Соотношение характеристики товара и его инфографики (медиаконтента). Каждый, кто когда-либо пользовался маркетплейсом, знает, что на странице (карточке) товара имеется: цена, фотография, инфографика, описание, характеристика товара. Инфографика — это фотография товара с разного рода информацией о товаре: габариты, функционал, преимущества, состав. Поле с названием «характеристика товара» представляет собой оформленную в виде таблицу информацию о товаре, а так называемое «описание товара» — это поле, где продавец может указать какую-либо на его взгляд необходимую дополнительную информацию о товаре. В идеале информация в инфографике, описании и характеристике товара должна совпадать, но так бывает не всегда. В связи с вышеизложенным возникает вопрос: на что должен ориентироваться покупатель при покупке товара — на инфографику или на характеристику с описанием? Согласно п. 2 ст. 497 договор купли-продажи товара дистанционным способом заключается на основании ознакомления покупателя с предложенным продавцом описанием товара. В связи с этим предоставление соответствующего действительности описания товара является обязанностью продавца. В случае, когда одни и те же показатели в описании, характеристике и инфографике не совпадают, потребитель оказывается в ситуации, когда он не может определить свойства товара и вынужден заказывать его полагаясь, по сути, на удачу. Цена вопроса — кто будет нести необходимые расходы, понесенные в связи с совершением действий по исполнению договора? Представляется, что для потребителя соблюдением стандарта добросовестности будет ознакомление с фотографией и инфографикой, так как это является наиболее заметной для покупателя информацией, к тоже целью создания оной является демонстрация наиболее важной информации, для формирования желания приобрести товар.

Разграничение акции и технической ошибки. В рассматриваемом Верховным судом деле гражданин заключил с ОАО «Торговый дом ЦУМ» договор купли-продажи

через мобильное приложение. В момент заключения сделки произошел технический сбой, из-за которого сумма заказа, состоящего из 19 товаров, составила 2 787 руб, что в 846 раз ниже фактической совокупной цены товаров на дату восстановления нормальной работоспособности сайта. Верховный суд, рассматривая дело, указал: «фиксация цены происходит в момент заключения договора между покупателем и интернет-магазином, который определяется моментом оформления заказа с присвоением ему номера, который позволяет потребителю получить информацию о заключенном договоре розничной купли-продажи и его условиях. Изменить цену, объявленную в момент оформления заказа, продавец в одностороннем порядке не вправе, а соответственно покупатель имеет право на получение товара по цене, заявленной в интернет-заказе» [5]. Также Верховный суд выразил несогласие с нижестоящими судами о злоупотреблении правом со стороны покупателя. По мнению Коллегии потребитель не способен распознать наличие ошибки в заказе при условии проведения магазином акций на периодической основе. Последний довод представляется несколько сомнительным: разного рода скидки, акции и розыгрыши действительно стали повсеместны и периодичны, однако в данном деле ценник на товары из заказа составлял от 19 до 129 руб, и, по-видимому, аналогичные цены были указаны на весь ассортимент в момент технического сбоя. Обычно, в момент проведения разных акций, когда товары продают по заниженным ценам, на сайте или приложении имеется какое-либо уведомление о подобной акции и ее условиях. Представляется, что именно критерий наличия информации о причине занижения цены может быть взят за основу для разграничения заниженной цены по акции/скидке либо ввиду технической ошибки на сайте.

Источники и литература

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. В силу с 12.09.2023 [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/search/?q=%D0%B3%D0%BA (дата обращения 24.09.2023)

[2] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения 24.09.2023)

[3] Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О рекламе» [Электронный источник] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения 24.09.2023)

[4] Определение судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 25 января 2022 г. № 49-кг21-41-к6.

[5] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.06.2023 N 16-КГ23-6-К4.

[6] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10.11.2014 по делу N А17-1244/2014.

[7] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.02.2021 N Ф09-217/21 по делу N А60-17574/2020.

[8] Бадалов Д.С., Василенкова И.И., Карташов С.Ф, Котов С.Ф., Никитина Т.Е. Постатейный комментарий к Федеральному закону от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» [Электронный источник] URL: https://fas.gov.ru/pages/postateiny_kommentary (дата обращения 24.09.2023).

[9] Ножнин И.Н. Реализация права на информацию как фактический правовой переход в систему потребительских отношений // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. — 2016. — С. 415–424.

Обеспечение права потребителей на информацию о товаре

Проблема заключения притворных сделок на онлайн пространствах

Стаханова Любовь Сергеевна[1], Чобанян Арпине Камоевна[2]

Студент (специалист)

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

1 — E-mail: spd-211_463556@volsu.ru; 2 — E-mail: arpine.chobanyan@list.ru

С каждым годом социальные сети становятся всё более и более популярными, в связи с чем на онлайн площадках зарегистрировано более 50% процентов населения. Любое «скопление» людей приводит к тому, что они начинают вступать в правоотношения. Однако, если в обычной жизни и при обычных обстоятельствах определить правовую природу таких взаимоотношений не составляет трудности, то что касаемо онлайн пространства, таково утверждать мы не можем. Активная тенденцию развития последние года прослеживается среди блогеров-миллионников, которые придумывают собственные обучающие курсы, затем продают их. В связи с чем возникает большое количество дискуссий и правовых пробелов в законодательстве.

Особенно получил распространение следующий вид деликта гражданско-правовых норм — это подмена одного вида договора на другой, если быть точнее, договор об образовательных услугах и договора об оказании консультационных услуг. В данном случае возникает ситуация, когда заказчик, изучив, предоставленную ему услугу, удостоверился в том, что предмет договора не соответствует тому, как позиционирует его исполнитель в договоре. Тогда потребитель стремится вернуть деньги. Но исполнитель, ссылаясь на то, что заказчик согласился с условиями договора, подписал его и оплатил, а исполнитель добросовестно предоставил услугу в соответствии с договором, наделяет исполнителя правом не возвращать сумму заказчику. Чтобы разрешить данный спор, необходимо дать сравнительную характеристику двум видам договоров.

Итак, понятие «договор» формируется из понятия «сделка». Последняя — есть действия граждан в соответствии с гражданским законом направленные на изменение, установление или прекращение обязанностей, а также прав. Иными словами, это юридические факты, связанные с возникновение прав и обязанностей. А договор является возмездной сделкой [1].

Возвращаясь к сути вопроса о различии видов рассматриваемых договоров, в первую очередь, необходимо сравнить их содержание. Так, договор оказания образовательных услуг — возмездное двустороннее соглашение сторон, где субъекты, а именно исполнитель предоставляет заказчику образовательные услуги [3]. Договор на оказание консультационных услуг также является возмездным двусторонним соглашением, но исполнитель обязан предоставить заказчику не образовательные услуги, а консультационные.

Следует обратиться к их предмету, ведь он будет отличительной и специфической чертой. Например, по договору о предоставлении образовательных услуг, предметом являются именно они. Учитывая, что термин «образовательная услуга» исключен из

закона об образовании, фундаментальным актом будет выступать Распоряжение Правительства РФ № 1797-р где регламентируется данное определение как услуги, которые представляют процесс, предполагающий направленность его цели на организацию и структурирование деятельности обучающихся по владению не только умениями, но и знаниями, компетенцией, навыками, развитию данных навыков, а также приобретения опыта их применения. Образовательные услуги содержат в себе такой аспект как «образовательные программы» — это процессы, которые выявляют содержание образования. Закон об образовании регламентирует данное понятие в ст. 12. Отдельно выделим такой вид как дополнительное образование по программам, в том числе посредством освоения отдельных предметов, модулей, курсов, практики и др. Ведь чаще всего именно данную категорию подменяют на предмет договора об оказании консультационных услуг. В предмет же последнего принято включать консультационные услуги. Законодательство РФ регламентирует термин данной категории в Приложении № 18 к Договору о ЕАЭС и раскрывает его как услуги по предоставлению рекомендаций, разъяснений и иных форм консультаций, вдобавок, включающих оценку проблем, определение, оценку возможностей лица по определенным вопросам, например, организации, планирования и др.

Таким образом, выделяются права и обязанности сторон в имеющихся правоотношениях. По договору о предоставлении образовательных услуг заказчик вправе исполнения обязательств исполнителя, также имеет право на оказание услуг в соответствии с регламентом договора, например, на предоставление услуги вовремя, как предусмотрено договором. А исполнитель управомочен от заказчика требовать оплаты и надлежащего исполнения договора. Обязанности заказчика же сводятся к необходимой оплате услуги, не передавать материалы третьим лицам, также иные в соответствии с договором. А исполнитель обязан оказывать услуги, предоставить ресурсы и исполнять иные обязательства по договору. Если рассматривать договор оказания консультационных услуг, то в соответствии с данным, оправа и обязанности сторон шире, чем в ранее рассматриваемом договоре. А именно все перечисленные права и обязанности остаются, но услуги уже будут являться консультационными, а не образовательными. Для исполнителя добавляется право требования предоставления необходимой документации, связанной с его трудовой деятельность и обязанности по производству услуг, входящих в перечень предоставляемых услуг по требованию заказчика; действовать в интересах заказчика; отчитываться по работе перед заказчиком; предоставить отчет. Если рассматривать права заказчика, то прибавляются право оказывать содействие исполнителю; контролировать действия исполнителя. А к обязанностям добавиться необходимость предоставить документацию для исполнителя, чтобы последний осуществил деятельность, предусмотренную договором.

В соответствии со ст. 8 Закона «О защите прав потребителей» услугополучателю гарантируется право на достоверную информацию о услуге. Исходя из вышеизложенного, можно четко выявить различия между рассматриваемыми видами договоров и избежать факта подмены понятий. Изучив необходимую научную литературу и законодательные нормы, предлагаем для решения имеющегося правонарушения внести следующие изменения в ст. 783 ГК РФ [2]:

1. Внести ст. 783 прим. 2: Правовое разграничение договора об образовательных услугах и договора об оказании консультационных услуг;

2. Ввести п. 1 ст. 783 прим. 2: Разграничение проводится на основании предмета договора;

3. Внести подп. а п. 1 ст. 783 прим. 2: По договору о предоставлении образовательных услуг предметом являются образовательные услуги. Они, представляют программы, предполагающие целенаправленность на организацию и структурирование деятельности обучающихся по владению не только умениями, но и знаниями, компетенцией, навыками, развитию данных навыков, а также приобретения опыта их применения. Под образовательными программами следует понимать процессы, которые выявляют содержание образования, в том числе образовательные программы осуществляются посредством освоения отдельных предметов, модулей, курсов, практики и иное, предусмотренное федеральным законом;

4. Внести подп. б п. 1 ст. 783: По договору об оказании консультативных услуг предметом являются консультационные услуги. А именно, услуги по предоставлению рекомендаций, разъяснений и иных форм консультаций, вдобавок, включающих оценку проблем, определение, оценку возможностей лица по определенным вопросам организации, планирования и др. предусмотренного законодательством;

5. Внести п. 2 ст. 783 прим. 2: Подмена договора об образовательных услугах и договора об оказании консультационных услуг запрещается.

Источники и литература

[1] Анисимов А.П. Гражданское право России (комплект из 2 книг) / А.П. Анисимов, А.Я. Рыженков, С.А. Чаркин. — М.: Юрайт, 2023. — 268 с.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2022) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс»

[3] Гражданское право. Учебник. В 3 томах. Том 2. — М.: Проспект, 2023. — 115 с.

Круглый стол по теме «Проблемы законодательства в сфере медицины»

Проблемы законодательства в сфере медицины

К вопросу о правовом режиме органов и тканей человека и правовой составляющей их трансплантации

Белов Даниил Константинович

Студент (специалист)

Военный университет Министерства обороны РФ, Москва, Россия

E-mail: belov.daniil2002@mail.ru

Несмотря на всестороннее изучение права и анализ правоприменительной практикой, как самими учеными, так и правоприменителями, в российской правовой науке, как и в самом законодательстве, до сих пор остается ряд проблемных вопросов, представляющих комплексный, теоретико-практический интерес для исследований. Подобные, зачастую спорные, темы касаются, как правило, взаимосвязи разных отраслей права, затрагивая широкий спектр правоотношений.

Законодателем напрямую не установлен правовой режим органов и тканей, а реализуемое правоприменителями доктринальное представление о нем влечет возможность разночтения законодательства и создания повышенной криминогенной обстановки в сфере трансплантации органов и тканей человека.

Помимо этого, представляется спорным вопрос о наказуемости сделок в отношении органов и тканей умершего человека его родственникам, а также о гражданско-правовом статусе крови, уголовной противоправности и наказуемости деяний, связанных с принуждением к ее изъятию и оборотом.

В настоящее время рассматриваемые в данном исследовании вопросы становятся все более актуальны. Исходя из данных статистики в России ежегодно проводится значительное количество операций, связанных с трансплантацией органов и тканей человека [1, с. 28]. При этом, в условиях проведения Специальной военной операции можно прогнозировать повышение востребованности не только самого проведения подобных операций, в виду поступления в госпитали военнослужащих, получивших ранения, но и непосредственно доноров, согласных на изъятие у них органов, тканей и крови для последующей трансплантации либо переливания.

При этом, несовершенство законодательства в рассматриваемой сфере приводит к ряду спорных вопросов, что выражается, в том числе, и в отсутствии единства среди ученых-теоретиков и практиков юриспруденции в решении возникающих проблем.

В статье 128 ГК РФ перечисляются объекты гражданских прав. Органы и ткани человека напрямую не указаны в данном перечне и рассмотрение их правового статуса возможно либо через понятие имущества и отнесение данных объектов к категории «иного имущества» в соответствии с рассматриваемой статьей, либо через отнесение их к нематериальным благам, о чем свидетельствует ряд исследований в данной области.

В то же время мы также можем говорить о данных объектах как о нематериальных благах, относя их к жизни и здоровью личности в соответствии со статьей 150 ГК РФ. В данном случае законом признается их не отчуждаемость и непередаваемость. В то же время, говоря о трансплантологии, мы видим, что при определенных законодательством условиях органы и ткани человека все же могут передаваться, отчуждаться в

интересах другого человека, что идет в разрез с установленным законом правилом. И все же ряд исследователей, таких как Л.О. Красавчикова, считает данные объекты нематериальными благами, неразрывно связанными с человеком от рождения и имеющими возможность отчуждения в исключительных случаях медицинского вмешательства [2, с. 104].

По наиболее популярному мнению, которое находит свое отражение в практической составляющей данного вопроса, органы и ткани человека все же являются особыми объектами гражданского права вещного характера [3, с. 9]. При этом исследователи относят их, как правило, к вещам, ограниченным в гражданском обороте.

На данный момент в законодательстве не содержится прямого указания на запрет совершения большинства сделок, в том числе и безвозмездных, предметом которых могут являться органы и ткани человека. В данном случае это регулируется возможностью применения гражданского законодательства по аналогии, либо же в соответствии с обычаем согласно ст. 6 ГК РФ.

Исходя из анализируемых ранее положений в рамках данного исследования, следует сделать выводы о том, что органы и ткани человека все же являются вещами, ограниченными в гражданском обороте.

Более того в Законе РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» говорится о том, что «Купля-продажа органов и (или) тканей человека влечет уголовную ответственность» [4, с. 16]. Данная норма права является бланкетной и отсылает нас к уголовному законодательству. По своей сути она подразумевает преступность как отдельно взятой сделки купли-продажи данных объектов, так и организацию такой торговли в широких масштабах.

Однако Уголовный кодекс не содержит статьи, предусматривающей ответственность за оборот органов и тканей человека, совершение с ними сделок, незаконное их хранение или пересылку. Данные случаи в настоящее время представляется возможным квалифицироваться лишь по вышеуказанным статьям.

Можно говорить о необходимости придания органам и тканям человека конкретного правового режима в рамках гражданского законодательства и придания им определенного статуса в гражданском законодательстве. Проанализировав мнения различных ученых и практическую составляющую данного вопроса рационально говорить об органах, тканях и крови человека, как об объектах, неразрывно связанных с честью, достоинством и здоровьем личности, строго ограниченных в гражданском обороте, изъятие которых допускается в исключительных случаях в определенном законодательством порядке.

Помимо этого, в целях комплексного решения указанной проблемы предлагается внесение в УК РФ статьи, предусматривающей ответственность за заключение сделок в отношении органов и тканей человека, незаконное их приобретение, сбыт и трансплантацию.

Источники и литература

[1] Трансплантология: итоги и перспективы. Том XII. 2020 год / Т65 Под ред. С.В. Готье. — М. — Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2021. — 28 с.

[2] Красавчикова Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве российской федерации. — 1994.

[3] Головизнин А.В. Оборотоспособность объектов гражданских прав // право и экономика. 2018. № 4.

[4] Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (в ред. от 16.10.2006 г.) // Ведомости РФ. — 1993. — № 2.

Проблемы законодательства в сфере медицины

Особенности возникновения уголовно-правовых рисков при оказании медицинской помощи

Гаджимурадова Гюльназ Хаирбековна

Студент (специалист)

Российская правовая академия МЮ РФ, Северо-Кавказский филиал, Юридический факультет, Кафедра уголовно-правовых дисциплин, Махачкала, Россия

E-mail: kata.ivanova61@gmail.com

Оказание медицинской помощи во все времена признавалось благородным делом, а врач (медицинский работник) всегда относился к наиболее уважаемым категориям граждан. Авторитет медика напрямую связан с оказываемым ему доверием, поскольку от его компетенции непосредственно зависит здоровье и жизнь людей. Это доверие основано на сочетании профессиональных и моральных качеств медицинского работника.

К сожалению, на практике встречаются случаи причинения вреда здоровью и даже жизни больных по вине врачей, вследствие как недостаточной квалификации, халатности, так и сознательного нарушения установленных норм при оказании медицинской помощи. Для предупреждения таких явлений требуется правовая оценка и основанное на нем реагирование. В силу общественной опасности подобных деяний, и то, и другое осуществляется в рамках уголовно-правового механизма.

Как известно, жизнедеятельность общества регулируется двухуровневым механизмом. Первый уровень — позитивное правовое регулирование. В идеале все аспекты жизни общества упорядочены правом и при условии соблюдения всеми соответствующих норм (правил поведения) не требуется принудительного вмешательства со стороны государства. Однако на практике это не всегда происходит. Возникают споры, конфликты, правонарушения. И тогда появляется потребность во вспомогательном (репрессивном) механизме регулирования общественных отношений, который силой принуждения и авторитета государства восстанавливает работу правового механизма, устраняя препятствия, неясности и противоречия.

Вместе с тем, представляет определенный интерес рассмотрение указанных преступлений с точки зрения самих медицинских работников. Практический смысл этого состоит в уяснении ими формальных и материальных признаков таких деяний, границ правомерной и противоправной деятельности в целях недопущения возникновения оснований привлечения к уголовной ответственности со всеми вытекающими негативными последствиями.

Под риском медицинского вмешательства следует понимать возможность наступления неблагоприятных последствий для жизни или здоровья пациента, а также вероятность того, что цели проведения медицинского вмешательства не будут достигнуты [1, с. 5].

Следует согласиться с утверждением Н.И. Пикурова, что риск медицинского вмешательства может рассматриваться в двух значениях: в первом случае, как риск неблагоприятного исхода такого вмешательства для пациента, а во втором случае, как риск

правовых последствий для медицинского работника в случае виновного и даже невиновного причинения (не предотвращения) вреда здоровью пациента или наступления смерти. Главной особенностью такого риска является — сочетание в себе целого ряда возможностей наступления неблагоприятных последствий в виде ухудшения состояния здоровья или смерти: 1) вследствие появления и (или) развития заболевания, возникшего независимо от медицинского вмешательства; 2) в результате медицинского вмешательства. Каждый из перечисленных факторов имеет самостоятельное юридическое значение. В первом случае юридическая ответственность медицинского работника наступает за бездействие, во всех остальных вариантах как за действие, так и за бездействие, а также за смешанное бездействие.

Говоря об уголовно-правовых рисках медицинских работников, мы не рассматриваем всю совокупность преступлений в сфере здравоохранения. Очевидно, что такие деяния как принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ), неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ), оставление в опасности (ст. 125 УК РФ) и т.п. являются умышленными актами преступного поведения и свидетельствуют о негативном отношением виновного к закону и охраняемым социальным ценностям.

Особо следует сказать о так называемых преступлениях с двойной формой вины (ст. 27 УК РФ), когда совершаемым действиям (бездействию) виновный относится умышленно, а к наступившим последствиям — по неосторожности. Прежде всего, речь идет о тех случаях, когда врач или иной работник сферы здравоохранения умышленно нарушает обязательные для него предписания, при этом относится к наступлению последствий либо легкомысленно, либо небрежно (не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия).

Таким образом, хочется подчеркнуть, что важной задачей при оказании медицинской помощи является исключение или, по крайней мере, максимальное сокращение уголовно-правовых рисков. Ее возможно решить только при сочетании в медицинской деятельности трех компонентов: а) соблюдение норм и порядков, регламентирующих оказание медицинских услуг; б) постоянное повышение квалификации; в) принятие взвешенных и обдуманных решений.

Источники и литература

[1] Белянинова Ю.В. и др. Комментарий к ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» // СПС «Консультант Плюс».

[2] Голубовский В.Ю., Кунц Е.В. Врачебные преступления: проблемы привлечения к уголовной ответственности и их расследование // Российский следователь. 2018. № 11. С. 37.

[3] Пикуров Н. Риски медицинского вмешательства: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. 2018. № 3. С. 86–92.

Проблемы законодательства в сфере медицины

Современные проблемы правового регулирования защиты конфиденциальности геномной информации на отечественном и международном уровне: анализ и решение

Дементеева Екатерина Сергеевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: dementeevaekaterina@yandex.ru

В эпоху научно-технической революции, всемирной глобализации, развития современной высокоточной медицины и медицинского сообщества ученых значимость генетических исследований живых существ возрастает. Большинство развитых государств ставят себе задачу «оздоровления» общества, поиска способов борьбы с хромосомными аномалиями, онкологическими заболеваниями, ВИЧ-инфекцией, аутоиммунными заболеваниями и т.д. посредством генной инженерии. Также сейчас в генетике развивается довольно неоднозначная технология CRISPR/Cas9 (комплекс из белка и рибонуклеиновой кислоты), так называемые «молекулярные ножницы», которые позволяют удалить дефектный ген человека и заменить его.

Все это приводит к возникновению сложного, слабо урегулированного института защиты генной информации. Генетическая информация является крайне важным информационным ресурсом, который может быть использован для развития медицины и науки в целом. Однако, недобросовестное использование этой информации может представлять угрозу для конфиденциальности геномных данных живых существ, преимущественно конечно, этот вопрос является наиболее острым для человека.

В этой статье проанализирован ряд основных проблем, связанных с использованием генетической информации. Например, проблема формирования целостного представления о правовой природе геномной информации и определения способов совершенствования международного и национального законодательства, связанного с данным институтом; соотношение понятий «геномная информация» и «генетическая информация» (в данной научной работе эти два понятия будут использоваться как тождественные, однако их различие также будет описано в тексте статьи) и др.

Отечественный законодатель дает определение понятия «генетической информации» в Федеральном законе «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» от 03.12.2008 N 242-ФЗ: «биометрические персональные данные, включающие кодированную информацию об определенных фрагментах дезоксирибонуклеиновой кислоты физического лица или неопознанного трупа» [1]. В международном праве согласно ст. 2 Международной декларации ООН о генетических данных человека от 16 октября 2003 г., «генетические данные человека» определяются как «информация о наследуемых характеристиках отдельных лиц, полученная путем анализа нуклеиновых кислот или путем иного научного анализа». Однако уже на этапе определения понятия «генетической информации» возникает сложный вопрос: достаточно ли полное определение дано российским законодателем по сравнению с международными принципами

и документами, например, с определением в ст. 2 Международной декларации ООН о генетических данных человека от 16 октября 2003 г. [2]? Таким образом, данной дефиниции недостаточно для четкого правового регулирования генетической информации. Например, в определении «геномной информации» отсутствует информация о наследуемых характеристиках, хотя число генов, заключенных в наследственном материале, велико и т.д. В статье приведены и другие определения понятия «геномной информации», а также затронуты различные проблемные теоретические вопросы, связанные с генетической информацией и геномом человека в целом.

Затронув проблемы теории, в работе будет рассмотрено международно-правовое регулирование защиты конфиденциальности геномной информации. В данном аспекте главная проблема заключается в том, что большинство международных актов, договоров и т.д. носят не обязательный, а лишь рекомендательный характер. Это приводит к тому, что в мировом научном сообществе нет четких границ «дозволенного», то есть пределы добросовестного и законного использования генной информации могут быть изменены каждым субъектом международного права. В настоящий момент существуют специализированные международные нормативно-правовые акты, которые устанавливают определённые международные стандарты защиты непосредственно генетической информации, — это Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека 1997 года, Конвенция Овьедо и Международная декларация о генетических данных человека 2003 года. Эти документы «закрепляют право на защиту конфиденциальности генетических данных, право человека не быть дискриминируемым на основе генетических данных. Из права возникает и корреспондирующая обязанность государства препятствовать возникновению дискриминационных условии, обеспечивать конфиденциальность информации» [4]. Однако, как уже говорилось выше, эти нормативно-правовые акты имеют рекомендательный характер. В научной статье также будут указаны и универсальные базовые документы о правах человека, которые устанавливают гарантии, непосредственно обеспечивающие защиту генетической информации. Например, Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948.

В статье также будет рассмотрена региональная законодательная и судебная практика, например, Европейского Союза. На основе которой будет проведен анализ соответствия отечественного геномного законодательства международным стандартам и принципам и проблем, связанных с ответственность за правонарушения в сфере геномных исследований, защиты генетической информации и т.д.

В Российской Федерации правовое регулирование геномной информации за последнее десятилетие стремительно развивается. В 2023 году в действующие законы о персональных данных и о государственной регистрации были внесены поправки, некоторые из которых научное сообщество признает дискуссионными. Также Президент РФ В.В. Путин подписал федеральный закон о внесении изменений в закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», согласно которым собирать геномную информацию будут у всех осужденных и подозреваемых. Это изменение является дискуссионным, так как ,с одной стороны, это может повысить раскрываемость нетяжких преступлений, однако, с другой стороны, это может нарушить грань между произволом и соблюдением прав и свобод человека, поэтому «для разных категорий лиц срок хранения генетической информации должен быть дифференцирован» [3]. Внимание также уделяется и созданию единой генетической базы данных — 29 мая 2023 г. был представлен проект государственной информационной системы в области генетических данных Национальная база генетической информации (ГИС НБГИ), который обеспечит предоставление инфраструктуры для работы с единым набором генетической

информации научным, образовательным, медицинским, сельскохозяйственным организациям. Это «нововведение» также будет рассмотрено в научной статье под углом создания абсолютно нового источника информации.

Проведенное исследование показало, что важно выработать целостную систему правовых гарантий, обеспечивающих право человека на частную жизнь, честь и достоинство личности в аспекте его генетических данных. Необходимо установить нормы не только декларативного характера, но и обязательного для государств, активно занимающихся генетическими исследованиями. Важно, чтобы международные стандарты детализировались в национальном законодательстве. Таким образом, разработка и внедрение единых стандартов защиты данных, повышение качества обучения медицинского и научного персонала, модернизирование механизмов контроля и санкций для недобросовестного использования геномной информации могут стать способами совершенствования настоящей научной ситуации в сфере геномных исследований и генетической информации.

Источники и литература

[1] Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» от 03.12.2008 N 242-ФЗ, пп. 3 ст. 1.
[2] Международная Декларация ООН о генетических данных человека от 16 октября 2003 г., ст. 2.
[3] Винникова Р.В. Международное право и российское законодательство о праве лица на защиту собственных генетических данных // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 2 (37). С. 173–181.
[4] Газина Н.И. Международный и национальные правовые подходы к защите генетической информации // Международное право. — 2022. — No 4.
[5] Дубов А.Б., Дьяков В.Г. Безопасность геномной информации: правовые аспекты международного и национального регулирования // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. No 4 (56). С. 127–137.
[6] Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Организационно-правовые проблемы реализации программы развития генетических технологий // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 4. С. 901–916.
[7] Малеина М.Н. Понятие и классификации геномной (генетической) информации // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — No 7. — С. 50–58.
[8] Рыжова А.А. Правовая защита геномных данных граждан России / А.А. Рыжова // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2020. — Т. 8, No 3. — С. 54–63.
[9] Тужилова-Орданская Е.М., Ахтямова Е.В. Проблемы гражданско-правового регулирования в сфере защиты прав гражданина в Российской Федерации при использовании генетической информации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 52. С. 263–284.

Проблемы законодательства в сфере медицины

Этические проблемы трансплантации органов и тканей: отечественный и зарубежный опыт

Исаева Марьям Магомедрасуловна

Студент (специалист)

Российская правовая академия МЮ РФ, Северо-Кавказский филиал, Юридический факультет, Кафедра теории государства и права, Махачкала, Россия

E-mail: esmaryam01@mail.ru

Продажа органов и тканей человека — запрещенная законом практика квинтэссенция которой заключается в товарообороте человеческих органов и тканей. Данный вопрос является значительным уже на протяжении нескольких десятилетий.

Во всем мире в органах ежедневно нуждается большое количество людей, и время для них является важным фактором, ведь их жизнь этих людей находится на грани. Чтобы решить данную проблему в кратчайший срок, необходима определенная схема действий, но при этом должны учитываться права и интересы других участников и данное поведение должно быть в рамках закона и являться добровольной.

Глобально, более 100 000 органов ежегодно используется для трансплантации. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, по крайней мере десятую долю из них поставляет черный рынок — рынок с незаконным бизнеса. Для трансплантации легально доступных органов всегда меньше чем сама необходимость в них. И это является довольно серьезной проблемой. Например , если рассматривать статистику с начала 2023 года за короткий промежуток времени , а именно с января по февраль в нашей стране было выполнено 157 трансплантаций почек, при этом 145 от посмертного донора и 12 от родственного донора. Ежегодно в России, во всей совокупности выполняется около 2 тысяч трансплантаций. В США этот показатель на много выше, так например, на 2022 год трансплантации только почки там ожидали около 800 тысяч человек. Не дождавшись пересадки. Из года в год умирает огромное количество людей. Срок ожидания пересадки составляет три с половиной года, а иногда и больше [3].

Некоторые страны придерживаются пути полной или частичной легализации торговли органами. Продажа органов запрещена во всех странах, но и тут не обходится без исключений.

Иран. В данном регионе такого рода бизнес является легальным, и развит этот бизнес именно в товарообороте почек. Спрашивается, с чего бы именно почки? Заболеванием почек в наши дни во всем мире мучается каждый десятый человек. Для того чтобы спасти человека, дать ему «шанс выжить» требуется иная новая почка. Но затруднение в том, что если болеющий, которому нужна новая почка, живет в другой стране, ему будет проблематично приобрести орган и найти выход, поскольку только в Иране продажа органов легально, и в свою очередь законодательство Ирана запрещает продавать органы иностранцам. Однако, иностранцы тоже хитры, они умудряются приобретать такой товар у местных жителей через посредников [2].

Для решения вопросов связанных с товарооборотом органов и тканей, многие страны разрешили пожертвование, то есть донорство. У каждой страны есть свои законы и тонкости для решения этих вопросов: законодательство США предусматривает разрешение на пожертвование человеком почки на добровольной основе, а также родственники могут дать согласие на трансплантацию органов умершего.

Китай же в решении этой проблемы чуть суровее. По закону в Китае разрешено извлечение органов у лиц приговоренных к смертной казни. Следовательно, таким путем решаются вопросы нехватки органов для трансплантации в данной стране. В странах Европы легально считать, что каждый гражданин страны является потенциальным донором. Во всей Европе по уровню развития трансплантологии Испания вышла на первое место. Именно в Испании большинство жителей дают согласие на изъятие органов у умершего родственника.

Торговля человеческими органами и тканями на территории Российской Федерации запрещена и влечет за собой уголовную ответственность. Однако стоит отметить то, что законы не устанавливают табу за приобретение органов человека. Подобную сделку упоминает только п. «ж» ст. 127.1 Уголовного кодекса РФ (торговля людьми в целях получения органов или тканей человека). Срок наказания при этом равен 10 годам лишения свободы [1].

На наш взгляд, интерес представляет и проблема развития донорства крови. Поскольку кровь также является тканью человека, и следовательно и на ее продажу должен касаться уголовный закон. В действительности, картина выглядит намного просто: донор сдает кровь в донорских пунктах добровольно и получает выплату. Двойственность ситуации заключается в том, что существует запрет на покупку и продажу органов и тканей, но некоторые ткани человека можно обменять на деньги, и при этом нет ответственности за нарушение запрета. Действительно, на самом деле абзац 4 статьи 1 Закона «О трансплантации» говоря об уголовной ответственности, отсылает в никуда, к несуществующей норме.

В качестве живого донора по российскому законодательству, может выступать только родственник и только при условии добровольного согласия на проведение операции.

Сегодня, самым струимым видом донорства является изъятие органов у трупа. Данный вид донорства связан с рядом духовных и правовых проблем. К важнейшим из проблем относятся: в первую очередь, установление смерти человека, у которого изымаются органы. Во-вторых, проблема выражения добровольного согласия на изымание собственных органов после смерти. В-третьих, проблема допустимости утилизации человеческого тела как материи для получения органов и тканей для трансплантации, что идет против религии.

Запрет усиливает кризис донорских органов, а это в свою очередь приводит к развитию черного рынка, функционирующего во всем мире. Здесь приобрести можно все, все что есть у человека: легкие, почки, кости, сердце, кожу и т.д. никто не может точно установить откуда здесь берутся эти продукты и цены здесь конфиденциальны.

Продажа почек в Иране производится строго под государственным контролем, но цена крайне низкая и варьируется в пределах 6–7 тысяч долларов, когда на черном рынке она достигает до 100 тысяч долларов.

Стоит учитывать. Что люди не будут отказываться от своих органов просто так. Во многих странах продажа осуществляется путем обмана, а обманутыми являются именно низшие слои общества. Жители Афганистана, Пакистана, Индии, Ирака чаще всего прибегают к получению прибыли незаконным способом, лишив себя «части себя»

так, как путь данного оборота в частности является от бедных к богатым. К такому методу получения прибыли люди прибегают из-за сложного материального положения.

Возникает при этом вопрос. Почему же законодательство Ирана позволяет такого рода торговлю и чем же это обусловлено? Ответ, довольно прост. Законодатель Ирана считает, что пусть житель заработает таким путем и закроет свои долги, нежели чем он преступным путем будет зарабатывать себе на жизнь. Ведь плюс такого заработка, по их мнению, велик, человек получает деньги и спасает при этом другого человека.

Ряд стран считают, что торговля органами приведет к угнетению человека и это бесчеловечно, точно так же как факт того что человека можно разделить на органы.

Часто, если донором выступает тот или иной индивид, то полностью придерживаться определенных принципов, а именно, «не навреди» очень и очень сложно. Представители медицинских работников стоят на перепутье, обдумывая, как бы не сделать хуже и в то же время помочь человеку. В большинстве своем они уберегают человека от смерти тем, что пересаживают тот или иной орган, но тут есть обратная сторона медали. Человек, являющийся донором претерпевает существенный ущерб для своего здоровья. Так что тут учитывается, насколько выгодна данная операция. Стоит ли она тех последствий и возможной финансовой прибыли. И естественно, деньги должны покрывать ведь причиненный вред. Но есть и те, кто смотрит на этические и религиозные нормы, которые запрещают подобного рода деятельность. Ислам и иудаизм выступают за целостный и здоровый организм.

Может ли мир ожидать легализацию на торговлю и другими органами в будущем?

Скорее всего, да. Ведь на сегодняшний кощунственная практика эвтаназии нашла свое место в странах Европы, и теперь ее не приравнивают к убийству, теперь это дозволено законом.

И все происходящие в мире процессы позволяют утверждать, что сегодня не допустимая практика торговли органами в скором времени станет допустимой. К сожалению остановить развитие данной практики тоже весьма невозможно, так как спрос на органы не исчезает , а наоборот набирает обороты.

Таким образом, современная практика показывает то, что было недавно непозволительно, изо дня в день становится возможным. И уже есть основания утверждать, что в скором времени такого рода торговля станет юридически обоснованной.

Источники и литература

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.10.2022) // СЗ РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 86.

[2] Почки на продажу: бедные иранцы готовы продавать свои органы / [Электронный ресурс] Режим доступа: http://qps.ru/jZOce

[3] Степанова Е.Н. Трансплантация органов человека: мировой опыт и Россия (гражданско-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 228 с.

Проблемы законодательства в сфере медицины

Правовые проблемы проведения геномных и генетических исследований

Коган Наталья Евгеньевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра конституционного и муниципального права, Москва, Россия

E-mail: natalyakogan06@mail.ru

За последние 60 лет человечество сделало огромный шаг в изучении самих себя. Достижения в молекулярной биологии позволили человеку вплотную подойти к созданию картографии генома человека и распознаванию дефектных генов, что позволяет лечить наследственные заболевания и заниматься их профилактикой. Однако развитие генетической медицины и генной инженерии уже в недалеком будущем обещает практическую возможность различных манипуляций с человеком, начиная от лечения генетических болезней и кончая активной евгеникой, что способно как изменить род человеческий в лучшую сторону, так и привести к его вырождению [1]. Поэтому данная сфера требует большого внимания и тщательного регулирования.

Чтобы разобраться с юридическими проблемами данной сферы, необходимо проанализировать существующее законодательство. На международном уровне многие акты затрагивают (прямо или косвенно) данную сферу. Наиболее важным международным источником, регулирующим данную сферу, является Конвенция о правах человека и биомедицине 1997 года, которая закрепила ряд гарантий для пациентов: риск не должен быть выше предполагаемой выгоды, проект предлагаемого исследования должен получить экспертную оценку на обоснованность и быть утвержден компетентным органом и т.д. [2, с. 16], а также утвердила положение о том, что редактирование генома человека может проводиться только в профилактических, диагностических или терапевтических целях, если при этом оно не ведет к модификации генома его потомков [2, 13]. Данная Конвенция не была ратифицирована многими государствами, включая Российскую Федерацию. Скорее всего, причина этого в том, что некоторые положения данного документа считаются слишком ограничительными.

А.А. Троицкая в своей статье приводит впечатляющую статистику правового регулирования генетических исследований на основании 39 стран: девять стран (в том числе и РФ) имеют неопределенную ситуацию (даже при наличии некоторых актов в области биоэтики и генной инженерии фундаментальные исследования и клиническая практика по наследуемому редактированию не подпадают под них); четыре государства запрещают такое редактирование на уровне стандартов; 25 государств запрещают указанный вид редактирования законом; одно государство обозначено как имеющее ограничительный подход [3].

В российских нормативных правовых актах, а также в судебной практике не закреплены права человека в области геномных исследований, отсутствуют необходимые правовые гарантии в данной сфере (указанная выше Конвенция не ратифицирована в

РФ), а геном человека не является объектом гражданских прав, отсутствуют специальные нормы об уголовной ответственности за преступные деяния в области геномных исследований.

Из сделанного вывода можно увидеть следующую проблему: в чем заключается сложность должного правового регулирования данной сферы? Разные ученые выделяют различные юридические проблемы при проведении генетических и геномных исследований. На мой взгляд, одна из ключевых проблем в данной области — получение информированного согласия, что предусмотрено статьей 17 Конвенции [2, с. 17].

Основная цель получения такого согласия — предупредить обо всех потенциальных рисках и выгодах от участия в любых исследованиях, в которых они предоставляют свой биологический материал. Участники должны быть осведомлены обо всех процессах проводимого исследования и о возможных вариантах других исследований, в которых будет раскрыта личная информация.

Однако с появлением так называемой геномики больших данных (Big Data Genomics) использование генетических данных становится все более распространенным явлением, появляются новые участники отношений по использованию генетических данных. Риски генетических манипуляций, новая социальная дискриминация на основе генетического детерминизма, вера в биологические данные как в абсолютную истину делают актуальной проблему правовой защиты генетических данных с учетом интересов большого количества субъектов. Также очень сложно говорить о конфиденциальности данных участников таких исследований, ведь есть возможность проследить по ДНК конкретного участника [4].

Для понимания необходимости получения такого согласия, можно рассмотреть казус, случившийся в 2018 году в Китае. Ученый Хэ Цзянькуй взял яйцеклетки и сперматозоиды, чтобы провести обычное оплодотворение в пробирке. Однако он не предупредил своих пациентов, что планирует с помощью генетических ножниц CRISPR-Cas9 отредактировать один конкретный ген. В конце 2018 года китайский Хэ Цзянькуй объявил о рождении детей — Нана и Лулу, гены которых были модифицированы. Однако ученый не имел лицензии, в нарушение существующих правил не запросил разрешения на эксперимент и, соответственно, не получил согласования с комитетом по этике [1]. Также он не предупредил будущих родителей о своих планах и о возможных рисках: у одной из девочек изменились не все клетки и неизвестно, защитит ли это ее от ВИЧ, что было главной целью эксперимента, и даст ли какие-либо иные эффекты, также есть опасения, что CRISPR-ножницы одновременно сработали также в других местах и внесли в организмы девочек и другие изменения (судьба этих модифицированных детей сейчас неизвестна) [5].

Этот случай является вопиющим с юридической точки зрения. Информированное согласие не только не было получено, но и была дана заведомо ложная информация о том, что будет сделано в результате эксперимента. В соответствии с законом, пациенты должны быть предупреждены обо всех возможных рисках [6, с. 19]. Но не все риски могут быть предусмотрены. А в случае, когда ущерб наносится непосредственно плодам (как в случае с Наной и Лулу), а не лицам, которые давали согласие на проведение эксперимента, возникает другая проблема — кто будет нести ответственность за результаты эксперимента: ученые, которые провели эксперимент и не просчитали все возможные риски, или родители, согласившиеся на проведение геномного эксперимента?

Другая проблема данной области исследований — вопрос конфиденциальности данных. Предполагается, что участники различных экспериментов могут рассчитывать

секретность их данных (личной информации (возраст, пол, личная и семейная история здоровья), клинической информации, биологического материала и данных исследования). В 2008 году Европейский Суд по правам человека указал, что Конвенция о защите данных личного характера распространяется и на профили ДНК, и на образцы клеток [7].

Однако по мнению Пестриковой А.А. генетические и геномные исследования требуют доступа к ДНК человека из биологических образцов, которые могут храниться и использоваться в многочисленных исследованиях [4]. Таким образом, говорить о конфиденциальности данных участников с биологическим материалом можно лишь условно, а в последнее время все чаще можно увидеть предложение к участникам дать «полное согласие» на все будущие исследования, что делает добровольное информированное согласие сомнительным. Примером такого полного согласия является создание популяционного банка Healthcare в Исландии с медицинскими сведениями всех исландских граждан.

На данный момент, в нашей стране не предпринято каких-либо решительных шагов для предотвращения опасности, которую могут в себе нести генетика и основанная на ней генная инженерия. Кроме того, большая часть генетических исследований на данный момент не контролируются государством, а находятся «в серой зоне». Самые важные проблемы, которые могут нести в себе риск, на мой взгляд, заключаются в том, кто имеет право собирать биологические данные и кто может иметь к ним доступ, а также в закреплении основных правил хранения данных, чтобы исключить возможность их использования в нежелательных целях.

Для разрешения указанных проблем предлагается создать концепцию, которая охватывала бы широкий круг вопросов (изложение и объяснение принципов биомедицинской этики, эксперименты в рамках генной инженерии, искусственного оплодотворения и выращивания зародышей человека). Такая концепция должна также уточнять следующие вопросы: запрет на проведения экспериментов генной инженерии, целью которых является улучшение человеческого рода, воспроизведение людей с заранее выбранными параметрами, а также других экспериментов, угрожающих человеческому достоинству; урегулирование вопроса о лечении дефектных генов: четко определить перечень генетических болезней, наличие которых должно быть проверено у пар, желающих иметь детей, а при выявлении должен быть пройдет курс лечения; определение понятий «наследственность» и установление возможных пределов ее корректировки (то есть должны быть сформулированы границы защиты человеческих эмбрионов и зародышей).

Взаимодействие с человеческим организмом должно быть строго отрегулировано. Мы не должны рассматривать согласие на участие в исследованиях также широко, как и свободу договора. Государство должно бдительно следить за тем, какие исследования проводятся, для чего они нужны и как это может повлиять на будущее граждан.

Источники и литература

[1] Болков М.А. Генетические исследования: законодательство и уголовная политика : монография / М.А. Болков, И.Я. Козаченко, П.А. Ларионов ; под ред. И.Я. Козаченко, Д.Н. Сергеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2021. — 200 с.

[2] «Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине» (ETS N 164) (Заключена в г. Овьедо 04.04.1997);

[3] Троицкая А.А., «Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения», N 1, январь-февраль 2023 г.
[4] Пестрикова А.А. Проблемы получения информированного согласия при проведении геномных и генетических исследований // Актуальные проблемы российского права. 2022. N 1. С. 105–115.
[5] Т. Корнфельт. «Неестественный отбор. Генная инженерия и человек будущего» (Människan i provröret (The Unnatural Selection Of Our Species)). 2022. С. 248.
[6] «Модельный закон о защите прав и достоинства человека в биомедицинских исследованиях в государствах-участниках СНГ» (Принят в г. Санкт-Петербурге 18.11.2005 Постановлением 26-10 на 26-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ), ст. 19.
[7] S. and Marper v. United Kingdom. Judgment, merits, and just satisfaction, App. no. 30562/04, App. no. 30566/04, IHRL 2882 (ECHR 2008), 4th December 2008 // URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-90051%22]}.

Проблемы законодательства в сфере медицины

Нужен ли России закон о противодействии нарушению санитарно-эпидемиологических правил?

Мустафазаде Ровшан Шахин оглы

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра уголовного права и криминологии, Москва, Россия

E-mail: Romamustafaev1997@mail.ru

Законодательство в сфере медицины (или иначе — в сфере охраны здоровья) согласно ст. 3 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» не ограничивается Конституцией и названным законом [1, ст. 3] — в его орбиту входят и иные законы, к числу которых справедливо относят Федеральный закон от 30.03.1999 N 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (далее — закон о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения), а также некоторые статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [2]. Данное обстоятельство подчеркивает его комплексность и многослойность.

Хотя «эпидемиологическая обстановка в Российской Федерации характеризуется как контролируемая и управляемая» [3, с. 7], в деле ее охраны большое значение представляет ст. 236 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил. При этом статистически с 2018 года наблюдается рост числа осужденных по указанной статье УК РФ — с 6 до 19 человек [4]. Не стоит забывать и про высокий уровень латентности данного преступления, и про существование в правовой системе России «альтернативы» ст. 236 УК РФ в виде широко применяемых на практике ст.ст. 6.3–6.7 КоАП РФ [5, с. 267].

Иными словами, «контролируемой и управляемой эпидемиологической обстановке» всегда угрожает любого рода противоправное поведение человека, которое особенно проявилось в условиях пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19).

В этой связи наиболее острым ставится вопрос об организационно-правовой потребности в нормативном правом акте, регулирующем меры по противодействию нарушению санитарно-эпидемиологических правил.

Следует отметить, что отдельным видам противоправной деятельности посвящены соответствующие законы о противодействии: отмыванию доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризму, экстремизму, терроризму, коррупции [6, с. 6].

Исходя из действующих актов, можно определить противодействие как деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий, направленная на выявление и устранение причин противоправных проявлений, а также на предупреждение (профилактика), пресечение, раскрытие и расследование правонарушений (борьба), минимизацию и (или) ликвидацию их последствий. Более того, эта система построена на прочном фундаменте, состоящем из принципов.

С одной стороны, можно отрицать необходимость в принятии специального закона ввиду существования и без того в законе о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения комплекса профилактических мероприятий. Однако профилактика — это лишь часть в системе противодействия.

С другой же, недостаточно только «антикриминальных мер» в исполнении правоохранительных органов в отрыве от профилактических мероприятий, что верно отражено в пояснительной записке к законопроекту «О противодействии коррупции»: «... основные факторы, порождающие коррупцию, находятся в социальной и культурной сферах» [7]. Аналогичным образом и в вопросе о противодействии нарушению санитарно-эпидемиологических правил.

На мой взгляд, закон о противодействии нарушению санитарно-эпидемиологических правил станет не очередным, а необходимым законом в силу его потенциала по определению и решению проблем, связанных как с еще не состоявшимся нарушением санитарно-эпидемиологических правил, так и с правонарушением.

Между тем, вопрос о нужности России такого закона остается открытым и дискуссионным, но не оставляет сомнений и вместе с ним опасений, что история, связанная уже с новой пандемией, не повторится и не вынудит к срочному переустройству законодательства. Тем более она — история — циклична.

Источники и литература

[1] Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета, N 263, 23.11.2011.

[2] Законы и нормативно-правовые акты в сфере охраны здоровья // URL: https://dgkb-tula.ru/dokumenty/norms/ (дата обращения: 07.09.2023).

[3] Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения Российской Федерации в 2022 году» (опубликован 01.06.2023) // https://rospn.gov.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=25076 (дата обращения: 07.09.2023).

[4] Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2018 г.; 12 месяцев 2019 г.; 12 месяцев 2020 г.; 12 месяцев 2021 г.; за 12 месяцев 2022 г., подготовлен Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации // URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 07.09.2023).

[5] Шалагин А.Е. О некоторых особенностях квалификации и предупреждения преступлений, предусмотренных ст.ст. 235 и 236 УК РФ // Вестник экономики, права и социологии, 2012, № 1. С. 264–268.

[6] Тимко С.А. О сущности «противодействие преступности» // Юристъ-Правоведъ, 2018, № 1 (84). С. 6–11.

[7] Пояснительная записка от 03.10.2008 «На проект федерального закона «О противодействии коррупции» // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте https://sozd.duma.gov.ru/ по состоянию на 30.12.2008.

Проблемы законодательства в сфере медицины

Правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий

Наумов Артем Алексеевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра уголовного права и криминологии, Москва, Россия

E-mail: artem-naumov@bk.ru

Несмотря на высокий уровень современных биомедицинских технологий, правовое регулирование репродуктивных функций человека — новизна для российского права [1, с. 73]. Новейшие достижения биомедицины расширяют возможности лечения бесплодия при применении вспомогательных репродуктивных функций (далее — ВРТ), к числу которых относится и суррогатное материнство [2, с. 17]. Основная причина применения ВРТ — бесплодие: в России каждый шестой брак бесплоден по различным причинам [3, с. 286].

Слабое законодательное регулирование использования ВРТ стало порождать коллизии по правомерности их использования. В РФ суррогатное материнство как один из методов репродуктивных технологий регулируется федеральными законами и отраслевым законодательством. Медицинскую сторону ВРТ регулирует ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ, в котором содержится требование об обязательности заключения договора между женщиной, вынашивающей ребенка (суррогатной матерью) и генетическими родителями. Интересно, что отсутствие четкой регламентации, о чём говорит наличие лишь одной статьи в рассматриваемом законе, посвященной суррогатному материнству, не способствовало идеи о необходимости развития законодательства в этой области.

Важно понимать, что технологии ВРТ в РФ для зачатия ребенка используются лишь по установленным Министерством здравоохранения РФ показаниям, указанным в Приказе названного ведомства (Приказ № 803н). К числу таким показаний относятся: отсутствие матки; деформация полости или шейки матки, когда коррекция невозможна или же не дает эффекта; привычный выкидыш, не связанный с генетической патологией и другие [5].

Основная проблема, связанная с суррогатным материнством, — фактическая торговля детьми. В этой связи в Государственной Думе РФ был рассмотрен законопроект [6], предусматривающий введение запрета на услуги суррогатных матерей в России для иностранных граждан и лиц без гражданства. По словам председателя Государственной думы, только за последние несколько лет за рубеж вывезено 45 тыс. младенцев, рожденных суррогатными матерями, а оборот такого «бизнеса» оценивается более чем в 2 миллиарда евро. И что самое важное — именно такие дети зачастую оказываются в тяжелейших ситуациях.

Согласно документу, воспользоваться услугами суррогатных матерей смогут только граждане РФ, состоящие в браке, или одинокая женщина — гражданка России, которая не может по медицинским показаниям выносить или родить ребенка самосто-

ятельно. Иностранцам пользоваться услугой суррогатного материнства в России будет запрещено. При этом предполагается, что суррогатной матерью сможет стать только гражданка Российской Федерации [7].

В конце 2022 года был официально опубликован текст Федерального закона от 19.12.2022 № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Именно данный документ направлен на искоренение рассмотренных выше коллизий и проблем, касающихся суррогатного материнства в РФ.

Законодательные изменения коснулись федерального и отраслевого законодательства: изменения коснулись некоторых статей Семейного кодекса РФ, ФЗ «Об актах гражданского состояния», ФЗ «О гражданстве РФ», ФЗ «Об основах охраны здоровья в РФ», ФЗ «О гражданстве РФ».

Иностранцы больше не смогут воспользоваться услугами суррогатной матери на территории РФ, поскольку изменения в законе указывают на обязательность наличия гражданства РФ либо у одного или обоих потенциальных родителей (генетическая мать и/или генетический отец), либо у одинокой женщина (генетическая мать). Помимо этого, некоторые ограничения коснутся и граждан РФ. Ведь теперь услугами суррогатного материнства смогут воспользоваться только люди, официально состоящие в браке, бесплодие которых установлено медицинским путем. Интересным представляется, что люди, воспользовавшиеся услугами суррогатной матери, могут быть записаны в качестве родителей ребенка только с её письменного разрешения.

Дети, рожденные суррогатными матерями на территории РФ, будут автоматически получать российское гражданство — по факту рождения. Кроме того, если один из родителей является иностранцем, то для таких детей не предусмотрена процедура упрощенного выхода из российского гражданства.

Несмотря на новые ограничения, в целом для большинства жителей России всё остается без изменений.

Источники и литература

[1] Соколинская М.Ю. Конституционно-правовые аспекты права человека на реализацию репродуктивной функции // Конституция Российской Федерации и ее влияние на практику государственного строительства и развитие правовой системы страны. — Сер.: Юбилеи, конференции, форумы. — Вып. 9 : Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летнему юбилею юридического факультета ВГУ (Воронеж, 17–18 октября 2013 г.) / под ред. Ю.Н. Старилова. — Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2014.

[2] Павлова Ю.В. Репродуктивная функция организма как форма реализации конституционного права человека на жизнь.: Автореф. дис. . . . канд. юрид. Наук. М., 2007.

[3] Гнеушева Е.Б. Некоторые проблемы правового регулирования применения искусственных методов репродукции / Е.Б. Гнеушева // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2014. № 2.

[4] Свитнев К.Н. Право на жизнь (ВТР, суррогатное материнство и демография) // Научный эксперт. 2006. № 1.

[5] Вспомогательные репродуктивные технологии в новом законодательстве [Электронный ресурс]. — URL: https://www.zdrav.ru/articles/4293650628-vbr-vspomogatelnye-reproduktivnye-tehnologii-v-novom-zakonodatelstve (дата обращения: 25.09.2023).

[6] Законопроект № 41630-8 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления требования о наличии гражданства Российской Федерации при использовании суррогатного материнства на территории Российской Федерации) [Электронный ресурс] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/41630-8 (дата обращения: 25.09.2023).

[7] Госдума приняла в первом чтении законопроект о запрете суррогатного материнства для иностранцев/Парламентская газета [Электронный ресурс] URL: https://www.pnp.ru/social/gosduma-prinyala-v-pervom-chtenii-zakonoproekt-o-zaprete-surrogatnogo-materinstva-dlya-inostrancev.html (дата обращения: 25.09.2023).

Проблемы законодательства в сфере медицины

Проблемы законодательства в сфере медицины

Пополитов Александр Сергеевич

Студент (специалист)

Воронежская государственная медицинская академия им. Н.Н. Бурденко, Воронеж, Россия

E-mail: tanksapat34@yandex.ru

В настоящий момент система здравоохранения в Российской Федерации находится далеко не в самом простом положении. Главной проблемой является недостаток её финансирования. Рассуждая в категории больших чисел, долгие годы на бесплатную медицину Россия тратила не более 3,1% от ВВП. В сравнении с "новыми" странами Евросоюза, затрачивающими на это около 5% от ВВП и "старыми", расходующими 8–10%, подобная нехватка становится ещё более очевидной. Для наших сограждан уже несколько десятилетий привычно низкое качество оказания медицинской помощи, в особенности в регионах, которые относятся к дотационным. Этот факт отчасти подтверждает недавнее исследование Центрального НИИ организации и информатизации здравоохранения (ЦНИИОИЗ). В этом году уровень удовлетворённости медицинской помощью составил 47,1%. Тем не менее, результат выглядит внушительнее, если учесть, что до пандемии COVID 19 этот показатель не превышал 30%. В оправдание государства стоит заметить, что правовое управление медицинской сферой отнюдь не простая задача, что можно заметить, например, по частоте изменений редакций основных Федеральных законов, регулирующих данную область. Подобная стремительность закономерно порождает коллизии и пробелы в праве.

Говоря конкретно о наиболее острых проблемах, начать хотелось бы с так называемого "отказа от медицинского вмешательства", предусмотренного в рамках п. 2 ст. 20 ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации". Закон предусматривает альтернативные ситуации, когда госпитализированное лицо или его законный представитель в праве отказаться от госпитализации по собственному желанию, лишь при условии, что его предупредят о возможном риске и последствиях. Однако в ст. 9 того же закона приведён перечень причин, допускающих медицинское вмешательство и без согласия гражданина, в том числе в отношении лиц, страдающих конкретными заболеваниями. К ним относятся особо опасные инфекции, в том числе: сибирская язва, холера, чума, что представляется вполне справедливым. В действительности медицинские работники приёмных отделений физически не могут в сжатые сроки поставить диагноз, который может обеспечить наступление правовых последствий, то есть невозможность отказа от медицинского вмешательства. Ввиду отсутствия законных оснований удержать такого пациента на территории медучреждения, последний обладает полной свободой передвижения, что ведёт к риску заражения инфекцией иных людей. Здесь под ударом уже уголовной ответственности, при несоблюдении формальностей, может отказаться сам медработник, который с точки зрения закона нарушит статью 124 УК РФ (Неоказание помощи больному). Подобное же толерантное отношение к лицам, являющимся носителями возбудителей инфекции, мы видим в п. 2 ст. 33

ФЗ “О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения”, где устанавливается исключительно добровольный перевод или отстранение от работы такого индивида.

Другой аспект отказа от медицинского вмешательства в форме реанимации, который, как и указывалось выше, может быть установлен путём письменного заявления, находясь непосредственно в сознании. В случае критической ситуации врачи не будут разбираться с документами, ведь они находятся под угрозой уголовной ответственности. Более того, согласно п. 4 “Инструкции по определению критериев и порядка определения момента смерти человека, прекращения реанимационных мероприятий” они обязаны в течение 30 минут осуществлять реанимационные мероприятия, направленные на восстановление жизненно важных функций, но только при отсутствии признаков биологической смерти. Отечественный законодатель практически не учитывает личные предпочтения человека касательно его дальнейшей судьбы, которые он мог обдумать заранее. К примеру, в США распространена практика DNR (do-not-resuscitate orders) — “приказов не реанимировать”, которая позволяет гражданам заранее отказаться от СЛР (сердечно-лёгочной реанимации) в разных формах выражения воли. Пытаясь усмотреть причины неразвитости подобных юридических предписаний в нашей стране, мы приходим к выводу о противоречии данной практики отечественному принципу запрета эвтаназии (ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями), который закреплён в ст. 45 ФЗ “Об охране здоровья граждан”, ввиду чего медицинским работникам просто не остаётся иного, как, возможно, наперекор желанию пациента продолжать попытки возвращения его к жизни. Данная проблема, граничащая с базовыми конституционными правами граждан, является крайне неоднозначной и отнюдь не решённой в отечественном законодательстве. Достаточно лишь обратить внимание на 20 статью Конституции РФ, в которой нашло закрепление право на жизнь, но не нашло право на смерть.

Следующий вопрос касается полномочий главных врачей. Согласно приказу Минздравсоцразвития № 541н в их должностные обязанности, помимо организации работы коллектива, входит ещё административно-хозяйственное и финансовое обеспечение, осуществление анализа деятельности организации и самостоятельное принятие необходимых мер по улучшению методов работы. На практике это порождает целый ряд проблем. Нередки случаи закупки на проводимых аукционах дешёвых аналогов необходимых медицинских изделий в целях экономии и вдобавок в недостаточном количестве. Также главный врач может приостановить выполнение какой-либо процедуры по той причине, что она будет “невыгодна” больнице. Например, отказ от проведения дорогостоящей, но информативной фотодинамической диагностики (ФДД) рака мочевого пузыря в пользу проведения менее диагностически ценной цистоскопии, при которой рак в самой начальной стадии не определяется. ФДД хоть и позволяет выявить первые признаки рака, но для её проведения нужен дорогой препарат, а больница получает одинаковую оплату за обе процедуры, что подталкивает руководство больницы к экономии средств и выбору не в пользу пациента. Также можно отметить недавнюю инициативу властей Южного Урала, а также лично спикера Госдумы Вячеслава Володина по запрету главврачам государственных учреждений параллельное руководство ещё и аффилированными с ними частными медицинскими центрами. Зачастую находящиеся в таком коррумпированном положении главврачи фактически вынуждают врачей отправлять пациентов в частные клиники, используя финансовые рычаги давления.

Ещё одной важной проблемой, особенно остро проявившейся несколько лет назад, стала добровольность вакцинирования. Согласно п. 1 ст. 5 ФЗ “Об иммунопрофилактике инфекционных болезней” граждане, при осуществлении иммунопрофилактики,

имеют право на отказ от иммунопрофилактических прививок. При этом складывается сходная с вышеизложенным добровольным отказом от медицинского вмешательства ситуация. Согласно п. 3 ст. 5 того же закона гражданин обязан в письменной форме произвести отказ от профилактической прививки, при этом накладываемые на такого человека ограничения минимальны, несмотря на то, что он несёт в себе серьёзную потенциальную угрозу как распространитель инфекции. Подобная толерантность к потенциальным заражённым может быть опасна в случае эпидемий опасных инфекций. Обращаясь в этом случае к зарубежному опыту, можно отметить как с подобной проблемой борется правительство Италии. В начале 2022 года оно обязало вакцинироваться от COVID-19 жителей старше 50 лет. При невыполнении этого требования санкцию составит штраф в 100 евро. Эффективность такого подхода Российский законодатель усмотрел только в отношении лиц, занятых в сфере услуг, образования, транспорта, ЖКХ, а также госслужащих, да и то в период пандемии, что с точки зрения эпидемиологии, можно назвать лишь полумерой.

Каждая из вышеперечисленных проблем требует комплексного подхода для решения. Например, ситуации, сопряжённые с эвтаназией, на мой взгляд, должна решать специализированная комиссия, состоящая из экспертов разных профилей, включая юристов, врачей и философов.

Источники и литература

[1] Федеральный закон Российской Федерации “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” от 21.11.2011 № 323 // Российская газета. — 2011 г. — № 263. — Ст. 20 с изм. и допол. в ред. от 4.08.2023.

[2] Федеральный закон Российской Федерации “Об иммунопрофилактике инфекционных болезней” от 17.09.1997 № 157 // Российская газета. — 1997. — № 18. — Ст. 5 с изм. и допол. в ред. от 2.07.2021.

[3] “Уголовный кодекс Российской Федерации” от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996 г. — № 25. — Ст. 124 с изм. и допол. в ред. от 04.08.2023.

[4] “Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ” от 23.07.2010 № 541н // Российская газета. — 2010 г. — № 217. — с изм. и допол. в ред. от 01.07.2018.

[5] Главврачам челябинских больниц запретят частную практику // Российская газета URL: https://rg.ru/2023/09/21/reg-urfo/glavvracham-cheliabinskih-bolnic-zapretiat-chastnuiu-praktiku.html (дата обращения: 20.09.2023).

[6] Il testo in pdf del nuovo decreto Covid pubblicato in Gazzetta Ufficiale // Corriere della Sera URL: https://www.corriere.it/politica/22_gennaio_08/nuovo-decreto-covid-testo-pdf-fff16b60-7061-11ec-bed9-868e21cce827.shtml (дата обращения: 20.09.2023).

Проблемы законодательства в сфере медицины

Проблемы медицинского права в эстетической косметологии

Яхъяева Патимат Магомедовна

Студент (специалист)

Российская правовая академия МЮ РФ, Северо-Кавказский филиал, Юридический факультет, Кафедра гуманитарных и социально — экономических дисциплин, Махачкала, Россия

E-mail: patia_ amelia@mail.ru

19 июля 2023 года в городе Махачкале произошло трагическое событие, вызвавшее широкий общественный резонанс: 22-х летняя девушка умерла на кушетке у косметолога после инъекции. Процедуру проводила косметолог, которая совсем недавно окончила курсы. Она работала без медицинской лицензии, показывая клиентам полученный в апреле 2023 года сертификат о прохождении некоего курса «Эстет-косметолог».

Данный трагический случай произошёл в Махачкале, но мог произойти и в другом российском городе. В каждом мегаполисе трудятся на прибыльной ниве косметологических услуг «мастера», окончившие краткосрочные курсы.

Эстетическая медицина и косметология сегодня — это стремительно развивающееся направление, которое включает в себя не только большое количество самых разнообразных по сложности услуг, но и специалистов с различными уровнями подготовки и специфическими навыками. Все это приводит не только к тому, что граждане получают возможность выбора наиболее оптимальных себя вариантов, но и к возникновению различных спорных ситуаций между косметологической организацией и клиентом. Особенно важно качество оказываемых услуг, которые оказываются клиентам. Проблема заключается в том, что на рынке оказываемых услуг появляются неквалифицированные специалисты, впоследствии чего лицам оказываются некачественные услуги, после которых возникает ряд вопросов.

Услуги эстетической медицины — одна из наименее урегулированных сфер правового поля, но именно эстетическая отрасль, как довольно «субъективная» область медицины, провоцирует наибольшее число претензий пациентов, нередко выливающихся в громкие скандалы, широко освещаемые СМИ. И таких примеров немало. И, чаще всего, жертвы «специалистов» идут получать услуги на дому в связи с тем, что это намного дешевле, чем сделать ту же самую процедуру в салоне с сертифицированным мастером.

Сфера косметологии уже давно выходит на первый пан и набирает все больше популярности, как и среди молодых, так и среди достаточно взрослых женщин, поскольку всё чаще люди пытаются усовершенствовать себя или убрать изъяны. Тысячи женщин готовы платить огромные суммы денег ради сохранения своей молодости и создания идеальной внешности, в связи с этим большое количество людей пытаются заработать на девушках, которые находятся в погоне за красотой. Это привело к тому, что в сфере косметологии и оказания косметологических услуг появляется большое количество недобросовестных «специалистов», которые оказывают некачественные услуги, принося вред клиентам.

Услуги эстетической медицины — одна из наименее урегулированных сфер правового поля, но именно эстетическая отрасль, как довольно «субъективная» область медицины, провоцирует наибольшее число претензий пациентов, нередко выливающихся в громкие скандалы, широко освещаемые СМИ. И таких примеров немало.

Приказ Минздрава России от 26 июля 2002 года № 238 «Об организации лицензирования медицинской деятельности» (последняя редакция от 01.02.2005 г. № 499), где изложены лицензионные требования и необходимые условия для осуществления указанной деятельности (организационно-технические, кадровый потенциал, материально-техническое оснащение, включая оборудование, инструменты, документацию); [1] Приказ № 113 от 10 апреля 2001 г. «О введении в действие отраслевого классификатора «Простые медицинские услуги», который позволяет разграничить косметологические услуги, относящиеся к медицинским (например, инъекционная косметология) от косметических, которые предоставляются в системе бытового обслуживания (такие, как массаж, наращивание ресниц).

Для решения данной проблемы мы рекомендуем:

1) Сделать обязательным условием заключения договора с каждым клиентом

2) Ввести фильтр на оказание образовательных услуг в сфере косметологии

3) Проведение тщательной проверки перед выдачей лицензии каждому специалисту

4) Основной способ получения клиентов — это раскрутка в социальных сетях, поэтому мы рекомендуем проверять квалификацию наиболее популярных специалистов на образование и квалификацию и выдавать им особый знак о пройденной проверки

5) Ввести уголовную ответственность за продажу поддельных низкокачественных препаратов для оказания услуг

Мы надеемся, что рекомендации, изложенные выше, положительно повлияют на законодательство в сфере оказания косметологических услуг.

Источники и литература

[1] Масалимова А.А., Галяутдинова Г.Г. Защита прав потребителей в сфере косметологии // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 1–3 (76), 2023.

Круглый стол по теме «Проблемы защиты персональных данных»

Проблемы защиты персональных данных

Административно-правовое регулирование защиты персональных данных в цифровой среде

Гончаров Артем Евгеньевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Институт частного права, Москва, Россия

E-mail: goncharovae29@mail.ru

Наиболее выраженной проблемой на сегодняшний день является необходимость обеспечения прав граждан и защиты их персональных данных в цифровой среде. Стремление перейти к так называемой цифровой экономике обязывает государство создавать условия для эффективной защиты персональных данных посредством административно-правового регулирования. Справедливо пишет профессор Минбалеев А.В., отмечая, что механизмы правового регулирования отношений в сфере использования цифровых технологий для РФ являются приоритетными [4, с. 34].

Положения действующего Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» регулируют, вопросы, связанные с защитой персональных данных, в том числе в цифровом пространстве [1]. Государство на данный момент широко применяет установление мер юридической ответственности в данной области. Некоторые авторы приходят к научно обоснованному выводу: чтобы повысить ответственность операторов и должностных лиц, допущенных к обработке персональных данных, необходим пересмотр составов административных правонарушений и учитывающий прибыль операторов и причиненный ущерб гражданам баланс санкции при «утечке» данных [3, с. 107].

Видится, что наиболее эффективными средствами являются как воспитание и всеобщая пропаганда цифровой этики, так и информирование граждан об их правах и обязанностях в цифровом пространстве. В данном вопросе ключевую роль играет федеральная служба Роскомнадзор. В указанный ранее федеральный закон в 2022 году были внесены изменения и на сегодняшний день в нем закреплены части 10 и 11 статьи 23, согласно которым для учета информации о компьютерных инцидентах, повлекших неправомерную или случайную передачу (предоставление, распространение, доступ) персональных данных, Роскомнадзор, являющаяся уполномоченным органом по защите прав субъектов персональных данных, ведет специальный реестр учета инцидентов в области персональных данных, определяет порядок и условия взаимодействия с операторами в рамках ведения указанного реестра. Так, данный орган исполнительной власти осуществляет административную функцию по формированию условий для изучения соответствующей информации в целях последующего предотвращения нарушений законодательства о персональных данных в указанной части. Считаем, что на это ведомство также следует возложить обязанность систематически проводить мероприятия по просвещению граждан в области деятельности по управлению персональными данными, вследствие чего повысится уровень доверия с их стороны к государству.

В продолжение данной темы следует отметить, что научный интерес представляет сложившееся в доктрине мнение о необходимости формировании основ правового режима «больших данных», целостной концепции правового регулирования оборота и обработки которых ни в российской юридической науке, ни во всем мире в целом не сложилось [7, с. 217]. В этой связи рассмотрим мнение Талапиной Э.В., которая подчеркивает, что используемое в российском законодательстве понятие «данные» — совсем не то, что подразумевается цифровой экономикой [6, с. 15]. Само понятие «данные» согласно ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Закон об информации № 149-ФЗ) включено в другое понятие «информация» [2]. Поэтому предлагается в целом пересмотреть подход к понятию данных с точки зрения этого федерального закона.

Рассматривая вышеупомянутый Закон об информации № 149-ФЗ, необходимо отметить мнение Рожковой М.А., которая считает, что несмотря на почти непрерывное наполнение данного закона новыми нормами, в целом он представляет собой концептуально не продуманный и слабо проработанный нормативный правовой акт, который воспроизводит неверные, а иногда устаревшие воззрения, содержит неясные и неправильные как с технической, так и с юридической точки зрения дефиниции понятий, а кроме того закрепляет положения, которые не соотнесены с другими законодательными нормами, юридическими понятиями и правовой доктриной [5, с. 24]. Так, отметим очевидно назревшую в данном контексте необходимость в систематизации правовых норм действующего законодательства, регулирующих отношения, складывающихся по поводу данных в цифровой форме, в том числе персональных. Такая систематизация поспособствует качественному улучшению как самих правовых норм, так и практики их применения.

На основании изложенного видится, что целесообразным будет принятие кодифицированного акта, нормы которого должны регулировать, в частности, отношения, возникающие в области взаимодействия государства с персональными данными граждан. Следуя практике зарубежных стран по принятию кодифицированных актов в области цифрового государственного управления, решением вопроса эффективной защиты персональных данных в цифровом пространстве может являться принятие Кодекса цифрового администрирования.

Источники и литература

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). ст. 3448.

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). ст. 3451.

[3] Баторов Б.О., Данилов Д.Н. Правовые основы защиты персональных данных в информационных системах органов внутренних дел Российской Федерации // Цифровая трансформация системы МВД России: сборник научных статей по материалам Международного форума (Москва, 20 октября 2022 г.): в 2 ч. / под ред. И.Г. Чистобородова. Москва: Академия управления МВД России, 2022. Ч. 1. С. 99–107.

[4] Минбалеев А.В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. № 12 (64). 2019. С. 31–36.

[5] Рожкова М.А. Категории «цифровое право», «цифровые права» и «цифровая валюта» в российском праве // Право цифровой экономики — 2021 (17): Ежегодник-антология / Рук. и науч. ред., д.ю.н. М.А. Рожкова. Москва: Статут, 2021. С. 10–68.

[6] Талапина Э.В. Закон об информации в эпоху больших данных // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11, № 1. С. 4–18.

[7] Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / под. ред. И.И. Кучерова, С.А. Синицина. М: Норма: ИЗиСП, 2022. 376 с.

Проблемы защиты персональных данных

Телеграм–бот — сервис личных данных

Фроловская Ю.И.[1], Ермакова А.А.[2]

1 — Институт кафедры гражданского права и процесса; 2 — Институт подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

1 — E-mail: st078679@student.spbu.ru; 2 — E-mail: st075956@student.spbu.ru

Актуальность темы исследования. Государство решительно перешло на путь построения демократического общества, в котором главной ценностью является личность. Безусловно, что на этом пути российское государство в настоящее время сталкивается с рядом проблем, требующих решения, среди которых особо выделяется защита частной сферы граждан (ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации. Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени) [1].

В соответствии с Федеральным законом «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ, персональные данные — это информация, с помощью которой можно идентифицировать физическое лицо (пользователя Интернета) [2]. К ним относятся: фамилия, имя, отчество, дата рождения, место жительства, тип и номер паспорта, место работы и т.д.

Сколько потребуется нам времени, чтобы найти информацию о человеке? Именно таким вопросом задавался создатель бота для «пробива» информации «Глаз Бога» Евгений Антипов.

В 2020 году он и его команда IT-специалистов создали Телеграм-бот «Глаз бога».

Название «бот» происходит от аббревиатуры «робот». Боты Телеграм — это специальные учетные записи, созданные в автоматическом режиме, которые позволяют пользователям выполнять различные действия через сам мессенджер.

После нажатия кнопки «Старт» бот выполняет действия в соответствии с текстовыми командами пользователя в режиме «вопрос–ответ».

«Глаз Бога» — один из крупнейших в России сервисов «пробива» данных. Телеграм-бот, который при оформлении платной подписки позволял любому желающему получить данные практически о любом человеке.

При первой активации бота вы вводите свой номер телефона, который оказывается зарегистрированным в базе данных бота. Кроме того, при оплате бот сохраняет указанные вами электронные адреса. Он также собирает информацию о приблизительном местонахождении пользователя, управляющего ботом.

При нажатии кнопки «Старт», Телеграм-бот «Глаз Бога» сразу получает доступ к личному профилю, имени, фамилии, псевдониму, разделу профиля «обо мне» и языку, установленному в приложении пользователя.

Идентифицировав пользователя, бот предоставляет всю информацию, которая, находится в сети Интернет, а именно данные за все года в интернете. Он подключен к более чем пятисот приложениям, которые собирают данные из социальных сетей и старых баз данных, утекающих с сайтов. Боты не находят информацию о вас, которой нет в Интернете, утверждают создатели.

Если вы когда-то писали комментарий под новостью в социальных сетях, то бот может знать все написанные отзывы. Все опубликованные фотографии на открытых страницах в социальных сетях содержатся в его базе.

12.07.2021 года одно из изданий взяло интервью у создателя Телеграм-бота «Глаз бога» Евгения Антипова.

Создатель выяснил, что, по его мнению, самый быстрый способ, позволяющий узнать необходимую информацию о человеке за определённую плату — это Телеграм-бот, который за пару минут предоставит информацию о субъекте. Данной программой воспользовались более одного миллиона человек.

По словам Антипова, бот создан не для мошенничества, так как мошенники умеют искать информацию и без этих данных, а в целях возможности определить человека по фотографии, например, для знакомства, узнать о прошлом человека, его интересах, адресе проживания, информации о запросах в его поисковой системе, узнать с какого номера поступил входящий звонок. «Я беру данные из интернета, где вы их оставили», — отмечает Антипов.

Он считает, чтобы личные данные не попали в сеть, их необходимо скрывать в профилях социальных сетей. Также важно читать пользовательские соглашения в сервисах, смотря в какое приложение загружаются личные данные. Анонимность и безопасность — в наших руках.

Для того чтобы удалить данные в приложении «Глаз бога» необходимо убрать всё тайное и оставить личное. Полностью информацию не удаляется, так как она уже находится в сети Интернет.

Деятельность Телеграм-бота «Глаз бога» и его основателя Антипова вызывало вопросы надзорных и правоохранительных органов в связи с тем, что поступали жалобы от граждан на этот сервис, а именно распространение их личных данных.

По результатам проверки Роскомнадзор установил, что у администратора бота Телеграм не было «законных оснований» для сбора, обработки и распространения персональных данных граждан. Назначено судебное заседание.

Таганский районный суд города Москвы рассмотрел в открытом судебном заседании гражданское дело № 2-2418/2021 по исковому заявлению Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций к ИП Антипову.

На основании положений: ст. 23 Конституции Российской Федерации; ч. 1 ст. 9, п. 1–5 ст. 5, ч. 1 ст. 9, ч. 7, ст. 14 Федерального закона “О персональных данных” от 27.07.2006 N 152-ФЗ; ст. 15.1, ч. 1,2,3 ст. 15.5 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” от 27.07.2006 N 149-ФЗ. Решением суда руководствуясь ст. 194–198 ГПК РФ принято признать деятельность интернет-ресурса https://t.me/eogdatabotbot незаконной и нарушающей права граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Указанное решение суда является основанием для включения интернет-ресурса в реестр нарушителей прав субъектов персональных данных, заявили в суде. Таким образом, удовлетворено требование Роскомнадзора, который ходатайствовал о запрете работы сервиса.

Каждому следует внимательно следить, какие данные он предоставляет в сеть Интернет. Не раскрывать сервисам больше данных, чем нужно знать, использовать двухфакторную аутентификацию.

Если информация о частной жизни, полученная с нарушением закона, содержится в документах, видеозаписях или иных материальных носителях, вы вправе потребовать

уничтожения такой информации, а также копий материальных носителей, содержащих такую информацию, обратившись в суд в соответствии со ст. 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации [3].

Источники и литература

[1] “Конституция Российской Федерации” (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
[2] Федеральным законом «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ.
[3] “Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)” от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2023).

Проблемы защиты персональных данных

Правовые аспекты защиты персональных данных в эпоху цифровой экономики

Жидкова Мария Павловна

Студент (бакалавр)

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Высшая школа права, Москва, Россия

E-mail: kot_ yrod@mail.ru

В современном информационном обществе, в котором цифровая экономика играет все более важную роль, защита персональных данных является вопросом первостепенной важности.

Целью данного исследования является анализ правовых аспектов защиты персональных данных в эпоху цифровой экономики для выявления недостатков и проблем существующего правового регулирования, а также разработка рекомендаций по совершенствованию данной сферы.

Изначально правовые нормы в этой области были сосредоточены на защите частной переписки и неприкосновенности частной жизни. Однако с развитием информационных технологий и ростом потребности в обработке персональных данных возникла необходимость в более широком и точном правовом регулировании.

GDPR является одним из наиболее значимых и подробных правовых актов, регулирующих обработку персональных данных. Он устанавливает такие принципы, как [1]:

- Согласие и Информированность, так как персональные данные должны собираться и обрабатываться только с согласия субъекта данных, а субъекты должны быть полностью информированы о целях и методах обработки.
- Ограничения цели, ведь личные данные должны собираться и использоваться только для определенных законных целей, а обработка должна быть ограничена тем, что необходимо и соразмерно.
- Минимизации данных, заключающаяся в том, что сбор и хранение персональных данных должны быть ограничены только той степенью, которая необходима для достижения определенных целей.
- Точности и актуальности, потому что личные данные должны быть таковыми, и должны быть предприняты шаги для их обновления или удаления в случае необходимости.
- Безопасности, ведь обработка персональных данных должна обеспечивать адекватную защиту от несанкционированного доступа, потери, уничтожения или повреждения.
- Прозрачность и доступность, так как организации, собирающие и обрабатывающие персональные данные, должны обеспечить прозрачность своих действий и сделать информацию о правилах обработки данных доступной для субъектов данных.

Роль и влияние цифровой экономики на сбор и обработку данных затрагивает ряд важных аспектов, которые требуют внимания и дальнейших исследований [2].

Во-первых, цифровая экономика приводит к сбору и обработке огромного количества данных.

Во-вторых, по мере развития цифровой экономики появляются новые риски и угрозы.

В-третьих, цифровая экономика требует расширения сферы действия законодательства о защите персональных данных

Использование новых технологий создает как возможности, так и проблемы для защиты персональных данных в цифровую эпоху.

Одна из проблем заключается в необходимости найти баланс между инновациями и защитой частной жизни. Новые технологии позволяют собирать и анализировать огромные объемы данных для повышения эффективности бизнес-процессов и предоставления персонализированных услуг.

В свете роста цифровой экономики и важности защиты персональных данных необходимы рекомендации по совершенствованию правового регулирования в этой области.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- Цифровая экономика требует совершенствования правового регулирования для обеспечения эффективной защиты персональных данных.
- Необходимо активное взаимодействие и сотрудничество между странами для разработки международных стандартов и соглашений по защите персональных данных.
- Повышение осведомленности и образование в области прав и рисков защиты персональных данных является важной частью эффективной защиты.

Исходя из этих выводов, представленные рекомендации могут послужить основой для совершенствования правового регулирования и обеспечения эффективной защиты персональных данных в эпоху цифровой экономики.

Источники и литература

[1] Крылова М.С. Принципы обработки персональных данных в праве Европейского союза // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10. С. 175–181.

[2] Постникова Е.В. Некоторые аспекты правового регулирования защиты персональных данных в рамках внутреннего рынка Европейского союза // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 234–254.

[3] Рузанова В.Д. Проблемы соотношения защиты права на неприкосновенность частной жизни и права на защиту персональных данных // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 9. С. 17–22.

[4] Рузанова В.Д. Право на защиту персональных данных: гражданско-правовой аспект // Гражданское право. 2019. № 6. С. 17–20.

[5] Архипов В.В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или «Нет ничего более практичного, чем хорошая теория» // Закон. 2018. № 2. С. 52–68.

[6] Савельев А.И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 60–92.

[7] Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // Право и экономика. 2018. № 4. С. 27–34.

[8] Рожкова М.А., Глонина В.Н. Персональные и неперсональные данные в составе больших данных // Право цифровой экономики: сборник статей. — М.: Статут, 2020. С. 271–296.

Проблемы защиты персональных данных

О некоторых проблемах защиты персональных данных в контексте статьи 137 УК РФ

Волокитина Лариса Сергеевна, Завязкина Анастасия Романовна

1 — Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия, E-mail: st078679@student.spbu.ru; 2 — Санкт-Петербургский государственный университет, Юридический факультет, Санкт-Петербург, Россия, E-mail: st075956@student.spbu.ru

E-mail: loryk.mail@gmail.com

На сегодняшний день персональные данные являются сенситивной категорией, правилам и подходам к которой уделяется особое внимание на законодательном, правоприменительном уровне, а также в научных исследованиях.

В уголовном праве механизм охраны персональных данных предусмотрен, в частности, статьей 137 УК РФ, запрещающей незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия. На наш взгляд, если представить соотношение понятий «персональные данные» [1] и «частная жизнь» на кругах Эйлера, то область их пересечения составят случаи, когда субъект стремится скрыть информацию о себе, воспринимает свои персональные данные как тайну [2].

Ключевым условием правомерной обработки персональных данных является получение согласия субъекта персональных данных. Как вытекает из статьи 9 ФЗ о персональных данных, согласие субъекта должно соответствовать следующим критериям: добровольность, конкретность, предметность, информированность, сознательность и однозначность. Судебная практика по гражданским делам активно развивает применение указанных критериев и уточняет их толкование [3]. Однако насколько справедливо было бы предъявлять данные требования к согласию, необходимому в соответствии со статьей 137 УК РФ?

С одной стороны, уголовное законодательство, а также практика его применения не предусматривает, каким должно быть согласие субъекта при собирании и распространении его персональных данных. На первый взгляд кажется, что такие действия не запрещены уголовным законом, даже если согласие было лишь формальным, соответственно за них нарушитель не понесет уголовной ответственности.

С другой стороны, нельзя не принять во внимание то, что в эпоху информации согласие на обработку персональных данных зачастую запрашивается через пользовательские соглашения, являющиеся договорами присоединения и предоставляющие пользователям доступ к какому-либо ресурсу. При этом несложно смоделировать ситуацию, в которой пользовательское соглашение, акцептованное субъектом персональных данных, изначально не выражает законное согласие лица на собирание и распространение его персональных данных.

По статистике большинство пользователей не читают и не понимают условия обработки их персональных данных, на которые они соглашаются [4, с. 1884]. Политики конфиденциальности зачастую составлены сложным юридическими или техническим

языком и размещаются на сайте незаметно для пользователей [5]. Также типичным для согласия на обработку персональных данных является так называемый «парадокс прозрачности» («transparency paradox»), согласно которому политика конфиденциальности может быть либо объемной и нечитаемой либо краткой и неинформативной [6, с. 32–48; 7, с. 36]. В таких условиях фактически отсутствует согласие субъекта на обработку его персональных данных в том виде, в котором этого требует закон. При этом нельзя допустить, чтобы механизм уголовно-правовой охраны персональных данных исключал наличие состава преступления при наличии «любогок согласия лица на собирание и распространение его персональных данных.

На наш взгляд, при анализе допустимого способа собирания и распространения персональных данных с точки зрения уголовного права следует также обратить внимание на понятие «незаконноек в формулировке диспозиции. Оно свидетельствует о бланкетном характере нормы. Следовательно, собирание и распространение персональных данных допускается УК РФ, только если оно осуществляется в соответствии с ФЗ о персональных данных. В связи с этим собирание и распространение персональных данных на основе пользовательских соглашений, не соответствующих выработанным в профильном законодательстве и практике его применения критериям, запрещены уголовным законом и представляют собой выполнение состава преступления, предусмотренного статьей 137 УК РФ.

Источники и литература

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // «Российская газета», № 165, 29.07.2006.
[2] Филатова М.А. Персональные данные как предмет преступного посягательства (журнал «Уголовное право», № 11, ноябрь 2021 г.) // СПС «Гарант».
[3] П. 18 Обзора судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.09.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
[4] Solove D. Privacy Self-Management and the Consent Dilemma // Harvard Law Review. 2013. № 126. P. 1884.
[5] Jon Leibowitz, Comm'r, Fed. Trade Comm'n, So Private, So Public: Individuals, the Internet & the Paradox of Behavioral Marketing // URL: https://www.ftc.gov/sites/default/files/documents/public_statements/so-private-so-public-individuals-internet-paradox-behavioral-marketing/071031behavior_0.pdf (дата обращения: 20.09.2023).
[6] Nissenbaum H. A Contextual Approach to Privacy Online // Daedalus. 2011. № 4. P. 32–48.
[7] Richards N., King J. Three Paradoxes of Big Data // Stanford Law Review Online. 2013. № 66. P. 36.

Проблемы защиты персональных данных

Проблемы обработки персональных данных при использовании нейросетей на примере ChatGPT

Минаева Валентина Владимировна

Студент (бакалавр)

Московский государственный институт международных отношений,
Международно-правовой факультет, Москва, Россия

E-mail: minaevavalya19@yandex.ru

Не так давно был анонсирован запуск новой 4 версии ChatGPT. Эта программа является нейросетью, то есть искусственным интеллектом, который обладает навыком самообучения путём анализа большого количества загруженной информации. В процессе обучения нейросеть может выполнять задания, а именно создавать на основе изученного материала похожие тексты, изображения, звуки. В настоящий момент ChatGPT, проект американских разработчиков из компании OpenAI, является наиболее популярной программой, несмотря на большое количество альтернативных проектов. Вследствие этого серьёзный интерес представляет исследование вопроса обработки персональных данных нейросетью именно на примере ChatGPT.

Способности нейросети применимы в различных сферах бизнеса и управления. Однако к каким последствиям может привести использование ChatGPT? Человек при формулировании задач предоставляет программе свои персональные данные, новую личную информацию, которая может быть использована как разработчиками, так и самой нейросетью. Поиск ответа на вопрос, какое законодательство применимо в данном случае, является предметом данного исследования.

Для начала необходимо уточнить, какие персональные данные попадают в распоряжение нейросети от пользователей. Во-первых, это данные, используемые для создания аккаунта, с которого будет оплачен доступ к расширенной версии ChatGPT. Это адреса электронной почты, телефоны, пароли и реквизиты, необходимые для оплаты. Во-вторых, это персональные данные, которые может получить нейросеть при её использовании.

25 апреля 2023 года разработчики на официальном сайте OpenAI анонсировали введение возможности отключать историю чатов в ChatGPT [9]. С того момента разговоры, которые запускаются при отключенной истории чата, не будут использоваться для обучения и улучшения наших моделей. Данная функция не предоставляет возможность полностью сохранить конфиденциальность информации, так как разговоры будут храниться в течение 30 дней и могут быть просмотрены разработчиками. Следовательно, массив информации, получаемый нейросетью, включает в себя все комментарии и уточнения, осуществляемые пользователем для формулирования задач для программы. Такая информация может в том числе содержать персональные данные, причём их хранение и использованье в соответствии с политикой персональных данных ChatGPT не обеспечивает необходимый уровень конфиденциальности.

Особенность обработки персональных данных нейросетью заключается в том, что полученная от одного пользователя информация может быть "запомнена" искусственным интеллектом и в дальнейшем "выдана" в виде ответа на запрос другого пользователя. Вероятно выданная информация может содержать в себе персональные данные, вследствие чего для регламентации работы нейросети необходимо разработать ограничители на произвольное применение полученных данных, а также ответственность за намеренное неправомерное использование персональных данных, обработанных искусственным интеллектом [4, с. 73]. Возможность такого обращения нейросети с полученными персональными данными обусловлена ещё недостаточно разработанным процессом самообучения программы, который заключается в просмотре и обобщении как big data, так и т.н. big user data [3, с. 113], то есть ряд конфиденциальных данных. Вследствие этого проблема незащищённости персональных данных изначально заложена в самой структуре процесса самообучения нейросети.

Для установления возможных объёмов информации, к которым получает доступ нейросеть и которые она может "выдать" необходимо обратиться к актам разработчиков. В политике конфиденциальности OpenAI, размещённой на официальном сайте разработчиков, декларируется автоматический сбор и декларирование ряда видов информации помимо персональных данных, предоставляемых пользователем при его согласии во время использования программы [7]. Получаемая программой информация содержит в себе значительный объём данных, которые по смыслу ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных» [1] должны быть отнесены к персональным данным, к обработке и хранению которых должны применяться особые требования. При этом разработчики предупреждают о хранении получаемой информации на серверах, расположенных в США, и полностью снимают с себя ответственность за возможную утечку данных в случае обхода настроек персональных данных, что предусмотрено в разделе 8 политики конфиденциальности.

Специальные условия обработки персональных данных предусмотрены международными актами, в частности The General Data Protection Regulation (2016/679, «GDPR») — Общий регламент по защите данных. Этот акт является ключевым для международного регулирования обработки персональных данных, так как его действие распространяется за пределы юрисдикции государств-участниц объединения. Несмотря на декларирование соблюдения положений GDPR разработчиками OpenAI, в программе были предусмотрены неточности, в результате которых обработанная искусственным интеллектом информация была "выдана" в нарушение права.

Ярким проявлением данной проблемы является случившийся в марте 2023 года сбой в работе программы ChatGPT, в результате которого персональные данные 1,2% клиентов попали в открытый доступ [6]. Ошибка была обусловлена принципом работы открытого кода искусственного интеллекта, который предусматривает "выдачу" информации при определённом запросе. Значимой правовой реакцией на данное событие являлось заявление властей Италии о блокировке программы на территории страны [8]. После проверки политики конфиденциальности разработчиков ChatGPT на соответствие национальному законодательству органы государства пришли к выводу, что необходимость массового сбора и хранения персональных данных с целью обучения алгоритмов, лежащих в основе работы платформы недостаточно обоснована, а отсутствие проверки фактического возраста пользователей (ChatGPT предназначена для использования с 13 лет) нарушает требования о возрастных ограничениях доступа к информации.

Проблема надлежащей обработки и хранения персональных данных нейросетью является трансграничной, при этом в настоящий момент для правового урегулирования вопроса государства прибегают к реформированию национального законодательства для обеспечения защиты граждан [2, с. 235]. Такой путь был избран и законодательными органами Российской Федерации.

В соответствии со статьей 1 Федерального закона от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных» [1] положения закона применяются к обработке персональных данных граждан Российской Федерации иностранными субъектами. Статья 12 указанного Федерального закона регламентирует порядок осуществления трансграничной передачи персональных данных, то есть процедуру использования персональных данных в случае, когда одна из сторон относится к иной юрисдикции. Новелла о разрешительном порядке осуществления такой передачи данных вступила в силу с 1 марта 2023 года.

Таким образом, субъекты вправе защищать свои интересы в судах российской юрисдикции в случае нарушения их прав в рамках неправомерной трансграничной передачи их персональных данных. Система защиты российских пользователей при этом является эффективной лишь в случае наличия у нарушителя представительства или дочерней компании на территории России [5]. Тем не менее, данное изменение открывает возможность для ограничения использования программ, доступных Роскомнадзору. Так как официально применение ChatGPT российскими пользователями запрещено, помимо проблемы с политикой персональных данных нейросети при использовании данной программы возникает проблема угрозы данным при применении бесплатной версии vpn, но данный вопрос не является предметом данного исследования.

Возможным решением проблемы вероятности случайной или намеренной “выдачи” нейросетью обработанной информации является юридическое закрепление “фильтров” информации, обрабатываемой нейросетью и ответов, выдаваемых ей. Вследствие бесконечной вариативности проявления персональных данных разных пользователей, создание правовых ограничений для обрабатываемой нейросетью информации по примеру закрытого перечня уголовно наказуемых деяний не представляется возможным. Так как на данном этапе просто удалить из открытого информационного пространства всю персональную информацию невозможно, необходимо разработать полноценную программу обучения нейросети различать конфиденциальную информацию и блокировать действия алгоритма по “выдаче” её в ответ на запрос. Несмотря на общественное отрицание субъектности нейросети, нельзя не признать, что полностью лишить её конфиденциальной информации невозможно, вследствие чего необходимо научить её правильно с ней обходиться. В таком случае неправомерное обращение с персональными данными будет возможно лишь при вмешательстве человека, за что необходимо будет предусмотреть соответствующие санкции.

Источники и литература

[1] Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ (в редакции от 06 февраля 2023 года) «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3451.

[2] Бойченко И.С. Модели правового регулирования нейросетей // Образование и право. 2019. № 1. С. 235–237.

[3] Денисенко В.В., Евтеева К.С., Савченко И.И., Скрыпников А.А. Использование искусственного интеллекта для обработки персональных данных // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 7-1. С. 110–114.

[4] Минбалеев А.В., Сторожакова Е.Э. Проблемы правовой охраны персональных данных в процессе использований нейронных сетей // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина 2023. № 2 (102). С. 71–79.

[5] Зюбанов К. Реформа 152-ФЗ: О сколько нам открытий чудных // URL: https://rppa.ru/analitika/reforma_152-fz_otkrytija
[6] Личные данные ряда пользователей ChatGPT утекли в сеть после сбоя в ИИ // URL: https://ria.ru/20230325/chatgpt-1860549977.html
[7] Privacy policy updated June 23, 2023 // URL: https://openai.com/policies/privacy-policy
[8] URL: https://www.garanteprivacy.it/home/docweb/-/docweb-display/docweb/9870832
[9] URL: https://openai.com/blog/new-ways-to-manage-your-data-in-chatgpt

Проблемы защиты персональных данных

Проблемы трансграничной передачи персональных данных в свете последних изменений законодательства

Овчаренко Владислав Денисович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: vlad.ovcharenko.2018@bk.ru

Человечество с каждым днем ускоряет свой шаг на пути к более совершенным технологиям. Цифровизация и автоматизация жизни не только приносят всевозможные блага, но и ставят под угрозу возможность реализации конституционных прав человека. Развитие экономики и других сфер общественной жизни требует взаимодействия на международном уровне, в том числе обмена большим количеством данных и информации. Вследствие этого, проблемы защиты персональных данных стали стоять все более остро. Одним из вызывающих опасение явлений можно назвать трансграничную передачу персональных данных (далее — ПДн).

Согласно ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее — Закон), трансграничной передачей ПДн является такая, которая осуществляется либо на территорию иностранного государства, либо одному из органов власти иностранного государства, либо иностранному физическому или юридическому лицу [2]. В Законе содержится отдельная статья, посвященная трансграничной передаче ПДн — ст. 12. До 14 июля 2022 года трансграничная передача ПДн почти никак не регулировалась. Отсутствовали требования к иностранной стороне — получателю ПДн. Не были урегулированы вопросы, связанные с обеспечением правовой защиты информации, которая передавалась за рубеж. Федеральный законодатель не считал необходимым регулировать механизмы защиты передаваемой информации при трансграничной передаче ПДн. Однако в последнее время общество столкнулось с большим количеством угроз, которые связаны именно с передачей персональных данных в другие юрисдикции.

Стоит перечислить эти угрозы. Во-первых, в сети «Интернет» появилось большое количество сайтов, на которых осуществляется торговля украденными ПДн, что наносит серьезный удар по огромному количеству людей — нарушается их право на неприкосновенность частной жизни, которое гарантируется Конституцией России в ч. 1 ст. 23 [1]. А особую опасность представляет отсутствие ясности в вопросе, кого привлекать к ответственности. Во-вторых, произошла масса крупных утечек ПДн. По данным отчета об исследовании информации ограниченного доступа экспертно-аналитического центра InfoWatch за первое полугодие 2022 года число утечек ПДн в мире выросло в 2 раза, а в России — в 1,5 раза по сравнению с аналогичным периодом 2021 года [4]. Количество записей, которые были скомпрометированы (произошла утечка информации) в России, превысило отметку в 187 миллионов. 13% информации, представленной на «теневых форумах» поступило туда из России. В совокупности данные факторы убедили федерального законодателя в реальности угрозы нарушения конституционных прав

граждан России. Это побудило законодателя внести изменения в сферу регулирования персональных данных в целом и в частности внести ясность в вопрос трансграничной передачи персональных данных.

Однако изменения, внесенные в ст. 12 Закона, являются достаточно дискуссионными. Основной проблемой является соотношение положений Закона с Конституцией РФ. В ч.7 ст. 12 Закона законодатель значительно расширил перечень целей, в связи с которыми может быть ограничено право на неприкосновенность частной жизни, которое, как утверждается в постатейном комментарии к Конституции РФ под редакцией Зорькина, «связано с рядом других прав и свобод, определяющих индивидуальность и автономию человеческой личности» [3]. Среди них появились такие, как «защита экономических и финансовых интересов Российской Федерации» и «другие интересы на международной арене».

Также немало вопросов вызывает и ч. 14 ст. 12 Закона. В ней устанавливается обязанность оператора «обеспечить уничтожение органом власти иностранного государства, иностранным физическим лицом, иностранным юридическим лицом ранее переданных им персональных данных». При обращении к ч. 2 ст. 3 Закона, то увидим, что оператором является государственный орган, муниципальный орган, юридическое или физическое лицо, самостоятельно или совместно с другими лицами организующие и (или) осуществляющие обработку персональных данных, а также определяющие цели обработки персональных данных, состав персональных данных, подлежащих обработке, действия (операции), совершаемые с персональными данными. Это вызывает недоумение. Как оператор должен обеспечить уничтожение ПДн? С помощью каких средств он должен влиять на иностранного субъекта? Как туристический оператор из Иркутска может обеспечить уничтожение переданных им Министерству ремесел, торговли и туризма Франции ПДн?

Таким образом, изучив изменения в законодательстве в области регулирования персональных данных, становится ясно, что к этим изменениям имеется много вопросов. Во-первых, требует разъяснения ситуация с обоснованностью и правомерностью их включения в Закон, из-за которых может ограничиваться конституционное право граждан на неприкосновенность частной жизни. Во-вторых, не ясна ситуация с обеспечением безопасности ПДн после их передачи. В-третьих, необходимо разработать механизм защиты ПДн, которые не представляется возможным уничтожить. Надеюсь, что перечисленные выше вопросы в будущем будут урегулированы.

Источники и литература

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.). Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://www.pravo.gov.ru

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС КонсультантПлюс.

[3] Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) // 2-е изд. под ред. Зорькина В.Д. М: Норма, Инфра-М, 2011 // СПС КонсультантПлюс.

[4] Отчет об исследовании информации ограниченного доступа экспертно-аналитического центра InfoWatch в I половине 2022 года: https://www.infowatch.ru

Проблемы защиты персональных данных

Защита персональных данных школьника

Старикова Анна Дмитриевна

Студент (специалист)

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Юридический институт, Томск, Россия

E-mail: starikovaanuta.2004@yandex.ru

Учебные заведения все чаще переходят на использование электронных журналов. В связи с этим, запрашивают согласие родителей на обработку персональных данных. Однако, в данном вопросе мнения родителей разделились. Одна часть без должного внимания подписывает документ, не обращая внимания на содержание и возможные риски. Другая часть, более внимательно вчитываясь, оказывается в недоумении, так как запросы школы часто выходят за рамки обоснованных целей сбора данных. Кроме того, школы не всегда предоставляют четкие и понятные условия использования и распространения персональных данных. Проведя исследование и проанализировав полученные согласия на обработку персональных данных, было выявлено, что каждое второе содержит ряд сомнительных запросов.

Так, например, в ряде согласий была замечена такая категория данных как данные о здоровье. Включение необоснованных категорий данных, таких как данные о здоровье учащегося или данные медицинской карты, в электронный журнал вызывает сомнения.

Правовая природа понятия «медицинские данные» требует более детального изучения согласно Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ медицинские данные относятся к категории специальных данных, они подлежат повышенной защите и не могут быть разглашены, за исключением случаев, предусмотренных частями 2 и 2.1 статьи 10 [1]. Сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляют врачебную тайну (ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2].

Внимательные родители осознают возможные последствия утечки данных и несанкционированного доступа к ним. Использование или распространение этих данных при утечке может иметь серьезные последствия, включая нарушение приватности, кибербуллинг, кражу личности и другие формы злоупотребления. Родители оценивают эти риски и часто отказываются давать согласие или отзывают его после предоставления.

Пока нет официальной статистики по этому вопросу, но на сайтах семейных юристов можно найти тысячи вопросов взволнованных родителей относительно процедуры отзыва согласия [6].

Когда родители защищают своего ребенка от распространения таких данных путем отзыва или отказа дать согласие, возникает новая проблема, связанная со школой. В данном случае возможны различные негативные последствия, начиная с конфликтов с администрацией и заканчивая предвзятым отношением со стороны учителей. Это

создает затруднения для обеспокоенных родителей, которые не знают, что делать. Если они будут учиться без согласия, то могут возникнуть серьезные проблемы.

Как можно сделать такое согласие реальным? В этом случае важно рассмотреть два аспекта:

1. Согласно статье 55 Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [3], установлен порядок приема на обучение по основным общеобразовательным программам, образовательным программам среднего профессионального образования.

Важно отметить, что при зачислении в любой класс для изучения основных общеобразовательных программ или программ среднего профессионального образования, образовательное учреждение не имеет права требовать предоставление медицинской карты ребенка [5].

Существенным изменением будет введение вариативности в данном вопросе, если родитель осознает риски и желает предоставить данные для обработки, то он может дать согласие на предоставление всех данных. Если же родитель выражает беспокойство о безопасности данных, он может отказаться от согласия на их обработку. Однако это не повлечет за собой никаких проблем в образовательном процессе ребенка. В таком случае личный кабинет системы «Электронный журнал» не будет содержать информацию о здоровье.

2. Кроме того, предлагается внести вариативность в содержание, а именно, дать родителям возможность конкретно указать информацию о здоровье ребенка, такую как аллергические реакции, эпилепсия и прочее.

Эти данные будут доступны учителю только в случае возникновения опасной ситуации, чтобы помочь ему принять соответствующие меры.

В последующих действиях, это может способствовать спасению жизни ребенка в экстренной ситуации.

Немаловажным пунктом в данном вопросе, на мой взгляд, важно изменить и, более точно, определить круг лиц, имеющих доступ к специальным и иногда чувствительным данным, а также важно назначить ответственного в организации за защиту персональных данных [4]. Во многих согласиях нужно заметить следующие фразы: «Настоящее согласие предоставляется на осуществление любых действий в отношении персональных данных моего подопечного, которые необходимы или желаемы для достижения указанных выше целей (без ограничения)» на осуществление любых действий, то есть и свободное распространение можно отнести к целям, и, в случае утечки, ответственность снимается с оператора, что хорошо для него самого, но критически опасно для данных школьников. Также вызывает вопросы формулировка о необходимых и желаемых данных, категория специальных данных должна быть особо защищена и обрабатываться только при необходимости.

Если обратиться к Рекомендации Роскомнадзора от 8 августа 2023 года, а конкретнее к части 4, в которой есть указание на отказ от практики накопления персональных данных «на всякий случай» [4].

Таким образом, если учесть все пункты, то возможно решить проблему с реальностью согласий и повысить доверие родителей данных школе.

Источники и литература

[1] Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ (в редакции от 06.02.2023 N 8-ФЗ) // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3451.

[2] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в редакции от 24.07.2023 N 386-ФЗ) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
[3] Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (в редакции от 04.08.2023 N 479-ФЗ) // СЗ РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.
[4] Рекомендации Роскомнадзора операторам персональных данных URL: https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74733.htm
[5] Разъяснение Старшего помощника прокурора Брянской области Л.С. Кравченко. https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_32/activity/legal-education/explain?item=53123713
[6] Илющенко А. Как отказаться от обработки персональных данных в школе. URL: https://clubtk.ru/kak-otkazatsya-ot-obrabotki-personalnykh-dannykh-v-shkole

Проблемы защиты персональных данных

Возможность отнесения персональных данных к объектам гражданских прав в целях их защиты

Степанова Вероника Сергеевна

Студент (бакалавр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Юридический факультет, Кафедра гражданского права, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: st094391@student.spbu.ru

Персональные данные в современном мире являются важным информационным ресурсом, и их распространение становится повсеместным. При этом, проблематика персональных данных тоже усугубляется, вплоть до того, что доступ к ним может оказаться у различных субъектов как правомерным, так и неправомерным путем.

Решение теоретического вопроса об отнесении персональных данных к объектам гражданских прав дает основание для возможности их распространения в гражданском обороте и необходимо для защиты персональных данных в конкретных ситуациях на практике с помощью применения механизмов гражданско-правовой защиты.

Определение персональных данных, данное в п. 1 ст. 3 ФЗ «О персональных данных», можно назвать довольно общим, так как неясно, какая конкретно информация относится к персональным данным. По сути, это может быть любая информация, имеющая даже косвенное отношение к лицу. В качестве примера в научной литературе приводится доведенная до абсурда ситуация, когда персональными данными признается уровень солнечной активности, влияющей на здоровье человека, что, конечно, на практике вряд ли бы именовалось персональными данными [5, с. 190].

Исходя из понимания законодателя, персональными данными является информация, которая носит конфиденциальный характер. Это связывается со ст. 7 ФЗ «О персональных данных», в соответствии с которой лица, получившие доступ к персональным данным, не вправе раскрывать третьим лицам и распространять персональные данные без согласия лица-субъекта персональных данных. Также персональные данные можно определить и через цель их использования, как в ст. 15 ФЗ «О персональных данных».

Понятие информации, через которое объясняются персональные данные, приводится в п. 1 ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и также является обобщающим, однако в нем подчеркивается нематериальная природа информации.

Положение п. 1 ст. 5 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» указывает на то, что информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений, и фактически подтверждает многогранность информации и сложность ее отнесения к самостоятельному объекту гражданских прав, так как помимо гражданских отношений в норме указывается на публичные и иные правоотношения.

Перечень объектов гражданских прав, установленный в ст. 128 Гражданского кодекса РФ, не упоминает информацию в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, однако так было не всегда. Введение части 4 ГК в 2006 году способствовало

тому, что информация в рамках гражданских правоотношений стала рассматриваться в связи с оборотом результатов интеллектуальной деятельности, например, с базами данных и секретами производства (ноу-хау), согласно ст. 1333 и 1465 ГК РФ, соответственно.

Несмотря на отсутствие упоминания информации в ст. 128 ГК РФ, ее можно рассматривать в качестве объекта гражданского права. По мнению Е.А. Суханова, «если мы имеем дело с охраноспособной информацией — секретом производства, ноу-хау, — то это объект гражданского права ... абстрактная информация — это не объект гражданского права» [9]. Получается, что для включения в гражданский оборот информация должна быть объективизирована в какой-то конкретной форме, чтобы ее отчуждение вообще было возможно.

Для того, чтобы информация рассматривалась в качестве объекта гражданских прав, в научной литературе указывается, что, во-первых, она не должна быть общедоступной, то есть она не должна относиться к общеизвестным сведениям, во-вторых, должна быть охраноспособной, то есть подлежать охране в соответствии с федеральным законодательством, в-третьих, информация должна быть обособленной, то есть иметь определенные идентификационные и индивидуальные признаки, позволяющие выделить ее из общего массива информации и, наконец, должна представлять экономическую ценность [6, с. 27].

С данным перечнем можно согласиться, и в любом случае будет неверным исключать информацию из объектов гражданских прав лишь на основании «формального удаления» понятия из ст. 128 ГК. Фактически, информация так и осталась объектом гражданских прав, а ее проявления теперь раскрываются в 4 части ГК.

Если информация может рассматриваться в качестве объекта гражданских прав, то и персональные данные, как разновидность информации, тоже будут считаться объектом гражданских прав.

Кроме того, персональные данные стоит рассматривать как разновидность нематериального блага, которое в свою очередь прямо называется в перечне объектов гражданских прав в ст. 128 ГК.

Перечень нематериальных благ, установленный в п. 1 ст. 150 ГК, является открытым, а значит возможно отнесение к ним и других объектов, в том числе и персональных данных. Например, в качестве таких благ рассматривают, в том числе, имя, изображение, запись голоса и другие объекты [4, с. 60].

Персональные данные как объект гражданских прав должны соответствовать критериям нематериальных благ. Например, с позиции Т.В. Трофимовой [8, с. 22–26], для возникновения прав на нематериальные блага, во-первых, необязательны дополнительные юридические фактов, они возникают из-за определенных событий, например, с рождения или с создания. Примером этого критерия могут служить биометрические персональные данные, которыми человек обладает с рождения [4, с. 60].

Во-вторых, гражданские права, объектом которых являются нематериальные блага, не подлежат восстановлению в случае их нарушения. Так, распространение персональных данных, например, в сети Интернет, сложно контролируемо, поэтому возможны ситуации, когда «вернуть назад» персональные данные проблематично.

В-третьих, права на нематериальные блага неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. Что касается персональных данных, то в ст. 7 ФЗ «О персональных данных» прямо указывается на их конфиденциальность. А неотчуждаемость проявляется в неразрывной связи персональных данных с субъектом.

В-четвертых, отсутствие имущественного содержания, сложность в точной оценке объекта гражданских прав. В некоторых ситуациях имущественная оценка персональным данным как товару может даваться, но все же ее сложно или даже невозможно определить для всех персональных данных.

В-пятых, нематериальные блага принадлежат, как правило, физическим лицам. Это соответствует легальному определению персональных данных в п. 1 ст. 3 ФЗ «О персональных данных» в отношении принадлежности именно физическому лицу.

Наконец, личный характер нематериальных благ, проявляющийся в том, что осуществлять права на объект может именно правообладатель, а не иные лица. Проявление такого личного характера персональных данных можно найти, к примеру, в п. 1 ст. 9 ФЗ «О персональных данных», в соответствии с которым субъект персональных данных принимает решение о предоставлении его персональных данных и дает согласие на их обработку свободно, своей волей и в своем интересе.

Таким образом, персональные данные действительно можно отнести к объектам гражданских прав, так как они являются разновидностью информации и также могут рассматриваться в качестве нематериального блага, а значит защита персональных данных может быть осуществлена с использованием гражданско-правовых механизмов.

Источники и литература

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».

[2] Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».

[3] Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».

[4] Архипов В.В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или Нет ничего более практичного, чем хорошая теория / В.В. Архипов // Закон. 2018. № 2. С. 52–68.

[5] Наумов В.Б. Понятие персональных данных: интерпретация в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий / В.Б. Наумов, В.В. Архипов // Российский юридический журнал. 2016. № 2 (107). С. 186–196.

[6] Новиков Р.В. Правовое регулирование оборота персональных данных как самостоятельного объекта гражданских правоотношений // Право и государство: теория и практика. 2019. № 3 (171). С. 26–30.

[7] Рузанова В.Д. 2022. Персональные данные как гражданско-правовая категория // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 18, 3(69). С. 77–83.

[8] Трофимова Т.В. Классификация нематериальных благ и ее правовое значение / Т.В. Трофимова // Гражданское право. 2005. № 3. С. 22–26.

[9] Интернет-интервью с Е.А. Сухановым, заведующим кафедрой гражданского права МГУ им. М.В. Ломоносова, заместителем председателя Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, д.ю.н., профессором: «Перспективы развития гражданского законодательства в России: планы и современные реалии» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/law/interview/sukhanov/

Проблемы защиты персональных данных

Правовое определение персональных данных в международном контексте: анализ подходов Японии и России

Фроловская Виктория Дмитриевна

Студент (магистр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Юридический факультет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: vika.frolovskaya@bk.ru

Персональные данные играют значительную роль в современном обществе. Они используются и для анализа деятельности различных субъектов электронной коммерции, и в здравоохранении, и в деятельности правоохранительных органов, и многих других сферах. Многие страны имеют нормативные акты, которые определяют права и обязанности в отношении персональных данных. Такие законы обычно включают требования к согласию субъекта данных на сбор и обработку его информации, право на доступ, исправление и удаление персональных данных, а также меры ответственности в случае нарушения правил их обработки. Тем не менее, использование персональных данных вызывает значительные проблемы. Причина этих проблем зачастую лежит не только в правоприменении, но и в определении данного понятия. Таким образом, актуальность данного вопроса обосновывается необходимостью изучением подходов международного сообщества к формальному определению понятия персональные данные.

Проблема определения персональных данных в контексте информационного права и развивающихся новых технологий широко освещается в работах как зарубежных, так и отечественных ученых. Так, основные аспекты обращения с персональными данными рассматриваются в работах Warren S.D. [14], Banterle F. [9], Beunen A.C. [10] и других исследователей. Стоит отметить и работы японских специалистов: Матсумаэ Сатова [16], Коичи Хасэгава [17] и т.д. В России данные вопросы рассматривают Савельев А.И. [8], Наумов В.Б., Архипов В.В. [6], Грибанов А.А. [12], Дмитрик Н.А. [4], Мираев А.Г. [5] и т.п.

В рамках данного исследования целью является выделение особенностей подходов к определению персональных данных в России и Японии как в нормативном, так и в прикладном аспекте, а также проводится поиск ответа на вопрос, какие общие черты персональных данных существуют в указанных правовых системах. Обе страны находятся на высоком уровне развития цифровизации [15] и обладают потенциалом внести значимый вклад в развитие международных стандартов, политик и мер по регулированию информационных отношений. Основными методами, помимо сравнительного анализа, являются “кейс-стади” и метод анализа документов, использовавшиеся для сбора и интерпретации информации по теме.

Для написания данной работы используется разнообразная источниковая база. Так были рассмотрены законодательные акты и официальные документы указанных регионов, отражающие их позиции в определения содержания персональных данных, например, Федеральный закон “О персональных данных” от 27.07.2006 N 152-ФЗ (для

России) [1], Закон о защите персональных данных (Act on the Protection of Personal Information (Act No. 57 of 2003) (для Японии) [3] и другие. В дополнение к этому, использовались электронные ресурсы, как "Портал открытых данных Российской Федерации" [7], "e-Gov" [13] и т.п.

В ходе исследования автор рассмотрел различные доктринальные подходы к определению персональных данных, включая их узкое и широкое определение. Широкое определение включает информацию, которую можно отнести к конкретному физическому лицу и которая может идентифицировать лицо непосредственно или косвенно [4 с. 46]. При рассмотрении более узкого подхода к персональным данным относят лишь те данные, посредством которых можно непосредственно идентифицировать конкретного человека (например, содержащие фотографию) [6, с. 188]. Тем не менее, многие исследователи на двух основных характеристиках персональных данных — критерий "относимости" информации к определенному лицу и критерии "причинения вреда" при использовании такой информации. Также наблюдалась связь персональных данных с другими проблемами информационного права: определением юрисдикции, анонимизацией, использованием "больших данных". Таким образом, основным теоретическим вопросом является то, где располагается граница между информацией, которая может быть идентифицирована с конкретным лицом, и информацией, которая не подпадает под эту категорию.

И Россия, и Япония придерживаются широкой трактовки данного понятия. Так, в 2011 году в России вступил в силу Федеральный закон "О персональных данных" № 152-ФЗ, согласно которому персональные данные определяются как любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) [1, ст. 3]. Практика в некоторых случаях поддерживает широкий подход (решение Арбитражного суда г. Москвы от 25 мая 2016 года по делу N А40-51869/2016-145-449), в других — сужает это понятие (апелляционное определение Московского городского суда от 28 января 2014 года по делу N 33-5461/14) [5, с. 78]. В Японии определение персональных данных появляется в двух законодательных актах: Законе о раскрытии данных в Японии 1999 года [2, ст. 5 п. i(b)] и Законе о защите персональных данных [3, ст. 2]. Более того, вводится большая классификация персональных данных: "чувствительная персональная информация" [3, ст. 2 п. 3], "анонимно обработанная информация" [3, ст. 2 п. 6], "хранимые персональные данные", "информация, касающаяся к "личности" [17, с. 3] и т.д, что с одной стороны, определяет цели и назначение персональных данных, с другой — усложняет работу с ними.

Таким образом, можно прийти к выводам, что отсутствие формальной определенности понятия персональных данных и в правовых источниках, и в доктрине приводит к использованию на практике различных толкований, что ведет к разным интерпретациям в судебных решениях и в практике. Анализ указывает на разнообразие подходов, присущих каждой из этих юрисдикций, и подчеркивает необходимость обеспечения надлежащей защиты персональных данных на международном уровне.

Источники и литература

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ "О персональных данных" [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (Дата обращения: 17.07.2023).

[2] Act No. 42 of May 14, 1999 [Электронный ресурс] URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/AAIHAO.pdf (Дата обращения: 07.03.2023)

[3] [Ко:ин цинжо но хого ни кансуру хо:рицу (Хэйсэй дзю:го нэн хо:рицу дай годзюнана го)] (Act on the Protection of Personal Information, APPI) // E-Gov. 30.05.2003 [Электронный ресурс] – URL: https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=415AC0000000057. (Дата обращения: 17.07.2023).
[4] Дмитрик Н.А. О правовой природе согласия на обработку персональных данных // Законодательство. – 2018. – No 5. – С. 41–47.
[5] Мираев А.Г. Понятие персональных данных в Российской Федерации и Европейском союзе // Юридическая наука. 2019. № 5.
[6] Наумов В.Б., Архипов В.В. Понятие персональных данных: интерпретация в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // Российский юридический журнал. — 2016. — No. 2. — С. 186–196.
[7] Портал открытых данных Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: https://data.gov.ru/ (Дата обращения: 23.02.2023)
[8] Савельев А.И. На пути к концепции регулирования данных в условиях цифровой экономики // Закон. — 2019. — No. 4. — С. 174–195.
[9] Banterle F. The interface between data protection and IP law: the case of trade secrets and the database sui generis right in marketing operations, and the ownership of raw data in big data analysis // Personal Data in Competition, Consumer Protection and Intellectual Property Law. — Springer, Berlin, Heidelberg, 2018. — P. 411–443.
[10] Beunen A.C. Protection for databases: The European database directive and its effects in the Netherlands, France and the United Kingdom. — Leiden University, 2007.
[11] Data protection laws of the world: Japan // DLA Piper [Электронный ресурс] URL: https://www.dlapiper.com/en. (Дата обращения: 17.07.2023)
[12] Gribanov A.A. Obshchii reglament o zashchite personal nykh dannykh (General Data Protection Regulation): idei dlia sovershenstvovaniia rossiiskogo zakonodatelstva // Zakon. 2018. N 3. pp. 149–162.
[13] E-Gov [Электронный ресурс] URL: https://data.e-gov.go.jp/info/en (Дата обращения: 12.05.2023)
[14] Warren S.D., Brandeis L. The Right to Privacy // Harvard Law Review. — 1890. — Vol. 4. — No 5. — P. 193–220.
[15] World Competitiveness Ranking. International Institute for Management Development [Электронный ресурс] URL: https://worldcompetitiveness.imd.org/rankings/wcy (Дата обращения: 05.05.2023)
[16] [Матсумаэ Сатова. Состояние законодательства о защите персональных данных в государственном секторе: значение и проблемы поправок 2021 года] // [Джо:хо: Хо:сэй Кэнкю:] том 10 стр. 42–55.
[17] [Коичи Хасэгава. “Персональная информация” и “информация, касающаяся физического лица” в японском законодательстве о защите персональной информации] // Хо:коку Дэнсика Читэки Дзайсан Сякай Кибан (EIP) 27.05.2019. URL: https://ipsj.ixsq.nii.ac.jp/ej/?action=pages_view_main&active_action=repository_view_main_item_detail&item_id=195943&item_no=1&page_id=13&block_id=8 (Дата обращения: 07.03.2023).

Проблемы защиты персональных данных

О юридическом обосновании деятельности негосударственной организации как оператора государственной единой биометрической системы

Целищев Антон Александрович

Аспирант

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия

E-mail: 523232@bk.ru

Одним из знаковых событий середины 2023 года стала рассылка сообщений гражданам России о надвигающемся “цифровом ГУЛАГе” и необходимости в этой связи обратиться в многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг для оформления отказа от сбора и размещения их биометрических персональных данных в целях проведения идентификации и (или) аутентификации.

Достаточной официальной оценки Правительства России этому не последовало, как не было в свое время адекватного объяснения причины такой общественной реакции — принятии законопроекта № 211535-8, призванного, по заверению ее авторов, в общем смысле обеспечить информационную безопасность человека посредством защиты его биометрических персональных данных. При этом сложно не согласиться с Я.В. Смирновой, указывающей на то, что внушительный уровень внедрения биометрических технологий практически во все сферы жизни человека и слабая их защищенность в виду несовершенного правового регулирования делает биометрические данные особой чувствительной категорией персональных данных [2, с. 160]. В этом случае законодательное регулирование кажется очевидным, а опасения граждан неоправданными.

Соглашаясь с таким вывовом, в официальном отзыве Правительство России на данный законопроект указывает, что предлагаемый документом механизм централизации хранения биометрических персональных данных в единой биометрической системе и переход на векторную модель работы позволит не только обеспечить надежное хранение и повышение эффективности защиты биометрических персональных данных, но и не потребует выделения дополнительных средств из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. При этом в научных кругах подобные механизмы не рассматриваются как бесплатные, более того, требуют серьезного финансирования, хотя в силу цифровизации экономических процессов и перехода в значительной мере на дистанционные формы коммуникации делают такие вложения возвратными, а соответствующую деятельность прибыльной, если ориентироваться на объем мирового рынка биометрических систем, который демонстрирует ежегодный прирост в среднем около 15%, тогда как рынок соответствующих технологий на 2023 год должен составить порядка 41,8 млрд. долл. США при среднегодовом темпе роста в 19,99% [1, с. 53].

Вместе с тем сам Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ не только легализует в качестве основы механизма централизации государственную информационную систему “Единая система идентификации и аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных”, но и описывает правовой статус оператора

единой биометрической системы в качестве субъекта ее оперативного управления. Таковым согласно Постановлению Правительства России от 16.12.2022 № 2326 является акционерное общество "Центр Биометрических Технологий", являющееся российским юридическим лицом, являющимся владельцем технических средств, предназначенных для обработки информации, содержащейся в единой биометрической системе, а также обладающее исключительным правом на программу для электронных вычислительных машин, обеспечивающую функционирование единой биометрической системы и обработку содержащейся в ней информации. Участниками организации, как следует из Указа Президента России от 30.09.2022 № 693, являются Российская Федерация, Центральный банк России, а также публичное акционерное общество "Ростелеком".

Можно предположить, что решение об осуществлении функций оператора единой биометрической системы коммерческой организацией обусловлено оптимизацией финансовых вложений государства в реализацию высокотехнологичных проектов, а также наличием более совершенного кадрового потенциала в бизнес-структурах, нежели в государственно-административных, однако сама идея централизованной передачи биометрических данных граждан корпорации может выглядеть, как представляется, в глазах обывателей весьма сомнительно, учитывая упомянутый опыт середины 2023 года.

Важным в этой связи, полагаем, должно быть не только адекватное информирование граждан о целях и последствиях сбора и размещения их персональных данных в единой биометрической системе, но и более глубокая законодательная проработка самого механизма централизации биометрических персональных данных в части материально-правового основания осуществления коммерческой организацией функций оператора государственной системы.

Анализ положений профильного закона, регламентирующего деятельность оператора единой биометрической позволяет заключить, что акционерное общество "Центр Биометрических Технологий" по сути осуществляет отдельные государственные полномочия, связанные с получением и передачей биометрических персональных данных граждан, которые должны быть ей должным образом переданы для осуществления и оперативного контроля. Такой подход, к слову, не является новым и имеет, как кажется, восходящий тренд. В качестве примера аналога можно назвать общество с ограниченной ответственностью "Оператор-ЦРПТ", осуществляющее отдельные государственные полномочия в рамках функционирования национальной системы маркировки и прослеживания продукции "Честный знак", что согласовывается с положениями действующего законодательства и опытом его применения [3, с. 70].

Несмотря на отсутствие детально проработанного законодательного механизма, регламентирующего порядок передачи отдельных государственных полномочий акционерному обществу "Центр Биометрических Технологий" и порядка их осуществления хозяйствующим субъектом, есть предположение, что материально-правовым основанием такого делегирования государственно-властных полномочий негосударственным организациям являются статья 78 Конституции России, приписывающая федеральным органам исполнительной власти право передавать осуществление части своих полномочий органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Органы местного самоуправления могут наделяться федеральным законом, законом субъекта Российской Федерации отдельными государственными полномочиями, как следует из статьи 132 Конституции России.

В этой связи следует признать, что вопрос обеспечения информационной безопасности человека посредством защиты его персональных данных находится в поле зрения

законодателя, тогда как механизм функционирования единой биометрической системы, несмотря на фрагментарное законодательное регулирование, по умолчанию дополняемое институтом передачи отдельных государственных полномочий негосударственной организации как прозрачным способом административного и корпоративного контроля над такой организацией, а также наделения основаниями осуществления публичных функции частным хозяйствующим субъектом, позволяет находить юридическое обоснование деятельности акционерного общества "Центр Биометрических Технологий" в качестве оператора государственной единой биометрической системы на законных основаниях.

Источники и литература

[1] Колкарева И.Н., Колмыков А.В. Идентификация человека в условиях цифровой экономики. Состояние и проблемы регулирования // Закон и право. № 8. 2020. С. 53–55.

[2] Смирнова Я.В. Особенности содержания понятия "биометрические данные" в праве Европейского союза // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. № 7. 2021. С. 160–167.

[3] Целищев А.А., Михеева Т.Н. Государственные полномочия как объект передачи негосударственным организациям // Образование и право. № 9. 2021. С. 67–71.

Круглый стол по теме «Проблемы реализации конституционных прав и свобод в сети Интернет»

Проблемы реализации конституционных прав и свобод в сети Интернет

Право на доступ к информации о деятельности судов в контексте электронного правосудия

Атажанов Фархад Сардорович

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра конституционного и муниципального права, Москва, Россия

E-mail: farkhad.atazhanoff@gmail.com

Федеральная система ГАС "Правосудие", вопреки своей официальной дефиниции, не только предоставляет доступ к официальным интернет-сайтам федеральных судов и архивам электронных документов, но и позволяет вести картотеку судебных дел, проводить электронные судебные заседания и обращаться в суды в электронном формате. Первоначально система была создана для работы с федеральными судами общей юрисдикции, но затем к ней подключили информационную систему "arbitr.ru", которая обслуживает арбитражные суды. Кроме того, сейчас через ГАС "Правосудие" можно получить доступ к данным о делах и решениях мировых судей, рассматриваемых в рамках отдельных судебных участков.

Если в Соединенных Штатах доступ к судебным решениям и документам по делам, как правило, является платным и оправдывается необходимостью оплаты расходов на поддержку системы PACER, то в Российской Федерации распространено мнение, что такой подход нарушает принцип прозрачности суда и открытости правосудия. По этой причине доступ к информационной системе ГАС Правосудие предоставляется бесплатно.

Открытость, гласность, прозрачность, транспарентность правосудия, выражающаяся в неограниченном доступе к информации о деятельности судов и повышении уровня правовой осведомленности граждан о судоустройстве и судопроизводстве, преследует цель повышения доступности судебной защиты, а также цель обеспечения единообразия судебной практики, справедливого судебного разбирательства, общественного контроля за деятельностью судов и, в конечном счёте, поддержания доверия общества к суду.

При этом во всех правовых системах отмечается проблема пределов открытости суда, обусловленная конфликтом между правом на доступ к информации о деятельности суда, с одной стороны, и правом на личную тайну или на уважение частной жизни.

В странах англосаксонской системы права распространена точка зрения, что приватность (privacy) не должна быть основанием для скрытия информации, представляющей публичный интерес и которая по своей сущности не может быть приватной. Это положение, безусловно, применяется и к публичным судебным процессам и согласуется с основными принципами Декларации Атлантики и Плана Действий по развитию права на доступ к информации, утвержденных в 2008 году.

Причем в американской системе электронного правосудия публичный доступ предоставляется как к решениям, так и ко всем материалам дела, без сокрытия личных данных участников процесса.

В России задача реализации конституционного принципа открытости правосудия, конституционного права на доступ к информации сталкивается с обеспечением права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, права на недопустимость распространения информации о частной жизни лица, что выражается в российском законодательстве в гарантиях защиты персональных данных. Кроме того, открытость правосудия обеспечивается в соответствии с конституционными требованиями охраны нравственности, здоровья, обороны и безопасности, а также ограничениями доступа к сведениям, составляющим государственную тайну.

Общее правило размещения информации о деятельности судов в сети Интернет гарантировано Законом о доступе к информации. В то же время в Российской Федерации, в отличие от США, до всеобщего сведения доводится только итоговое решение по делу, а не его полное досье. В этом случае предоставляемую информацию нельзя считать полной.

Кроме того, Закон о доступе к информации о деятельности судов в целях обеспечения безопасности участников судебного процесса и защиты охраняемых законом тайн при размещении судебных актов в сети Интернет предполагает следующие исключения:

— частичное исключение из размещаемых текстов решений определенных данных и информации (персональных данных или сведений, составляющих охраняемую законом тайну)

— неразмещение судебного решения в открытом доступе вовсе.

Вместе с тем имеются такие другие персональные данные, отсутствие которых в тексте судебного акта не позволяет понять сути спора, что ограничивает действие принципа открытости судебного разбирательства.

Другое важное изъятие из принципа открытости правосудия — установление достаточно широкого перечня дел, по которым судебные решения вовсе не подлежат размещению в сети Интернет. Несмотря на наличие значимых конституционных целей ограничения права на доступ к информации о принятых судебных решениях, вызывают возражения крайне общие формулировки исключений, примененные законодателем.

Наряду с категориями дел, затрагивающими сферы, которые могут быть связаны с охраняемыми законом тайнами, в Закон о доступе к информации включены дела, связанные с особенностями производства по ним в судах общей юрисдикции, а именно: дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение; дела приказного производства по ГПК РФ и КАС РФ. Соответственно, решения, принимаемые по этим категориям дел в судах общей юрисдикции, не подлежат размещению в сети Интернет, в отличие — от АПК РФ (где такой категории дел попросту нет).

К слову, субъектом персональных данных являются физические лица, а значит, ограничение доступа к информации по этому основанию превалируют в деятельности судов общей юрисдикции, нежели арбитражных судов.

Представляется, что все эти вопросы нуждаются в комплексном решении с позиций конституционных принципов и прав как в концепциях развития электронного правосудия, так и в текущем законодательстве.

Источники и литература

[1] Гриценко Е.В., Ялунер Ю.А. Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации: значение опыта стран общего права для России // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. N 3. С. 97–129.

[2] Jennen S.M. Privacy and Public Access to Court Records / National Center for State Courts, 1995. P. 19. URL: https://cdm16501.contentdm.oclc.org/digital/collection/accessfair/id/222 (дата обращения: 24.09.2023).

[3] Winn P. Online court records: Balancing judicial accountability and privacy in an age of electronic information // Washington Law Review. Vol. 79. 2004. No. 1. P. 307–330.

Проблемы реализации конституционных прав и свобод в сети Интернет

Онлайн-акции как форма реализации права на проведение публичных мероприятий в сети Интернет

Ковалева Наталья Сергеевна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра конституционного и муниципального права, Москва, Россия

E-mail: yfntkkf-yfnf@yandex.ru

В настоящее время акции, направленные на выражение мнения по различным вопросам жизни страны и внешней политики, могут проводиться полностью в виртуальном формате: в виде конференций, трансляций, публикаций постов, сообщений в социальных сетях, приложениях и т.д. Известен, например, протест против введения ограничений в период пандемии, который прошел в приложении «Яндекс.Карты»: пользователи оставляли комментарии на участке карты перед официальными зданиями [6].

Не определено, распространяется ли на такого рода мероприятия (далее — онлайн-акции) действие Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (далее — Закон о публичных мероприятиях). Существует мнение, что онлайн-акции имеют сходства с митингами, под местом проведения мероприятия можно понимать и виртуальную площадку, под присутствием граждан — и онлайн-присутствие [4, с. 33]. Однако онлайн-акции имеют свои особенности, которые не позволяют в полной мере распространить на них традиционный режим публичных мероприятий [5, с. 162–163]. В данном исследовании хотелось бы отметить следующее:

1. Онлайн-акции могут длиться неопределенный промежуток времени; ограничения, предусмотренные статьей 9 Закона о публичных мероприятиях, не применимы к ним хотя бы из-за трудности определения местного времени, поскольку в мероприятии могут принимать участие жители различных регионов страны.

2. Некоторые форматы онлайн-акции не позволяют выделить ее организатора. Таковы, например, уже упомянутые протесты в приложении «Яндекс.Карты»: даже если они имеют инициатора, последний не может выполнять функции организатора по обеспечению общественного порядка, прекращению или приостановлению мероприятия, в отличии, например, от организатора конференции, которому виртуальная площадка предоставляет право удалить участника, ограничить его возможность выступать, а также запретить вход новых участников.

3. Особую роль играет модератор площадки, на которой проходит акция. Он может применить санкции к ее участникам: удалить сообщения; заблокировать пользователю доступ к площадке. При этом он руководствуется не только федеральным законодательством, но и правилами онлайн-площадки, которые потенциально могут в большей степени ограничивать высказывания участников.

4. Не каждая виртуальная платформа обязана допускать проведение онлайн-акции. Заслуживает внимание аргументация компании «Яндекс»: комментарии «митинговавших» были удалены, поскольку не отвечали целям приложения — сообщениям о ситуации на дорогах. Представляется, что только площадки, предназначенные для общения пользователей на неограниченный круг тем, могут быть обязаны допускать проведения таких онлайн-акций.

5. Спорным является вопрос о необходимости распространения уведомительного порядка на онлайн-акции [3, с. 335; 5, с. 163]. Предварительное уведомление органов власти о проведении публичного мероприятия необходимо, чтобы они обеспечили общественный порядок, в том числе оценили риски нарушения прав других лиц при проведении мероприятия в конкретном месте [2]. Однако на онлайн-площадке большими возможностями обеспечения порядка обладают организаторы или модераторы площадки, а такие проблемы, как затруднение уличного движения, доступа к общественным местам, вообще не стоят — зато появляются иные: может быть затруднено использование онлайн-сервисов иными лицами. Но оценить эти риски органы публичной власти не могут. В связи с этим обязанность предварительного уведомления в отношении онлайн-акции, тем более за 10 дней, представляется необоснованной.

Таким образом, хотя онлайн-акции имеют те же цели, принципы и частично сходные формы, что и традиционные публичные мероприятия, Закон о публичных мероприятиях не может адекватно их регулировать. Они требуют особого правового режима с учетом вышеперечисленных особенностей.

Источники и литература

[1] Федеральный закон от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (с изм. и доп. от 5 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2485; 2022. № 50. Ст. 8792.

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 мая 2012 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 3 части 4 статьи 5 и пункта 5 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина С.А. Каткова» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». База данных «Судебная практика»

[3] Бадюл О.С., Григорьев Е.Н. Цифровые публичные мероприятия в конституционной парадигме прав и свобод личности // Baikal Research Journal. 2023. № 1. С. 330–337.

[4] Максимов А.А. Онлайн-митинг как способ реализации политических прав человека // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 2. С. 30–38.

[5] Симонова С.В. Митинги онлайн: каков правовой режим их организации и проведения? // Государство и право. 2020. № 12. С. 160–164.

[6] Обзор СМИ за 21 апреля // Право.ру. 2020. 21 апр. URL: https://pravo.ru/story/220844/ (дата обращения: 23.09.2023)

Проблемы реализации конституционных прав и свобод в сети Интернет

Частноправовые ограничения свободы слова в социальных сетях

Котельников Дмитрий Александрович

Студент (бакалавр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Юридический факультет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: kotd1806@gmail.com

Современная правовая демократия немыслима без свободы слова. В качестве субъективного публичного права она признаётся за каждым человеком как возможность беспрепятственно в любой доступной форме выражать своё мнение по тому или иному вопросу. Степень признания и защищённости свободы слова следует оценивать прежде всего по тому, как государство регулирует распространение информации, реагирует на критику в свой адрес, поддерживает баланс между свободой выражения мнений и другими правами человека, гарантирует свободу слова в отношениях между частными лицами. Общепризнанным является подход, согласно которому права, которые человек имеет в офлайновой среде, должны также защищаться и в онлайновой среде [1, с. 2]. Поэтому цифровизация общественной дискуссии нисколько не снимает с публичной власти обязанность соблюдать и защищать свободу слова, принадлежащую каждому человеку и одновременно представляющую собой высшую конституционную ценность. Однако такая трансформация сопровождается рядом проблем теоретического и практического характера.

Правовое регулирование свободы слова, реализующейся в электронных сервисах, позволяющих посредством персональной учётной записи размещать информационные материалы для неограниченного круга лиц, сопряжено с делегированием публичных полномочий частным лицам [2, с. 48]. Обязывая владельцев сайтов контролировать соблюдение законодательства их пользователями, государство решает проблему ограниченности ресурсов собственных надзорных органов, не вынуждая их обрабатывать и проверять большой объём информации. С одной стороны, такое делегирование соответствует универсальной обязанности любого субъекта соблюдать действующее законодательство и специфике деятельности владельцев сайтов, которым доступна любая публикуемая на их площадке информация. С другой стороны, государство не может не учитывать существование конституционно обусловленных пределов исполнения публичных функций частными лицами. Регулирование и ограничение прав человека — прерогатива государства, а любое санкционированное государством принудительное воздействие на размещённую информацию, включая её удаление, является не чем иным, как правоприменительным актом, ограничивающим права человека. Передача этой функции частным правоприменителям должна обязательно сопровождаться передачей ответственности за принимаемые решения и контролем со стороны уполномоченного государственного органа.

Описанная особенность имеет место, когда контролирующее социальную сеть лицо обязано соблюдать требования закона и не допускать злоупотреблений свободой слова, запрещённых публичной властью. Однако многие владельцы сайтов руководствуются не только нормативными актами государства, но и правилами сообщества, регулирующими поведение пользователей на конкретной платформе. Особое значение в них имеет перечень запрещённой к распространению информации. Как правило, основные виды нежелательных материалов совпадают с теми, доступ к которым ограничивается на основании закона, такими как угрозы и агрессивные призывы, возбуждение ненависти к различным социальным группам, пропаганда насилия, терроризма и другими. Тем не менее владелец сайта, востребованного по всему миру, может вкладывать в наименование категории запрещённой информации иной смысл, не совпадающий с содержанием национального законодательства, или объявлять неприемлемыми другие материалы, не запрещённые законом.

Особенно часто ограничивается доступ к материалам, содержащим недискриминирующие оскорбления, унизительные или стыдящие комментарии, сцены жестокого насилия и откровенно сексуального характера, отрицание достоверных сведений о массовых актах насилия. Подобные ограничения можно найти в правилах стриминговой платформы Twitch, фотохостинга Pinterest, социальных сетей Twitter и Instagram (деятельность компании Meta Platforms Inc. по реализации продукта Instagram на территории Российской Федерации запрещена). В то же время национальные законы обычно допускают распространение перечисленной информации, запрещая только одобрительное отношение или призывы к деструктивным явлениям либо вводя возрастные ограничения.

Также отмечается проблема неясности правил сообщества и возможность платформы в одностороннем порядке изменять их [3, с. 66]. Но если к нормотворческим органам государства могут быть предъявлены обоснованные требования о соблюдении правовой определённости, чёткости и ясности формулировок, обеспечивающих предсказуемость действий правоприменительных органов, то интернет-компании формально остаются частными лицами, не обязанными беспокоиться о соблюдении защищаемого правовой определённостью равенства всех перед законом и судом и поддержании доверия к себе.

Для решения этой проблемы необходимо либо признать наделение таких компаний публично-правовым статусом и распространить на них упомянутые конституционные требования, либо, оставаясь в сфере частноправового регулирования, искать баланс между свободой пользовательского соглашения, заключая которое человек принимает в том числе правила сообщества, и добросовестным поведением владельца сайта, который не вправе злоупотреблять неточными формулировками собственных правил и должен стремиться к их совершенствованию. Второе решение представляется более адекватным и справедливым. Само по себе наличие внутренних правил платформы не свидетельствует о государственно-властных признаках администрирующей её организации. Выполнение конституционно значимых функций по ограничению доступа к деструктивной информации также не «опубличивает» владельцев социальных сетей: важную для всего общества роль играют образовательные и медицинские учреждения, производители товаров первой необходимости, институты гражданского общества, однако от этого они не приобретают статус *state actor*. Например, в американском публичном праве для признания частного лица публичным субъектом необходимо установить, что осуществляемая им функция является исключительной и традиционной прерогативой государства [4, с. 48]. В то же время модерация контента как часть редакторской

политики характерна для многих средств массовой информации и других медиаресурсов, действующих в общедоступном и общезначимом поле. Учитывая, что они в этих случаях не контролируются государством, не наделяются от его имени полномочиями, говорить об их обязанности соблюдать конституционные принципы и права человека весьма затруднительно.

Более того, абсолютный запрет на установление не предусмотренных законом ограничений существенно сужает возможности владельцев сайтов свободно вести свою коммерческую, информационную и творческую деятельность. Хотя многие государства стремятся к «локализации» корпоративных политик интернет-компаний в соответствии с требованиями национального нормативно-правового регулирования [5, с. 2], представляется, что власти не могут полностью отказать владельцу социальной сети в праве самостоятельно определять требования к размещаемому в ней контенту. Здесь свободе слова пользователей противостоит свобода предпринимательства и включённая в неё свобода договора, гарантированные всем организациям, администрирующим социальные сети. Уравновесить их должна публичная власть, в том числе через инструменты судебной защиты прав человека, подлежащих охране и в частноправовых отношениях. Поэтому допущение локальных ограничений распространения информации, вводимых владельцем сайта, не снимает с государства обязанность обеспечить заблокированным или подвергшимся иным санкциям пользователям возможность обжаловать действия интернет-компании как частного лица в суде. Аналогичный механизм должен работать и в отношении ограничений, применённых на основании законов государства.

В настоящее время, когда значительная часть взглядов, оценок, идей и мнений выражается в онлайн-среде, государству по-прежнему приходится в равной мере защищать традиционные права и свободы человека, однако находящие себя в новых, противостоящих друг другу формах. Наделение интернет-компаний правами регулятора информации несёт значительные риски для свободы слова как демократической ценности, поскольку на них не распространяется обязанность соблюдать конституционные права человека, принципы формально-правового равенства, пропорциональности ограничения прав, правовой определённости. Вместе с тем опасность бесконтрольной, непредсказуемой цензуры в социальных сетях не может быть устранена путём ущемления конституционных свобод владельца сайта. «Горизонтальный» эффект прав человека может оказаться крайне обременительным для таких организаций, не наделённых публичными полномочиями. Вероятно, признание возможности социальных сетей устанавливать собственные ограничения доступа к информации должно сопровождаться законодательным установлением обязательных требований к таким ограничениям, их форме, порядку введения и изменения.

Источники и литература

[1] Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете: резолюция Комитета по правам человека A/HRC/38/L.10/Rev.1 от 4 июля 2018 года.

[2] Емельянов Д.С., Овчинников А.А. Ограничение права на свободу слова в эпоху социальных сетей // Образование и право. 2021. № 3. С. 46–53.

[3] Флитер Я.С. Реализация свободы слова в цифровой среде // Цифровое право. № 2 (3). С. 55–70.

[4] Matthew P. Hooker. Censorship, Free Speech & Facebook: Applying the First Amendment to Social Media Platforms via the Public Function Exception // Washington Journal of Law on Journal of Law, Technology & Arts, vol. 15, no. 1, art. 3, 2019, pp. 36–73.

[5] Краткий сравнительно-правовой анализ мер по противодействию распространения противоправного (деструктивного) контента в сети Интернет / В.А. Виноградов [и др.] // АНО «Центр компетенций по глобальной ИТ-кооперации», Высшая школа экономики. URL: https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/496608248.pdf

Проблемы реализации конституционных прав и свобод в сети Интернет

Неограниченное перенаправление электронных сообщений как угроза реализации конституционного права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в сети «Интернет»

Лещинский Максим Игоревич

Студент (магистр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Нижний Новгород, Факультет права, Нижний Новгород, Россия

E-mail: leschinskijmi@studklg.ru

Мировое сообщество все больше и больше погружается в мир цифровой реальности, центральное место которой занимает сеть «Интернет». Отношения, складывающиеся в цифровой реальности, все сильнее оказывают влияние на жизнь общества, проникают в него и укореняются в нем. Неудивительно, что государства будут стремиться создать способ, который позволит урегулировать данные отношения. Одним из таких инструментов служит право, которое пытается сформировать и закрепить эффективное правовое регулирование общественных отношений в цифровой реальности. Сегодня остро стоит вопрос, как право должно проникнуть в данную сферу, чтобы сохранить гарантированные права и свободы человека и гражданина, но при это не позволить им выйти за рамки ограничений, которые установлены в реальном мире, но которые представляется сложным реализовать в сети «Интернет». На сегодняшний день основу межличностного общения составляет общение людей посредством мессенджеров, социальных сетей и электронных почтовых ящиков. В связи с этим, одним из таких прав, над реализацией в сети «Интернет» которых стоит задумываться законодателю, является конституционное право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, над которым в современных менеджерах, социальных сетях и электронной почтовой сетью стоит угроза его нарушения. Поэтому объектом исследования стало конституционное право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Цель исследования — изучить институт реализации права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в сети «Интернет»

Задачи исследования:

1) установить, что понимается под правом на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в сети «Интернет»;

2) определить механизм реализации исследуемого права;

3) найти проблемы в реализации права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в сети «Интернет» и предложить способ их разрешения.

Теоретическую основу исследования составили труды Григорьева И.Б. [8], Овсянникова Ю.В., Шарабаева А.М. [9], Пирбудагова Д.Ш. и Садикова И.С. [10]

Нормативную основу исследования составили Конституция РФ [1], Уголовный кодекс РФ [2], Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 N 126-ФЗ [3] и Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4], Постановление от 26.10.2017 N 25-П [6] и Определение от 02.10.2003 N 345-О Конституционного Суда РФ [5], а также Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 46 [7].

Методологическую основу исследования составляют такие методы, как: общенаучный, а именно диалектический. Так же использовался анализ и синтез, социологический, формально-юридический, сравнительный, логический и системный методы исследования.

Результаты исследования изложены в тезисах, содержание которых сводится к следующему:

1) Говоря о реализации цифрового права на тайну связи в сети Интернет, можно сказать о сложившемся механизме правового регулирования данного права, который обязал операторов связи и владельцев сайтов в Интернете, связанных с межличностным общением, соблюдать и обеспечивать охраняемую Конституцией тайну. Помимо этого, законодательно предусмотрено также существование санкционного способа реализации конституционного права, который выражается в привлечении к ответственности лица, совершившего нарушение исследуемой тайны.

2) На сегодняшний день многие мессенджеры, социальные сети и электронные почтовые ящики разработали и внедрили одну удобную и замечательную функцию, как перенаправление сообщений другим пользователям. Такая функция является атрибутом большинства социальных сетей нашего времени и в определенных случаях полезна, когда, например, нужно скинуть одно и то же сообщение разным людям или переправить интересную информацию, переправить видео и аудио, полученного от одного, другому, или же переправить высказывания человека по той или иной ситуации. На первый взгляд кажется, что это удобный и полезный инструмент, который значительно упрощает коммуникацию в электронном пространстве, но без определенных ограничений данная функция представляет угрозу нарушения права на тайну связи, так как в указанных ресурсах порою можно переслать все сообщения, которые состоялись между лицами, без какого-либо уведомления лица, переписка с которым велась, что как мы знаем является уголовно-наказуемым деянием.

3) В связи с тем, что права человека и гражданина в Российской Федерации не только защищаются в случае их нарушения, но и охраняются, необходимо разработать такой правовой институт, который бы позволил ограничить указанную функцию в мессенджерах, социальных сетях и электронных почтовых ящиках в разумных объемах. Например, обязать владельцев указанных ресурсов внедрять следующие функции как предупреждение пользователей о переправления их сообщения другим лицам, возможность полного запрета одним пользователем для другого пересылать сообщения первого третьим лицам, а также запрета функции снимка экрана в открытом чате с пользователем. При этом законодательно необходимо предусмотреть административную ответственность за несоблюдение данного требования для владельцев мессенджера, социальной сети или владельца электронной почтовой сети как несоблюдение обязанности по обеспечению охраны права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

В заключении стоит отметить, что исследованная угроза для права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, которая

не является единственной для данного права, свидетельствует о том, что современное правовое регулирование цифровой реальности далеко от совершенства и требует осмысленного отношения. В первую очередь это связано с тем, что отношения в цифровой реальности в действительности повторяют реально существующие общественные отношения, поэтому они требует закрепление тех же гарантий, что и реальные. Но, как показывает исследование, простого закрепление гарантий реализации конституционных прав и свобод недостаточно и требует дополнительного правового регулирования с учетом особенностей среды, в которых данные права закреплены. Так закрепление права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в сети «Интернет» требует также закрепление определенных требований для тех интернет-ресурсов, с помощью которых происходит межличностное общение, например, требования по обеспечению возможности пользователям запрещать перенаправление своих сообщений в переписке третьим лицам. В связи с этим, законодателю следует осмыслено и внимательно вводить правовое регулирование в цифровой сети, чтобы максимально исключить возможность формирования угроз нарушения гарантированный Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина.

Источники и литература

[1] «Конституция Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс: [сайт] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.09.2023)

[2] «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 188-ФЗ // СПС КонсультантПлюс: [сайт] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 20.09.2023)

[3] Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 N 126-ФЗ // СПС КонсультантПлюс: [сайт] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения: 20.09.2023)

[4] Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС КонсультантПлюс: [сайт] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 20.09.2023)

[5] Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 N 345-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года «О связи» // СПС КонсультантПлюс: [сайт] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45175/ (дата обращения: 20.09.2023)

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 N 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова» // СПС КонсультантПлюс: [сайт] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_281568/ (дата обращения: 20.03.2023)

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС КонсультантПлюс: [сайт] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314616/ (дата обращения: 20.09.2023)

[8] Григорьев И.Б. Конституционное право на тайну сообщений как элемент института неприкосновенности частной жизни в Российской Федерации: специальность 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» : автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Москва, 2006. 25 с.

[9] Овсянников Ю.В. К вопросу о конституционно-правовой ответственности за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в Российской Федерации / Ю.В. Овсянников, А.М. Шарабаева // Modern Science. 2020. № 4–2. С. 83–86.

[10] Пирбудагова Д.Ш. Право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений: проблемы реализации / Д.Ш. Пирбудагова, И.С. Садикова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2011. № 1. С. 33–35.

Проблемы реализации конституционных прав и свобод в сети Интернет

Реализация культурных прав человека и гражданина в сети Интернет

Макарычева Кристина Сергеевна

Студент (бакалавр)

Южно-Российский институт управления (филиал) Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Юридический факультет, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: makarycheva04@list.ru

На сегодняшний день повесткой в развитии российского общества выступают принципиально важные цели и задачи по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере информационных технологий.

Информационное общество не так давно охватило практически все сферы общественной жизни, но отделение сети Интернет от нее уже немыслимо в нынешних реалиях.

Одно из перспективных и значимых направлений государственной деятельности в сфере сети Интернет — обеспечение и реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Во-первых, это объясняется тем, что информационно-коммуникационное пространство идет рука об руку с человеческой жизнедеятельностью, являясь, по сути, второй реальностью, нуждающейся в правовом регулировании наравне с физическим миром.

Во-вторых, сеть Интернет предоставляет множество дополнительных, нередко более удобных, способов реализации принадлежащих человеку прав и свобод.

Исходя из смысла Указа Президента «О стратегии развития информационного общщества в Российской Федерации на 2017–2023 годы» [1], приоритетом развития информационного общества является культурно-социальное развитие, выражающееся в законодательном обеспечении культурных прав и свобод человека и гражданина.

Следовательно, конституционные культурные права находят пути собственного обеспечения и через сеть Интернет.

Во-первых, право на доступ к культурным ценностям. Данное право в сети Интернет реализуется через Государственный каталог — федеральную государственную информационную систему государственного учета музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации. Государственный каталог [2] стал поистине хрестоматийным примером предоставления государством каждому реальной возможности ознакомления с культурными ценностями в рамках Сети. В перспективе стоит внесение в реестр Госкаталога видеообзоров на все российские музеи, что расширит возможность граждан реализовать принадлежащее им право на доступ к культурным ценностям.

Во-вторых, право на образование. Это право в меньшей степени обеспечено в сети Интернет, если сужать понимание образования до общеобразовательных государственных школ. Конечно, имеется многочисленное количество образовательных онлайн-платформ, однако они носят негосударственный характер. Речь же идет о необходимости создания государственных бюджетных общеобразовательных учреждений, функционирующих в онлайн-формате. На данный момент имеются предпосылки к цифровизации образования, например, портал «Российская электронная школа».

Однако, следует сразу обозначить необходимость функционирования онлайн-школ в симбиозе с обычными, традиционными, поскольку социализация ребенка ничем не заменима.

В-третьих, свобода преподавания. Как уже было сказано, в последние годы набирают популярность негосударственные онлайн-школы, особенно в области подготовки к экзаменам. Они часто доказывают свою эффективность, однако в рамках рассмотрения данного вопроса вырисовывается серьезная потенциальная проблема распространения ложных, некачественных, недостоверных знаний. Далеко не все из преподавателей онлайн-платформ имеют профессиональное педагогическое образование. Проблема состоит в столкновении частных интересов субъекта оказания образовательных услуг и, говоря простым языком, родителей, чьи дети получают соответствующее образование. Именно по этой причине образовательная деятельность в дистанционном формате подлежит лицензированию с января 2021 года [3].

В-четвертых, свобода творчества. Современность предлагает весьма удобный путь реализации свободы творчества посредством сети Интернет: электронные книги, сайты, паблики, платформы с размещенными на них авторскими материалами. Например, писателей вдохновляет возможность обойти затраты на печать произведений и быстрее и ближе коммуницировать с аудиторией через публикации результатов своей деятельности в онлайн-формате.

Очевидно, что открытое информационное пространство предполагает возможные риски, например, нарушения авторских прав. Однако конституционная сущность свободы обеспечена — дальше остается упорная работа по законодательному регулированию отношений.

Таким образом, установление стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, предусматривает помещение граждан в качественно новую систему координат по реализации принадлежащих им культурных прав. За государством стоит важная задача правового обеспечения реализации этих прав в информационно-коммуникационном пространстве.

Источники и литература

[1] Указ Президента РФ от 9 мая 2017 года N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

[2] Федеральный закон от 26 мая 1996 года N 54-ФЗ (в редакции от 11 июня 2021 года) «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 24. Ст. 4185.

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 18 сентября 2020 года № 1490 «О лицензировании образовательной деятельности» // СЗ РФ. 2020. № 39. Ст. 6067.

Проблемы реализации конституционных прав и свобод в сети Интернет

Горизонтальный эффект конституционных прав: деалгоритмизация политических сообщений

Тутынин Иван Дмитриевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра конституционного и муниципального права, Москва, Россия

E-mail: msu.tutynin@mail.ru

Появление глобальной сети Интернет сделало возможным образование множества автономных сетей, контент в которых создаётся самими пользователями. К 2022 году число пользователей социальных сетей достигло 4,59 миллиарда [10], они в среднем проводят в социальных сетях больше 150 минут в день [11].

Представив социальную сеть как экономическую модель, можно определить субъектный состав отношений: владелец, пользователи, рекламодатели. Пользователи создают и потребляют контент, владелец предоставляет площадку для коммуникации, устанавливает правила пользования и внедряет специальные алгоритмы, назначение которых — фильтрация контента через повышение и понижение приоритета публикаций. Рекламодатели размещают рекламу, которая благодаря упомянутым алгоритмам встречается тем, кто с большей вероятностью ей заинтересуется. При этом таргетинг распространяется не только на рекламные посты, приоритетному ранжированию подвержены все публикации. Чем совершеннее алгоритм, чем более точные рекомендации встречаются пользователю, тем чаще он пользуется социальной сетью, тем привлекательнее она для рекламодателя и прибыльнее для владельца. Отказаться от таргетирования контента и основанной на нём рекламе означает лишить владельца социальной сети основного источника дохода [12]. Общественные отношения, связанные с производством и распространением информации, применением информационных технологий, регулируются Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1].

Права и обязанности пользователей социальной сети во многом определяются положениями пользовательского соглашения, то есть договором присоединения в смысле ст. 428 ГК РФ, присоединение к которому осуществляется путем акцепта публичной оферты. Если мы ставим вопрос о защите конституционных прав в отношениях физических и юридических лиц между собой, то есть в отсутствие публичного актора, мы должны ответить на вопрос, имеют ли конституционные права в рассматриваемых отношениях между пользователями и владельцем социальной сети горизонтальный эффект.

Конституционный Суд ФРГ в деле о правилах удаления социальной сетью публикаций, содержащих язык вражды (hate speech), обосновывает горизонтальный эффект

конституционных прав «неизбежностью ситуации, дисбалансом между сторонами, социальной значимостью предоставляемой услуги и социальной властью одной из сторон» [4]. Исследователи отмечают, что, когда при разрешении гражданско-правовых споров необходимо найти баланс между конкурирующими конституционными правами, доктрина горизонтального эффекта реализуется через обращение к общим положениям гражданского права [9]. Представляется, что при рассматриваемых ниже обстоятельствах конституционным правам может быть нанесён такой серьёзный ущерб, что контроль a posteriori и обращение суда к положениям гражданского права о добросовестности [3] ни при каких обстоятельствах не сможет компенсировать это нарушение. В таком случае вмешательство федерального законодателя можно считать оправданным и необходимым. В пользу этого свидетельствует и особый статус социальных сетей — как находящихся в свободном доступе, а выбор места для реализации права на свободу слова, как подтвердил Конституционный Суд ФРГ [5], действительно входит в содержание указанного конституционного права.

Судья Конституционного Суда России С.М. Казанцев обращает внимание на то, что целью ст. 29 Конституции России «является защита прежде всего общественно-политических мыслей, слов и информации» [2]. Остерегаясь говорить о «социальном назначении» конституционного права, стоит сделать попытку разграничения свободы общественно-политического слова и выражений иного характера по целям и адресатам коммуникативного акта для целей недопущения фактического умаления права. Художественная мысль, самовыражение отдельных индивидов, реклама направлены на пользователей со схожими вкусами, общими идеалами, непротиворечивыми мировоззренческими установками. Публикации такого характера выигрывают от действия алгоритмов на рынке идей (market of ideas). Цель речи общественно-политической — переубеждение конкурентов, критика решений большинства, «идейная дискуссия, борьба мнений» [6], отстаивание интересов меньшинств, привлечение новых членов в ряды политических объединений, главным образом — стремление убедить других [7]. Есть ли смысл убеждать сторонников? А для алгоритма социальной сети встреча пользователя с контентом, с которым он не согласен — ошибка, потеря пользователя, репутационная потеря владельца социальной сети, финансовая потеря рекламодателя.

Если для общественно-политической речи в работе алгоритмов социальных сетей не сделать исключение, то публикации такого характера никогда не достигнут адресатов, а цели политических сообщений становятся недостижимыми.

Это мнение справедливо требует сформулировать возможные критерии отнесения той или иной речи к общественно-политической. Не имея перед собой цели дать окончательный ответ, рассмотрим некоторые варианты, которые в последствии могут быть разработаны подробнее. Общественно-политическую речь можно определять по распространяющему её субъекту, например, контент политической партии с большей вероятностью будет общественно-политическим. Но следствием такого подхода будет несправедливое игнорирование деятельности частных акторов: правозащитников, самовыдвиженцев. Можно обратить внимание на время размещения публикаций, отключая алгоритмы ранжирования контента, предположим, за полгода до выборов для пользователей определённого избирательного округа. Наиболее перспективным представляется механизм проставления особой пометки «политический контент» при публикации контента, например, в виде галочки в особом поле перед отправкой поста. Для помеченных таким образом материалов алгоритмы ранжирования будут делать

исключения, частота их появлений в ленте пользователей не будет зависеть от количества лайков, репостов и иных метрических значений. Проверку обоснованности помечения контента как имеющего общественно-политический характер можно возложить на искусственный интеллект, а в случае жалоб пользователей или несогласия автора с решением автоматики — восстановить справедливость можно решением владельца социальной сети, Роскомнадзора и суда.

Обязанность предусмотреть исключения из действия алгоритмов социальных сетей непременно приведёт к ограничениям конституционных прав владельцев социальной сети и пользователей, коснется она и законных интересов рекламодателей, по этой причине должны быть найдены такие средства, которые будут отвечать требованиям пригодности, минимальности и соразмерности. Эту обязанность владельцев социальных сетей можно было бы предусмотреть в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», чем было бы выполнено и формальное требование к ограничению конституционных прав.

Источники и литература

[1] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант».

[2] Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. проф. В.Д. Зорькина — 2-е изд., пересмотр. — Москва : Норма // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Chantal Mak. Fundamental Rights in European Contract Law: A comparison of the impact of fundamental rights on contractual relationships in Germany, the Netherlands, Italy and England, Kluwer low international. 2008.

[4] BVerfGE. Urteil des III. Zivilsenats vom 29.7.2021. III ZR 192/20. paras. 67 URL: https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&Datum=Aktuell&Sort=3&Seite=3&nr=121561&pos=104&anz=723 (дата обращения: 25.09.2023).

[5] BVerfG, Judgment of the First Senate of 22 February 2011 - 1 BvR 699/06. Absatz. 34. URL: https://www.bverfg.de/e/rs20110222_1bvr069906en.html (дата обращения: 25.09.2023).

[6] BVerfG, Urteil des Ersten Senats vom 15. Januar 1958 - 1 BvR 400/51. Absatz. 31. URL: https://www.bverfg.de/e/rs19580115_1bvr040051.html (дата обращения: 25.09.2023).

[7] 7 BVerfGE 198 (Lüth) (1958).

[8] United States Supreme Court. Abrams v. United States. Decision of 10 November. 1919. P. 620-631 / https://h2o.law.harvard.edu/cases/835 (дата обращения 05.03.2023).

[9] URL: https://verfassungsblog.de/querdenker-suspension-fb/ (дата обращения 25.09.2023).

[10] По данным немецкой компании Statista, предоставляющей услуги по анализу рыночных и потребительских данных. URL: https://www.statista.com/statistics/278414/number-of-worldwide-social-network-users/ (дата обращения 25.09.2023).

[11] По данным Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/433871/daily-social-media-usage-worldwide/ (дата обращения 25.09.2023).

[12] From Mark Zuckerberg's testimony to Congress: «In order to not run adds at all we will still need some sort of business model». 05:04:40–05:40:45 URL: https://www.youtube.com/live/6ValJMOpt7s?si=mO_r-aqjsRWXdUyq (дата обращения 25.09.2023).

Проблемы реализации конституционных прав и свобод в сети Интернет

Антитеррористический пакет Яровой. Последствия его реализации

Увайсов Касум Магомедгаджиявович

Студент (специалист)

Российская правовая академия МЮ РФ, Северо-Кавказский филиал, Юридический факультет, Кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Махачкала, Россия

E-mail: iamullubievka@gmail.com

6 июля 2016 г. был принят Федеральный закон № 374-ФЗ, широко известный в народных массах как «Закон Яровой», вызвавший волну негодования в широких кругах, повлекший за собой критические изменения во всей информационной структуре Российской Федерации. Целью данного документа было внесение ряда точечных законодательных изменений в акты, связанные с насаждением дополнительных ограничительных мер в сфере борьбы с терроризмом и обеспечения общественной безопасности [1]. В этой статье мы рассмотрим часть закона, связанная с изменениями в законе о связи [2].

В нынешней редакции, вступившей в силу с 1 июля 2018 г., данные изменения создают новые обязанности для операторов, усложняющих модель поведения для них. Во-первых, все операторы связи должны сохранять в течение 3 лет все данные о каждом случае приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео или иных сообщений пользователей. Также по «Закону Яровой» они обязаны до 6 месяцев хранить текстовые сообщения, голосовую информацию, изображения, звуки, видео, иные сообщения, переданные пользователями услугами связи. Схожие требования предусмотрены также и к организаторам распространения информации в сети «Интернет» (такие как «Авито, ВКонтакте, Яндекс и иные).

Недостатки законопроекта были видны еще на стадии вступления данного акта в силу. Спустя множества бурных обсуждений и дебатов 19 июля 2016 г. в Государственную Думу России был внесен законопроект, предлагавший отложить введение 6-месячного срока хранения всей информации, передаваемой по всем каналам связи, до 1 июля 2023 г. Фактически, инициаторы предложили отложить вступление так называемого «пакета Яровой» не на 2 года, как предполагалось изначально, а на 7 лет. Причин для этого было множество. К примеру, сам автор законопроекта, член Совета Федерации, А.В. Беляков, утверждал следующее:

1) Срок, установленный государством (2 года), не достаточен. Реализация требует качественного скачка отечественной структуры связи. Для осуществления вышеперечисленных требований понадобится увеличение штата персонала и технического оснащения.

2) Увеличение периода подготовки до 7 лет послужило бы отличной мотивацией развитию отечественной промышленности современных технологий, которая за данный срок смогла бы нарастить мощности, необходимые для выполнения заказа. В против-

ном случае операторы будут вынуждены закупать иностранные образцы по невыгодной цене.

3) Все вышеперечисленное логично введет к многократному увеличению цен на тарифы, поскольку при отсутствии качественного изменения связи были наложены большие нагрузки [3].

Судя по всему, государственные органы намеренно проигнорировали и скрывали последствия принятия данного законопроекта и его влияние на государственный бюджет Государственные органы, принимая закон, либо не понимали, либо, что куда более вероятнее, скрывали последствия его принятия для бюджета. Также закон сильно увеличил стоимость всех тарифов в два раза, поскольку на сервера операторов связи были наставлены большие объемы информации, которые самим операторам связи не интересны, но которые занимают 80% всего объема данных. Как заявляет газета Коммерсантъ, по подсчетам экспертов, на реализацию законопроекта в дебютный год операторы связи потратили порядка 10 триллионов рублей.

Одним только трем основным сотовым операторам пришлось раскошелиться на 40,6 миллионов жестких дисков объемом 10 терабайт (и это еще без учета сопутствующих расходов). По словам генерального директора компании по производству систем хранения данных АРСИЭНТЕК Дениса Нештуна, из-за данных статей расходов и изначальной поспешности реализации закона, заявленная изначально сумма в 2 2 триллиона рублей возросла до 156 миллиардов долларов, что на тот момент составило около 10 триллионов рублей. Также Нештун отметил, что, ко всему прочему, 10–20 процентов данной суммы операторам придется ежегодно вкладывать в поддержку работоспособности системы [4]. Данные изменения не оказывают положительного влияния на качество и нагрузку сетей.

Законодатель предположил, что данный пакет норм сильно усложнит деятельность организованной преступности. Как показывает практика, преступники быстро приспособились к новым реалиям. Преступником известно о том, что за ними следят, вследствии чего появляются различные способы обхода данного положения [5, с. 57]. Следователи отмечают, что выявить преступников стало сложнее, поскольку преступники используют иную терминологию. К примеру, когда в разговоре вместе обозначения наркотиков преступники говорят о «мешочках», «лошадках» и т.п. [6, с. 19].

Источники и литература

[1] Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4558.

[2] Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

[3] Морозова Е.В., Андроник Н.А. Тактика контроля и записи переговоров: проблемы теории и практики // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2013. № 4 (25). С. 19–23.

[4] Чупахин Р.В. Особенности производства контроля и записи переговоров при расследовании взяточничества // Юрид. мир. 2006. № 10. С. 57–62.

[5] Полный CAPEX. Операторы оценили, во что им обойдется реализация «закона Яровой» [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3072375 (дата обращения: 09.09.2023).

[6] Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 19 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/57279572/ (дата обращения: 08.09.2023).

Проблемы реализации конституционных прав и свобод в сети Интернет

Геолокация пользователей и неприкосновенность частной жизни: все тайное становится явным?

Чечулин Руслан Сергеевич

Студент (бакалавр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет права, Москва, Россия

E-mail: rschechulin@edu.hse.ru

Реализация информационных прав человека в сети Интернет связана с дихотомией двух составляющих: во-первых это доступ к информации, во-вторых защита соответствующих данных. По смыслу статей 25 и 26 Конституции РФ, каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, а сбор, хранение соответствующих данных и последующая передача каким бы то ни было реципиентам без согласия лица не допускается. Федеральный законодатель уделяет внимание охране конфиденциальности персональных данных в таких нормативных правовых актах, как Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ; Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных» и других. Тем не менее, в законодательстве нет определения четкого правового статуса и способов защиты физического местоположения гражданина (геолокации), что неминуемо приводит к злоупотреблению этим фактом и, как следствие, нарушению конституционного права граждан на неприкосновенность частной жизни.

Для отечественной и зарубежной науки тема определения правового положения геолокации сравнительно новая. Хотя, данного вопроса в своих работах касаются М. Лосавио, А.И. Савельев, П.С. Пастухов, однако упоминая об этом, исключительно в качестве примера защиты персональных данных. В зарубежной доктрине, напротив, данная тема представляет интерес для исследователей. Там считают, что услуги, основанные на местоположении (LBS), представляют собой группу услуг, которые дополняются и зависят от информации о местоположении мобильного устройства [2].

На сегодняшний день, каждый житель мегаполиса имеет одно или несколько электронных устройств, где с помощью специальных программ автоматически осуществляется сбор данных о его местоположение. Более того, такие компании как Microsoft, Apple, Google и Amazon регулярно, даже не используя соответствующие программы и устройства (в фоновом режиме), собирают геолокацию пользователей.

Зачастую пользователи электронных устройств сами дают согласие на использование их местоположения GPS-трекерам, фитнес-мониторам, чтобы приложение могло осуществить классическую функцию, в виде указания маршрута до места, подсчета количества шагов или определения прогноза погоды

На данный момент крупные корпорации вполне легальным способом добиваются предоставления возможности отслеживания геолокации своих сотрудников для контроля над ними.

28 марта 2023 года ФСБ РФ опубликовала проект постановления Правительства «О порядке предоставления доступа к информационным системам и базам данных, используемым для получения, хранения, обработки и передачи заказов легкового такси», который обязывает службы заказа такси предоставлять ведомству «круглосуточный удаленный доступ к информационным системам и базам данных». Первый пункт изменений гласит: «Подпункт «ж» после слов «предоставляет возможность» дополнить словами «электронного мониторинга геолокации.» Проект постановления вызвал бурный общественный резонанс, что актуализирует исследования на эту тему.

Таким образом, технология определения и сбора местоположения применяется повсеместно. Ситуация осложняется быстрым развитием данной технологии и методологии анализа данных.

Ключевыми моментами в определении геолокации являются возможность идентификации и профилирования с помощью соответствующих данных. Под идентификацией понимается соотнесение и определение тождественности владельца электронного устройства и его местоположения. На сегодня, геолокация является одним из современных идентификаторов личности [1]. На её основе происходит профилирование, то есть создание профиля человека — набора определенных метрик, которые можно определить с помощью доступа к местоположению, а это такие данные как образ жизни человека, приоритеты, интересы и другая информация, которая составляет сведения о частной жизни лиц.

Существуют разные цели сбора и использования данной информации: положительные, нейтральные и отрицательные. Основной целью сбора является использование данных для предоставления потребительских товаров и услуг, а также маркетинговой и целевой рекламы.

Ряд иностранных исследований на тему проблемы соблюдения конфиденциальности (Xu et al., 2009, Ryschka et al., 2016) пришли к выводу, что геолокация является одним из наиболее важных компонентов пользовательского контекста, а также раскрывает обширный объем знаний о поведении и об интересах человека [3], что может стать основой для нарушения права на неприкосновенность частной жизни.

Одним из таких нарушений является наличие вторичного рынка данных о местоположении пользователей сети. На законодательном уровне регулируется защита конфиденциальности только начального сборщика данных, в законодательстве большинства стран нет упоминания о вторичном рынке. Но правоприменительная практика и СМИ описывают сложившийся вторичный рынок, который активно используется третьими лицами никак не связанными с первоначальными пользователями, дающими согласие на сбор и обработку данных. Этот вопрос напрямую связан с киберпреступлениями, а также преступлениями против конституционных прав и свобод человека и гражданина. Поэтому, я полагаю, это серьёзные риски для того чтобы вводить регулирование данного вопроса на законодательном уровне.

Существует также риск монетизации собранных данных о геолокации при передаче их злоумышленникам. В любом случае, необходимо на законодательном уровне запретить передачу информации о местоположении третьим лицам.

К сожалению, отсутствие конкретики в регулировании вопроса о геолокации приводит к злоупотреблением и попыткам ограничения конституционных прав граждан не только со стороны третьих лиц, но и со стороны государства. Для наглядности рассмотрим пример.

В 2011 году в Конгресс США был внесён законопроект «Акт о геолокации» (Geolocation Privacy and Surveillance Act (GPS Act)), который предусматривал правовое регулирование понятия геолокация, её использование, запрет злоупотребления. Однако администрация 44-го президента США Барака Обамы выразило несогласие с законопроектом и он так и не был принят.

Подводя итог, можно сказать, что информационное законодательство необходимо реформировать. Поскольку отсутствие должного правового регулирования вопроса геолокации приводит к нарушению конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни. Современное общество не может обойтись без технических устройств, поэтому необходимо разрабатывать законодательство, которое будет умеренно регулировать геолокационные данные пользователей.

Необходимо определить правовой статус геолокационных данных на законодательном и научном уровнях.

В быстроразвивающимся современном мире необходимо признавать новые виды объектов права, таких как геолокационные данные. Первоочередно необходимо закрепить право на местоположение и способы его защиты, а также прийти к пониманию важности особого регулирования прав на геопозицию среди других персональных данных.

Источники и литература

[1] Иванова К. А. Право граждан на защиту геолокации и конфиденциальность в сети Интернет // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. № 9. — С. 32–38.

[2] Rao & Minakakis, 2003 ; Hirsh et al., 2006 ; Dhar & Varshney, 2011 ; Ryschka et al, 2016. Кюпер (Küpper), 2005.

[3] Li Q., Zheng Y., Xie X., Chen Y., Liu W. and Ma W. Mining user similarity based on location history // Proc. of the 16th Intl. Conf. on Advances in geographic info. system (Santa Ana, USA, 2008), ACM Press: 1–10.

Круглый стол по теме «Финансовое право в цифровой среде»

Финансовое право в цифровой среде

Цифровизация специальных налоговых режимов

Денисов Илья Михайлович

Студент (магистр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Нижний Новгород, Факультет права, Нижний Новгород, Россия

E-mail: ilyadenisovklg@yahoo.com

В даннои работе исследуется вопрос цифровизации специальных налоговых режимов в Российской Федерации. Введение в экспериментальном порядке таких режимов как «Автоматизированная упрощённая система налогообложения» и «Налог на профессиональный доход», использующих современные цифровые инструменты для упрощения процессов постановки на налоговый учет, предоставления отчётности и взаимодействия налогоплательщика с налоговыми органами, в значительной степени изменяет подход к налогообложению субъектов малого и среднего предпринимательства. Исследование основывается на использовании статистических данных для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [1] и обращении к Налоговому кодексу Российской Федерации [2], а также Федеральным законам № 422-ФЗ от 27.11.2018 «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [3] и № 17-ФЗ от 25.02.2022 «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения» [4]. Дается пояснение теоретическим вопросам темы, предлагаются различные меры по усовершенствованию данных налоговых режимов для обеспечения возможности их эффективного использования субъектами малого и среднего предпринимательства.

Основнои целью исследования было изучить вопрос о необходимости дальнейшего внедрения в налоговую систему Российской Федерации предложенных данными специальными налоговыми режимами цифровых инструментов и оценить их эффективность. В работе было применено несколько различных методов исследования: сравнение социологических данных, анализ нормативно-правовых актов, на основе данного анализа вносятся предложения по корректировке российского законодательства.

Теоретическую основу исследования составили работы Ю.О. Комягиной [5, с. 147], Н.В. Курочкиной [6, с. 46], О.В. Кайгородовой, Г.М. Радянской [7, с. 242].

Нормативной основой исследования выступили следующие нормативные акты: Налоговый кодекс Российской Федерации [2], Бюджетный кодекс Российской Федерации [8], а также Федеральные законы № 422-ФЗ от 27.11.2018 «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [3] и № 17-ФЗ от 25.02.2022 «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения» [4].

В результате проведённого исследования сделаны следующие выводы и рекомендации:

1) Внедрение данных специальных налоговых режимов безусловно оказало положительное влияние на развитие малого и среднего бизнеса в Российской Федерации, позволило обеспечить отток бизнеса из «теневой сферы» экономики и сократило операционные издержки предпринимателей в связи с заменой устаревших путей взаимодействия с налоговыми органами современными цифровыми решениями.

2) Предлагается расширение территории эксперимента по «Автоматизированной упрощенной системе налогообложения» на всю территорию Российской Федерации, а также прекратить эксперимент по «Налогу на профессиональный доход» раньше установленного срока и внедрить данный режим на постоянной основе путем введения в действие главы 26.6 Налогового кодекса «Налог на профессиональный доход».

3) В дальнейшей перспективе предлагается распространение опробованных цифровых инструментов на другие специальные налоговые режимы, либо отказ от использования устаревших режимов — Упрощенной системы налогообложения, Патентной системы налогообложения и Единого сельскохозяйственного налога в пользу «цифровых» режимов с дифференциацией налоговых ставок.

Таким образом, на основе исследования можно сделать вывод о необходимости дальнейшей цифровизации налогообложения бизнеса в Российской Федерации, расширения использования цифровых инструментов для выстраивания более благоприятной, современной цифровой среды для налогоплательщика, способствующей развитию бизнеса и привлечению в данный сектор экономических субъектов, ранее не являвшихся предпринимателями.

Источники и литература

[1] Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы [Электронный ресурс] // Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства ФНС России. URL: https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html?ysclid=lgi4s9g3wx163583320 (дата обращения 24.09.2023)

[2] Налоговый кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/?ysclid=lmwpr2jsh9582635730 (Дата обращения 24.09.2023)

[3] Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018 No422-ФЗ [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/551760705?ysclid=lgdlf7czmu581570853 (Дата обращения 24.09.2023)

[4] Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения» от 25.02.2022 No 17-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410240/?ysclid=lg9iwt13h0356091775 (дата обращения 24.09.2023)

[5] Комягина Ю.О. Сравнительный анализ упрощенной системы налогообложения и единого налога на вмененный доход // Московский экономический журнал. 2016. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-uproschennoy-sistemy-nalogooblozheniya-i-edinogo-naloga-na-vmenennyy-dohod (дата обращения: 23.09.2023).

[6] Курочкина Н.В. Значение и сущность специальных налоговых режимов в современной экономике // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 43. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-i-suschnost-spetsialnyh-nalogovyh-rezhimov-v-sovremennoy-ekonomike-1 (дата обращения: 24.09.2023).

[7] Кайгородова О.В., Радянская Г.М. Автоматизированная упрощенная система налогообложения — новая ветвь привычной упрощенки // Закон и право. 2022. № 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/avtomatizirovannaya-uproschennaya-sistema-nalogooblozheniya-novaya-vetv-privychnoy-uproschenki (дата обращения: 23.09.2023).

[8] Бюджетный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/?ysclid=lmwpnukgn5534306624 (Дата обращения 24.09.2023)

Финансовое право в цифровой среде

Приостановление международного обмена финансовой информацией: последствия и перспективы

Китайский Даниил Вячеславович

Аспирант

Финансовый университет, Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: daniil_kitayskiy@mail.ru

Международный обмен финансовой информацией является одним из ключевых элементов международного сотрудничества по вопросам налогообложения и выступает эффективным инструментом противодействия уклонению от уплаты налогов. Начиная с марта 2022 года ряд государств заявил о приостановлении обмена с Россией. В их числе Австрия, Великобритания и ее коронные владения (острова Гернси, Джерси и Мэн), Германия, Канада, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, США, Швейцария и Эстония.

Были приняты и другие меры, связанные с приостановлением обмена информацией:

- внесены изменения в российские перечни государств и территорий, осуществляющих автоматический обмен финансовой информацией и не обеспечивающих обмен информацией для целей налогообложения;
- приняты решения о денонсации отдельных соглашений об избежании двойного налогообложения (СОИДН), которые содержали положения относительно обмена информацией;
- приостановлено действие большинства положений СОИДН с 38 недружественными государствами, однако положения об обмене информацией продолжают действовать.

В ходе исследования проведен комплексный анализ приостановления международного обмена финансовой информацией как многоаспектного финансово-правового явления. Решены следующие задачи:

1) установлены правовые основы осуществления и основания приостановления международного обмена финансовой информацией;
2) определены последствия приостановления обмена для налоговых органов, налоговых и валютных резидентов с точки зрения российского законодательства и практики правоприменения;
3) дана всесторонняя и сбалансированная оценка приостановления обмена с учетом других изменений в сфере международного налогового сотрудничества.

В юридической литературе достаточно полно исследован международный обмен финансовой информацией. Теме приостановления обмена в свете ее новизны посвящены лишь отдельные научные статьи. Е.А. Цепова обоснованно отмечает, что «*Формы*

международного обмена данными в целях налогообложения достаточно разнообразны» [3, с. 51] и «*налоговое взаимодействие является комплексным процессом, включающим множество межгосударственных связей, как двусторонних, так и многосторонних*» [3, с. 52]. Вслед за И.Р. Гусаровым признаем, что приостановление обмена «*усложняет процесс обнаружения налоговым органом налогооблагаемой базы в иностранных юрисдикциях, и, как следствие, затрудняет процесс сбора налоговых платежей*» [1, с. 100]. Однако следует с осмотрительностью заявлять о нарушении государствами своих международных обязательств [1, с. 99]; по нашему мнению, этот вопрос требует дополнительного изучения.

В ходе исследования обоснован вывод о том, что правовой основой международного обмена финансовой информацией между Россией и иностранными государствами, приостановившими обмен, выступают многосторонние и двусторонние международные договоры. К многосторонним договорам относятся Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам [2], Многосторонние соглашения компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией (*CRS MCAA*) [4] и об автоматическом обмене страновыми отчетами (*CbC MCAA*) [5], а к двусторонним — СОИДН. Указанные документы не только закрепляют обязанность государств обмениваться информацией, но и предусматривают основания, в соответствии с которыми такой обмен может быть ограничен. Например, принимая решение о приостановлении, Швейцария сослалась на противоречие публичному порядку (*ordre public*) [6], что закреплено в пп. b п. 2 ст. 21 Конвенции от 1988 года [2]. Таким образом, единый универсальный правовой режим обмена финансовой информацией не установлен и в этом контексте можно говорить о фрагментации права. В рассматриваемом случае фрагментация представляется скорее позитивным явлением, поскольку предоставляет государствам дополнительные правовые основы для осуществления обмена.

По информации в открытом доступе затруднительно однозначно установить перечень государств, действительно приостановивших обмен, и виды обмена, которые приостановлены (автоматический, по запросу и инициативный). Ситуация осложняется отсутствием в большинстве случаев правового оформления заявлений, опубликованных на официальных сайтах государств и в СМИ. Более того, подлинный статус обмена информацией, по заявлениям представителей ФНС России, не всегда соответствует обозначенной позиции. Это порождает правовую неопределенность, но с учетом цели автоматического обмена — противодействовать уклонению от уплаты налогов, подобная неопределенность выступает положительным фактором. Даже в условиях отсутствия обмена налогоплательщик, не будучи уверенным в его отсутствии, с большей вероятностью продолжит добросовестно исполнять свою конституционную обязанность уплачивать налоги.

Также делается вывод о том, что последствиями приостановления обмена в ряде случаев стали:

- усложнение обнаружения российскими налоговыми органами нарушений налогового и валютного законодательства;
- увеличение налогового бремени для российских налоговых резидентов и увеличение риска нарушения валютного законодательства для российских валютных резидентов;
- рост нагрузки на российских резидентов в части подготовки дополнительной налоговой и валютной отчетности.

Однако с учетом ограничений, введенных на уровне государств, приостановивших обмен, их объединений и финансовых институтов, экономическая активность российских резидентов в них претерпевает спад. При проведении мероприятий налогового и валютного контроля в течение ближайших лет российские налоговые органы могут использовать информацию, полученную в рамках обмена за предыдущие периоды. Следовательно, вести речь о существенном ущемлении фискальных интересов России не приходится. Сохраняется и теоретическая возможность возобновления обмена в будущем, в том числе ретроспективного обмена информацией за годы, когда обмен был приостановлен. По крайней мере, правовые основы для осуществления обмена в целом сохраняются.

Наконец, усиление санкционного давления со стороны недружественных государств и принятие Россией ограничительных мер приводит к структурным экономическим и правовым изменениям. С точки зрения обмена информацией примечательна денонсация СОИДН с Украиной, Латвией и Данией и ожидаемая ратификация СОИДН с Оманом. Из перечня государств и территорий с автоматическим обменом информацией в 2022 году исключены Каймановы острова и Швейцария, но добавлены 8 государств, в числе последних Казахстан, Мальдивы и Оман. Таким образом, экономическая активность российских резидентов в западных государствах снижается и переориентируется на Ближний Восток и Азию, а право обеспечивает объективные экономические потребности и интересы.

Источники и литература

[1] Гусаров И.Р. Прекращение обмена финансовой информацией с Российской Федерацией: последствия для отечественного финансового суверенитета // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 3 (116). С. 98–102.

[2] Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам (Заключена в г. Страсбурге 25.01.1988, с изм. и доп. от 27.05.2010) // СЗ РФ. 2016. № 12. Ст. 1586.

[3] Цепова Е.А. Перспективы участия Российской Федерации в международном обмене налоговой информацией в условиях санкций // Евразийский юридический журнал. 2022. № 10 (173). С. 51–52.

[4] Multilateral Competent Authority Agreement on Automatic Exchange of Financial Account Information // URL: https://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/international-framework-for-the-crs/multilateral-competent-authority-agreement.pdf

[5] Multilateral Competent Authority Agreement on the Exchange of Country-by-Country Reports // URL: https://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/about-automatic-exchange/cbc-mcaa.pdf

[6] Die Schweiz setzt den steuerlichen Informationsaustausch mit Russland aus // URL: https://www.admin.ch/gov/de/start/dokumentation/medienmitteilungen.msg-id-90388.html

Финансовое право в цифровой среде

Коллизия регулирования криптобирж и банков?

Костюшко Артур Евгеньевич

Студент (магистр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Факультет права, Москва, Россия

E-mail: ANDkostyushko@gmail.com

Бурный рост вместе с крахами криптовалютных проектов привел к стремительному развитию регулирования криптобирж в мире, а именно внесением в сенат США закона о регулировании криптовалют, принятием 31 мая 2023 г. финальной версии ключевого постановления Европейского союза (далее — ЕС) 2023/1114 (далее — Постановление), которое создало относительно проработанную правовую рамку для деятельности компаний в данной сфере на всем пространстве ЕС. Внесением изменений в Правила осуществления деятельности оператора криптоплатформы в Беларуси, утвержденные решением Наблюдательного совета Парка высоких технологий от 5 мая 2023 г. [3]. Перечисленные выше примеры только одними из множества иных предложений в данной сфере, сейчас нам интересен не факт развития регулирования криптобирж, который стал неоспорим даже после краха FTX, а то, как регуляторы подходят к вопросу их соотношения с классическими финансовыми институтами — банками и брокерами.

В России правовой рамки, которая позволила бы пользователям свободно конвертировать криптовалюту в фиатные деньги в рамках российской юрисдикции, не существует. Большая часть криптобирж, что предлагают услуги гражданам России, находится или в оффшорах, или в других регулируемых юрисдикциях, остальная действует нелегально. Нам стоит вернуться на шаг назад, чтобы обосновать наличие данного вопроса.

Первоначально криптовалюты должны были освободить тех, кто ими пользуется от барьеров, создаваемых регуляторами для клиентов банков, брокеров, бирж. Таких как требованиях законодательства о борьбе с отмыванием денег, пруденциальных нормативов, сложностью международных платежей, влияние санкций на доступ тех или иных государств к финансовой инфраструктуре. Пользователи начали совершать платежи в криптовалютах, но для того, чтобы потратить криптовалюту в магазине её нужно было конвертировать в привычные нам фиатные деньги, так начали зарождаться криптобиржи.

Однако вскоре регуляторы поняли, что если они не могут повлиять на сами криптовалюты и платежи с ними, то они могут создать барьер для их пользователей на стыке фиатных денег и криптовалют. Этим стыком стали криптобиржи, которые позволили своим клиентам обменивать одни криптовалюты на другие, а также конвертировать их в фиатные деньги и выводить на банковский счет. В свою очередь ряд банков начали предлагать финансовые продукты с использованием криптовалют. Такое развитие событий показало, что криптобиржи не заменят банки, а происходит смешение банков, криптобирж и других финансовых институтов, возникших на взлете криптовалют.

Такое смешение, однако, не позволяет урегулировать риски, связанные с деятельностью криптобирж. Банковское законодательство в абсолютном большинстве стран мира не инкорпорирует нормы свойственные для криптобирж, однако, это не означает что нельзя выделить подходы к урегулированию вопроса. На данный момент можно выделить три подхода к вопросу соотношения деятельности банка и криптобиржи.

Первый подход — это подход разделения деятельности банка и криптобиржи, где каждый из субъектов выполняет свою функцию и не имеет права выполнять операции второго. Он свойственен Беларуси и Казахстану. Для деятельности в сфере криптовалют требуется наличие особого статуса. В Беларуси это резидент Парка высоких технологий, в Казахстане это резидент Международный финансовый цента Астана.

Второй подход — это подход ЕС, который позволяет «credit institution» при соблюдении требований оказывать услуги связанные с криптовалютами.

Третий подход, если его можно назвать таковым, это отсутствие в законодательстве норм, которые позволяют или запрещают банкам осуществлять операции с криптовалютами и их возможности в данной сфере зависят от свободы банка, как в США, где банки оказывают услуги.

Из вышесказанного можно сделать простой вывод, ответ на данный вопрос находится на стадии формирования и мы сможем его увидить в ближайшее время с развитием практики в данной сфере.

Источники и литература

[1] https://www.lummis.senate.gov/wp-content/uploads/Lummis-Gillibrand-2023.pdf
[2] https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32023R1114&pk_campaign=todays_OJ&pk_source=EURLEX&pk_medium=TW&pk_keyword=Crypto%20assets&pk_content=Regulation&pk_cid=EURLEX_todaysOJ
[3] https://park.by/content/docs/02%20CryptoExchange%20(%D1%81%20%D0%B8%D0%B7%D
[4] https://www.sec.gov/news/press-release/2022-219
[5] https://www.gemini.com/blog/gemini-credit-card-to-launch-with-mastercard-as-network-partner

Финансовое право в цифровой среде

Криптовалюта как предмет преступлений против собственности

Магомалиев Джабраил Муслимович

Студент (специалист)

Российская правовая академия МЮ РФ, Северо-Кавказский филиал, Юридический факультет, Кафедра историко-правовых дисциплин, Махачкала, Россия

E-mail: dzabric081004@gmail.com

Предмет преступлений против собственности вернее всего будет обозначить как чужое имущество. При этом имущество следует рассматривать в контексте статьи 128 ГК РФ. И исходя из этой статьи, предметом преступлений против собственности может быть иное имущество, в том числе имущественные права (включая цифровые права) [1].

Актуальным в контексте этого вопроса является отнесение криптовалюты к предмету преступлений против собственности. Криптовалюта в последние годы стала одним из элементов финансового оборота, и, как следствие, появилось и стремительно возросло количество ситуаций незаконного посягательства на криптоактивы. И в связи с этим встал вопрос, должны ли получить защиту государства «потерпевшие» от такого незаконного посягательства и нужно ли криптовалюту относить к предмету преступлений против собственности? Обсуждение В России не сформирован единый подход по этим вопросам.

На данный момент, согласно положениям статей 209 и 128 ГК РФ, а также статьи 158 УК РФ [2], криптовалюту нельзя относить к предмету преступлений против собственности, поскольку в законодательстве не закреплен ее правовой статус и криптовалюта не признана объектом гражданского права.

Но вместе с тем имеется судебная практика, в которой Девятый арбитражный апелляционный суд своими постановлениями от 15.05.2018 по делу № А40-124668/2017 [3] и постановлением от 18.04.2019 по делу № А40-12639/2016 [4], фактически признал право лица владеть, пользоваться и распоряжаться содержимым криптокошелька как своим собственным имуществом, включив при этом биткоины с указанного криптокошелька в конкурсную массу, за счет которой будут удовлетворены требования кредиторов. Фактически суд пришел к выводу о том, что владелец криптоактива может осуществлять полномочия, близкие к полномочиям собственника имущества.

Кроме того, правоприменительная практика по уголовным делам в последние годы также имеет тенденцию придания криптовалюте правового статуса предмета преступлений против собственности.

К примеру, Апелляционным определением Санкт-Петербургского городского суда от 16 мая 2022 года по делу 1-257/21 суд признал криптовалюту предметом хищения и включил стоимость криптовалюты в общую сумму хищения денежных средств. Суд в деле о грабеже посчитал, что похищенная криптовалюта является иным имуществом, поскольку к имущественным правам в соответствии со ст. 128 ГК РФ относятся и цифровые права.

Цифровая валюта, похищенная виновными, представляет экономический интерес, а также имеет материальную ценность, и могла быть принята в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей [5]. Несмотря на то, что автор настоящего исследования концептуально придерживается позиции необходимости отнесения криптовалюты к предмету преступлений против собственности, видится, что в данном приговоре нарушен принцип законности, поскольку законодательной базы для признания криптовалюты предметом преступлений против собственности еще не выработано.

Изначально идея закона о цифровых финансовых активах возникла для «легализации» криптовалюта и развития этой отрасли в России, но позднее законодатель от этой идеи решил отказаться из-за природы криптовалюты, которая заключается в анонимности и трансграничности из-за использования децентрализованной системы блокчейна.

Законодатель, сочтя, что от полного отсутствия контроля деятельности, связанной с криптовалютой, ущерба может быть нанесено больше, чем пользы от развития этой отрасли, принял закон в такой его редакции, практическая польза от применения которого весьма сомнительна. Необходимо отметить, что безусловно существуют риски широкого использования криптовалюты для легализации преступно добытых денежных средств и в качестве средств расчетов в теневом бизнесе (наркоторговля, торговля оружием и людьми).

Так, к примеру, в Китае наиболее популярные в мире криптовалюты находятся под запретом под предлогом того, что «цифровые валюты нарушают работу финансовой системы и используются для отмывания денег преступными группировками». Однако если посмотреть на ситуацию шире, то можно констатировать существование в Китае цифрового юаня, и первопричиной запрета иных валют в этой стране является нежелание властей Китая допускать на китайский рынок конкурентов цифровому юаню.

Также среди одной из причин запрета криптовалюты власти Китая называют то, что криптовалюта может стать причиной вывода денег из страны. Но следует отметить, что запрет популярных во всем мире криптовалют в свою очередь также является причиной оттока капитала из Китая. Примечательно, что одним из мест, куда «утекают» китайские криптоинвесторы со своими активами является Казахстан, где в 2020 г. приняли закон, согласно которому криптовалюты признаются имуществом. Это решение привело к большому скачку инвестиций в Казахстан, поскольку помимо возможности заработка, государством надлежащим образом обеспечивается защита криптоинвесторов в случае незаконных посягательства, к примеру — хищений, в отношении их криптовалюты.

В связи с вышеизложенным видится необходимым признание криптовалюты предметом преступлений против собственности, поскольку существование неправомерного посягательства на криптовалюту обуславливают необходимость государственной защиты прав криптоинвесторов.

Владелец криптовалюты фактически может осуществлять все полномочия собственника имущества. Игнорирование государством этой стремительно развивающейся сферы экономических отношений может привести к оттоку капитала из страны, как это случилось, к примеру, в Китае. Однако для признания криптовалюты предметом преступлений против собственности необходимо внесение изменений в статью 128 ГК РФ в части дополнения категории «иное имущество» понятием «цифровая валюта» в том содержании, которое придается этому понятию в пункте 3 статьи 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Источники и литература

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) : ФЗ: [от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в актуальной редакции)] // СПС Консультант плюс. — Ст. 128. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=le9252lde6363383472

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон : [от 13.06.1996 № 63-ФЗ, ред. от 25.03.2022] // СПС Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/57b5c7b83fcd2cf40cabe2042f2d8f04ed6875ad/

[3] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 N 09АП-16416/2018 по делу N А40-124668/2017 // СПС Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi

[4] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.04.2019 N 09АП-17044/2019 по делу N А40-12639/16 // СПС Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi

[5] Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 16 мая 2022 года по делу 1-257/21. URL: https://sankt-peterburgsky-spb.sudrf.ru/

Финансовое право в цифровой среде

Финансово-правовое регулирование цифрового рубля в России

Полевая Дарья Александровна

Студент (специалист)

Российская правовая академия МЮ РФ, Северо-Кавказский филиал, Юридический факультет, Кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Махачкала, Россия

E-mail: polevaadarina@mail.ru

Цифровой рубль, как новая форма денежных средств, является объектом правового регулирования в России. Однако, на данный момент, законодательная база, регулирующая цифровые валюты, включая цифровой рубль, не полностью разработана.

Президент РФ подписал Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ, который вступил в силу с 1 августа 2023 года и предусматривает создание в стране технической возможности для осуществления платежей и денежных переводов при помощи цифровых рублей. Цифровой рубль — это новое средство платежа, представляющее собой уникальный электронный код (набор цифр, знаков и символов), предоставляющий его обладателю возможность совершать покупки и денежные переводы в пользу любых третьих лиц [1].

Одной из проблем правового регулирования цифрового рубля является отсутствие четкого определения и классификации цифровых валют в законодательстве России, что может привести к неопределенности в правовом статусе цифрового рубля и вызвать проблемы в его использовании и регулировании.

Другой проблемой является вопрос о регулировании эмиссии и контроле за цифровым рублем. Цифровой рубль, как электронная форма денежных средств, может требовать специальных механизмов контроля и защиты от мошенничества, а также гарантий сохранности и конфиденциальности данных пользователей.

Также, важным аспектом является вопрос о защите прав потребителей при использовании цифрового рубля. Необходимо разработать механизмы защиты пользователей от возможных рисков, которые связаны с использованием цифровых валют, таких как кража или потеря цифровых активов.

Наконец, стоит отметить, что цифровой рубль может иметь влияние на финансовую систему и макроэкономику страны. Поэтому, правовое регулирование цифрового рубля должно учитывать эти аспекты, чтобы обеспечить стабильность и безопасность финансовой системы.

В целом, правовое регулирование цифрового рубля в России требует разработки и усовершенствования соответствующей законодательной базы, которая бы обеспечивала защиту прав и интересов пользователей, эффективный контроль и регулирование эмиссии и использования цифрового рубля, а также учитывала потенциальные риски и влияние на финансовую систему страны.

Однако, внедрение цифрового рубля в экономику может столкнуться с несколькими проблемами:

1) Введение цифрового рубля потребует разработки и внедрения новых правовых норм и регуляций. Это может быть сложно, так как цифровой рубль представляет собой новую форму денежных средств, которая требует учета технических и криптографических аспектов.

2) Кибербезопасность: Цифровой рубль будет основан на технологии блокчейн, которая может быть уязвима для кибератак и хакерских атак. Российским властям придется разработать и внедрить меры по обеспечению безопасности и защите от киберугроз.

3) Приватность и конфиденциальность: Внедрение цифрового рубля может вызвать опасения относительно приватности и конфиденциальности данных пользователей. Российским властям потребуется разработать механизмы, которые обеспечат защиту персональных данных и предотвратят злоупотребление информацией.

4) Проблемы совместимости: Цифровой рубль может столкнуться с проблемами совместимости с другими цифровыми валютами и системами платежей. Российским властям придется разработать международные стандарты и соглашения, чтобы обеспечить совместимость и интеграцию с другими системами.

5) Адоптация и обучение: Внедрение цифрового рубля потребует обучения и адаптации пользователей к новой системе. Российским властям придется провести информационные кампании и предоставить достаточное количество обучающих материалов, чтобы обеспечить понимание и принятие новой системы.

Это лишь некоторые из проблем, с которыми Россия может столкнуться после внедрения цифрового рубля в экономику. Однако, с правильным подходом и решением этих проблем, цифровой рубль может стать эффективным инструментом для развития экономики и улучшения финансовой системы.

Для их решения этих проблем можно применить следующие пути:

1) Юридическое регулирование: Российское правительство должно разработать и принять соответствующие законы и нормативные акты, которые определят правовой статус цифрового рубля, его эмиссию, обращение и использование. Это поможет установить ясные правила игры и защитить интересы участников экономики.

2) Техническая инфраструктура: Для успешной реализации цифрового рубля необходима разработка и внедрение соответствующей технической инфраструктуры, включающей блокчейн-технологии, криптографическую защиту и механизмы обмена. Это позволит обеспечить безопасность, надежность и эффективность цифровых транзакций.

3) Регулирование конкуренции: Введение цифрового рубля может повлиять на конкурентную среду в финансовом секторе. Для предотвращения монополии и обеспечения справедливой конкуренции необходимо разработать механизмы и правила, которые позволят разным участникам рынка предоставлять услуги связанные с цифровым рублем.

Таким образом, эти пути помогут решить проблемы внедрения цифрового рубля в экономику России и обеспечить успешное функционирование и развитие этой новой формы денежных средств.

Источники и литература

[1] BUH.RU [Электронный ресурс]. URL: https://buh-ru.turbopages.org/buh.ru/s/articles/documents/170455/

Уголовно-правовое направление

Уголовно-правовое направление

Особенности уголовно-правовой охраны культурного наследия на международном уровне

Аликберов Кирилл Динарович

аспирант (магистр)

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

E-mail: Alikberov_kd@mail.ru

После окончания театра военных действий в районе Балканского полуострова, по инициативе России, была организована международная конференция, направленная на кодификацию законов и обычаев войны. Брюссельская конференция 1874 года для мирового сообщества, после окончания «Восточной войны», стала настоящим отправным началом в развитии истории уголовно-правовой защиты культурного наследия [19]. Впоследствии мировое сообщество с окончанием колониальной эпохи и послевоенных событий XX века начало всё больше задумываться о важности сохранения культурного наследия для будущих поколений. Огромный вклад в развитие данной проблемы был внесён Николаем Константиновичем Рерихом, который написал множество научных работ и стал автором идеи и инициатором знаменитого международного договора. 15 апреля 1935 года в Вашингтоне представителями двадцати одной республики американского континента был подписан Договор «Об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников», получивший известность в международно-правовой практике как «Пакт Рериха» [9]. В 1954 г. на Конференции о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта в Гааге были обозначены основные принципы правовой защиты и охраны элементов культуры, которые легли в основу противодействия преступлениям в области нарушения культурного наследия народов в периоды эскалаций. В 1972 году принимается Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия, которая регламентирует уважение и защиту объектов культурного наследия, как части всемирного наследия всего человечества. Согласно данной конвенции, во время сложнейших политических ситуаций в государстве должно обеспечиваться сохранение культурных объектов и недопущение их уничтожения. Двадцатый век стал отправной точкой по усилению защиты культурного наследия мировым сообществом в различных его аспектах. В 2001 году ЮНЕСКО на Генеральной конференции принимает Конвенцию об охране подводного культурного наследия в силу того, что подводный мир носит обширный характер и является неотъемлемой частью культурного наследия всего человечества. В 2003 году принимается ряд документов, посвящённых цифровизации. Принимается Конвенция об охране нематериального культурного наследия; выпускается Рекомендация о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству; принимается Хартия о сохранении цифрового наследия. С развитием цифрового сообщества появляются и объекты цифровой культуры, которые также подпадают под защиту и охрану мировым сообществом от противоправных преступных посягательств со стороны злоумышленников [24].

Стоит разграничить культурные ценности от культурного наследия, в силу того что они выступают частью и представляют собой выражение исторических, традиционных, нематериальных смысловых особенностей для конкретных народов, которые отражены в материальных объектах, обладающих существенной смысловой нагрузкой и олицетворяющих экономико-географические, а равно исторические события. В некоторых уголках нашей планеты из-за социальных, экономических и политических обстоятельств размывается чёткая линия культурного наследия конкретного народа из-а уничтожения такого рода объектов памяти [15].

Мир неоднократно становился свидетелем растущего участия организованных преступных групп в уничтожении, разграблении, незаконном обороте и продаже культурных ценностей, а также принижении, искажении и искоренении культурного наследия. В своей работе Николай Рерих отмечает: «Если мы слышим, что где-то платят высокую цену за произведения Культуры, то мы знаем, что там Культура ценится. И этот факт остается на страницах истории как свидетельство роста этого народа» [21]. Анализируя историю существования мирового сообщества, современникам становится очевидна острая всеобщая угроза стирания и искажения прошлого в памяти человечества.

События, которые происходят в 2023 году, наглядно показывают значимость международных организаций и национальных властей по обеспечению охраны объектов культурного наследия. Культура в широкой её смысловой нагрузке, а также культурное наследие имеют отправные начала. На примере истории России можно проследить ряд индивидуальных начал с каждым коренным историческим переломом. При всём этом многообразии наше общество, в большинстве, знает и чтит своих предков, а вместе с ними принимает культурное наследие, выступая в качестве продолжателей. Вопрос истории и культурного наследия тесно взаимосвязаны, объекты культурного наследия, как правило, монументальны, по своему назначению отражают величие культуры прошлого. Наш выдающийся учёный-естествоиспытатель в историческом контексте безупречно выразил: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего». Цитату М.В. Ломоносова без нареканий можно лаконично отнести к проблеме охраны объектов культурного наследия, так как любое современное общество без культурного прошлого не способно на высоком уровне создавать новые объекты и по достоинству их оценивать. Поэтому работа над защитой культурного наследия в процессе всеобщей мировой динамики направлена на сохранение памяти о прошлом и создании будущего без повторения ошибок предшественников.

Изучение более значимых краеугольных основ в области охраны культурного наследия заключается в определении основных понятий, которые используются в законодательстве различных стран. Определения в узком и широком смысле включают в себя, не только строгие выдержки из нормативных документов, но и философско-правовые элементы, которые призваны расширять каждого используемого определения (термина). Общепринятого определения понятия «культурное наследие» не существует, но в философии права имеется описывание характерных черт для каждого понятийного аппарата в данной сфере. Философско-правовой подход к пониманию значимости уголовно-правовой охраны объектов культурного наследия показывает нам особую трудность, связанную с тем, что множество понятий тесно взаимосвязаны. Относятся к одной и той же реальности, имеют некоторые конкретные индивидуальные особенности [18]. Еще одна трудность, связанная с определением юридического термина, заключающаяся в том, что юридические термины часто используются для конкретного правового документа. Определение сферы их применения зависит от сферы действия, предназначенной для конкретного соглашения (договора) и т.д.

Таким образом, при определении культурного наследия необходимо учитывать, что эта концепция происходит из других социальных наук, таких как антропология, археология и философия. Определение должно быть создано в диалоге с этими науками, учитывая, что уголовно-правовое определение имеет свои собственные характерные специфические особенности и черты [10].

Уголовно-правовая охрана культурного наследия, по направлению воздействия, выражается в отношении защиты материальных и нематериальных предметов, имеющих особую ценность. При этом должна прослеживаться художественная, имущественная, научная, историческая и эстетическая сущность, которая по своему замыслу имеет универсальное олицетворение, направленное на внутренний мир человека. Понятие имеет некоторые элементы, сходные с элементами культуры. Для того чтобы культура считалась актуальной, её должны адаптировать под изменяющиеся события в обществе. При этом важно понимать, что имеются «устоявшиеся практики» и «убеждения, что эта практика становится обязательной из-за существования правила, требующего этого». «Культурное поведение» также может быть описано, как совокупность практик, которые путем своего повторения во времени приобретают обязательность, необходимую для отражения устойчивой характеристики группы или сообщества [20]. Такое поведение также сопровождается убеждением, что принятые правила поведения являются правильными, наиболее социально адекватными и приемлемыми. Эти ценности и убеждения, которое характеризует культуру, отражаются в действиях каждого человека, принадлежащего к конкретной социальной группе. Различные культуры представляют различные системы ценностей, выраженные в различных областях, таких как язык, история, религия, еда, способ общения с людьми и т.д. Очень трудно измерить, с точки зрения уголовного права, критерий объективности (степень однородности), необходимый для защиты и охраны материальных объектов, принимая во внимание значимость объекта. В силу того, что одни группы могут не принимать объекты культурного наследия других. Подобные особенности, в первую очередь, не должны порождать ненависть и жажду уничтожения того, что больше не отвечает «текущему» в обществе, поэтому проявление крайней степени вражды и насилия должна регулироваться механизмом запретов и ограничений, а при необходимости праведным и соразмерным возмездием.

Существуют на международном уровне различные формы влияния права, такие как отсылка, рецепция и имплементация. Известно о том, что акты международного права выступают в качестве формальных источников национального уголовного права некоторых стран [16]. Советские юристы не признавали нормы международного права в качестве источника права, при этом допускали ограниченное воздействие международных актов на внутреннее законодательство, в тех случаях, когда была в этом значимая необходимость, в частности по вопросам выбора уголовно-правовых форм в области охраны объектов культурного наследия [22]. На сегодняшний день в значительной степени затруднён для законодателей выбор форм реализации международных правовых актов, направленных на охрану и защиту объектов культурного наследия в следствии геополитической обстановки. Существенно возрастает вероятность выхода России из ряда европейских конвенций, соответственно в значительной степени поменяются формы влияния международного права на российское законодательство, включая уголовно-правовую охрану культурного наследия. При этом изменении многие международные акты, предписывая внести те или иные изменения в соответствии с международными стандартами теряют своё влияние на российскую систему права. Новые времена открывают возможности для издания наиболее эффективных и социально

значимых нормативных правовых актов для внутренней правовой системы правового регулирования. Следовательно, основная суть формы влияния международного законодательства, в частности на охрану культурного наследия, заключается в восприятии всех предписаний национальным законодательством государства.

В работе Ивана Клеймёнова затрагивается доктринальный разбор основных моделей уголовной политики, которые представляют собой внешние проявления в законодательстве, основанные на дифференции с учётом глобального воздействия. Три модели по-своему характерны при создании новых норм, принимая во внимание систему права и международный опыт. Оптимизация уголовной политики, как отмечает автор, предполагает создание идеальной правовой модели, которая будет включать положительный международный опыт с учётом национальных особенностей для эффективной реализации нормативных правовых актов [17]. В национальном законодательстве необходимо проработать все три модели: суверенную, реформистскую и экспериментальную перед комплексным изменением законодательства, адаптацией уголовно-правовых норм и усовершенствованием правореализационных механизмов в области охраны объектов культурного наследия с учётом международного опыта.

Профессор Теодор Мерон, бывший председатель Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, делает некоторые выводы о том, как в юриспруденции рассматривается проблема объектов культурного наследия. Во-первых, он отмечает, что уголовное преследование и осуждение преступлений, направленных против защиты культурных ценностей и охраны культурного наследия, являются подтверждением того, что международные правовые механизмы справляются со своими задачами, в частности реализация отдельных норм Конвенции ЮНЕСКО 1954 года. Во-вторых, он подчеркивает значимость самого факта уничтожения культурных объектов по мотивам дискриминации или из ксенофобских побуждений, как приравненное преступление против человечества. Фактически культурное наследие являются символом духовной, политической, социальной и правовой сферы жизнедеятельности общества, а также общих убеждений отдельно взятой группы людей, что выражает большое значение для развития идентичности личности в государстве [23].

Культурное наследие охватывает два типа элементов: материальные и нематериальные. К материальным элементам относятся «памятники и комплексы зданий, места археологического или исторического значения, древние произведения искусства (включая наскальные рисунки и наскальные рисунки), этнографические предметы, места, связанные с развитием технологии или промышленности, ландшафты и топографические особенности, места захоронения, священные места, ритуальные объекты, природные особенности, наделенные особым культурным значением для народа. Элементы нематериальной культуры включают ноу-хау, устную поэзию, музыкальные произведения, церемониальные и ритуальные традиции и т.д. Рекомендация ЮНЕСКО о сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ от 19 ноября 1968 года также включает элементы нематериальных культурных ценностей в свою преамбулу: «. . . продукт и свидетельство различных традиций и духовных достижений прошлого и, таким образом, является существенным элементом личности народов мира» [6].

Культурное наследие считается более широким понятием, которое может включать в себя нематериальные элементы, упомянутые выше, учитывая, что понятие «наследие» включает в себя язык, идеи, ценности и убеждения общины. По первым правовым нормам о культурном наследии и имуществе эти нематериальные элементы не

рассматривались. Однако, как мы смогли убедиться, в более поздних документах можно отметить некоторые усилия ЮНЕСКО по расширению этой концепции, с тем чтобы охватить все реалии. В одном из текстов Хельсинкской конференции министров культурного наследия 1995 года говорится, что «связь, которая должна существовать между культурным наследием и природной и социальной средой, к которой она принадлежит, недооценивается. Наконец, будучи основанными на археологическом наследии, эти определения сосредоточены на физической стороне, полностью игнорируя вопрос о его функции в современном обществе. В другом документе, разработанном на этой конференции, говорится, что «в широком смысле понятие культурного наследия охватывает все проявления и послания интеллектуальной деятельности в нашей среде. Эти сообщения передаются из поколения в поколение через обучение, интеллектуальные поиски и прозрения».

Однако при рассмотрении вопроса о включении нематериальных аспектов в объем охраны с точки уголовно-правовой сущности необходимо иметь в виду некоторые значимые аспекты. Культурное наследие обязательно должно быть более узким понятием, чем культура, чтобы было отграничение от общей культуры человека. Существует материальная культура, символическая культура, социальные институты, шаблонное поведение, язык как культура, ценности, убеждения, идеи, и так далее. Выбор элементов культуры, составляющих юридически значимое культурное наследие, является политическим выбором, сделанным различными государствами [7]. В силу этого возникает проблема при определении объективной стороны преступления. Второй проблемой является привлечение юридических лиц (организаций, корпораций) к ответственности по законодательству отдельных стран, так как не предусматривается такая возможность.

Культура конкретной группы или населения тесно связана с их идентичностью. Между различными группами может возникнуть социальная напряженность, особенно в случаях агрессивного утверждения идентичности. Это приводит к вооруженным конфликтам и уничтожению культурных символов и ценностей в попытке уничтожить саму самобытность группы, общества, государства [15]. Эти формы агрессивного утверждения идентичности показывают нам, что в большинстве случаев под ударом подвергается не сама собственность, а нематериальный элемент культурного наследия, идентичность культуры общественного достояния. Культурное наследие — это больше, чем просто собственность, и, поэтому имеется причина, по которой оно защищается отдельно от частной собственности. Защита культурного наследия закреплена во многих конвенциях, особенно в рамках конвенций ЮНЕСКО. Защита, предусмотренная международным уголовным правом, является важным дополнением, поскольку существует необходимость для обеспечения индивидуальной ответственности за причинение вреда культурным объектам, а следовательно, также для обеспечения самых элементарных и основополагающих принципов внутреннего и международного уголовного права.

Таким образом, термин «Культурное наследие» — это часть материальной и духовной культуры, созданная прошлыми поколениями, выдержавшая испытание временем и передающаяся следующим поколениям как нечто ценное и почитаемое. В широком смысловом значении культурные ценности можно определить как нормы, ценности, правила и традиции народа. Иными словами эта совокупность всех достижений в культурной сфере, которые сохраняются и почитаются в обществе.

Современная уголовно-правовая защита объектов культурного наследия обеспечивается в соответствии с международным уголовным правом и формирует два основных направления. Во-первых, выявление и привлечение к ответственности за военные преступления, которые выражаются в нападении на охраняемые объекты культуры. Все

умышленные удары по зданиям, предназначенным для религиозных, образовательных, художественных, научных или благотворительных целей, историческим памятникам, больницам и местам, где находятся больные и раненые — относится к преступной деятельности. Во-вторых, защита культурных ценностей от актов агрессии со стороны лиц, приверженных крайней степени экстремизма, а также от любого проявления террористической деятельности, направленной на устрашение человека, общества, государства или мирового сообщества. Указанные направления в области охраны культурного наследия, сформированные на международном уровне, позволяют релевантно формировать национальное законодательство с уголовно-правовыми средствами и индивидуальными явлениями по обеспечению охраны объектов культурного наследия [8].

Криминализация отдельных деяний возможна, если они являются общественно опасными [25]. Ученые-правоведы в последнее десятилетие развивают международное уголовное право во многих направлениях, подталкивая сторонников криминализации в нормотворчестве к определению и внедрению более строгих мер в борьбе с преступностью в нарушения охраны культурного наследия и защиты культурных ценностей. Особое внимание связано с возросшей общественной опасностью и значимостью проблемы, которая проявляется в причинении значительного материального и духовного ущерба личности, обществу или государству. Именно это одностороннее направление породило множество критических суждений о необходимости и целесообразности такой законотворческой деятельности. Из-за массы критики и большого числа сторонников декриминализации отдельных составов преступлений международное право стало представлять собой свод предписаний, а не комплекс мер по противодействию преступлениям.

В силу индивидуальных особенностей человека, общества и государства международным законодательством активно развивается международное уголовное право, которое регулирует вопросы сотрудниче ства международных организаций и государств в борьбе с международными преступлениями, их своевременному выявлению, расследованию и соответствующему наказанию виновных за противоправные деяния. Уничтожение, повреждение, кража, контрабанда, продажа памятников истории и культуры, по нормам международного законодательства, предусматривает уголовно-правовые последствия. Объем которых зависит от тяжести деяния.

Следует критически проанализировать уголовно-правовое механизмы, формирующиеся на международном уровне в области охраны культурного наследия и защиты ценностей. Необходимо оценить перспективы реформирования отечественного законодательства, принимая во внимание аналогичную деятельность зарубежных стран, политика которых направлена на сохранение культурного наследия и защиту культурных ценностей. Преобразования международного законодательства способствуют повышению правореализационных механизмов в борьбе с преступностью на национальном уровне. Эффективное межгосударственное взаимодействие способно обеспечить по принципу «домино» развитие и модернизацию специализированных норм права. В развитых странах национальное законодательство предусматривает отдельные уголовно-правовые способы охраны объектов культурного наследия — без образования смежных составов преступления. Указанные особенности не являются новаторскими для рецепции в романо-германской правовой семье.

Таким образом, международное уголовное право является неотъемлемой частью международного права, которое устанавливает нормы, определяющие международные

преступления, международные уголовные принципы и нормы, касающиеся расследования, судебного преследования и наказания за преступления. Международные преступления — это преступления, которые посягают на ценности международного права и интересы международного сообщества в целом. Нормы международного уголовного права предусматривают прямую индивидуальную ответственность за практику международных преступлений, включая нарушение охраны культурных ценностей. Однако ответственность государств существует также в тех случаях, когда исполнители действуют в качестве государственных агентов. Международное уголовное право имеет одни и те же источники с международным правом: договоры, статуты международных судов и трибуналов, общие принципы права. Тем не менее, существуют также принципы национального уголовного права, которые влияют на структуру международного уголовного права, что объясняет, почему международное уголовное право часто рассматривается в качестве гибрида.

К выводу можно отнести, что сохранение культурного наследия способствует поддержанию национальной, культурной, духовной идентичности каждого государства. Историческое и культурное наследие составляет общую культуру человечества, сохранение которой обеспечивает неразрывную духовную связь поколений, является хранилищем исторической памяти, необходимой для устойчивого развития всех социальных институтов. Изучение данного вопроса с необходимо для укрепления фундамента цивилизованного общества, а также для формирования будущего. В основу закладывается множество аспектов, ярко выраженными являются традиционные ценности, нравственные ориентиры, мировоззрение человека. Всё это части общего, которые передаются из поколения в поколение, лежат в основе гражданской идентичности, объединяют культурное государственное пространство, укрепляют единство нации, проявляют уникальное в духовном, историческом и культурном развитии народа.

Источники и литература

[1] Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта: принята 14 мая 1954 г. в Гааге [Электронный ресурс] // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1957. – № 3. — ст. 54; Официальный сайт ООН. URL: www.un.org (дата обращения: 07.03.2023).

[2] Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности: принята 14 ноября 1970 г. // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. — М.: Логос, 1993. — С. 283–290.

[3] Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия: принята 16 ноября 1972 г. в г. Париже [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: www.un.org.ru (дата обращения: 07.03.2023).

[4] Конвенция об охране нематериального культурного наследия: принята 17 октября 2003 г. в г. Париже Генеральной конференцией государств — членов ЮНЕСКО [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: www.un.org (дата обращения: 11. 03.2023).

[5] Декларация ЮНЕСКО, касающаяся преднамеренного разрушения культурного наследия: принята 17 окт. 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_con.shtml (дата обращения: 09.03.2023).

[6] Рекомендация о сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ. Принята в Париже 19 ноября 1968 г. на 15-й сессии Генер. конференции ЮНЕСКО // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М., 1993. С. 323–331.

[7] Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. Учебное пособие. — М.: Аспект Пресс, 2019. — 608 с.

[8] Анощенкова С.В. Культурное наследие как объект уголовно-правовой охраны и объект преступлений / С.В. Анощенкова // Социально-политические науки. — 2021. — № 3. — С. 38–42.

[9] Баренбойм П.Д. Пакт Рериха как источник российской доктрины правового государства / П.Д. Баренбойм // 75 лет Пакту Рериха. — 2010. — № 1. — С. 307–316.
[10] Беспалько В.Г. Понятие и признаки культурных ценностей как предметов преступления / В.Г. Беспалько // Журнал российского права. — 2019. — № 3. — С. 71–80.
[11] Губин В.Д., Некрасова Е.Н. Философия культуры. Учебник. — М.: РГГУ, 2019. — 185 с.
[12] Дамаскин О.В. Современные военные проблемы международного права и международной юрисдикции / О.В. Дамаскин // Военное право. — 2019. — № 1 (41). — С. 5–9.
[13] Джеймс А.Р. Международные уголовно-правовые аспекты защиты культурных ценностей / А.Р. Джеймс // Международный юрист. — 1985. — № 19 (3). — С. 835–852.
[14] Долгов А.В., Бердюгина Ю.М. К вопросу о территориях, связанных с объектами культурного наследия / А.В. Долгов, Ю.М. Бердюгина // Академический вестник Филиала ФГБУ "ЦНИИП Минстроя России" УралНИИпроект РААСН. — 2019. — № 3. — С. 17–20.
[15] Ибрагимов А.М. Защита культурных ценностей в международном праве вооруженных конфликтов: от сложившейся модели к новеллам в правовом обеспечении / А.М. Ибрагимов // Юридический вестник ДГУ. — 2019. — № 1. — С. 72–76.
[16] Кибальник А.Г., Шибков О.Н. Формы влияния международного права на российское уголовное право / А.Г. Кибальник, О.Н. Шибков // Общество и право. — 2011. — № 4 (36). — С. 157–160.
[17] Клеймёнов И.М. Три модели национальной уголовной политики в условиях глобализации / И.М. Клеймёнов // Правоприменение. — 2017. — № 4. — С. 129–139.
[18] Копсергенова А.А. Культурное наследие: философские аспекты анализа / дис. ... кан. фил. наук. — Ставроп. гос. ун-т, 2008. — 184 с.
[19] Мартенс Ф.Ф. Восточная война и Брюссельская конференция 1874–1878 гг. / Ф.Ф. Мартенс. — Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1879. — 653 с. [Электронный ресурс]. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=100649 (дата обращения: 25.05.2023).
[20] Пудовочкин Ю.Е., Русанов Г.А. Преступные посягательства на культурное наследие как основание международной уголовной ответственности / Ю.Е. Пудовочкин, Г.А. Русанов // Zbornik radova Pravnogfakultetau Nišu. — 2017. — P. 235–252.
[21] Рерих Н.К. Шамбала. Сердце Азии / Н.К. Рерих. — М.: МЦР: БИСАН-ОАЗИС, 1994. — 207 с.
[22] Стравинскас В.В. Советское законодательство по охране историко-культурного наследия / дис. ... кан. юр. наук. — Нижегор. акад. МВД России, 2008. — 176 с.
[23] Теодор Мерон. Возрождение обычного гуманитарного права // Американский журнал международного права. — 2005. — Т. 99. № 4. — С. 833.
[24] Хазова В.Е., Иванченко А.Г. Международно-правовые акты по охране и защите культурных ценностей // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России: Научно-аналитический журнал. — 2019. — № 1. — С. 148–150.
[25] Шеслер А.В. Криминализация и декриминализация направления правотворческой политики / А.В. Шеслер // Труды Академии управления МВД России. — 2018. — № 2. — С. 136–141.

Уголовно-правовое направление

К вопросам о некоторых проблемах в правовой регламентации задержания

Атаев Уллубий Атаевич

студент

Юридический колледж Северо-Кавказского института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)

E-mail: Alikberov_kd@mail.ru

Федеральный закон от 31.07.2023 г. № 396-ФЗ внёс изменения в часть вторую ст. 94 УПК РФ, увеличив срок задержания до 30 суток (при 48 часах в обычной ситуации) в отношении подозреваемых в тяжких и особо тяжких преступлениях в условиях военного положения [3]. Данное изменение заставило задуматься не только и не сколько о новом варианте продолжительности срока, сколько обратило внимание на то, что есть проблемы в его исчислении и в определении порядка задержания. Ввиду законодательных пробелов отсутствуют:

1) чёткое определение момента фактического задержания и исчисления продолжительности задержания, соответственно;

2) чёткое определение доставления задержанного и его сроков, при том что они входят в сроки задержания;

3) чёткое понимание правовой природы задержания, в связи с чем на практике возникают трудности в использовании протокола задержания как источника доказательств.

Кроме того, можно особо выделить неточности в формулировании оснований задержания.

Начнём с фактического задержания. Да, конечно, оно не может регулироваться УПК РФ. Оно осуществляется, чтобы доставить лицо в орган дознания, к следователю или дознавателю, чтобы решить вопрос о наличии или, наоборот, отсутствии основания для процессуального задержания. Но это не умаляет того факта, что УПК РФ интересен момент фактического задержания, от которого отсчитываются процессуальные сроки задержания и допроса подозреваемого и который необходимо обязательно указать в протоколе задержания. В более продуманном варианте протокол должен содержать и время фактического задержания, и отдельно время доставления подозреваемого. А если ещё более детально, то для ситуации, когда лицо освобождается до истечения 3 часов с момента доставления, то есть до составления протокола задержания, предусмотреть протокол фактического задержания.

Следующим действием в структуре задержания после захвата является доставление задержанного лица. Конечно, трудно, учитывая территориальные особенности, определить в УПК РФ конкретный срок доставления, но, тем не менее, не мешало бы предусмотреть законодательно понятие и правила доставления. Тем более, что срок доставления входит в срок задержания.

Что касается правовой природы задержания, то С.Б. Россинский считает, что оно имеет многогранную природу, а не является только лишь мерой процессуального принуждения [2, с. 17]. Ряд авторов, в том числе, С.А. Шейфер, А.А. Тарасов, Н.А. Колоколов выдвигают позицию, согласно которой задержание — это процессуальное действие, результатом которого является протокол, относящийся к доказательствам. Ведь в этом протоколе фиксируются обстоятельства, при которых лицо застигнуто в момент совершения преступления или непосредственно после его совершения, факт обнаружения на подозреваемом или на его одежде, при нём или в его жилище явных следов преступления. Большинство авторов, да и правоприменитель, включая ВС РФ, относят протокол задержания к источникам доказательств. Но, дабы, не считать его иным документом, некоторые акторы предлагают его закрепить в качестве самостоятельного источника [1, с. 199].

Некорректно изложены и некоторые основания задержания. П. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ гласит, что потерпевший или очевидцы указали на данное лицо, как на совершившее преступление. Но, во-первых, в УПК РФ нет статуса очевидцы и можно было бы расшифровать в скобках, что это лица, непосредственно воспринимавшие факт совершения преступления конкретным лицом, а, во-вторых, статус потерпевшего лицо приобретает только после ВУД, да и в любом случае, он бы относился к очевидцам.

П. 3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ указывает, где могут быть обнаружены явные следы преступления: на этом лице, на его одежде, при нём, в его жилище. Здесь же может быть указано транспортное средство, принадлежащее подозреваемому.

Как вывод, необходимо признать, что все доказательства, полученные в результате следственных действий, проведённых после задержания с нарушением УПК РФ, приобретают статус недопустимых. А для этого основания, правила и сроки задержания должны быть чётко сформулированы в УПК РФ.

Источники и литература

[1] Кирдина Н.А., Петрова Г.Б. Проблемы правовой регламентации института задержания подозреваемого в уголовно-процессуальном законодательстве России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — № 6 (137). — 2020. — С. 197–206.

[2] Российский С.Б. Дискуссия “Тарасов vs Россинский” о задержании подозреваемого: подведение первых итогов” // Юридический вестник Самарского университета. — том 5. — № 1. — 2019. — С. 13–19.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2023 // СПС “КонсультантПлюс”.

Уголовно-правовое направление

Применение электронных средств слежения за поведением лиц, отбывающих наказание в виде ограничения свободы, а также на подозреваемых и обвиняемых, находящихся под домашним арестом

Заманов Иса Хушметович

Студент (специалист)

Российская правовая академия МЮ РФ, Северо-Кавказский филиал, Махачкала, Россия

E-mail: zamanovisa@yandex.ru

На сегодняшний день борьба с преступностью требует от правоохранительных органов внедрения перспективных методов и средств предупреждения, пресечения раскрытия и расследования преступлений. Достижению этой цели способствуют информационные технологии, решающие задачи социально-экономического характера, по усилению эффективности государственного управления, а также обеспечению информационной безопасности РФ, в том числе и в сфере правоохранительной деятельности.

Всякий раз, когда совершается резонансное преступление, мы задаемся вопросом: способно ли государство защитить нас, соответствуют ли силы, средства, методы, используемые правоохранительными органами противодействию негативных процессов в обществе?

В последние годы все более широкое применение находят виды наказаний, которые не связаны с лишением свободы. Ни для кого не секрет, что за поведением и передвижением осужденных к таким видам наказаний необходимо осуществлять постоянный контроль. В этой связи, правоохранительными органами Великобритании, Швеции, Голландии, США, Канады и многих других стран применяются системы электронного мониторинга надзорных лиц.

Подобные электронные устройства были изобретены еще в 1950-х гг. учеными Гарвардского университета, применение которых стало обычной мерой исполнения наказаний во многих странах мира. Электронные браслеты помогают круглосуточно отслеживать передвижение поднадзорного лица, при этом следует отметить заинтересованность самого поднадзорного в его ношении, так как именно такие электронные средства позволяют ему, чувствуя постоянный контроль, не совершать противоправных действий.

Начиная с 2010 года, после введения такой меры процессуального пресечения как домашний арест, средства электронного мониторинга в отношении подозреваемого/обвиняемого в совершении преступления были внедрены в деятельность уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России. В соответствии с Постановлением Правительства от 18 февраля 2013 года № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля», уголовно-исполнительные инспекции получили право использования электронных браслетов для осуществления контроля лиц,

находящихся под домашним арестом. В качестве передовых средств мониторинга на современном этапе используются такие устройства, как электронные браслеты.

Электронные браслеты — представляют собой устройства, которое надевается на осужденного для его дистанционного распознания. С помощью данного устройства можно легко отслеживать местонахождение поднадзорного лица. Электронный браслет предназначен для длительного ношения на теле и включает в себя встроенную систему контроля от несанкционированного снятия и вскрытия. Основное преимущество подобного контроля очевидно:

1. Сокращается число повторных преступлений и правонарушений (за счет внедрения систем электронного мониторинга, прогнозируется снижение с 40% до 10%).

2. Такая форма контроля экономична, выражающаяся в том, что стоимость затрат на электронное наблюдение до 5 раз дешевле, чем содержание осужденного в изоляторах и исправительных учреждениях.

3. Очевидная разгрузка СИЗО и колоний — представляет собой более эффективный способ контроля, чем постоянные очные проверки поднадзорного.

4. Постоянный контроль за перемещением и поведением лиц, отбывающих наказание в виде ограничения свободы, а также на подозреваемых и обвиняемых, находящихся под домашним арестом.

Наряду с преимуществами представляется необходимым, отметить и недостатки электронных браслетов. Эксперты отмечают, что в российской модели есть некоторые недостатки:

1. Осужденному нельзя заниматься определенными повседневными делами и даже специальной профессиональной деятельностью. Так, удары по браслету, техника воспринимает как тревогу, и подает соответствующий сигнал. Если осужденный занимается строительством, монтажными работами, риски ложных вызовов возрастают.

2. Унижение человеческого достоинства — люди, которые совершили даже незначительные правонарушения, должны носить некое «клеймо», которые не всегда удается скрыть под одеждой. В США многим людям с цифровыми браслетами, хотя и не запрещают работать, но отказывают в трудоустройстве. А поскольку за браслет приходится платить большие деньги, это загоняет поднадзорных в долги. То есть технология, которая придумана, чтобы человек был менее изолирован от общества, в итоге все равно способствует социальной изоляции.

3. Материальная ответственность поднадзорных лиц — если электронный браслет выйдет из строя по вине его носителя, то затраты на его ремонт будут отнесены на счет виновного. В США к этим проблемам добавляется то, что браслеты выдаются не бесплатно. За установку, по словам Роберта Гейбла, берут от 100 долларов (по данным EqualJusticeUnderLaw — от 175 до 200). Кроме того, приходится вносить еще и ежедневную плату от 5 до 20 долларов (согласно EqualJusticeUnderLaw — от 5 до 40). Причем предоставлять оборудование может не только государство, но и частные компании. Надзор превратился в прибыльную индустрию, посягающую на гуманистические ценности, заключает Гейбл.

4. Периодические сбои в работе оборудования.«Были случаи, когда эта аппаратура — ее привезли, ее включили — постоянно давала сбой, давала сигнал, что лицо покидает помещение. Ему звонили, а он говорит: “Я не покидаю, я вот по стационарному телефону беру трубку, я дома нахожусь”», — говорит Гревцов.

Опрос 80 региональных начальников ФСИН, проведенный в 2015 году, показал, что эффективность СЭМПЛ «находится пока на недостаточно высоком уровне». Отмечались частые поломки и отсутствие запасных расходных материалов. Кроме того,

опрошенные указывали на невысокий уровень подготовки сотрудников, работающих с системой, и низкое качество ПО. С тех пор, правда, СЭМПЛ модернизировали, в частности продлив срок службы с трех до семи лет. Однако, по данным Минюста, на конец 2020 года число исправных систем составляло, в различных территориальных органах, от 57% до 78%.

Электронный браслет используется в комплекте с двумя видами устройств: СКУ — стационарное контрольное устройство и МКУ — мобильное контрольное устройство. Стационарное контрольное устройство устанавливают по месту жительства осужденного, а мобильное контрольное устройство он должен всегда носить с собой. При превышении максимального удаления, при попытке взломать ремешок браслета, контрольное устройство подает сигнал тревоги на пульт мониторинга, который устанавливается в уголовно-исполнительной инспекции.

Благодаря этим устройствам мониторинга вводится контроль на следующие ограничения: не уходить из квартиры или же иного жилища в определенное время, не изменять места жительства и пребывания, не посещать места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, не посещать места проведения массовых мероприятий и т.д.

По состоянию на 1 января 2020 года в России насчитывалось больше 28 тысяч приговоренных к ограничению свободы, и только 17% из них по данным издания Legal Report, носили браслеты. А среди фигурантов уголовных дел, находящихся под домашним арестом браслеты были у 96%.

По данным ФСИН, сейчас в России во всех подразделениях тюремного ведомства используются 9827 электронных браслетов, в том числе в Москве — 177 браслетов. Из них 165 — для лиц, приговоренных судом к ограничению свободы, и лишь 12 приборов носят поднадзорные лица, находящиеся под домашним арестом. Самыми известными из обладателей электронных браслетов являются фигурантка уголовного дела о многомиллиардных хищениях в Минобороны Евгения Васильева и оппозиционер Сергей Удальцов, которые обвиняются в организации массовых беспорядков.

Однако, эксперты НИИ космического приборостроения признали, что электронные браслеты для слежения за осужденными, не выполняют своей главной функции, почему? В связи с многочисленными испытаниями, эксперты пришли к выводу, что объективный контроль за расположением поднадзорного отсутствует, что выражается в отсутствии приема сигналов ГЛОНАСС и GPS. То есть операторы ФСИН не могут определить точное местонахождение «клиента». Кроме того, согласно данным экспертиз они даже не могут определить степень заряда аккумулятора электронного браслета, так как им доступны лишь данные о напряжении в батарее и следовательно не могут рассчитать, когда и в какой момент браслет отключится. Было также установлено, что сигналы тревоги электронного браслета и СКУ поступают на рабочее место оператора с задержкой 8–10 мин. Также они установили, влияние окружающей среды на браслет, выражающееся в том, что от влаги контакты замка браслета быстро окисляются а прибор расценивает это как попытку расстегнуть замок, и подает ложный вызов тревоги.

Для наиболее эффективного электронного наблюдения считаем, что такие устройствадолжны быть:

1. Одноразовыми и при снятии прекратить своё функционирование. Первую очередь, это предупредит неправомерную передачу устройства другому лицу (например, членам семьи, которые постоянно находятся дома).

2. Индивидуальное значение использования одноразовых устройств имеют и санитарно-гигиенические нормы, которые на сегодняшний день соблюдаются далеко не всеми. После одноразового использования производитель может, как утилизировать, так же и восстановить устройство, для его повторного применения, что целесообразно с экономической точки зрения.

По нашему мнению осужденный или подозреваемый/обвиняемый должен оплачивать услугу электронного контроля, к примеру в США это так и делается.

В случае отсутствия денежных средств оплату могут производить родственники, иные лица, работодатель, различные благотворительные фонды, правозащитные организации. В исключительных обстоятельствах, по решению суда, можно освободить от оплаты электронного оборудования.

Таким образом, добиваться максимально эффективного исполнения наказаний, которые не связаны с изоляцией осужденных от общества можно, только при условии совершенствования старых и использования современных достижений технического прогресса.

Источники и литература

[1] Постановление Правительства РФ от 18.02.2013 № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений» // СЗ РФ. — 2013, № 8, ст. 838.

[2] Удоденко А.О. Применение электронного мониторинга осужденных без изоляции от общества на современном этапе реформирования уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2014, № 5. — С. 25.

[3] Эксперты: электронные браслеты ФСИН можно снять ножницами // СарБК : сайт. Режим доступа: http://news.sarbc.ru/focus/materials/2013-04-16/2068.html

[4] Суходолов А.П. Цифровая экономика: электронный мониторинг правонарушителей и оценка его экономической эффективности / А.П. Суходолов, Б.А. Спасенников, Б.А. Швырев // Всероссийский криминалистический журнал. — 2017. — Т. 11, № 3. — С. 495–502.

Уголовно-правовое направление

Особенности наркопреступности несовершеннолетних в Алтайском крае и ее предупреждение

Заозёрова Виктория Сергеевна

Студент (магистр)

Алтайский государственный педагогический университет, Институт дополнительного образования, Барнаул, Россия

E-mail: zaozerova-vika94@mail.ru

Существенное влияние на состояние оперативной обстановки оказывает массовое распространение наркотических средств и психотропных веществ. В связи с чем, вопросы организации борьбы с наркопреступностью, особенно с ее организованными формами, выходят на первый план.

Динамика числа зарегистрированных преступлений на территории Алтайского края, в том числе и сфере незаконного оборота наркотиков (далее — НОН) неустойчива.

Табл. 1. Количество преступлений, совершенных несовершеннолетними на территории Алтайского края, в том числе в сфере НОН (2018–2022 гг.)

год	всего преступлений, совершенных в Алтайском крае	количество преступлений, совершенных несовершеннолетними	удельный вес, в %	всего преступлений, совершенных в Алтайском крае, в сфере НОН	количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, в сфере НОН	удельный вес, в %
2018	38413	1081	2,8	3438	59	1,7
2019	37058	961	2,6	3190	43	1,3
2020	39029	887	2,3	3173	32	1,0
2021	39070	770	2,0	3092	42	1,4
2022	39177	779	2,0	4123	60	1,6

С целью выявления особенностей и мер, направленных на снижение уровня наркомании среди несовершеннолетних, более подробно проанализируем преступления в сфере НОН, совершенные на территории Алтайского края. Так с 2018 по 2021 гг. наблюдается снижение количества преступлений вышеуказанной категории. На наш взгляд, снижение, отмечаемое с 2019 г., может быть связано с ограничениями, вызванными распространением новой коронавирусной инфекции COVID — 19, повлекшими введение ограничений пересечения государственной границы. По итогам 2022 года отмечается резкое увеличение количества наркопреступлений. Это связано с изменением практики учета таких преступлений, совершенных путем формирования одним человеком нескольких тайников с наркотиками. Теперь отдельным преступлением считается каждая закладка с запрещенными веществами, а не одна как ранее.

Темп прироста числа зарегистрированных преступлений, совершенных в сфере НОН в 2022 г. к 2018 г. составил 20,0%.

Особо острой проблемой современного общества является участие несовершеннолетних в совершении преступлений данной сферы.

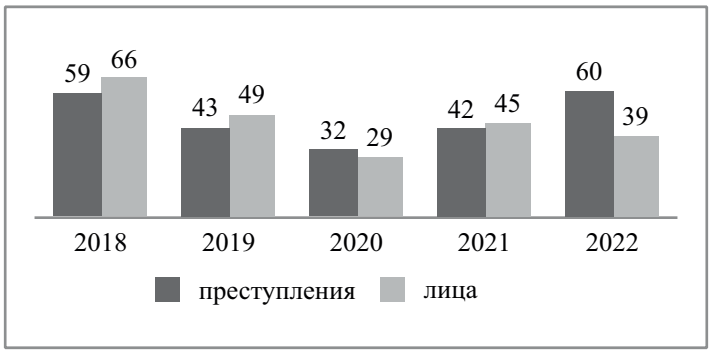

Диаграмма 1. Количество преступлений и несовершеннолетних лиц, совершивших преступления в сфере НОН на территории Алтайского края (2018–2022 гг.)

Статистические показатели в вышеприведенной диаграмме свидетельствуют о сокращении количества несовершеннолетних преступников, привлеченных к уголовной ответственности, при одновременном увеличении числа совершенных ими преступлений в сфере НОН.

Также можно выявить следующую тенденцию:

— в 2019, 2022 годах наблюдается повторная и рецидивная преступность, что позволяет сделать вывод о том, что «вал преступлений», совершенных несовершеннолетними преступниками, увеличивается в основном, за счет роста преступлений, совершенных ими неоднократно;

— в 2018–2019, 2021 годах наблюдается рост преступлений, совершенных в группе.

Эффективный способ профилактики групповой преступности несовершеннолетних — это своевременная постановка на учет подростковых групп несовершеннолетних антиобщественной направленности, в том числе в состав которых входят взрослые лица.

Согласно данным В.А. Лелекова одной из особенностей наркопреступности в целом и среди несовершеннолетних является высокая латентность. Используя специальные методы изучения латентной преступности, криминологи приходят к неутешительному прогнозу о тенденции распространения наркопреступности среди несовершеннолетних [2, с. 277].

По мнению Т.Г. Газизовой участие несовершеннолетних в сбыте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов имеет психологические основания. Во-первых, подростки отличаются податливостью, послушанием и, как правило, выполняют требования взрослых наркоторговцев. Во-вторых, несовершеннолетние меньше привлекают внимание сотрудников правоохранительных органов как сбытчики наркотиков. В-третьих, дети общительны, им легче вступать в контакт со сверстниками [1, с. 182].

Начиная с 2020 г. отмечено увеличение числа преступлений, совершенных несовершеннолетними в сфере НОН в составе смешанной группы.

Табл. 2. Количество преступлений в сфере НОН, совершенных несовершеннолетними в группе на территории Алтайского края, в том числе в составе смешанной группы (2018–2022 гг.)

год	количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, в сфере НОН	количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, в сфере НОН в группе	удельный вес, в %	количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, в сфере НОН	количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, в сфере НОН в смешанной группе	удельный вес, в %
2018	59	18	30,5	59	13	22,0
2019	43	13	30,2	43	11	25,6
2020	32	8	25,0	32	5	15,6
2021	42	17	40,5	42	16	38,1
2022	60	37	61,7	60	25	41,7

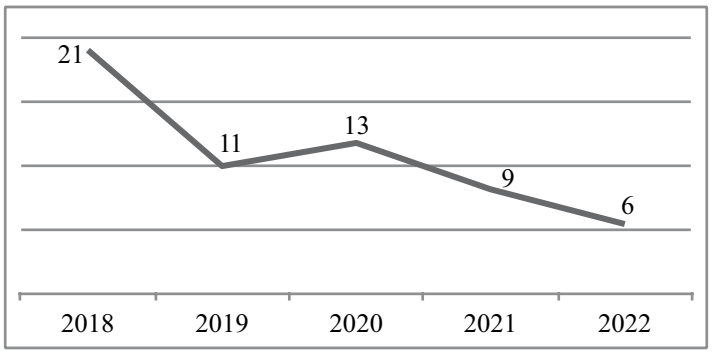

Рис. 1. Количество преступлений, зарегистрированных на территории Алтайского края, предусмотренных ст. 150 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления) (2018–2022 гг.)

Однако статистические данные за последние пять лет показали, что ежегодно количество выявленных фактов вовлечения подростков в совершение преступлений уменьшается.

Кроме того, необходимо рассмотреть социальный статус несовершеннолетних, совершивших преступления в сфере НОН.

Рассматривая социальный статус подростков, совершивших наркопреступления, необходимо отметить, что наибольшее количество преступлений рассматриваемой категории совершено учащимися общеобразовательных учреждений.

По данным исследователей, одной из основных причин совершения несовершеннолетними преступлений и правонарушений является бесконтрольность и безнадзорность детей и подростков, неблагополучная обстановка в семьях [4, с. 142].

Повседневно растет количество детей из неблагополучных семей, и семья как институт находится в кризисном состоянии. Дети из неблагополучных семей растут с психологическими и психическими проблемами, у них нарушена социализация [3, с. 197].

Табл. 3. Количество преступлений в сфере НОН, совершенных несовершеннолетними на территории Алтайского края: по роду занятий (2018–2022 гг.)

	годы				
	2018	2019	2020	2021	2022
количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, в сфере НОН	59	43	32	42	60
учащиеся школ	21	13	9	16	14
удельный вес, в %	35,6	30,2	28,1	38,1	23,3
учащиеся ПУ, ВУЗов	31	16	15	13	25
удельный вес, в %	52,5	37,2	46,9	31,0	41,7
не работ./не учащ.	8	16	9	14	21
удельный вес, в %	13,6	37,2	28,1	33,3	35,0

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Особенностью преступности несовершеннолетних в сфере НОН в Алтайском крае являлось то, что большинство несовершеннолетних, на момент совершения преступления являлись учащимися общеобразовательных учреждений.

2. Темп прироста числа зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними в сфере НОН в Алтайском крае в 2022 г. к 2018 г. составил 1,7%.

3. Удельный вес несовершеннолетних, ранее совершавших преступления в сфере НОН, в общем числе преступлений, совершенных несовершеннолетними в сфере НОН в регионе значительно уменьшился, темп снижения данного показателя в 2022 г. к 2018 г. составил 38,1%.

4. В исследуемый период отмечается рост удельного веса преступлений, совершенных несовершеннолетними в сфере НОН в группе в общем числе преступлений, совершенных несовершеннолетними в сфере НОН в регионе, в том числе в составе смешанной группы.

Источники и литература

[1] Газизова Т.Г. Криминологическая характеристика преступлений несовершеннолетних, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и их предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. — Барнаул, 2003.

[2] Лелеков В.А. Ювенальная криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». — ЮНИТИ ДАНА: Закон и право, 2017.

[3] Монахова К.В. К вопросу о влиянии неблагополучной семьи на воспитание ребенка / К.В. Монахова // Молодой ученый. — 2020. — № 35 (325). — С. 195–197.

[4] Профилактика безнадзорности и правонарушений среди обучающихся : методические рекомендации / Г.Д. Кочергина, С.А. Васицева, Л.Н. Кондратюк, И.Ю. Полякова. — Смоленск : ГАУ ДПО СОИРО, 2019. — 142 с.

Уголовно-правовое направление

Сталкинг — невидимое уголовное преступление

Коротченко Алина Викторовна

Студент (бакалавр)

Финансовый университет, Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: alina.korotchenko2005@mail.ru

Ежегодно в России по данным МВД пропадает около 180 тысяч человек, большое количество из них находят, а кого-то так и оставляют в статусе без вести пропавших. Только когда возбуждается уголовное дело и выясняются все подробности жизни пропавшего человека, вскрываются детали, которым раньше не уделялось должного внимания. И эти детали оказываются ключевыми в деле. Многократным из таких случаев является преследование. Ярким примером является преследование нежелательным поклонником девушки против ее воли и желания. Преследователь может следить за жертвой, неоднократно посещать места, в которых она находится, наблюдать за всеми ее действиями, и ничего в итоге от закона за это не получить, так как согласно действующему законодательству сталкинг не является преступлением. Следовательно, жертва сталкинга остается без охраны и защиты со стороны закона, что является непосредственной угрозой для ее жизни. Отсутствие правовых норм, предусматривающих меру ответственности за сталкинг является одной из насущных и актуальных проблем в уголовном праве.

Для того, чтобы полностью раскрыть выбранную тему необходимо обозначить смысл понятия «сталкинг». Сталкинг — это чрезмерное, навязчивое, одержимое внимание со стороны одного человека (сталкера) или группы людей к другому (жертве преследования). Законодательство не классифицирует сталкинг как отдельный вид преступления и не устанавливает меру ответственности за него. В России преследование рассматривается как серия противоправных действий, то есть самостоятельно оно не является преступлением, наказуемы только фактические последствия. Среди статей, к которым возможно привлечь сталкера, юристы называют ст.ст. 110, 116, 119, 137, 138, 213 УК РФ [1] и др. Однако привлечение к ответственности по вышеперечисленным статьям весьма проблематично, кроме этого не все из них полностью прекращают действия сталкера. Если рассматривать ст. 110 « Доведение до самоубийства», то ее применить возможно только после совершения жертвой сталкинга суицида. Если преследователь только ведет слежку за своей жертвой без распространения сведений о ее частной жизни и разглашения личной или семейной тайны, то по ст. 137 «Нарушение неприкосновенности частной жизни» он не может быть привлечен. Приведенные положения подтверждают тот факт, что уже существующие нормы бессильны по отношению к сталкингу.

Чтобы законодательно установить уголовную ответственность за преследование, необходимо проанализировать теоретическую базу данного аспекта. Среди признаков, характеризующих сталкинг, выделяют подстерегание жертвы, постоянное преследование, повторяющиеся нежелательные сообщения, содержащие угрозы либо оскорбления, также отправку навязчивых подарков, повреждение имущества жертвы и др.[4; ст.104]Необходимо охарактеризовать личность сталкера, его цели и мотивы. Среди

основных типов лиц, занимающихся сталкингом, перечисляют «отверженных», искателей близких отношений, несостоятельных поклонников, злопамятных и сталкеров-хищников. Отверженные занимаются преследованием лиц, с которыми у них была близкая связь, например, это друзья, с целью отомстить или помириться. Второй тип характерен для навязчивых поклонников, которые надеются на близость с жертвой, так как считают, что их чувства взаимны. Несостоятельные поклонники пытаются добиться своей жертвы для не длительных отношений. Преследование со стороны злопамятных происходит с целью мести за причиненный вред или травму. Безусловно, важно четко устанавливать мотивы проведения преследования, однако еще важнее установить конечную цель сталкера. К сожалению, в большинстве случаев главной целью преследователя является смерть жертвы с предшествующим психологическим давлением. Преследование для сталкера является некой «игрой» между преследователем и жертвой, где первый устанавливает свои правила для удовлетворения своего желания властвовать над жизнью невинного человека.

Сталкинг несет трагические последствия для любого человека. Жертвой преследователя могут стать как мужчины, так и женщины, однако, статистика говорит о том, что в зоне риска находится именно представительницы женского пола. Около 90% преследователей — это мужчины, а их жертвами в 70% случаев становятся женщины. Данная статистика достаточно обобщенная, так как конкретизированных данных от правоохранительных органов нет вследствие отсутствия уголовно-правовой нормы, касающейся сталкинга. Нерешенные проблемы на этом не заканчиваются, так как с развитием информационных технологий появляется новый вид преследования — кибersталкинг.

Кибersталкинг — это новая форма девиантного поведения, которая подразумевает преследование какого-либо лица в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» с помощью электронных устройств [7, с. 27]. Сталкеры оказывают психологическое давление на жертву в информационном пространстве. Кибersталкинг непредсказуем, преследователь может находиться в другой стране, может привлекать к неправомерным действиям третье лицо и подстрекать его на причинение вреда, и все это крайне сложно отследить. Сталкер может использовать полученную информацию не только для психологического воздействия, но и для того, чтобы опорочить честь и достоинство жертвы. Помимо этого, сталкер может отрезать связь с другими людьми, постоянно осуществляя телефонные звонки и отправляя смс, из-за чего каналы связи перегружаются. На данный момент в РФ нет эффективных способов противодействия кибersталкингу, что приводит к тому, что граждане находятся без правовой защиты. Многие юристы утверждают, что кибersталкера могут привлечь к уголовной ответственности по ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинение тяжкого вреда здоровью», однако она применяется только при наличии физического вреда. Но это немыслимо, ведь закон должен предотвращать угрозу еще на начальном этапе, чтобы до физического насилия не дошло. Возможно, что затруднения в расследовании таких преступлений вызваны отсутствием судебной практики по данному вопросу, нехваткой квалифицированных кадров, которые бы были обучены навыкам программирования и отсутствием конкретного плана действий в таких случаях. В связи с этим необходимо усовершенствовать уголовное законодательство посредством введения необходимых норм, связанных с кибersталкингом и сталкингом.

В зарубежных странах уже существуют данные нормы и предусмотрена судебная практика. Первым, кто принял закон, который определяет уголовную ответственность

за сталкинг, был штат Калифорния. Этому предшествовал случай убийства известной актрисы Ребекки Шеффер, которую преследовал в течение трех лет неадекватный поклонник. Эта трагедия потрясла всю Америку. К сожалению, это не первый случай, когда закон принимают только после несчастного случая. В Японии сталкинг тоже классифицировали как преступление, но уже после того, как была убита 21-летняя студентка в Окегаве. Ее убил наемник, которого заказал ее бывший молодой человек. Анализируя информацию, невольно приходим к выводу, что зачастую преследование может привести к трагическим последствиям, а именно к убийству. Похожие законы были приняты и в австралийских штатах, в Германии, в Индии, в Нидераландах и т.д. Например, в Германии наказание за преследование установлено на срок до трех лет лишения свободы или в виде штрафа [4, с. 102], в Австралии пять лет лишения свободы или штраф. Исходя из этого, можно отметить, что за данный род преступлений назначены достаточно строгие наказания, что отражает опасность и угрозу сталкинга.

Несмотря на все приведенные выше аргументы, юристы утверждают, что в законодательстве достаточно норм, регулирующих данный вопрос. Часто они ссылаются на закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного процесса» [2], но он не затрагивает преступления, связанные со сталкингом. Его целью является непосредственная защита участников уголовного судопроизводства. Правоотношения, касающиеся преследования, не являются процессуальными, в связи с чем данный закон не может быть применен.

Подводя итог всему вышеизложенному, важно отметить, что в Уголовный кодекс РФ необходимо ввести понятие сталкинга и обозначить его как самостоятельный состав преступления. Так как данное преступление направлено, в первую очередь, против личности, то целесообразным будет включить статью в раздел VII «Преступления против личности» УК РФ. Важно определить все виды поведения, которые будут характеризоваться как сталкинг: это подстерегание и преследование жертвы, постоянная слежка за ней, навязчивые сообщения и звонки в большом количестве, угрожающее поведение по отношению к жертве и т.д. Все эти действия вызывают у жертвы чувство страха, тревожности и беспокойства. Помимо этого, возможно предусмотреть и психологическую помощь пострадавшим от сталкинга, так как нередко после данных случаев у них появляются проблемы с физическим и психологическим здоровьем. Необходимо вести статистику по данному виду преступления, выявлять закономерности и исследовать данный аспект. Также должна быть отдельная статья про кибersталкинг, которая будет включать понятие, признаки и меру наказания. Данную угрозу необходимо предотвратить уже сейчас, когда известны случаи сталкинга, чтобы закон мог защитить жертв преследования на всех этапах. Правоохранительные органы должны незамедлительно реагировать на просьбу о помощи и начинать расследование. Жертвой сталкинга может стать любой, поэтому законодателю необходимо устранять пробелы в праве, чтобы защитить граждан и быстро реагировать на изменения в современном обществе.

Источники и литература

[1] Российская Федерация. Кодексы. Уголовный кодекс РФ. Собрание законодательства Российской Федерации от 1996 г., № 25, ст. 2954.

[2] Российская Федерация. Законы. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральной закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ / Российская Федерация. Законы // Собрание законодательства Российской Федерации от 2004 г., № 34, ст. 3534.

[3] Клейманов М.С. Проблема криминализации сталкинга в Российской Федерации // Закон и право. 2021. № 5.
[4] Корнилова Т.В., Емельянова Ж.Э. Ответственность за преследование (сталкинг) в России и за рубежом // Вестник СурГУ. 2022. № 3 (37).
[5] Куликов А.В., Егорычева Е.А. Проблемы и перспективы криминализации сталкинга в России // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. № 3.
[6] Степенко А.В. Сталкинг как уголовное преступление в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. №Ё4.
[7] Тимошкина В.А. Кибersталкинг: современное состояние и меры противодействия на досудебных стадиях уголовного процесса // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 1 (37).

Уголовно-правовое направление

Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ и уголовно-правовые средства борьбы с ними

Маадзиев Руслан Магомедович

Студент (специалист)

Российская правовая академия МЮ РФ, Северо-Кавказский филиал, Юридический факультет, Кафедра уголовно-правовых дисциплин, Махачкала, Россия

E-mail: maadzievr@yandex.ru

В современной российской юридической литературе, посвященной вопросам развития уголовного законодательства, как правило, выделяют три основных этапа (периода) — досоветский, советский и современный (постсоветский). Данный подход используют и исследователи отечественного законодательства об ответственности за деяния с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами.

Незаконные изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка в целях сбыта, а равно незаконный сбыт сильнодействующих или ядовитых веществ, не являющихся наркотическими средствами или психотропными веществами, либо оборудования для их изготовления или переработки наказываются штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок [1, с. 113].

На современном этапе, основные положения деятельности, связанной с наркосодержащими веществами, регламентированы Федеральным законом от 8 января 1998 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах».

УК РФ внес существенные изменения в нормы, устанавливающие ответственность за деяния с наркотиками. При этом была выдержана основная концепция борьбы с наркоманией: ужесточение наказания за наиболее опасные преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, и смягчение ответственности за менее серьезные преступления. Действующее законодательство не предусматривает уголовную ответственность за употребление наркотических средств, однако в этом случае виновный может быть привлечен к административной ответственности в виде штрафа в размере от 500 до 1000 рублей, либо в виде административного ареста на срок до 15 суток (ст. 6.9 КоАП РФ). Для установления факта употребления наркотических средств необходимо провести медицинское освидетельствование на факт употребления наркотиков либо тестирование с положительным результатом.

Однако следует учитывать, что если факт употребления наркотиков подтвердится, то сотрудник правоохранительного органа обязан выяснить источник приобретения наркотического средства. Если будет установлено, что употребленный наркотик был

приобретен у другого лица, то в отношении него должно быть возбуждено уголовное дело за сбыт наркотиков по ст. 228.1 УК РФ, предусматривающей наказание в виде лишения свободы на срок от 4 до 20 лет в зависимости от тяжести преступления. Сбытом наркотиков является не только их продажа, но и безвозмездное предоставление для употребления. К примеру, если на дискотеке лицо, достигшее 18-летнего возраста, даст покурить папироску с марихуаной несовершеннолетнему, оно может быть лишено свободы на срок от 5 до 12 лет.

Закон предусматривает уголовную ответственность также за незаконные приобретение, хранение, изготовление наркотиков. В отличие от сбыта наркотиков, по которому минимальный размер сбываемых наркотиков не установлен, количество приобретенного или хранящегося наркотика должно превышать определенный размер. Например, в случае хранения высушенной марихуаны массой свыше 6 граммов, экстракта маковой соломы свыше 1 грамма (сухой остаток), ацетилированного опия — 0,5 грамма. Если это количество не превышает указанных размеров, то лицо также может быть привлечено к административной ответственности в виде штрафа в размере от 500 до 1000 рублей, либо в виде административного ареста на срок до 15 суток (ст. 6.8 КоАП РФ). Также уголовной ответственности подлежат те, кто систематически предоставляют помещения для употребления наркотиков другим лицам.

Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой либо в отношении сильнодействующих веществ в крупном размере, наказываются штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до восьми лет [3, с. 12].

Нарушение правил производства, приобретения, хранения, учета, отпуска, перевозки или пересылки сильнодействующих или ядовитых веществ, если это повлекло по неосторожности их хищение либо причинение иного существенного вреда, наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Существенным дополнением к уголовно-правовым мерам борьбы с наркотизмом, содержащимся в УК РФ, является примечание к ст. 228 УК РФ, которым предусмотрен специальный вид освобождения от уголовной ответственности при незаконных действиях с наркотиками. В соответствии с ним лицо, добровольно сдавшее наркотические средства или психотропные вещества и активно способствовавшее раскрытию или пресечению преступлений, связанных с их незаконным оборотом, изобличению лиц, их совершавших, освобождается от уголовной ответственности за данное преступление. Эта норма обладает значительной профилактической направленностью, стимулируя деятельное раскаяние лиц, совершивших незаконные действия.

Источники и литература

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // Собр. законодательства. Рос. Федерации — 2014. — № 31, от 04 августа, ст. 4398 Доступ из справочно-правовой системы « Консультант Плюс»

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г.: [Электронный ресурс] // Рос. газ. — 2018. — 29 июля ; Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2018. — № 63, ч. 1–2, ст. 4743. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»

[3] Помигалова О.А. Об альтернативной ответственности несовершеннолетних за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Наркоконтроль. № 2. 2014.

[4] Федоров А.В. Ответственность за деяния с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами по праву княжеского периода и русского централизованного государства (X–XVII вв.) // Наркоконтроль. 2015. № 2.

Уголовно-правовое направление

Хищения на железнодорожном транспорте: современное состояние преступности и тенденции ее развития в России

Пирметова Амина Алиметовна

студент

Юридический факультет Северо-Кавказского института ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала

E-mail: ami.pirmetova@mail.ru

Прежде чем вести речь о состоянии преступности, связанной с хищениями на железнодорожном транспорте, необходимо уточнить понятие железнодорожного транспорта, которое на протяжении последних лет в разных сферах деятельности трактовалось неодинаково. В данном случае мы полагаем целесообразным основываться на законодательном определении данного термина. Так, согласно ч. 1 ст. 2 ФЗ «О железнодорожном транспорте» [1], железнодорожный транспорт подразделяется на два вида: а) железнодорожный транспорт общего пользования — производственно-технологический комплекс, включающий в себя инфраструктуры железнодорожного транспорта, железнодорожный подвижной состав, другое имущество и предназначенный для обеспечения потребностей физических лиц, юридических лиц и государства в перевозках железнодорожным транспортом на условиях публичного договора, а также в выполнении иных работ (услуг), связанных с такими перевозками; б) железнодорожный транспорт необщего пользования — совокупность производственно-технологических комплексов, включающих в себя железнодорожные пути необщего пользования, здания, строения, сооружения, в отдельных случаях железнодорожный подвижной состав, а также другое имущество и предназначенных для обеспечения потребностей физических и юридических лиц в работах (услугах) в местах необщего пользования на основе договоров или для собственных нужд.

Сразу заметим, что объем железнодорожного транспорта необщего пользования значительно меньше, чем общего пользования. Однако для нашего исследования это обстоятельство значения не имеет, поскольку и то, и другое охватывается понятием железнодорожного транспорта. Важнее понять, что законодатель включает в понятие инфраструктуры железнодорожного транспорта. В той же норме указанного федерального закона указывается, что инфраструктура железнодорожного транспорта — это технологический комплекс, включающий в себя железнодорожные пути общего пользования и другие сооружения, железнодорожные станции, устройства электроснабжения, сети связи, системы сигнализации, централизации и блокировки, информационные комплексы и систему управления движением и иные обеспечивающие функционирование этого комплекса здания, строения, сооружения, устройства и оборудование [1]. Как видно, железнодорожный транспорт — это далеко не только собственно поезда, передвигающиеся по рельсовым путям. И поэтому территориальное пространство, являющееся местом совершения преступления, охватывает в себя также достаточно обширный перечень наземных недвижимых объектов.

Несмотря на то, что, как мы отмечали, уже много лет функционируют специализированные подразделения органов внутренних дел (транспортная милиция), соответствующего уровня статистики о преступности на железнодорожном транспорте пока нет. Так, в 2004 г. был выпущен фундаментальный статистический справочник о преступности за период 1999–2003 гг., в издании которого участвовали МВД РФ, Межгосударственный статистический комитет СНГ, Судебный департамент при Верховном суде РФ [2]. Однако транспортная специфика, имея в виду железнодорожный транспорт, в нем отражена не была. Данная тенденция сохраняется и по сей день. МВД РФ с 2003 г. стало публиковать на официальном сайте статистику по преступности. Нужно отдать должное — место сведениям о преступности на транспорте здесь нашлось, однако в ней отражается весь транспорт вообще, подконтрольный транспортной полиции, без разбивки по видам транспорта. Сегодня статические данные о количестве и видах совершаемых преступлений на транспорте издаются без разбивки по видам транспорта.

Возьмем статистические данные за последние три года. Всего в 2019 г. на транспорте было совершено 14475 преступления (снижение на 4,8% по сравнению с 2018 г.). Количество разбоев составило 32 (не изменилось 0,0%), грабежей — 249 (снижение на 13,5%), краж — 12143 (снижение на 4,0%), актов мошенничества — 1334 (снижение на 17,1%), кража грузов на транспорте — 1549 (снижение на 18,2%) [3].

Абсолютное большинство хищений приходится на кражи. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что относительно всех форм хищения также преобладают кражи — это обстоятельство мы больше не будем подчеркивать в силу его очевидности. Взывает также удивление огромный рост мошенничества на транспорте. Мы не встретили в литературе объяснений этому факту. Не имея в виду подробный анализ этого факта, выскажем лишь предположение, что такое могло случиться в результате исключения из УК РФ ст. 200 (обман потребителей) известным законом от 8 декабря 2003 г. [4], в результате чего действия, которые ранее подпадали под ст. 200 УК РФ (здесь основной признак, который позволял это делать, заключался в обмане как средстве совершения преступления) стали квалифицироваться как мошенничество — об этом свидетельствует и тот факт, что в последующем таких скачков более не было, а также то обстоятельство, что в целом, если иметь в виду всю преступность, а не только преступность на транспорте, за 2019–2021 гг. фактов мошенничества по сравнению с 2018 г., и в дальнейшем также не было подобных перепадов в показателях.

Также обращает на себя внимание существенный спад хищений на транспорте в 2020 году и существенный их рост в 2021 году. По нашему мнению, данное обстоятельство связанно с введением в стране ограничительных мер в связи с распространением COVID-19, повлекшим сокращение пассажиропотока и грузоперевозок в целом по стране и международным направлениям. После отмены ограничительных мер и постепенного возвращения перевозок на «доковидный» уровень (2019 года) произошло даже некоторое увеличение количества преступлений на транспорте, в целом, и хищений в том числе.

В 2019 г. хищения составляли 4,8% от всех видов преступлений, совершенных на транспорте. Следует заметить, что количественное соотношение форм хищений, а также хищений и всех преступлений в 2018–2019 г. является базовым показателем, которые в дальнейшем не подверглись резким колебаниям.

Как уже отмечалось выше, в 2021 году после отмены ограничительных мер в связи с распространением COVID-19 произошло увеличение преступлений, совершенных

на транспорте. Так, УТ МВД России по СевероКавказскому ФО (25,2%), в УТ МВД России по Центральному ФО (20%), УТ МВД России по Приволжскому ФО (11), в УТ МВД России по Уральскому ФО (9,7%), в Восточно-Сибирском ЛУ МВД России по транспорту (8%), в Забойкальском ЛУ МВД России по транспорту (6,9%), в УТ МВД России по Сибирскому ФО (3%), в УТ МВД России по Южному ФО (0,3%), в УТ МВД России по Дальневосточному ФО (0,2%). Снижение преступности наблюдалось лишь в УТ МВД России по Северо-Западному ФО ($-3,5\%$) [3].

Нами проведен анализ статистических данных по хищениям на железнодорожном транспорте с 2006–2018 года (объем нашего исследования не дает возможности представить её в развернутом виде), то здесь можно заметить, что в 2008 году произошел перелом в сторону снижения преступности на железнодорожном транспорте, в том числе и хищений. Тенденция снижения хищений и в целом всей преступности на транспорте с 2008 г. до настоящего времени не должна питать иллюзий, поскольку в решающей степени указанное снижение обусловлено тем, что согласно принятому в мае 2008 г. изменению в КоАП РФ, мелким стало считаться хищение, стоимость ущерба при котором составляет не более одной тысячи рублей, в то время как до этого данный рубеж составлял всего сто рублей (то есть законодатель сдвинул планку, разделявшую административное правонарушение от преступления, сразу в 10 (!) раз, что является беспрецедентным случаем), и если ранее огромное число хищений квалифицировались по ч. 1 ст. 158 УК РФ (а на железнодорожном транспорте преобладают кражи, близкие к мелким), то в настоящее время — по ст. 7.27 КоАП РФ. Нужно иметь в виду также значительный уровень латентности хищений на железнодорожном транспорте. В целом, таким образом, нет достаточных оснований говорить об улучшении ситуации с хищениями на железнодорожном транспорте.

Подытоживая, нужно констатировать, что в последние годы состояние преступности на транспорте, находящемся в ведении транспортной полиции, характеризуется «синусоидой», когда, начиная с 2003 г., общее количество преступлений росло, в том числе хищений, а затем стало наблюдаться снижение. Пик пришелся на 2007 г., когда было зарегистрировано 83838 преступлений, из которых 29918 составили хищения. Рост коснулся всех форм хищения примерно в равных пропорциях. С 2008 г. наблюдается снижение регистрируемой преступности. Эта тенденция была продолжена и в исследуемый нами период 2019–2021 годов. Вместе с тем официальная статистика не учитывает латентную преступность, которая достигает 40% от фактически совершенных хищений, в связи с чем указанное статистическое снижение преступных хищений на транспорте не может служить основанием для однозначно позитивных оценок в борьбе с этим видом преступности против собственности. Есть также основание полагать, что статистическое увеличение преступности в определенной степени было следствием ужесточения служебной дисциплины среди сотрудников органов внутренних дел и соответственно более строгой регистрации происше ствий, о чем свидетельствует корреляция динамики преступности на транспорте с динамикой общей преступности в России.

Источники и литература

[1] Федеральный закон «О железнодорожном транспорте» от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ (в ред. от 14 марта 2022 г.) // «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40443/?ysclid=l8ai734zti461762235

[2] Преступность и правонарушения (1999–2003). Статистический сборник. М., 2004.

[3] Статистика преступности в России в 2019-2021 г.г. // Официальный сайт МВД РФ. Электронный доступ https://мвд.рф/reports?ysclid=l6q4dhyte9275115801 (дата обращения: 10.07.2022 г.)
[4] Архив УТ МВД России по ЮФО. Уголовное дело No 4612 / 2018 г.
[5] Архив УТ МВД России по ЮФО. Уголовное дело No 4627 / 2018 г.
[6] Архив УТ МВД России по ЮФО. Уголовное дело No 4639 / 2018 г.
[7] Архив УТ МВД России по ЮФО. Уголовное дело No 4644 / 2018 г.
[8] Архив УТ МВД России по ЮФО. Уголовное дело No 4673 / 2018 г.
[9] Архив УТ МВД России по ЮФО. Уголовное дело No 4698 / 2018 г.
[10] https://izron.ru/articles/problemy-sovremennoy-yuridicheskoy-naukiaktualnye-voprosy-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdu/sektsiya-6ugolovnoe-pravo-i-kriminologiya-ugolovno-ispolnitelnoe-pravo/prestupleniya-nazheleznodorozhnomtransporte/?ysclid=l6qo8sii7h161449605 (дата обращения: 28.07.2022г.)

Уголовно-правовое направление

Преступления в сфере компьютерной информации: особенности доказательств

Рябцева Анна Константиновна

Студент (специалист)

Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Факультет подготовки следователей, Москва, Россия

E-mail: verycrazy01@mail.ru

Статья рассматривает особенности доказательств в сфере компьютерной информации. С развитием цифровых технологий и все большим использованием компьютерной информации в различных сферах, возникает необходимость в эффективных методах и средствах обеспечения целостности и подлинности данных. В статье рассматриваются различные типы доказательств, такие как документы и электронная почта, журналы аудита и лог файлы, дампы памяти и файлы реестра, а также цифровые подписи и хэширование. Особое внимание уделяется проблемам, связанным с изменяемостью компьютерных данных и необходимости использования специализированного программного обеспечения для анализа информации. В результате работы авторов формируется представление о том, какие особенности следует учитывать при сборе и предоставлении доказательств в сфере компьютерной информации.

Компьютеры и информационные технологии играют все более важную роль в жизни общества. Каждый день мы сталкиваемся с различными системами, которые обрабатывают нашу информацию. Банковские системы, мобильные приложения, интернет-магазины и социальные сети — все они основаны на компьютерной информации. В связи с этим, возникает необходимость в правильной оценке и защите такой информации. В данной статье мы рассмотрим особенности доказательств в сфере компьютерной информации.

Понимание компьютерной информации. Для начала, необходимо понимать, что компьютерная информация — это данные, обрабатываемые компьютером. Она может быть представлена в различных форматах — текстовый документ, изображение, аудио- и видеофайлы, база данных и т.д. По сути, это просто набор битов и байтов, которые компьютер обрабатывает с помощью специальных алгоритмов.

Кроме того, важно отметить, что компьютерная информация может быть как статической, так и динамической. Статическая информация — это данные, которые сохраняются на жестком диске или другом носителе информации и могут быть использованы в любое время. Динамическая информация — это данные, которые генерируются в режиме реального времени, например, веб-страницы или данные, получаемые с сенсоров.

Типы доказательств в сфере компьютерной информации. Существует несколько типов доказательств в сфере компьютерной информации. Они могут быть классифицированы на основе их источника и формата. Рассмотрим некоторые из них:

1. *Документы и электронная почта.* Документы и электронная почта могут служить доказательством в судебных процессах. Однако, для того чтобы документы и

почта были допустимыми доказательствами, необходимо соблюдать некоторые правила. Например, документы и почта должны быть сохранены в оригинальном виде без изменений. Также, необходимо иметь возможность подтвердить, что документы и почта не были подвергнуты вмешательству или подделке.

2. *Журналы аудита и лог файлы.* Журналы аудита и лог файлы содержат записи о действиях пользователей в системе, а также о работе системы в целом. Они могут использоваться для анализа происходящих событий и выявления возможных нарушений безопасности. Для того чтобы журналы аудита и лог файлы были допустимыми доказательствами, необходимо обеспечить их целостность и подлинность. Это может быть достигнуто с помощью подписи или шифрования файлов.

3. *Дампы памяти и файлы реестра.* Дампы памяти и файлы реестра содержат информацию о работе операционной системы и установленных приложениях. Они могут использоваться для выявления следов действий злоумышленников, а также для анализа работоспособности системы. Для того чтобы дампы памяти и файлы реестра были допустимыми доказательствами, необходимо убедиться в их целостности и подлинности.

4. *Цифровые подписи и хэширование.* Цифровые подписи и хэширование используются для обеспечения целостности и подлинности данных. Цифровая подпись — это электронный аналог обычной подписи, которая позволяет установить авторство документа и обеспечить его целостность. Хэширование — это процесс преобразования данных в набор символов фиксированной длины, который может быть использован для проверки целостности данных.

Особенности доказательств в сфере компьютерной информации. Одной из особенностей доказательств в сфере компьютерной информации является их часто изменяемый характер. Компьютерные данные могут легко изменяться, копироваться или удаляться. В связи с этим, необходимо обеспечить надежную защиту данных, чтобы их целостность и подлинность не были нарушены.

Еще одной особенностью является необходимость использования специального программного обеспечения для анализа данных. Для того чтобы провести анализ компьютерной информации, необходимо использовать специальные программы и инструменты, которые могут обрабатывать различные форматы данных.

Также важно отметить, что компьютерная информация может быть подвержена криптографической защите, что делает ее недоступной для посторонних лиц. Для того чтобы разблокировать зашифрованные данные, необходимо иметь доступ к ключу расшифровки, что может потребовать дополнительных усилий при сборе доказательств.

Еще одной важной особенностью является необходимость соблюдения правил цепочки доказательств. Это означает, что каждое доказательство должно быть связано с предыдущим и следующим доказательствами, чтобы обеспечить надежность цепочки доказательств.

Кроме того, важно понимать, что при сборе доказательств в сфере компьютерной информации необходимо соблюдать соответствующие нормативные требования и законы, включая законы о защите персональных данных и о приватности. Несоблюдение этих требований может привести к неприемлемым последствиям, включая отказ в признании доказательств и возможные юридические последствия.

Ключевые слова: доказательства, компьютерная информация, целостность данных, подлинность данных, электронная почта, журналы аудита, лог файлы, дампы памяти, файлы реестра, цифровые подписи, хэширование, программное обеспечение, анализ данных.

Источники и литература

[1] Малышева А.В. Компьютерная экспертиза и кибернетическая безопасность / А.В. Малышева, Е.М. Божко. — М.: Издательский дом Юрайт, 2019. С. 13–18.
[2] Рубцов О.В. Компьютерная экспертиза: учебник для вузов / О.В. Рубцов, А.В. Рубцов. — М.: Юрайт, 2017. С. 24–26.
[3] Савченко А.М. Компьютерная экспертиза / А.М. Савченко, И.В. Фролова. — М.: Издательский дом Юрайт, 2017. С. 12–13.
[4] Шумилов В.И. Судебно-техническая экспертиза в компьютерной сфере / В.И. Шумилов, И.М. Харитонова. — М.: Издательство «Экзамен», 2017. С. 31–33.

Уголовно-правовое направление

Незаконное проникновение в помещение либо иное хранилище, как квалифицирующий признак хищений, совершаемых на железнодорожном транспорте

Сеперов Камиль Сеперович

студент

Юридический факультет Северо-Кавказского института ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала

E-mail: student2020student@mail.ru

Проблема борьбы с хищениями на железнодорожном транспорте как самостоятельный предмет деятельности правоохранительных органов возникла после появления этого вида транспорта, который, как известно, способствовал промышленной революции в Западной Европе начала XIX в.

Современное уголовное законодательство предусматривает достаточно широкий перечень квалифицирующих признаков хищений, которые образуют составы преступлений, показывающие повышение общественной опасности деяния по сравнению с «простым» или «основным» составом, формулируемым в первой части статьи 158 УК РФ, и именуемые в учебной литературе как «квалифицированные составы», если речь идет о признаках в части второй статьи УК РФ, и «особо квалифицированные составы», если речь идет о признаках в последующих частях той же статьи УК РФ, независимо от количества частей в статье [1, с. 34] (в уголовном законодательстве и официальных решениях Верховного суда РФ эта терминология не используется, а в решениях КС РФ встречается всего один раз [2], однако в литературе ее употребление достаточно устойчиво — по причине, как нам представляется, удобства и отсутствия альтернативы).

Здесь следует уточнить ключевые понятия. Именно это понятие «Помещение», которое не совсем однозначно освещается в уголовно-правовой литературе, зачастую она преобладает мнением о том, что помещения следует отнести к специальным охранным объектам. Только отдельные этажи или комнаты, в которые вообще не допускается доступ посторонних лиц и куда вход запрещен без разрешения соответствующих должностных лица по режиму предприятия или учреждения. Как считают авторы комментария в Уголовном кодексе, авторский коллектив одного из комментариев УК РФ считает, что «характерные признаки помещения — наличие стен, двери, крыши или иного верхнего перекрытия. Далеко не всякое строение и сооружение может быть признано помещением. Например, светофор или вышка мобильной сотовой связи — это сооружения, плотина или дамба — это строения, но помещениями их признать нельзя, даже если на них в производственных целях и размещено какое-либо ценное оборудование.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1984 г. содержит более широкое толкование понятия «помещение», под которым понимаются строения, сооружения, предназначенные для размещения людей или материальных ценностей [5, с. 22]. В отношении «иного хранилища» Пленум Верховного суда СССР, раскрывая это понятие, относит к нему отведенные для постоянного или временного хранения материальных ценностей участки территории, которые оборудованы оградой либо техническими

средствами или обеспечены иной охраной; вместе с тем не относятся к «иному хранилищу» участки территории (акватории), используемые не для хранения, а, например, для выращивания какой-либо продукции. Следовательно, основным критерием для признания «иного хранилища» является отведение и оборудование участка исключительно для цели хранения. Другое назначение таких площадей, даже и охраняемых, не дает основания считать подобные участки хранилищем. Такая же позиция подтверждена в одном из решений Верховного суда РФ по конкретному делу.

Полагаем, что позиция о том, что не всякая территория, находящаяся под охраной может быть признана «хранилищем», неверна. На наш взгляд, сам факт охраны территории свидетельствует о ее особом статусе, и тем более, если хранение фактически осуществляется на какой-то территории, не являющейся хранилищем и не предназначенной для этого (например, в местное строительство).

Общим критерием, разграничения понятий «помещение» и «иные хранилища», должен определять такой признак — социальное назначение, функции обеспечения хозяйственно-бытовых потребностей.

Применительно к железнодорожному транспорту к хранилищам, безусловно, следует относить контейнеры, все грузовые вагоны разного вида (как закрытые, так и открытые, то есть платформы, морозильные камеры и т.д.). Что же касается понятия «проникновение», мы не будем подробно рассматривать его, учитывая, что оно исследовано в уголовно-правовой литературе достаточно подробно, и соответствующие выводы вполне применимы к объектам железнодорожного транспорта.

В литературе многие авторы придерживаются мнения, что для квалификации хищения как совершенного с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище необходимо, чтобы проникновение было незаконным, причем уже в момент проникновения должен быть в наличии умысел, направленный на хищение.

Как же тогда быть с таким признаком хищения, как проникновение в жилище? Здесь важными являются понятия жилища. Еще в 1986 г. Пленум Верховного суда СССР разъяснил, что жилище — это помещение, предназначенное для постоянного или временного проживания людей (индивидуальный дом, квартира, комната в гостинице, дача, садовый домик и т.п.), а также те его составные части, которые используются для отдыха, хранения имущества либо удовлетворения иных потребностей человека (балконы, застекленные веранды, кладовые и т.п.). Нельзя признавать жилищем помещение, не предназначенные и не приспособленные для постоянного или временного проживания (обособленные от жилых построек погреба, амбары, гаражи и другие хозяйственные помещения) [8]. В 2001 г. законодатель ввел примечание к ст. 139 УК РФ, согласно которому под жилищем в уголовном законе понимаются индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания. Следует заметить, что дефиниция «жилище», введенная законодателем, отразила предшествующую судебную практику.

Очевидно, что предназначенность для проживания — это формальный критерий отнесения помещения к жилищу, а пригодности — содержательный показатель. Согласно закону, помещение можно признать жилищем в том случае, если оно не предназначено для постоянного проживания, но пригодно для временного проживания [9, с. 17]. В судебной практике отмечается, что не могут признаваться жилищем помещения, не

предназначенные и не приспособленные для постоянного или временного проживания (например, обособленные от жилых построек погреба, амбары, гаражи и другие хозяйственные помещения [10, с. 194]), то есть основание отделения жилища от других видов помещений является его предназначение, которым является постоянное или временное проживание.

Например, Верховный Суд РСФСР, не признал жилищем купе поезда дальнего следования, аргументируя свою позицию тем, что «поезд служит транспортным средством и для проживания в нем людей не предназначен» [11, с. 14]. Такой подход находит определенную поддержку [12, с. 92]. Однако с этим трудно согласиться.

Дело в том, что пассажирский поезд предназначен для перевозки конкретных лиц, поименно указанных в железнодорожных билетах (в отличие от электричек). По сути дела, это передвижная гостиница с теми же мерами идентификации проживающих там людей. Каждый вагон имеет замкнутое пространство для нахождения в нем конкретных лиц. Поэтому нам представляется, что при входах в вагон следует делать надписи о том, что вход в вагон не пассажирам данного вагона разрешен только с согласия проводника (соответственно необходимо внести коррективы в функциональные обязанности проводника). Это целесообразно разместить и на объявлениях на вокзалах. И тогда проникновение посторонних лиц в поезд будет считаться незаконным с соответствующим применением квалифицирующего признака.

Источники и литература

[1] Бакрадзе А.А. Квалифицированный и особо квалифицированный состав присвоения и растраты // Российский следователь. 2007. No 13.

[2] Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зюбровского Валерия Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 15, частью второй статьи 158 и частью третьей статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 23 января 2001 г. N 22-О // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». 2022. Март.

[3] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010.

[4] Елисеев С.А. Кража чужого и личного имущества граждан, соединенная с проникновением в помещение, хранилище, жилище // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. Томск, 1984.

[5] Бюллетень Верховного Суда СССР. 1984. No 3.

[6] Архив УТ МВД России по ЮФО. Уголовное дело No 4381 / 2019 г.

[7] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации «Не всякая охраняемая территория может быть признана «иным хранилищем» от 16 апреля 1998 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. No 15.

[8] Обзор судебной практики «Некоторые вопросы практики применения судами законодательства по делам об ответственности за кражи личного имущества граждан» // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1986. No 2.

[9] Малахова В.Ю. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности жилища в Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

[10] Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении Указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1982 г. «О дальнейшем совершенствовании уголовного и исправительно-трудового законодательства» от 26 апреля 1984 г. // Сборник постановлений пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1999.

[11] Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1986. No 2.

[12] Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: теоретикоприкладное исследование. М., 2005.

[13] Фомин В.В. Предупреждение хищений чужого имущества, совершаемых на железнодорожном транспорте. Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2008.

Уголовно-правовое направление

Взаимная вина в уголовном праве РФ

Унгунова Ольга Очировна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: olyaungunova@mail.ru

В настоящее время понятие взаимной вины не используется в россиискоm уголовном праве. Однако это представляется не совсем верным, так как существенно сужает возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, хоть и считающихся потерпевшими, но в деиствиях которых содержатся признаки состава преступления. В данной работе раскрывается понятие взаимной вины, а также обосновывается необходимость введения данного понятия в УК РФ для более точной квалификации преступлений и назначения наказаний. Актуальность даннои темы обусловлена тем, что вопрос о привлечении к уголовнои ответственности потерпевших, которые своим противоправным поведением спровоцировали совершение преступления, практически никогда не поднимается ни в судебных разбирательствах, ни отражается в законодательстве.

Впервые в россиискоm уголовном праве термин «взаимная вина» был использован Канашинои О.А., доцентом кафедры уголовного права и криминологии Самарского государственного университета. В монографии «Взаимная вина в уголовном праве: монография» Канашина О.А. дает определение взаимнои вины, выявляет ее основные признаки, а также объясняет релевантность использования именно термина «взаимная вина», а не «вина потерпевшего» или «смешанная вина», что ранее было использовано некоторыми авторами [1, с. 5].

Н.Ф. Кузнецова называет такое понятие «смешаннои винои» и в его определении указывает на «грубую вину» потерпевшего, но не поясняет таковую [3, с. 17]. Ни в теории уголовного права, ни в законодательстве «грубая вина» не разрабатывалась, что ставит определение автора под сомнение. Кроме того, само слово «смешанныи» является не очень подходящим, поскольку наталкивает на мысль о смешении чего-либо. Это неуместно в контексте взаимнои вины, где наоборот важно разграничить вину в деиствиях преступника и потерпевшего(одного причинителя вреда и другого).

Несмотря на большой вклад Канашиной О.А. в развитие института взаимной вины, нельзя согласиться со всеми ее тезисами. Вследствие неразработанности данного понятия в уголовно-правовой науке в первую очередь встает вопрос о терминологии. Если преступление совершается двумя и более лицами в отношении друг друга, то фактически они являются одновременно и преступниками, и потерпевшими. Поэтому встает вопрос о том, как обозначать субъектов при взаимнои вине. В определении взаимнои вины, которое дает Канашина О.А., они(субъекты) названы «участниками преступного деяния» [2, с. 67], что не совсем релевантно. Слово «участники» этимологически схоже с термином «соучастники», а, как правильно отмечено автором, одним из признаков взаимной вины является отсутствие соучастия между субъектами преступления.

Также Канашина О.А. выделяет такой признак взаимной вины, как совершение преступления субъектами в отношении друг друга или в отношении третьего лица [2, с. 67]. Последнее ставится под сомнение, поскольку преступление, совершенное несколькими лицами без признаков соучастия в отношении третьего лица, уже не подходит под термин «взаимная вина»; преступление совершается не друг против друга, «невзаимно». Указанный случай больше попадает под определение неосторожного сопричинения [4, с. 65].

Что касается основных признаков взаимной вины, следует выделить: 1) субъектами преступления являются два и более лица; 2) субъектами совершаются разные преступные деяния в отношении друг друга. Признаки составов данных преступлений отличны друг от друга, а именно имеют место разные субъекты преступления, объекты, субъективная сторона. Объективная сторона также различается, но в некоторых случаях может частично совпадать по месту, времени, обстановке совершения преступления. Важно отметить, что причинно-следственная связь должна прослеживаться между деяниями субъектов. 3) Между субъектами преступления должны отсутствовать признаки соучастия. 4) Причинение вреда субъектами преступления может осуществляться в различных формах вины: преступное деяния одного лица (1) может охватываться умыслом, и другого (2) — также умыслом; умыслом (1) и неосторожностью (2); неосторожностью (1) и умыслом (2); со стороны обоих субъектов — только неосторожностью. Более того, в каждом отдельном случае могут иметь место разные виды и умысла(прямои и косвенныи), и неосторожности(легкомыслие и небрежность). 5) Поведение двух и более субъектов преступления должно быть общественно опасным и противоправным, содержать все признаки состава преступления, согласно ст. 8 УК РФ. Преступление, совершенное в отношении того лица, поведение которого было аморальным, но не противоправным, не может расцениваться как преступление со взаимнои винои.

С учетом вышеназванных признаков можно сформулировать определение взаимной вины — это психическое отношение двух и более лиц при отсутствии между ними соучастия к совершенным ими общественно опасным преступным деяниям, осуществленным в отношении друг друга, и наступившим общественно опасным последствиям.

Взаимная вина может возникать в преступлениях, совершенных в состоянии аффекта (ст. 107, 113 УК РФ) и в преступлениях, совершенных при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108, 114 УК РФ). Данные виды преступлений содержат привилегированные составы преступлений, то есть они имеют такие признаки деяния, которые признаются смягчающими обстоятельствами, и благодаря этому назначается меньшая ответственность и наказание. Однако этого недостаточно, так как если «потерпевший» совершил преступное деяние в отношении преступника, то он также должен привлекаться к уголовной ответственности. Но на практике это практически никогда не происходит, в первую очередь из-за нехватки соответствующеи норме о взаимнои вине.

В таком случае можно говорить о пробеле в уголовном законе, что в том числе нарушает некоторые принципы уголовного права. В частности, это принципы равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), вины (ст. 5), справедливости (ст. 6), а также те принципы, которые хоть и не поименованы в уголовном законодательстве, но также являющиеся основополагающими началами уголовного права — личнои(индивидуальнои) ответственности и высокого качества уголовного закона. Нарушение данных принципов исходит из непривлечения виновного лица к уголовнои ответственности, только вследствие того что оно стало жертвои преступления.

Таким образом, введение понятия взаимной вины в Общую часть УК РФ способствует, с одной стороны, привлечению к уголовной ответственности обеих виновных сторон преступлений, а с другой, — смягчению уголовного наказания для субъектов преступлений. Привлечение к уголовнои ответственности и назначение наказания для лиц, совершивших преступление со взаимнои винои, должны основываться на тои форме вины, которая присутствовала в преступных деяниях каждого субъекта преступления(или была ли вина в деиствиях одного из них вообще).

Взаимная вина выделяется именно как единая вина, а не вина одного субъекта преступления и другого, так как совершение преступления при взаимной вине тесно связано с противоправным поведением потерпевшего, который спровоцировал против себя совершение преступления. Ввиду того что происходит постоянное развитие общественных отношении, увеличение количества социальных конфликтов, то характер совершения преступлении также усложняется. Взаимная вина позволяет наиболее полно и точно квалифицировать преступные деяния. Она может быть признана в качестве смягчающего обстоятельства, если лица совершают преступления в отношении друг друга. Однако взаимную вину нельзя признать обстоятельством, исключающим уголовную ответственность, так как в деяниях двух и более лиц наличествуют признаки состава преступления, их поведение противоправно и общественно опасно.

Источники и литература

[1] Канашина О.А. Взаимная вина в уголовном праве : монография // Самара : Самарская гуманитарная акад., 2008. 241 с.
[2] Канашина О.А. Взаимная вина в уголовном праве: необходимость установления : монография / О.А. Канашина. — Москва : Юрлитинформ, 2012. 276 с.
[3] Кузнецова Н.Ф. Уголовное значение вины потерпевшего / Советская юстиция. 1967. № 17.
[4] Рарог А.И. Ответственность за неосторожное сопричинение // Уголовное право в XXI веке : материалы Международной научной конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая — 1 июня 2001 г. М., 2002.

Уголовно-правовое направление

Социальное неблагополучие и насилие в семье и их влияние на поеступность (криминологическое исследование)

Шамсудинова Патимат Магомедовна

Абитуриент

Российская правовая академия МЮ РФ, Северо-Кавказский филиал, Юридический факультет, Кафедра гуманитарных и социально — экономических дисциплин, Махачкала, Россия

E-mail: shamsudinova.pattya@mail.ru

Исследования насильственной преступности имеют высокий уровень актуальности, поскольку этот вид преступности является одним из самых опасных. Насильственные преступления в семейных отношениях представляют одну из самых сложных проблем современного общества. Практически во всех экономически развитых странах Европы и Америки насильственные преступления в семейных отношениях признаны проблемой высокой значимости для общества и государства.

В современной России проблема насильственных преступлений в семейных отношениях также стоит остро, как и в других странах. Общественность и правоохранительные органы оказывают все большее внимание этому явлению, которое имеет распространенность практически во всех регионах нашей страны.

Определяя насильственное преступление, совершаемое в сфере семейных отношений, следует отметить, что в юридической литературе отсутствует единый подход к выделению критериев данной группы правонарушений. При определении данного термина используются разные понятия: «насилие в семье», «домашнее насилие», «семейное насилие», «жестокое поведение».

Термин «домашнее насилие» несколько расплывчат и не указывает участников такого насилия, ограничивая насильственные акты домашней территорией. Понятия «насилие в семье» и «семейное насилие», распространенные в международных правовых актах и принимаемые как синонимы, являются расширенными, включающими все аспекты агрессивного принудительного воздействия, причиняющего различного рода ущерб члену семьи. Однако в отечественных нормативно-правовых актах легального употребления и определения этих понятий нет, более того, в Федеральном законе «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» семейный конфликт обозначается термином «трудная жизненная ситуация», которая определяется, в том числе и как «конфликты и жестокое обращение в семье»

При этом используемые в тексте документа понятия не интерпретируются. Думается, что конфликт — это и есть один из способов разрешения этой ситуации.

Современная семья существенно отличается от семьи прошлых лет коренными изменениями не только многих функций, которые она выполняет в обществе, но и субъектным составом, внутрисемейными взаимоотношениями. Фамилистика уже давно указывает на негативный характер изменений традиционных количественных и качественных характеристик. Так, новые экономические условия перестраивают систему внутрисемейных отношений не по половому, а по экономическому признаку (кто больше зарабатывает, тот глава семьи), изменяются и ролевые взаимоотношения между членами

семьи (женщина больше не хранительница очага, а мужчина не добытчик, что вызывает гендерный конфликт), современный ритм жизни затрудняет полноценное доверительное общение и установление положительных эмоциональных связей (невротизм в виде внешнего стресса переносится на общение с детьми, престарелыми родителями, супругами).

Кризис института семьи и как следствие деформация семейных отношений являются хорошей почвой для семейных конфликтов, разрешаемых преступлением с применением насильственных действий, которые признаны ООН «эпидемией» в большинстве стран мира. При этом, признавая такое насилие в качестве актуальной социальной проблемы для всех членов международного сообщества, выделялось, что его необходимо рассматривать как нарушение прав человека, а не только как межличностный конфликт, являющийся внутренним делом членов семьи.

Насильственная преступность в семейных отношениях обладает высокой степенью общественной опасности. Каждый случай насильственной преступности в семейных отношениях широко обсуждается общественностью. Семья должна предоставлять защиту своим членам, особенно это относится к детям. Семья для детей является значимым институтом, влияние которого очень огромно и определяет их поведение и поступки. Негативный семейный опыт детей в будущем отразится на их собственной семейной жизни и на их здоровье. В условиях насильственных семейных отношений происходит трансляция данного поведения последующим поколениям. Для предотвращения продолжения насильственных семейных отношений в последующих поколениях и снижения уровня насильственной преступности в семье необходимо знать ее причины и условия.

Источники и литература

[1] Ильяшенко А.Н. Основные черты насильственной преступности в семье // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 85–90.

[2] Лихачева О.В. Некоторые аспекты криминологического понятия насильственного преступления, совершаемого в сфере семейных отношений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2008. № 2 (2). С. 35–41.

[3] Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» (в ред. от 1 мая 2019 г.) [Электронный ресурс]. URL: base.garant.ru/70552648/ (дата обращения: 10.09.2021).

[4] Форова В.Н. Причины и условия насильственной преступности в отношении несовершеннолетних в семье // Вестник современных исследований. 2018. № 4.1 (19). С. 389–391.

[5] Штеван А.В., Рапай К.Е. К вопросу о причинах и условиях, способствующих совершению насильственных преступлений в семейной сфере // Государство и право в современном мире. 2019. № 2. С 24–28.

[6] Исмаилов С.С., Раджабов Ш.Р. Процессуальный статус свидетеля в современном российском судопроизводстве // Colloquium-journal. 2020. № 27 (79). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnyy-status-svidetelya-v-sovremennom-rossiyskom-sudoproizvodstve (дата обращения: 06.11.2021).

Научное издание

Материалы международной научно-практической конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВА – 2023

Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
6–7 октября 2023 г.,

Сборник тезисов

Подготовка оригинал-макета:
Издательство «МАКС Пресс»
Главный редактор: *Е.М. Бугачева*
Компьютерная верстка *К.Е. Панкратов*
Обложка *А.В. Кононова*

Подписано в печать 14.03.2025 г.
Формат 60x90 1/8. Усл.печ.л. 44.
Тираж 4 экз. Заказ № 035.

Издательство ООО “МАКС Пресс”
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, 2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н